Московский педагогический
государственный университет

ДРЕВНИЙ МИР: ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Сборник научных статей

ANCIENT WORLD: HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Collection of scientific articles

Москва
2025

МПГУ
Москва • 2025

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

ДРЕВНИЙ МИР:
история и археология

Сборник научных статей

МПГУ
Москва • 2025

Ministry of Education of the Russian Federation
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Moscow Pedagogical State University"

ANCIENT WORLD:
History and Archaeology

Collection of scientific articles

MPGU
Moscow • 2025

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3я43
Д73

DOI: 10.31862/9785426315419

Рецензенты:

Н. И. Винокуров, *профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семенова Института истории и политики МПГУ*

А. А. Орлов, *доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики МПГУ*

О. Л. Габелко, *доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира Института восточных культур и античности РГГУ*

Ответственный редактор

Ю. В. Куликова, *доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семенова Института истории и политики МПГУ*

Д73 **Древний мир: История и археология = Ancient World: Historia and Archaeology** : сборник научных статей = Collection of scientific articles / отв. ред. Ю. В. Куликова. – Москва : МПГУ, 2025. – 352 с. : ил.

ISBN 978-5-4263-1541-9

Сборник научных статей, подготовленный на кафедре истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семенова Института истории и политики МПГУ, представляет избранные научные статьи, подготовленные по итогам Всероссийской научной конференции «Дьяковские чтения 2024». Сборник предназначен для историков, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3я43

ISBN 978-5-4263-1541-9
DOI: 10.31862/9785426315419

© МПГУ, 2025
© Коллектив авторов, 2025

Содержание

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Кислый А.Е., Чикин Р.А. Опыт изучения социологии орнамента первобытных культур 9

Орехов Р.А. Об одной загадке времени III династии в свете данных Диодора Сицилийского 28

Карлова К.Ф. Древнеегипетские представления об устройстве неба по «Текстам пирамид» 44

Суровень Д.А. Политика режима Ямато в области Хитати в конце 20-х – 30-е годы IV века 62

Николаева Н.А. Нартский эпос и индоевропейская проблема 86

Левтеева Л.Г. Терракотовые статуэтки периода античности и раннего средневековья в собрании Государственного музея истории Узбекистана 101

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

Суриков И.Е. Процесс афинских стратегов 406 г. до н.э.: некоторые аспекты 123

Жестоканов С.М. Ранние этапы становления Коринфского полиса 137

Коровчинский И.Н. К вопросу о значении слова φόρος в договоре Кратева и Аристомена из Гамбрейона (Syll.³ 302) 145

Клейменов А.А. Командиры-выдвиженцы в армии Александра Македонского 151

Анисимов К.А. Проблемы политической истории трибаллов в V–IV вв. до н.э. 166

Лысенкова А.А. Проблема взаимоотношений богов и людей на примере мифов о Дионисе 178

Гвоздева Т.Б., Гвоздева И.А. Греческая атлетика в «Соннике» Артемидора 184

ДРЕВНИЙ РИМ

Михайловский Ф.А. Государственно-правовое положение Октавиана в 32 г. до н.э.: несколько точек зрения 199

Никишин В.О. Династические браки в контексте политики Августа на Боспоре 212

Гвоздева И.А. Функция римских агрименсоров по Corpus Agrimensorum Romanorum 224

Левин Н.И. Правовое регулирование общественной земли римской колонии по данным Lex Ursonensis 233

Князький И.О. Пертинакс. Несостоявшийся «хороший император»? 240

Солопов Н.В. Роль Сената в нарративе о царском времени в «Римской истории» Диона Кассия 253

Куликова Ю.В. Дискуссионные аспекты политики первого галльского императора Постума 260

Малышев А.А., Клемешов А.С. Полуостров Абрау в античное время и в XIX в.: исторические параллели 275

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Болгов Н.Н., Болгова А.М. Города ранневизантийского Крита 287

Лихошерстов В.А. Миссия патриарха Кира в Египте и её влияние на религиозную политику императора Ираклия 301

Каталкин И.И. Списки группы К Салического закона: системное и особенное сквозь призму количественных методов анализа 308

Зотов Д.В. Итальянские республики и работорговля в Северном Причерноморье в XIII–XV вв. 325

Абдулманова И.В., Таранова П.С. К вопросу об основателях Эдесско-Нисибийской академии 332

Фроловский Д.А. Теория мифологической школы в условиях пропаганды воинствующего атеизма 338

Информация об авторах 345

Information about the authors 349

Contents

THE HISTORY OF EAST

Kisly A., Chikin R. Experience of Studying the Sociology of Ornamentation in Primitive Cultures 9

Orekhov R.A. On a riddle of the time of the Third Dynasty in light of the data of Diodorus Siculus 28

Karlova K.F. Ancient Egyptian ideas about the structure of the sky according to the Pyramid Texts 44

Surowen D. A. The policy of Yamato regime in Hitachi region in the late 20s – 30s of the IV century 62

Nikolaeva N.A. The Nart epic and the Indo-European problem 86

Levteeva L.G. Terracotta figurines from the period of antiquity and the early Middle Ages in the collection The State Museum of the History of Uzbekistan 101

ANCIENT GREECE

Surikov I.E. The trial of the Athenian generals in 406 B.C.: some aspects 123

Zhestokanov. S.M. Early stages of the formation of the Corinthian polis 137

Korovchinskiy I.N. On the Meaning of the Word φόρος in the Grant of Land by Krateuas (Syll.³ 302) 145

Kleymeonov A.A. Advanced officers in the army of Alexander the Great 151

Anisimov K.A. Problems of the political history of the triballi in the 5th - 4th centuries BC. 166

Lysenkova A.A. The problem of relationships between gods and people using the example of myths about Dionysos 178

Gvozdeva T.B.,Gvozdeva I.A. Greek Athletics in Artemidorus' Oneirokritikon 184

ANCIENT ROME

Mikhailovsky F.A. The state and legal status of Octavian in 32 BC: several points of view 200

Nikishin V.O. Dynastic marriages in the context of Augustus' policy on the Bosporus 212

Gvozdeva I.A. The function of Roman Agrimensors by Corpus Agrimensorum Romanorum 224

Levin N.I. Legal regulation of the public land of the Roman colony according to Lex Ursonensis 233

Knyazkiy I.O. Pertinax. The failed "good emperor"? 240

Solopov N.V. The role of the Senate in the regal period narrative in Cassius Dio's Roman History 253

Kulikova Yu.V. Controversial aspects of the policy of the first Gallic Emperor Postumus 260

Malyshev A.A., Klemeshov A. S. Abrau Peninsula in Antiquity and in the 19th century: historical parallels 276

MIDDLE AGES

Bolgov N.N., Bolgova A. M. Cities of early Byzantine Crete 287

Likhosherstov V.A. The mission of Patriarch Cyrus in Egypt and its influence on the religious policy of Emperor Heraclius 301

Katalkin I. Salic Law group K lists: systemic and particular through the prism of quantitative methods of analysis 308

Zotov D.V. Italian Republics and the Slave Trade in the Northern Black Sea Coast in XIII–XV Centuries 325

Abdulmanova I.V., Taranova P.S. On the question of the founders of the Edessa-Nisibia Academy 332

Frolovskiy D.A.The theory of the Mythological School in the context of the propaganda of militant atheism 338

Information about the authors *349*

Кислый А.Е., Чикин Р.А.

Институт археологии Крыма
Российской академии наук

Опыт изучения социологии орнамента первобытных культур

Аннотация. Многие авторы, работающие в сфере орнаментологии первобытных культур, так или иначе подчеркивают сложность проблематики. В последнее время во главу угла ставится проблема «гадательности» расшифровок и невозможность видеть в орнаментальных композициях определенный смысл. Поэтому авторы настоящей статьи ставят перед собой задачу понимания орнамента как исторического источника (на уровне первичной научной модели) и попытку изучения орнамента как социально значимого явления.

Ключевые слова: первобытные культуры, орнамент в доисторическом времени, системология орнамента.

Kisly A., Chikin R.

Institute of Archeology of Crimea,
Russian Academy of Sciences

Experience of Studying the Sociology of Ornamentation in Primitive Cultures

Abstract. Many authors working in the field of ornamentology of primitive cultures emphasize, in one way or another, the complexity of the subject matter. Recently, the focus has shifted to the issue of the “speculativeness” of interpretations and the inability to discern a definitive meaning in ornamental compositions. Therefore, the author of this article aim to understand ornamentation

as a historical source (at the level of a preliminary scientific model) and to explore ornamentation as a socially significant phenomenon.

Keywords: primitive cultures, ornamentation in prehistoric times, ornament systemology.

Орнамент – одно из сложнейших явлений человеческой культуры. С такой его особенностью исследователи сталкиваются сразу же при изучении в любых направлениях познания: противоречивость сущности и возникновения, появление ярких образцов еще на ранних этапах человеческой истории, декоративность или рациональное значение, «изобретение» человека или данность какой-то особой духовности, особых сил творения, можно ли явление соотнести с экономикой бытия или с чистым эстетизмом, значение орнамента в развитии абстрактного мышления человека, в появлении письменности, трансформаций культуры вплоть до нашего времени. Наконец, назовем прикладную, в целом, проблематику интерпретаций и прочтений орнаментальных композиций, а также общую для материализма философскую проблему сущности отражения или же анализ явления орнаментализма через гегелевское понятие рефлексии.

Объективные сложности исследовательского процесса приводят к закономерным, подчеркнем, методам и способам в изучении данного явления, таким как упрощение, познание частностей отдельных композиций, а затем восхождение к обширному обобщению. Все больше прослеживается тенденция отхода от определения сущности орнаментализма на разных этапах истории в пользу поиска частных подходов. Независимо от научного направления/дисциплины, исследователи обращаются к специализированному определению орнамента, принятого в данном случае в искусствоведении, где «во главу угла» ставится эстетизм и декоративность. Отсюда суженная трактовка в археологии: «Орнамент – результат полного овладевания человека линией и формой. Орнаментальная структура не читается, а созерцается. Она создает красоту и дает эстетическое наслаждение» [7, с. 37]. Даже в самых лучших, конкретных работах археологов прослеживается желание подчеркнуть отсутствие прямой связи орнамента с потребностями жизнедеятельности. Например, И. В. Палагута и Е. Г. Старкова, в этой связи пишут: «…выход на тот уровень исследования, где вместо “анекдотического” объяснения орнаментальных форм по принципу свободной ассоциации, основной целью является выявление тех принципов, на которых строится композиция, именно эти принципы ложатся в основу художественного стиля орнамента» [23, с. 95]. То есть, отрицая

вольность трактовок, авторы сужают анализ до выявления принципов, на которых строится композиция, потому что эти принципы ложатся в основу художественного стиля орнамента. Однако исследование орнамента лишь как образцов искусства декорации, выявления «художественного стиля орнамента», утверждение исключительно «эстетического» назначения, конечно же недостаточно для познания значения орнамента в древних культурах. Если сегодня мы не знаем смысла орнамента, то это не значит, что такого не было в древности. Мы этот смысл можем никогда не понять, но было бы неверным отрицать особенности мировоззрения людей минувших эпох. Однако границы познания, обозначенные, например, И.В. Палагутой и Е. Г. Старковой понятны и для нас приемлемы.

Вместе с тем в работах по теории искусства выделяются уровни: заимствование форм природы; появление изображений; далее – абстрагирование изобразительных форм; выделяют связь описываемого явления с мифологизмом, древнейшим миропониманием, фольклором и проч. [8; 24]. Изучая явление орнаментализма в неолите – эпоху бронзы А. А. Формозов также склоняется к идее нарастающего абстрагирования: «Изменение облика искусства в неолите принято связывать с развитием мышления наших предков, сумевших перейти от конкретно-образного восприятия жизни к сложным абстракциям» [30, с. 80].

В названной выше работе, И.В. Палагута и Е.Г. Старкова отмечают: «…увидеть в орнаменте некий “изобразительный текст” не представляется возможным: как знак необходимо рассматривать, скорее, орнамент в целом, а не отдельные его составляющие» [23, с. 94]. Здесь вернее заострить внимание на слове «скорее», чем на «не представляется возможным». Ибо, далее авторы рассматривают орнаменты далеко не «в целом», а по частям. Да к тому же есть весомые данные (пусть не в локальном в мире явлении – Триполье, с его цикличностью орнаментальным композиций), когда орнамент, вероятнее всего, представляет собой – орнограмму[1], своеобразный «текст» [14, с. 267–270]. И в этом нет ничего удивительного. В конце концов назовем те же календарные композиции на сосудах срубной или черняховской культур, в которых сочетаются и орнаменты, и повествование – «текст» о временах года [3, с. 70; 22, с. 72–74].

Поэтому, понимая всю иллюзорность «анекдотического» подхода, хотим обратить внимание на то, что орнамент имеет смысл, связан с жизнедеятельностью социумов, которые его породили, более того, имеет не только декоративное или «симметрическое значение», а несет информацию

[1] Определение некоторых терминов см. в конце статьи.

о своей эпохе, исторических трансформациях в целом. При этом мы также не будем «произвольно гадать», но озвучим главный наш методологический «посыл»: орнамент для нас, прежде всего, исторический источник. Далее, отказываясь от гадания в области сюжетов, принимаем гипотезу определенной (вероятностной) исторической системности орнамента. О необходимости системного исследования в области орнаментологии пишут разные исследователи, когда принимают на себя задачу не только частных объяснений определённых композиций [6, с. 9].

Здесь важно подчеркнуть очевидное. Кроме археологов нет специалистов, имеющих профессиональные возможности дать объективную и предметную оценку явлению орнаментализма в человеческой культуре. Исследования первобытного искусства какими бы глубокими они не были, всегда будут зависеть от труда археолога, специфических методов исследования науки археологии. В понимании значения археологии надо согласиться с С.А. Васильевым, что нет иных специалистов кроме археологов, кто может заниматься социологией археологии. В рецензии на книгу Л. С. Клейна он замечает: «…если исходить из реалий, а не отвлеченных философствований, то стоит признать, что весь цикл исследований от добычи материала в поле до реконструкции экономики, социального строя и идеологических представлений обществ прошлого проводится археологами и никем иным» [4, с. 696]. Дискуссии о роли науки археологии и археолога в историческом познании не случайны. Одно нынче очевидно: маргинализация археологии приводит к маргинализации современной социологии. Социология не может не быть «не исторической», ибо познание лишь современного общества (чаще всего фрагментарное), а не закономерностей исторических трансформаций культуры, приводит к превращению социологии в прикладную науку.

Таким образом, изучение орнаментализма связано с трудностями его общекультурного, и экономического (sic!), этнического определения, датировок, пониманием смысла или определением отсутствия смысла на каких-то этапах трансформаций или при отсутствии надлежащих данных. В попытках проследить исторические изменения (трансформации) орнамента сталкиваемся с трудностями выборки орнаментов в одной культурно-исторической парадигме на протяжении какого-то времени, с трудностями выборки в одной природной зоне. Произвольно сравнивая орнаменты, скажем, Севера России и Пиренеев эпохи верхнего палеолита, неолитических-энеолитических орнаментов расписной керамики Украины и Китая, сталкиваемся с противоречивым познанием возможно внешне схожих, но разных явлений, в разных культурах с разной потребностью и

задачами жизнедеятельности. Делать выводы о типологических особенностях орнамента, о датировках в целом по ойкумене без понимания системологии орнаментализма было бы методологически неправильно. Соответственно, в дальнейших наших поисках будем делать определённые оговорки и попытаемся ограничивать поиск, не «растекшись мыслями». Заметим, что в рамках любой из возможных отдельных социо-природных (географических) зон, избранных для анализа, артефактов будет мало. Поэтому приводятся аналогии в рамках выбранной модели познания.

Безусловно, в основе особого (абстрактного и не только) осознанного отражения мира лежит первичное отражение в неживой природе. Этот постулат материализма в нашем случае имеет фундаментальное значение, ибо человек не мог не видеть, не слышать, то есть, не воспринимать ритмичность и повторяемость природных форм и явлений и не мог их не соотносить с ритмичностью собственной жизнедеятельности. Поэтому орнамент как явление культуры возникает там и тогда, где мы можем говорить о четком определенном уровне социального развития. И в этом очевидном для нас факте покоится начало понимания социологии орнамента и потребности его научного социологического изучения. Далее, соблюдая выше оговоренные рамки анализа, попытаемся обнаружить смысл орнаментализма как явления.

О потребности отражения – множественности через ритмичность и повторяемость. Итак, предпримем попытку продемонстрировать изменение орнамента в связи с демоэкономическими изменениями в древних сообществах, акцентируя внимание на времени появления самых простейших образцов орнаментализма, а также на переходе к воспроизводящему хозяйству. Орнамент может оказаться не определяющим, но все же одним из маркеров глобальных изменений.

Известное на сегодняшний день палеолитическое искусство несомненно насыщено удивительно реалистичными для современного человека изображениями (отражением) окружающей действительности. Парадокс реалистичности раннего искусства отмечен многими исследователями [18; 22; 29; 30 и др.]. Палеолитические «творцы» уделяли пристальное внимание деталям: в антропоморфных изображениях, четко и бесспорно считываются людские черты, в изображениях животных без труда идентифицируем конкретные виды, «считываем» половую принадлежность. Представляется, что разгадка первобытного реализма именно в потребности точности/узнаваемости отражения для жизнедеятельности определенного социума. Здесь не будет особых возражений, кроме как со стороны адептов

старой или новой богословской парадигмы, когда очевидный «непримитивизм» понимается как дар свыше [21, с. 242].

Но имеет ли явление реалистичности отношение к возникающему еще в палеолите явлению орнаментализма, как они связаны? Даже в наиболее ярких образцах реалистических изображений можно выделить несколько интересных и важных тенденций в случае поиска системности явления. Во-первых – множественность. Для первобытного человека жизненно важен был акцент на множественности (обильности) добычи, улова, собственного потомства. Очевидно, требуемую множественность логичнее и проще можно было передать через парциальность изображения – часть вместо целого. Можно предположить, что некоторые специфические изображения (так называемых «макарон», ряда голов или рогов животных, волос, шерсти и т. п.) положили начало абстрактному пониманию смысла множественности, созданному, подчеркнем, в силу первобытного его демоэкономического значения (рис. 1, I).

Постепенно парциальность становится все более востребованной. Таким образом, практическая потребность абстрагирования реалистических форм приводит к некоему подобию орнаментальности. Новые образы находят очевидное подкрепление в природных формах. Возникает особый, вовсе не имитативный, не просто подражательный уровень (подчеркнем узость имитативной теории происхождения искусства) удовлетворения от подобия природе. Первобытный художник для себя, а затем и для зрителей творит зачатки эстетизма повторяемости, множественности (рис. 1, II). Происходит важная трансформация: абстрагирование от вторичных изобразительных мотивов, парциальность в отражении бытия. Когда такая потребность появляется как необходимость/особенность данного уровня развития и способа жизнедеятельности, то в результате получаем зачатки орнамента, природа при этом играет лишь роль камертона эстетизма (рис. 1, III). То есть, говоря о подобии природе, мы не адаптируем имитативную теорию происхождения искусства. Марксистская теория отражения в её обращении к природе нами принимается лишь как схема.

Но для того, чтобы часть явления, выражающая его какую-то сущность, полноценно играла свою социально значимую роль множественности, она должна приобрести свойство ритмичности в повторяемости. Ритмичность, далее выполняя свою роль, должна подчиняться определённой последовательности, частоте (или особой, иногда сразу не понятной исследователю системности) в пространстве (1, IV), и, возможно, во времени (музыкальный ритм, календарные знаки).

Вероятно, будет правильным привести возможно неожиданный аналог связи ритмичности с экономикой охотничьего хозяйства, опираясь на этнографические материалы. В нашем случае они достаточно ёмкие. У абхазов «вечером на месте ночлега, в балагане (в пещере, гроте), охотники обращались к богу охоты с песней, содержащей мольбу и заклинания сделать предстоящую охоту удачной», множественной. Удивительно, как в обрядовой песне охотников проявилась и ритмичность, и просьба множественности через парциальность образов желаемого:

Если кабана – то шерсть щетиной.

Если косулю – то резвую (прыткую),

Если серну – то пятнистую,

Если тура – то необыкновенного,

Если оленя – то с ветвистыми рогами (букв. с пятнадцатью, шестнадцатью ветвями, и т. д.) [26, с. 21].

Это же – щетина отдельными линиями, пятнистость, множественность рогов вместо целого, изображал, а возможно и воспевал ритмически («то… то») древний человек перед охотой.

Более четкие примеры культа множественности, а также формальной ритуал-ритмичности, находим у кетов с их «спецификой хозяйственно-экономических условий жизни… охотников и рыболовов таежной зоны» и «расселением небольшими семейно-родовыми группами». На каждом охотничьем медвежьем празднике наблюдается цикл «повторяющихся однотипных умилостивительных обращений» с целью обеспечить множественность добычи, ритмичность возрождения уже убитых животных (лосей и проч.) [1, с. 28]. Обеспечение цикличности – «одно из главных» событий в представлениях о мироздании кетов, которое приходится обеспечивать ритуалами [1, с. 31]. В случае удачной охоты, когда утрачивается слишком много (не менее 20) животных, ритмичность жизни («возрождение добытых животных») обеспечивается абсолютно абстрактными действиями – качаниями на качелях, как кульминационном действии обрядов [1, с. 32].

Из этих важных для нас наблюдений этнографов мы сразу же, чтобы далее не повторяться, можем вынести одно важное, более общее заключение относительно ритмичности жизни. В принципе, сохранение привычной жизнедеятельности, сохранение жизни племени (а это было под час важнее, чем сохранение жизни индивида) обеспечивалось повторяемостью, ритмичностью жизни или точнее элементов жизнедеятельности. Если абстрагирование изображений (реальных процессов) на стадии производящего хозяйства обеспечивалось множественной парциальностью,

то при переходе к воспроизводящему хозяйству у земледельцев, а отчасти и у скотоводов, весь календарный цикл становился такой повторяемостью. То есть, отдельные знаки календаря могли не играть такой значительной роли, как весь календарь, повествующий в качестве орнограммы о повторяемости (сохранении) жизни. Сложно представить, что древний земледелец для определения времени сева или сбора урожая обращался к календарю на сосуде. Вернее всего, такие сосуды могли употребляться в обрядах с элементами симпатической магии – каждый элемент напоминал лишь отдаленно общепринятый на простых сосудах настоящий орнамент (к примеру, сосуд срубной культуры из Владимировки близ Острогожска, но сосуд можно было вращать (аналог «качать»), обеспечивая повторение жизни [16, с. 88, рис. 17, 2–3].

Также достаточно информативно и доказательно для нас исследование Б.А. Фролова «Числа в графике Палеолита». Он обратил внимание на вполне унитарное происхождение подобных орнаментов на изделиях, выполненных из костей, происходящих из сибирских и северных памятников: стоянки Мальта, Буреть, Авдеево и др., стремясь подчеркнуть практическую составляющую насечек, образующий не только ритм, но и счет. Таким образом, в основе появления прото-орнаментализма лежат потребности жизнедеятельности древнего человека [31].

Кризис присваивающего хозяйства: начало и последствия. В кратком научном эссе на тему орнаментарлизма эпоху мезолита трудно предметно представить потому, что кризис присваивающего хозяйствования наступает и проходит очень неравномерно по всей ойкумене. Там, где сообщества в большей мере по-прежнему неотделимы от природных ресурсов, в коллективах охотников, рыболовов остаются востребованными реалистические изображения (многочисленные петроглифы), однако они оказываются все более насыщенными однотипными фигурами-пиктограммами. Часто в таких пиктограммах находим и множественность, и ритм (рис. 1, V). В целом, изображения упрощаются, но развивается сюжетность (охота, танец).

Глобальные перемены в способе ведения хозяйства приходятся на период неолита-бронзы. И в этот же период можем наблюдать растущую потребность орнаментировать, т. е. «украшать орнаментом» не только появившуюся керамическую посуду, но видим ораментализм как явление, порожденное новым экономическим и социальным укладом.

Переход к производящему хозяйству был ответом на возникший кризис (условно «мезолитический»), возникает целый ряд деструкций в демоэкономике социумов. Подчеркнем для верного понимания дальнейшего

нашего изложения: научная, в целом необходимая для определенного уровня познания модель «открытий» и «достижений производящий экономики» все же лишь модель, и она односторонняя. Представление о том, что с прогрессивными достижениями неолитической экономики человечество получило возможность увеличить свою численность, что именно таким и был механизм начала роста численности населения, это очень упрощенная схема.

Первобытные коллективы не только не желали перехода к новой экономике [10, с. 224–235; 27], большинство приемов земледелия или скотоводства человеку современного вида в течение тысячелетий наблюдения за природой были известны и доступны, но в них не было рациональной необходимости. Вероятнее всего, деструкции прослеживались по всей ойкумене, не минуя самые передовые области перехода, но особенно были яркими в областях экстенсивного хозяйствования (горные, северные, степные, аридные зоны). Среди этих системных деструкций назовем: ненужность женской части населения в количестве «природно» пропорциональной количеству мужчин; впервые в истории обостряется отрицание жизни как таковой; неприродное увеличение потребности в мужском труде [9, с. 122–128]; демоэкономически, социально рациональная (но все же объективно не природная) эксплуатация мужчин; появление половозрастных классов и исторически системной половозрастной эксплуатации, во многом аналогичной классовой.

Пол и возраст становятся условием расслоения не только в пределах отдельных коллективов, но и одним из условий появления территориальных различий, а также условием появления социальных половозрастных классов. Ибо у половозрастных классов также есть постоянное место в исторически обусловленной системе общественного производства, разное отношение к средствам производства, разная роль в общественной организации труда и разное владение общественным богатством [19, с. 15]. Если даже всё это и не передавалось изначально по наследству, то вовсе не означает, что тысячелетиями не существовала системность половозрастных классов и не было жёсткой половозрастной эксплуатации. Деструкции приводят к падению продолжительности жизни населения. На всех территориях, где нынче есть возможность изучить демографические процессы того времени, такой парадокс наблюдаем [10, с. 116–123]. Важно отметить, что этому факту существует, помимо демоэкономического, и чисто статистическое объяснение, рассмотренное комплексно в других работах [12, с. 144–146].

Самое значимое, диалектическое по своей сути историческое противоречие «социум-природа» обостряется и получает выход в создании

новых исторических институций, которые далее будут развиваться (трансформироваться) до настоящего времени, в том числе и в области религии, идеологии, проч.

Как столь знаковые трансформации отражаются в искусстве в целом и в орнаментализме в частности? Здесь необходимо обращение к теории отражения. При социальном сужении той жизни, что обусловлена природой, отрицании природного хода вещей, появляется системно выражаемая потребность сужения познания и парциального (частичного) отражения действительности. Появляется не племенная или родовая, а общесоциальная (естественно, разнообразная в частных проявлениях) необходимость контролировать познание и сознание, как форму отражения. Человечество вырабатывает особую систему отношений, а также «противоприродную» идеологию или, скажем, протоидеологию. Она, очевидно, имеет для изучения множество источников в рамках определённой научной модели.

Реализация новой, востребованной системы отношений порождает патриархат. Но не как власть мужчины или патриарха (что и есть также некоторым упрощением), а как необходимость социальной эксплуатации и такого разделения труда, когда часть населения сепарируется, становится социально не нужной. Искривление естественного соотношения главных демоэкономических, составляющих в воспроизведении жизни, приводит к созданию особых «оправдательных» мифов. Боги или патриархи теперь «отвечают» за воображаемое мироздание, они владельцы имущества, стад, женщин и детей, они могут все, к примеру, родить мир, однако де-факто не могут лишь одно – родить себе подобных. Материалистическая теория познания и отражения объясняет смысл необходимого идеологического абстрагирования в сознании от природного состояния вещей. Происходит сужение отражения и сужение познания. В коллективах, испытывающих определенные трудности в переходе к воспроизводящему хозяйству, а возможно в начале и в коллективах более успешных (развитые центры перехода к цивилизации), появляется потребность сужения познания и неполноценного его отражения в изображениях, стимулируется переход к абстрактной символике, развивающейся далее в орнамент. Орнаментальные символы, первоначально, по сути, несут в себе сужение познания. В принципе, такое сужение познания-отражения, но на ином уровне, мы наблюдаем и в палеолите-мезолите. Но там, оно не имело столь глобального характера. Отметим, что в социумах с менее экстенсивным, комплексным земледельческим хозяйствованием потребность запрета познания была меньшей, и реализм искусства был выше. Поэтому находим столь яркие образцы типологической близости росписи на керамике неолита-энеолита

абсолютно разных зон, скажем от Триполья до культур Китая, на что обратил внимание как на системность (однако в ином ракурсе, в смысле миграционизма) еще Ю. Г. Андерсон [32, p. 66–67]. А. Мень уместно замечает: «Крестьянин…, как правило, по своей натуре язычник. Он гораздо больше, чем кочевник, связан с природными циклами, он восприимчив ко всем проявлениям стихийной жизни, он сливается с ее ритмами, любит ее, благоговеет перед ней, он не может обойтись без магии и волшебства. Ибо они важное средство в его хозяйстве» [20, с. 251]. Естественно, культуры экстенсивного хозяйствования также будут казаться очень схожими благодаря востребованному орнаментализму [10, с. 96–106].

При этом в литературе уже отмечено, что один и тот же этнос в разных условиях (горы – скотоводческое хозяйство и долины – земледелие) имеет разные орнаментальные системы. Важно замечание А. Меня, что у израильтян, когда они на долгий период оседали на землю, возникало иное мировосприятие и потребность в изображениях [20, с. 251]. Таких наблюдений достаточно много. Этнографические параллели (дагестанцы, грузины, азербайджанцы) свидетельствуют [5, с. 241], что в рамках одного этноса могут существовать чисто геометрические орнаменты (горные районы) или преимущественно растительно-животные (равнина).

Но наиболее четко сужение и искривление познания находим в формулах: Авраам родил, Зевс родил и т.п. Наконец, формула запрета познания наиболее явственно отражена в Библии («не изображай»), передающая условия жизни скотоводов ибрим в сложных условиях аридных зон с их стремлениями осесть на землю. При этом в Библии предаётся также сложная картина запрета на познание, имеющиеся у земледельцев, на общение с ними, перенимание их веры, а также картина появления изображений у ибрим при оседании на землю.

Безусловно, на библейские сказания накладывались различные традиции. Особенно это заметно при сравнении различных мест Ветхого Завета. Но многочисленные запреты на изображения в Ветхом Завете (более 7 раз в разных вариациях, иногда впереди всех других заповедей) сводятся к одному первоначальному: нельзя изображать не только чужих богов (или их символы), нельзя изображать все, что приводит к познанию сущности вещей. Не «сотвори кумира» – более поздняя трактовка [11, с. 239–241]. Познание является одним из видов отображения. Реальное отображение рано или поздно приводило к принципиальной возможности реального познания. Следовательно, нельзя изображать что угодно, существующее во всех сферах: «Не делай себе резьбы и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле, и что в воде под землей» (Второзак., 5: 8). Реальные

вещи заменялись мифом, сложной, но все же еще первобытной протоидеологией.

Итак, во многих зонах ойкумены, но наиболее явственно в зонах усложненного экстенсивного перехода к производящему хозяйству абстрагирование от изображений, системология орнаментализма оказывается особо востребованной. Подчеркнем, развитие же абстрактного мышления – лишь результат социоэкономической потребности в новой идеологии.

Следующий важный момент – половой символизм культуры и его отражение в орнаментальных системах. Переход к воспроизводящему хозяйству, как кочевого, так и земледельческого типов, сопровождался новыми демоэкономическими потребностями, изменением исторического качества населения (при падении его продолжительности жизни), соответственно, усложнением социальной структуры, появлением эксплуатируемых половозрастных классов [10, с. 116–124, 217, 238–248].

В первобытном искусстве половой символизм, иерархизация полов наблюдается еще с верхнего палеолита и находит отражение в знаках женских и мужских [15, с. 182–183]. Анализ верхнепалеолитического искусства показывает (А. Леруа-Гуран, А. Ламинг-Эмперер, Б.А. Фролов и др.), что женские изображения или символы встречаются чаще мужских, левое – чаще правого, а чужое, враждебное чаще, чем свое. Однако, для нашей темы наиболее четкая символика и ее трансформации прослеживаются на этапе развитых и поздних первобытных патриархальных отношений. Развитие глубокой мировоззренческой идеи знака, отражающего первично половую принадлежность, мы видим в некоторых орнаментах. Существуют определенные представления о древней символике знаков. Известно, что треугольник символизирует в разных мифологических системах плодоносную силу земли, рождение, воду, землю, поле. Знак связан с земледельческим культом. Треугольник вершиной книзу – «женский принцип, вода, силы подземного царства», что в изобразительной передаче может иметь вид зигзага, змеи [2, с. 14; 28, с. 272]. Все это мир феминнных культур. Крест (прямой или косой, свастика), круг – солярные, небесные символы. Крест – знак, который соотносится с плодородием, фаллосом, «активным мужским началом» [28, с. 12–13]. В индоиранской культурно-исторической традиции с солнцем отождествляется конь, что зафиксировано в письменных источниках [17, с. 87–88]. Солярный знак мог ассоциироваться с конем, колесницей, колесом, с миром маскулинным.

Лепная, орнаментированная посуда эпохи неолита в зоне, скажем, Северопричерноморской степи, или лесостепной, лесной зоны, – совершенно

различных, географически, культурно сообществ, обильно включает подобные знаки. От простейших орнаментов, подчеркивающих форму и наиболее «прямые» или «сплошные» системы знаков, выполненные самыми разными способами – прочерчивания, пальцевые давления, оттиски – все же происходит переход к более сложным фигурам и образам. В качестве примеров могут выступать сосуды: днепро-донецкой культуры, линейно-ленточной керамики, сурско-днепровской культуры и других.

Но наиболее, на наш взгляд, смысловое прочтение орнамента оформляется в период энеолита-эпохи бронзы. Проиллюстрировать его можно примерами актуальными для демоэкономической системы рассматриваемых первобытных сообществ, признаками гендерного противостояния. В орнаментах посуды ямной культуры одной из наиболее характерных фигур выступает треугольник вершиной книзу или зигзаг под венцом. Солярные символы очень нечасты. Они более распространены на следующем этапе – на керамике катакомбной культуры (круг, концентрический круг, изредка крестовидные знаки). Эти символы относительно широко присутствуют в композициях с треугольниками, сдвоенными треугольниками (ромбами), отсутствующими на предыдущем этапе. Далее, керамика срубной культуры дает последующие примеры развитию солярной символики – разновидности прямого и косого креста, крест в кругу, крючковидный и Т-видный на концах крест. Большинство солярных символов появляются в эпоху бронзы в такой передаче, в которой они потом в период раннего железного века, украсят сбрую киммерийских коней.

Особый для нас интерес представляет соединение древним художником на лепных сосудах разной по значению символики. Так на горшках срубной культуры композиционное расположение зигзагов (змеи, вода – femeninum) и коней (masculinum) перекликается с изображением зигзагов-треугольников (femeninum) и солярных знаков (masculinum). Композиции четко разделяются на две части: верхняя зона – изображение только змей или треугольников-зигзагов, а ниже – зона противоположной символики – солярной, или же зона борьбы двух сил. Последнее на уникальном сосуде с пиктограммой из Полянок (Поволжье) подчеркивается перевернутыми (поборенными, мертвыми, согласно пиктографической символике) фигурами коней и «разваливающимися» крестами (или в переплетении с зигзагами) на других горшках (рис. 2).

Выделение подобных деталей сюжета на разной посуде срубной культуры свидетельствует о постоянстве сюжета и достаточно сложных представлениях людей того времени, в которых переплетались

космогонические, мифологические, дидактичные идеи. Причем, идеологические представления развивались вслед за изменениями демоэкономического состояния общества. Искусство энеолита-раннего железного века опосредствованно дает возможность обнаружить динамику социальных отношений в сторону последующей их маскулинизации, а также орнаментальные мотивы, помогавшие воспроизведению жизни первобытных сообществ.

Выводы. Еще раз подчеркнем всю сложность интерпретации смыслов отдельных знаков или орнаментальных систем. Поэтому к таким попыткам прибегаем лишь в редких случаях и с оговорками. Однако уже на данном этапе накопления научной информации появляется возможность построения модели взаимосвязей «демоэкономика – воспроизведение жизни – развитие орнамента» в наиболее широком понимании термина «воспроизведение жизни». Орнамент появляется как потребность организации жизнедеятельности и ее отражения через множественную парциальность и ритмичность отражения, а далее – через введение абстрактных символов и орнограмм.

Первое относится к эпохе верхнего палеолита. Тогда же ритмичность при связи с ритмами жизни человека и природы порождает новые смыслы воспроизведения жизни, подражание природе и смыслы эстетизма. Второе относится к сложным явлениям революции производящего хозяйства, не всегда обозначенным знаком «плюс» с точки зрения понимания модели «человек-природа» и современных прогрессистских моделей истории. В это же время с появлением новых функций повозрастных классов детали орнамента орнаментальные композиции начинают дополнительно отражать половой символизм культуры. Орнамент играл всегда и продолжает играть не только декоративную роль, но выступает историческим источником познания социальных – общих, а иногда и частных (как мы выдели на примерах конкретных этносов, находящихся в разных условиях жизнедеятельности), трансформаций. Изображения и орнаменты древних культур были функциональны, это способствует пониманию трансформаций человека, социумов, культуры.

Краткий словарь применяемой терминологии

Орнамент – реалистические или абстрактные знаки (детали) ритмически (или в определённой системе) повторяющиеся; историческое, развивающееся во времени явление, источник познания во многих дисциплинах – исторических, социологи и философии, искусствоведении, психологии, информационно-коммуникационных технологиях, и др.

Орнаментация – процесс выполнения орнамента.

Орнаментализм – историческое явление, в первооснове которого лежат экономические, жизнедеятельностные потребности социумов в продуцировании орнаментов.

Орнаментальность – художественное выражение значимых для данного социума понятий, образов, смыслов, эмоций, эстетических потребностей через орнамент.

Орнограмма (лат. ornamentum, «украшение»; греч. γράμμα, «запись») – запись каких-то понятий, знаний, в целом информации при помощи орнаментальных знаков. Отличается от пиктограммы, где запись осуществляется при помощи знака – более-менее реалистического рисунка, отображающего важнейшие узнаваемые черты объекта, предмета или явления. Пиктограмма – унифицированное реалистическое изображение, орнограмма – расширенный в понимании (вплоть до повествовательности) орнамент. Орнограмма и пиктограмма взаимодополняемы.

Демоэкономические исследования – исследования наиболее общих исторически постоянных взаимосвязей, которые возникают по поводу воспроизведения жизни в наиболее широком понимании последнего термина, включая отношения «общество-природа». Именно отношения «общество-природа», а не частные иные (структурные в философии исторического материализма), порождают основное диалектическое противоречие истории от начала антропогенеза до завершения сапиентогенеза [10, с. 256–279; 12, с. 43 и др.].

Литература

1. *Алексеенко Е.А.* Обряд и фольклор у кетов // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л.: Наука, 1974. С. 27–33.

2. *Амброз А.К.* Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // Советская археология. 1965. № 3. С. 14–28.

3. *Андриенко В.П.* О семантике орнамента сосуда из Владимировки. // Проблемы эпохи бронзы юга восточной Европы: тезисы докладов конференции. Донецк, 1979. С. 70.

4. *Васильев С.А.* Работа археолога: от раскопа до книги (Клейн Л.С. Археологическое исследование: методика кабинетной работы археолога. Кн. 1, 2012. 622 с.; Кн. 2, 2013. 599 с. Донецк: ДНУ) // Российский археологический ежегодник. 2013. № 3. С. 696–702.

5. *Голан Ариэль.* Миф и символ. М., 1993.

6. *Евсюков. В.В.* Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры Яншао // Новосибирск, 1988. 128 с.

7. *Жилина Н.В.* Текст и орнамент: родство и расхождение. От первобытности до средневековья и современного искусства // Мир первобытного человека: современные исследования и проблемы сохранения памятников первобытной эпохи. Всероссийская научная конференция (Севастополь, 23–27 сентября 2024 г.): материалы / под ред. А.В. Зайкова. Севастополь, 2024. С. 33–42.

8. *Каган М.С.* Морфология искусства. Л.: Искусство, 1972. С. 194–233.

9. *Кислый А.Е.* Соотношение численности полов: экономические потребности и традиции // Демографические исследования Института экономики Национальной Академии наук Украины. № 14. Киев: Ин-т экономики АН УССР, 1990. С.119–132.

10. *Кислий Олександр.* Демографічний вимір історії. Київ: Арістей, 2005.

11. *Кислый А.Е.* Типология и хронология антропоморфных стел Северного Причерноморья в контексте экономико-демографических исследований // Древности Боспора. 2009. Вып. 13. С. 232–255.

12. *Кислый А.Е.* Система начал, трансформаций и завершения истории. Аннигиляция человека, истории, культуры. Киев: Скиф, 2013. 372 с.

13. *Кислый А.Е.* Каменская культура Восточного Крыма: древность и современность. Ростов-на-Дону, 2022. 192 с.

14. *Кислый А.Е.* Сосуд с нерегулярным орнаментом из Поволжья – запись начальных представлений протоариев о сущности мира и человека // Stratum plus. 2022. № 2. С. 265–277.

15. *Кон И.С.* Ребенок и общество. М.: Наука, 1988.

16. *Кривцова-Гракова О.А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // Материалы и исследования по археологии. М., 1955. № 46.

17. *Кузьмина Е.Е.* Конь в религии и искусстве скифов и саков // Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977. С. 87–108.

18. *Куценков П.А.* Память и искусство палеолита // Историческая психология и социология истории. 2008. № 1. С. 142–157.

19. *Ленин В.И.* Великий почин // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 39. С. 1–39.

20. *Мень А.* История религии в семи томах. Т.II. Магизм и единобожие. М.: Слово, 1991. 463 с.

21. *Мень А.* Вера и культура // Радостная весть: лекции. М.: ВИТА-ЦЕНТР, 1992. С. 241–248

22. *Мириманов В.Б.* Малая история искусств. Первобытное и традиционное искусство. М.: Искусство, 1973.

23. *Палагута И.В., Старкова Е.Г.* О подходах к исследованию древних орнаментов: организация композиции как показатель культурных изменений // Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийского региона: материалы конф., посв. памяти А.Ю. Скакова. М., 2023. С. 93–100.

24. *Раппопорт С.Х.* Неизобразительные формы в декоративном искусстве. М.: Советский художник, 1968. С. 85–125.

25. *Рыбаков Б.А.* Календарь IV века из земли полян // Советская археология. 1962. № 4. С. 66–89.

26. *Салакая Ш.Х.* Обрядовый фольклор абхазов // Фольклор и этнография обряды и обрядовый фольклор. М.; Л.: Наука, 1974. С. 19–26.

27. *Салинз М.* Экономика каменного века / пер. с англ. О.Ю. Артемовой и др. М.: ОГИ, 1999.

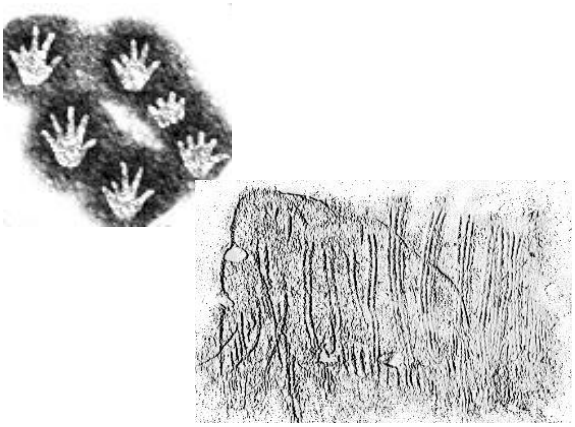
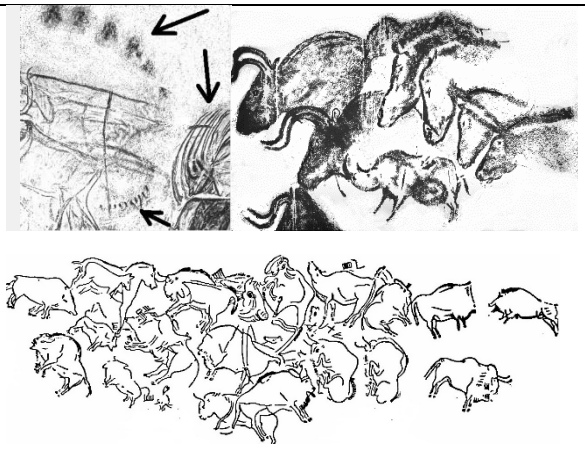
28. *Топоров В.Н.* Крест // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Сов. Энциклопед., 1992. С. 12–14.

29. *Формозов А.А.* Очерки по первобытному искусству. М.: Наука, 1969.

30. *Формозов А.А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.: Наука, 1980. 136

31. *Фролов Б.А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974.

32. *Andersson J.G.* On Symbolism in the prehistoric painted ceramics of China. Bulletin # 1 of the Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm: Museum of Far Eastern Antiquities. 1929. P. 65–69.

I. Востребованная парциальность. Предполагаемые древнейшие рукотворные образы: отпечатки рук и «макароны», выполненные пальцами рук.		1. Гаргас. Франция. Граветтская культура, верхний палеолит. 27 тыс. лет назад. 2. Руффиньяк. Франция. Мадленская культура, 12–9 тыс. до н.э.
II. Множественность и парциальность: изображения и детали изображений.		1–2. Шове. Франция. Ориньякская культура. 35 тыс. лет назад. 3. Альтамира. Испания. Солютрейская культура. 35–13 тыс. лет назад.

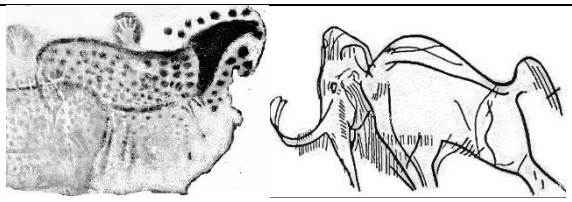
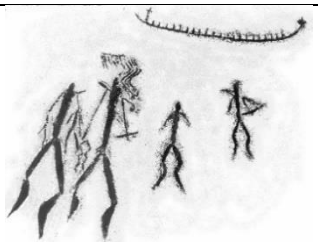
III.Изображения и ритмичность деталей в пространстве.		1.Пеш-Мерль. Франция. Граветтская культура. 25 тыс. лет назад. 2. Ла Мадлен. Франция. Верхний палеолит.
IV. Орнаменты: заполнение мобильного предмета узором с минимальной изобразительностью.		1.Мальта. Россия. Сибирь. Гравировка на бивне. Верхний палеолит. 2.Мезин. Украина. Гравировка на кости. Восточный граветт. 21-17 тыс. лет назад.
V.Пиктограммы, сюжеты: множественность и ритм.		Гобустан. Азербайджан. Гравировка на скалах. Ранний неолит.

Рис. 1. Моделирование и поиск системологии орнаментализма. Культуры каменного века

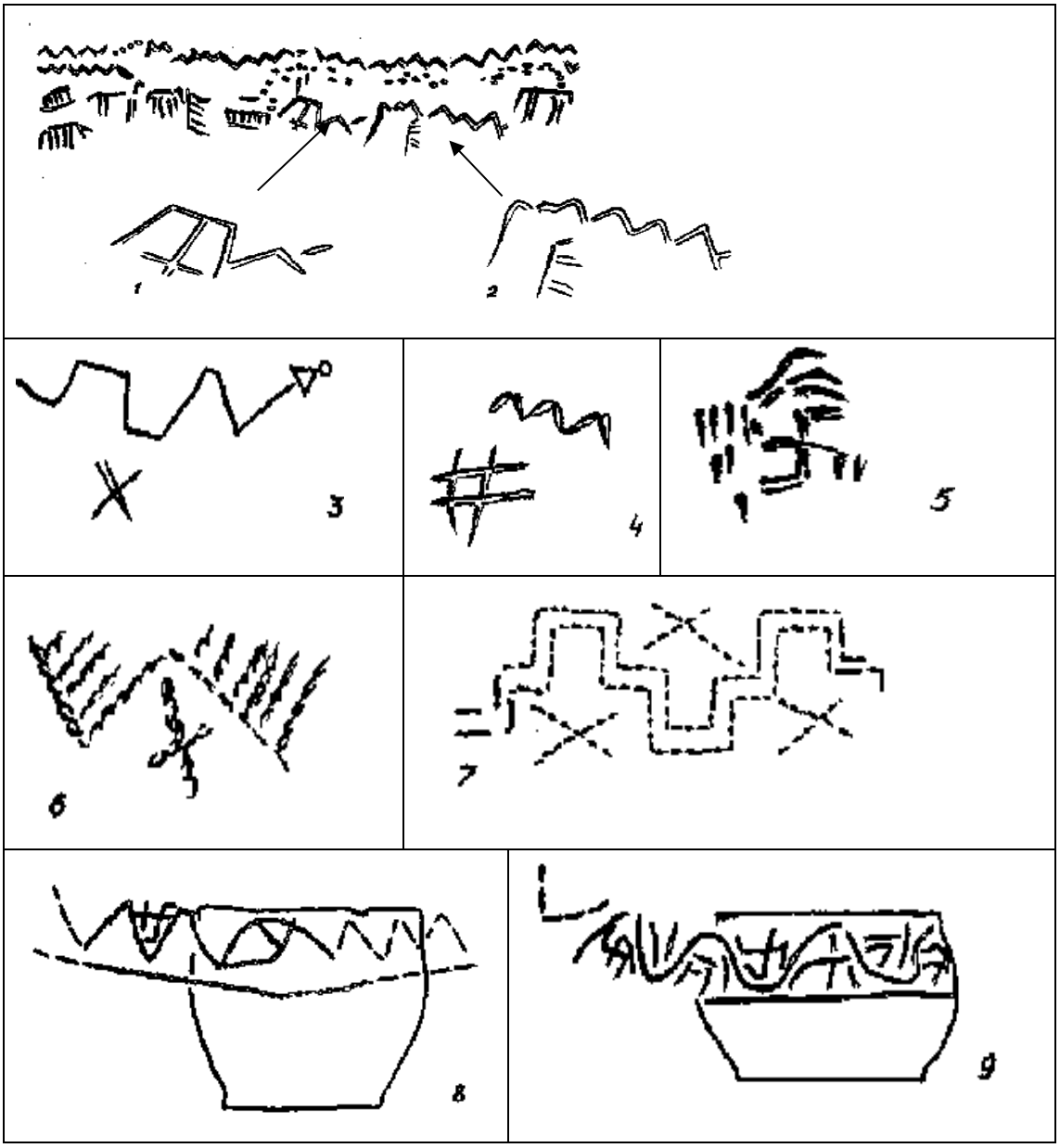


Рис. 2. Одно из направлений системологии орнаментализма в эпоху бронзы: устойчивая символика, отражающая главные бинарные оппозиции в культуре. 1–2 – сюжетное изображение на сосуде из Полянок и отдельные его детали – змей с крестом, змея с конем, 3–9 – замещение реалистичных изображений (коня-змеи) соответствующими орнаментальными символами (зигзаг, треугольники – солярные знаки). Отдельные детали и орнаменты на разных горшках срубной культуры: 3 – Михайловка; 4 – Каменный Враг; 5 – Бондариха; 6 – Красный Кут; 7 –; 8, 9 – Михайловка, Вильнянские курганы. (По: Кислый, 2005, с. 98, рис. II. 4).

Орехов Р.А.

Центр египтологических исследований РАН

Об одной загадке времени III династии в свете данных Диодора Сицилийского

Аннотация. В статье автор пытается понять некоторые обстоятельства, связанные с открытием ступенчатой пирамиды царя III династии Сехемхета. 31 мая 1954 года египетский археолог М.З. Гонейм находит под пирамидой в погребальной камере полностью запечатанный саркофаг. Однако при его вскрытии выясняется, что он был пуст. Это было потрясением как для самого исследователя, так и работавших с ним специалистов. Вариант ограбления памятника исключался сразу. Однако это событие приводит к появлению целой цепочки трагических обстоятельств, приведших в итоге к гибели археолога. Изучив материалы, автор статьи присоединяется к тем ученым, которые полагали, что мумии царя в обнаруженном саркофаге не было изначально. Автор полагает, что это было связано с тем, что Сехемхет не прошел процедуру так называемого народного суда, сведения о котором сообщает Диодор Сицилийский (Diod. Sic. I, 72,). Этот вариант М.З. Гонейм даже не рассматривал, но он мог бы помочь ученому в более трезвой оценке открытого им памятника.

Ключевые слова: пирамида Сехемхета, М.З. Гонейм, Ж.–Фл. Лауэр, третья династия, Диодор Сицилийский.

Orekhov R.A.

CES RAS

On a riddle of the time of the Third Dynasty in light of the data of Diodorus Siculus

Abstract. In the article, the author tries to understand some of the circumstances associated with the discovery of the step pyramid of the king of the 3-rd dynasty Sekhemkhet. On 31 May 1954, Egyptian archaeologist M.Z. Goneim found a completely sealed sarcophagus in the burial chamber under the pyramid.

However, when he opened it, it turned out that it was empty. This was a shock both for the researcher himself and the specialists working with him. The possibility of the monument being robbed was immediately excluded. However, this event leads to the emergence of a whole chain of tragic circumstances that ultimately led to the death of the archaeologist. Having studied the materials, the author of the article joins those scientists who believed that the mummy of the king was not originally in the discovered sarcophagus. The author believes that this was due to the fact that Sekhemkhet did not undergo the procedure of the so-called people's court, information about which is reported by Diodorus Siculus (Diod. Sic. I, 72). This version of M.Z. Goneim did not even consider it, but he could have helped the scientist in a more sober assessment of the monument he had discovered.

Keywords: Pyramid of Sekhemkhet, M.Z. Goneim, J.-Fl. Lauer, Third Dynasty, Diodorus Siculus.

В библиотеке Центра египтологических исследований РАН в Каире есть необычная книга с дарственной надписью известного египетского археолога М.З. Гонейма своему другу Г. Хени (см. рис. 1). Книга посвящена обнаружению ступенчатой пирамиды второго царя III династии Сехемхета (2649–2643 гг. до н.э.). Но это только первая часть. Вторую часть египтолог так и не успел завершить из-за своей трагической гибели. Впоследствии, по завещанию Г. Хени это издание было передано в библиотеку нашего Центра.

Личность М.З. Гонейма (рис. 2) никого не оставляет равнодушным не только из-за интереса к его раскопкам. Многие египтологи стремятся понять ту запутанную цепочку обстоятельств, приведших к его смерти. Как это не покажется странным, но во многом эти причины коренились в его выдающемся открытии. Поэтому целью данной статьи является выяснение одного важного и малопонятного обстоятельства, связанного с этими работами, а именно - исчезновением мумии Сехемхета из полностью запечатанного саркофага, который был обнаружен 31 мая 1954 года. Но прежде, чем я коснусь более подробно этой темы, необходимо коротко остановиться на предыстории проблемы.

Малоизвестная скрытая под песчаной дюной структура, расположенная к юго-западу от пирамиды Джосера долгое время ускользала от внимания исследователей Саккары. Она не была изображена ни на одной из ранних карт знаменитого некрополя, включая «Carte de la Nécropole Memphite» Жака де Моргана (1897 г.). Однако реальность ее существования стала очевидной только после того, когда в 1920–30-е годы военными специалистами были

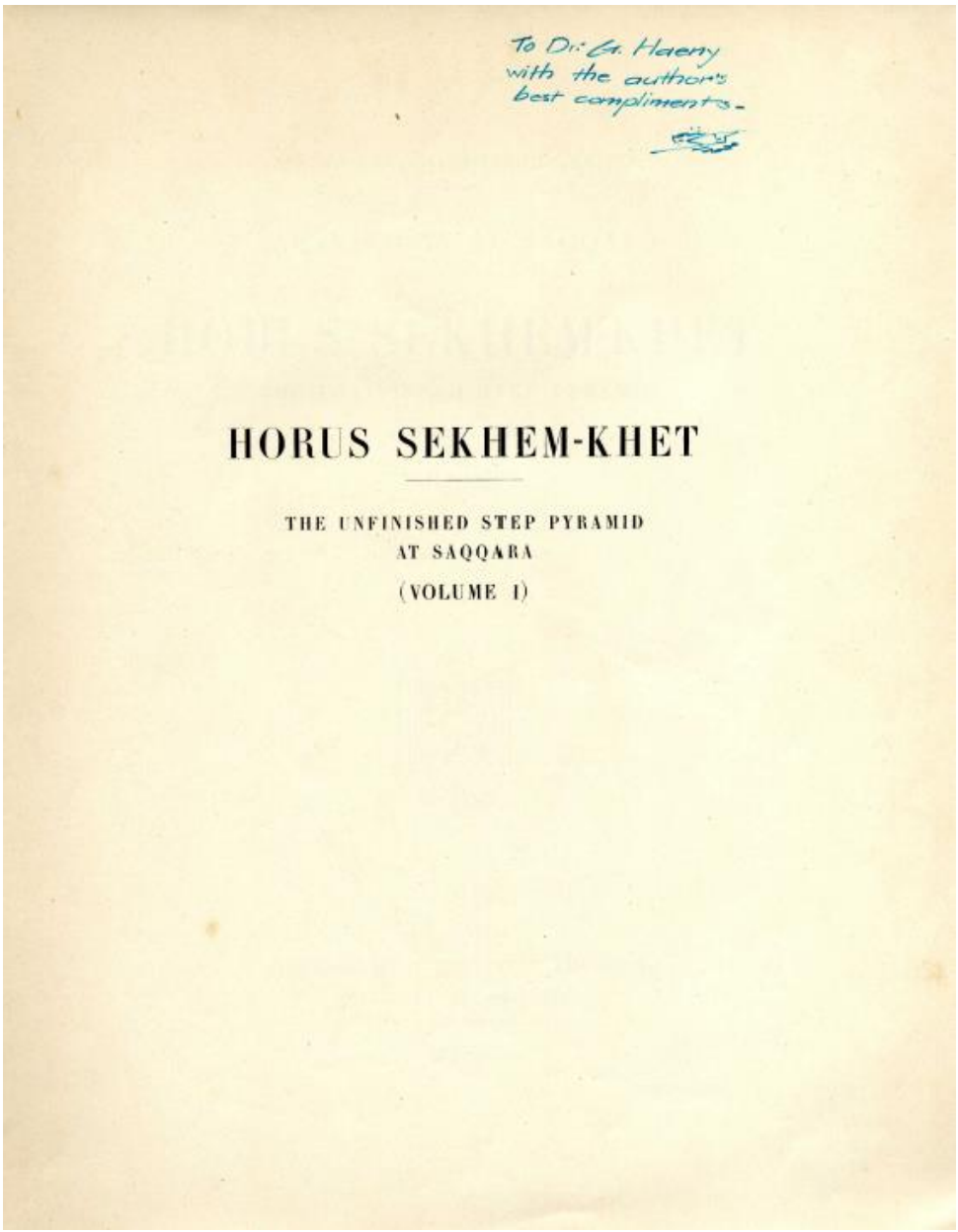
сделаны первые аэрофотоснимки этого места. На фотоснимках стали особо заметны обнажения каменной кладки, что свидетельствовало о наличии погребенного под песком археологического памятника. Именно к такому выводу пришел египетский исследователь Закария Гонейм[1]. Перед Второй мировой войной он уже работал в Саккаре, где он руководил раскопками рядом с припирамидным храмом последнего правителя пятой династии Унаса. Он провел военные годы в Луксоре, а затем в Ассуане. После того, как Гонейм вернулся в Саккару в 1951 году, он был назначен руководителем раскопок обнаруженного и доселе неизвестного памятника.

По совету французского археолога Ж.-Фл. Лауэра, руководившего археологической миссией в заупокойном комплексе Джосера, М.З. Гонейм первоначально сосредоточился на раскопках четырех углов загадочной структуры, чтобы определить площадь ее поверхности. Когда ему это удалось, выяснилось, что углы были частью внешней стены из известняка, которая окружала по периметру неизвестный пирамидный комплекс. Ее фасад, украшенный глубокими нишами, был поразительно похож на фасад ограды комплекса пирамиды Джосера. Стало очевидным, что недавно обнаруженная структура относилась по времени к Третьей династии Древнего царства.

В течение первой половины 1950-х годов М.З. Гонейм активизировал свои раскопки. Им были получены новые археологические данные. Прежде всего выяснилось, что комплекс был построен на неровном участке скалы, что заставило древних инженеров построить большую десятиметровую террасу, чтобы выровнить поверхность основания. Также было установлено, что внешняя граница комплекса расширялась в два этапа, первоначально на юг и далее на север. Как и в комплексе Джосера, кладка внешней стены была выполнена из блестящих белых блоков известняка, добытого в каменоломнях Туры на противоположном берегу Нила. После того, как она

[1] М.З. Гонейм (1905??(11)–1959) принадлежал к первому поколению египетских археологов и ученых, получивших образование в Каирском университете в 1930-х годах XX в. Он изучал археологию и музеологию под руководством П.Е. Ньюберри, Г. Юнкера и В. Викентьева. Последовавшая за этим Вторая мировая война привела к необходимости вывода иностранных миссий из Египта, тем самым предоставив впервые самим египтянам возможность взять на себя значительную часть археологической деятельности в своей стране. Гонейм первоначально работал под руководством профессора С. Хассана на раскопках гробниц к востоку от пирамиды Унаса. Затем получил должность инспектора в Ассуане. Исследователь трагически погиб 12 января 1959 года, покончив с собой из-за ложных обвинений в хищении и контрабанде древностей. Благодаря доказательной базе, собранной Ж.–Фл. Лауэром, эти обвинения были впоследствии сняты. [13, p. 144–146; 5, p. 216–217].

была собрана, стена достигала почти десятиметровой высоты [7, pl. 10B]. Как и в комплексе Джосера, на ее верхней поверхности проходила дорожка, ведущая к сторожевым постам. Столь поразительное сходство между двумя комплексами дополняла и надпись каменщика на внешней стене, которая содержала имя прославленного архитектора Джосера Имхотепа [7, p. 4, pl. XIII]. Из этого логично вытекало, что Имхотеп также являлся строителем обнаруженного комплекса, а его владелец был преемником легендарного Джосера.


To Dr. G. Haeny
with the author's
best compliments.

HORUS SEKHEM-KHET

THE UNFINISHED STEP PYRAMID
AT SAQQARA

(VOLUME I)

Рис. 1. Титульный лист книги М. З. Гонейма (фото автора)

Дальнейшие раскопки М.З. Гонейма показали, что пирамида была построена всего на высоту около двадцати шести футов. Египтологи до сих пор не пришли к единому мнению о том, какое число ступеней было изначально запланировано и было ли это сооружение пирамидой в принципе[1]. Строение имело квадратную планировку со сторонами длиной 230 древнеегипетских локтей (1 локоть = примерно 0,52 метра). Его ядро было возведено с использованием метода наклонной кладки, как и во всех ступенчатых пирамидах. При таких параметрах высота всей постройки (при условии, что это действительно была пирамида) достигла бы высоты около семидесяти метров и, таким образом, была бы выше, чем у Джосера.

Далее, по рекомендации Ж.-Фл. Лауэра М.З. Гонейм начал уделять особое внимание области перед северной стеной постройки. В феврале 1954 года он обнаружил туннель длиной около восьми метров, примерно вдоль оси север-юг, который уходил под пирамиду и в конце заканчивался проемом, тщательно заблокированным каменной кладкой. За этой преградой, без сомнения, начинался спуск в одну или несколько подземных галерей, в том числе и в погребальную камеру. Обратим внимание, что уже этот маленький эпизод свидетельствовал о том, что пирамида не подвергалась разграблению, так как грабители, вне всякого сомнения, не стали бы заново блокировать этот вход. Но далее начинается самое интересное.

Преодолев это препятствие, М.З. Гонейм нашел различные типы археологических артефактов, свидетельствующих о тщательно проведенных погребальных обрядах. Об этом свидетельствовало наличие костей, принесенных в жертву животных – быкам, баранам и газелям. Чуть поодаль археолог обнаружил шестьдесят два папируса эпохи Двадцать шестой династии (правление Яхмоса II). В конце концов он наткнулся на семьсот каменных сосудов и большой клад сокровищ времен Третьей династии [7, pl. XXIX; XXXV]. Так, при расчистке глиняного пола были найдены золотые украшения: браслеты, обручи, жезл и коробочка для притираний из золота в

[1] Видный немецкий археолог Х. Шток, который был директором Немецкого археологического института в Каире, в то время, когда Гонейм проводил свои раскопки в Саккаре, высказал мнение, что комплекс Сехемхета изначально планировался как копия комплекса Джосера. В результате непредвиденных обстоятельств, вместо того чтобы быть завершенным, он был засыпан и превращен в огромную мастабу, внешняя стена которой состояла из оригинальной периметральной стены. Итальянские исследователи В. Мараджолио и С. Ринальди дополнили эту точку зрения, отметив, что Сехемхет, вероятно, изначально намеревался возвести не пирамиду, а большую мастабу, подобную той, которую Лауэр обнаружил под Ступенчатой пирамидой, и которую он считал исходной или начальной фазой строительства гробницы Джосера. [См. более подробно: 11, p. 37–39; 13, p. 147].

виде двустворчатой раковины, косметические пинцеты и большое количество бусин [7, p. 14–16]. Золотые изделия, найденные в галерее, представляют собой уникальные образцы ювелирного искусства времён III династии и одновременно старейшую коллекцию древнеегипетских золотых украшений, когда-либо обнаруженная в Египте. Наконец в коридоре, ведущем в камеру, на глиняных пробках сосудов были найдены оттиски печатей с именем Хора Сехемхета (рис. 3). Таким образом, М.З. Гонейм установил имя настоящего владельца пирамидного комплекса.

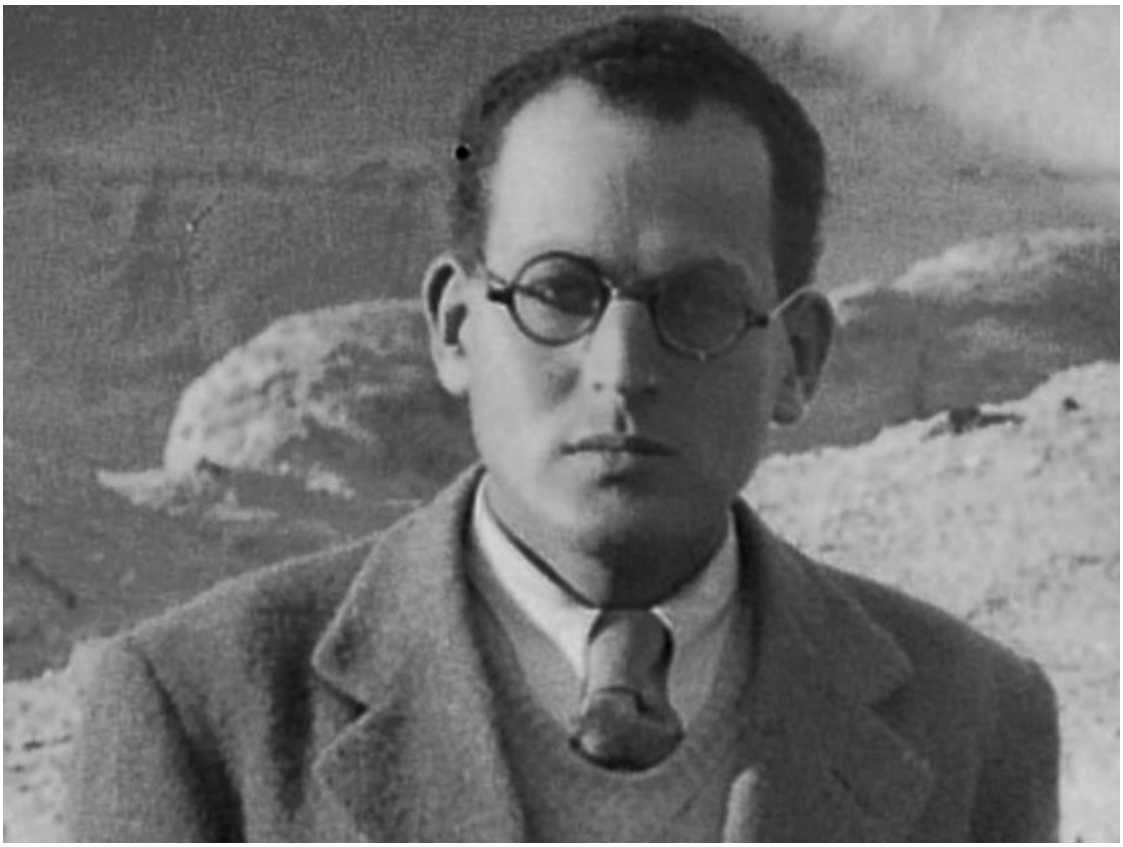


Рис. 2. М.З. Гонейм в молодые годы
(https://egyptophile.blogspot.com/2017/01 / zakaria-ghoneim-le-decouvreur-de-la.html)

Материалы, обнаруженные в коридоре, могли дать надежду на другие замечательные находки в подземных помещениях пирамиды. После преодоления еще одного препятствия в виде уложенных друг на друга блоков, М.З. Гонейм попадает в боковые галереи, которые охватывают

внутреннее пространство пирамиды в виде буквы "U" (возможно, знак Ка)[1]. На расстоянии более 400 м через равные промежутки стены этих галерей содержали обращенные друг к другу ответвления в виде небольших комнат, числом 132 [7, p. 15, pl. III]. Эти комнаты в отличие от главного коридора были пусты. Продвигаясь с величайшим трудом по главному коридору, археолог в итоге приближается к новому завалу, за которым в итоге располагалась недостроенная, грубо высеченная в скале погребальная камера.

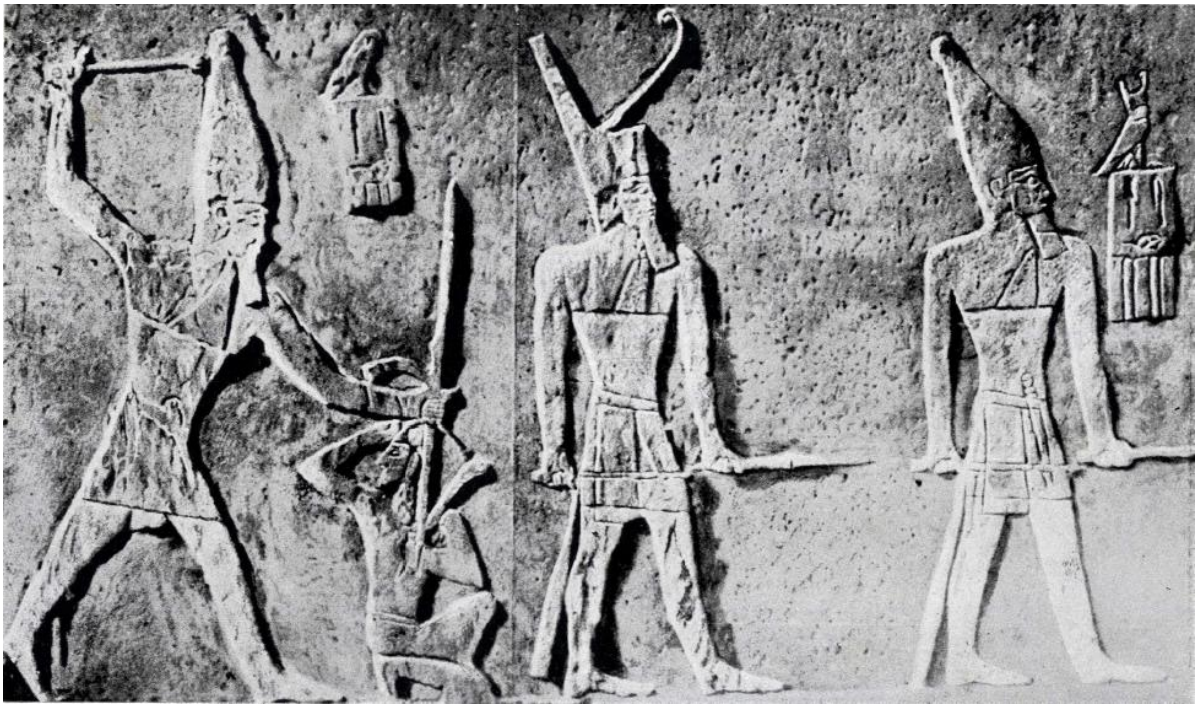


Рис. 3. Единственные изображения Сехемхета из Вади Магара на Синае (Goneim 1957, pl. LXXIII)

В этой зале, ориентированной с севера на юг, стоял алебастровый саркофаг с тщательно отполированной поверхностью (см. рис. 4) [7, p. 18]. Алебастр редко использовался для царского саркофага; ближайшей аналогией является гроб царицы Хетепхерес I (Четвертая династия) [12]. Необычность заключалась также в отсутствии крышки; вместо нее имелась раздвижная перегородка с двумя отверстиями, через которые можно было продеть маневровые тросы. Уже предварительный осмотр саркофага убедил

[1] Иероглифический знак «Ка» может подразумевать в данном случае «пропитание», «жертвенную пищу». Другими словами, данные галереи служили для складирования жертвенного пропитания умершего.

М.З. Гонейма в его не поврежденности (замазка между швами сохраняла целостность, а боковая крышка-перегородка была не повреждена). Другими словами, саркофаг был запечатан!

Это впечатление усиливал и погребальный венок из сухих цветов, который лежал на поверхности саркофага [7, pl. LI–LII, см. также Appendix II]. У археолога сложилось твердое убеждение, что он обнаружил нетронутую царскую гробницу. Он пригласил высокопоставленных государственных чиновников, журналистов, репортеров и съемочные группы присутствовать при открытии саркофага. Однако саркофаг оказался пустым (см. рис. 5).

Для М.З. Гонейма последнее обстоятельство имело трагические последствия. Ведь, по сути, 26 июня 1954 года была запланирована совершенно особая церемония, на которой лично присутствовал первый президент Египта Гамаль Абд Эль-Насер с частью своего правительства и международной прессой[1]. Там также находился директор Службы древностей, которым впервые после долгого руководства французов, стал египтянин! А это были имиджевые потери, так как выходило, что без французов сами египтяне были ни на что не способны. Наконец, как справедливо отмечает М. Бо, офицерская революция во главе которой и стоял Г. Насер, свергнувшая монархию, предполагала новую модель поведения ученого. Социализм обязывал, что каждое открытие должно было быть открытием нового строя (в оригинале «nouveau régime»), национальной общности, а не достижением какого-либо индивидуалиста, движимого личными интересами [4, p. 36]. Получалось, что в какой-то степени М. З. Гонейм противопоставил себя этой общности. Спустя некоторое время, в прессе поднялась волна травли, разочарования и злорадства как в отношении самого М.З. Гонейма, так и некоторых из его коллег. Но одновременно с этим открытие пирамиды доселе неизвестного фараона стало сенсацией, вызвав большой интерес среди профессионалов, особенно за рубежом (например, М.З. Гонейма пригласили читать лекции в Америке!). Однако это обстоятельство еще больше усугубило положение исследователя, т. к. на его родине это вызвало не только недопонимание, но и жгучую зависть. После возвращения из Соединенных Штатов М.З. Гонейм был обвинен в краже и контрабанде древностей, что положило конец его раскопкам в Саккаре, и предопределило трагический финал.

[1] Более подробно [4, с. 35–37].

Рис. 4. Алебастровый саркофаг Сехемхета (Goneim 1957, pl. LIII)

Учитывая эти важные обстоятельства, постараемся все же ответить на вопрос, почему, при видимом соблюдении всех ритуалов в саркофаге отсутствовало тело правителя, который стал для открывателя его гробницы настоящим «проклятием фараона»? Когда М.З. Гонейма пригласили отправиться в лекционный тур в Соединенные Штаты, он написал книгу о своем открытии, «The Buried Pyramid» (1956), которая имела большой успех и была затем переведена на другие языки[1]. Вот, что пишет М.З. Гонейм в своей книге о своем разочаровании: «Саркофаг был пуст… Пораженный, я поднялся на ноги и некоторое время молча смотрел на саркофаг. Мои спутники тоже молчали. Это было выше моего понимания. Что же произошло? Ограбление? Но как воры могли добраться до саркофага, если все три замурованных прохода были целы, а сам алебастровый саркофаг запечатан? Нет, это бессмыслица!» [2, с. 102]. В течение долгих недель эта мысль не дает М.З. Гонейму покоя, и он постоянно к ней возвращается:

[1] Один из вариантов этой книги звучал как «The Lost Pyramid» [6]. Под этим же названием - «Потерянная пирамида» она вышла в СССР [2].

«Мысль об ограблении была, разумеется, абсурдна. Если гробницу ограбили, то неужто воры позаботились о том, чтобы закрыть и снова запечатать саркофаг, а затем заново замуровать три стены? Это было невероятно. Кроме того, ограбленные гробницы являют собой картину полного разгрома: вскрытый саркофаг, разбросанная всюду погребальная утварь и, зачастую, проломы в стене усыпальницы, сквозь которые воры проникали тайком. Нет, этот вариант отпадал» [2, с. 104].

Разумеется, втайне М.З. Гонейм надеялся, что ему повезет точно также, как в свое время повезло Г. Картеру, обнаружившему нетронутою гробницу Тутанхамона. Однако уже Ж.-Фл. Лауэр пытался умерить энтузиазм молодого исследователя, сказав ему не ожидать слишком многого, потому что, когда он осмотрел погребальную камеру, ему показалось, что она уже была разграблена. Позже, когда выяснилось, что никакой мумии в саркофаге нет, М.З. Гонейм отказался от этой теории и предложил следующее объяснение: обнаруженная под пирамидой усыпальница представляла собой символическое погребение (кенотаф), предназначенное не для мумии царя, а для его *ка* [2, с. 108]. Тогда же М.З. Гонейм стал проводить параллели с гробницей матери царя Хуфу Хетепхерес, где был также обнаружен пустой саркофаг [2, с. 109–114; 12].

Ж.-Фл. Лауэр, который являлся вторым после М.З. Гонейма наиболее компетентным экспертом по пирамиде Сехемхета, считал, что мумия царя и погребальный инвентарь были выкрадены во времена Первого переходного периода, когда большое количество пирамид Древнего царства было взломано и разграблено [8, p. 197–200]. Аналогичной точки зрения придерживались и другие исследователи [13, p. 147]. Как полагает исследователь М. Вернер, эту загадку могло бы решить исследование территории перед северной стороной пирамиды, где, по аналогии с комплексом Джосера, могли располагаться остатки заупокойного храма, которые еще не исследованы. Если археологические раскопки покажут, что умершему фараону там поклонялись, то почти наверняка это будет свидетельствовать в пользу того, что Сехемхет был погребен в пространстве пирамиды, а это значит и его мумия была подвергнута осквернению [13, p. 147–148].

В. Мараджолио и С. Ринальди напротив, были убеждены в том, что грабители в более позднее время так и не добрались до погребальной камеры, ограничившись разбором строительного камня [11, p. 35–37]. Уже сам Гонейм, описывая алебастровый саркофаг обратил внимание на один необычный факт: «Его внутренняя часть (саркофага) чиста и безупречна и не

имеет следов какого-либо использования» [7, p. 18, pl. LVI B]. Другими словами, никакого деревянного гроба и мумии там никогда не было! В чем тут дело?

Объяснить данное обстоятельство возможно, если мы обратимся к сведениям Диодора Сицилийского. Прежде чем перейти к его рассказу надо понять одно важное обстоятельство. В эпоху III династии египетское государство еще находилось в стадии становления. Царь того времени – это родовой вождь, воин, жрец, от которого во многом зависела судьба всей коллективной общины. Вождь работал на общину, а община работала на царя-вождя. Вероятно, в этих условиях в архаическом обществе сложился очень интересный обычай, о котором нам и сообщает Диодор Сицилийский. Предоставим ему слово.

«То, что происходит в Египте после смерти царей, в немалой степени является доказательством благорасположения народа к своим правителям, поскольку почести, воздаваемые без возможности получить за это благодарность, представляют собой безукоризненное свидетельство правдивости. Итак, когда какой-нибудь из царей уходит из жизни, все в Египте погружались в общую печаль, разрывали на себе одежды, закрывали святилища, прекращали жертвоприношения и воздерживались от праздников в течение семидесяти двух дней. Вымазав себе головы грязью и обвязавшись ниже груди тонкой пеленой, одинаково и мужчины, и женщины собравшись вместе по двести или триста человек и затянув размеренный плач, сопровождаемый пением два раза в день, они воздавали честь усопшему славословиями, вспоминая о его достоинствах, не прикасаясь ни к животной, ни приготовленной на огне пище, ни к вину, ни к изысканным яствам. Никто даже не думал воспользоваться купелью, притираниями и постелью, никто не дерзал заняться любовными утехами, но все предавались печали, словно после смерти любимого ребенка, и скорбели в течение указанных дней. Приготовившись к пышным похоронам на протяжении всего этого времени и поставив в последний день гроб с телом у входа в гробницу в соответствии с обычаем, усопшему устраивали суд за совершенное в жизни. Предоставив желающему право произнести обвинительную речь, жрецы восхвалили подробно каждый добрый поступок усопшего, а собравшиеся к выносу тела мириады народа слушали и изъявляли одобрение криками, если усопший прожил хорошо, а в противном случае – шумом выражали обратное. При этом многие цари из-за противодействия народа оказались лишены торжественного и полагающегося по обычаю погребения. Поэтому случалось, что наследники

царской власти старались придерживаться справедливости не только по упомянутым выше причинам, но также из страха перед поруганием тела после своей кончины и порицания во веки веков. А для древних царей это было самым важным из всего, что установлено обычаем» (Diod. Sic. I, 72, перевод О. П. Цыбенко).

Таким образом, осквернение тела царя могло произойти не в результате разграбления могилы, а по решению коллективного суда над умершим за его деяния. Другими словами, гроб с телом так и не попал в погребальную камеру. Дело в том, что Сехемхет наследовал царство от Джосера, личности культовой еще при жизни. Деяния этого царя вспоминали его далекие потомки [14, p. 58 et passim; 4]. Когда Сехемхет запланировал свою гробницу в виде аналогичной пирамиды, как у своего предшественника (подчеркнем, что первой египетской пирамидой была именно пирамида Джосера), он тем самым поставил себя на одну доску с легендарным царем. Но это был смелый шаг. Его прижизненных заслуг могло для этого и не хватить. Здесь будет уместно привести цитату из Манефона в версии Евсевия: «Третья династия состояла из восьми царей Мемфиса: 1. Нехерехис, в правление которого ливийцы восстали против Египта, и когда луна росла невообразимо, они в ужасе сдались. 2. Его сменил Сесортос..: в Египте он был назван Асклепием из-за своего врачебного мастерства. Он также был изобретателем искусства строительства из тесаного камня, а также уделял внимание письму. Остальные шесть царей не достигли ничего, достойного упоминания» (Manetho Fr. 12 (1–10)). Последняя фраза летописца – Οἱ δὲ λοιποὶ ἓξ οὐδὲν ἀξιομνημόνευτον ἔπραξαν – наиболее показательна (Manetho Fr. 12 (10)). Причем упоминается она не только в греческой версии Евсевия, но и записанной на латыни (армянской) – Sex reliqui nihil commemorandum gesserunt (Manetho Fr. 12 (10)). Таким образом, даже поздняя традиция не очень высоко оценивала достижения преемников легендарного Джосера (Τόσορθρος[1] или Σέσορθος Манефона). Но есть еще одно обстоятельство.

[1] Джосер (егип. Dsr), буквально «святой». Это имя читается по-русски – Джосер (традиция восходит к Б. А. Тураеву), и, соответственно, пирамидный комплекс в Саккара именуют пирамидой Джосера. Имя пишется как простая нередуплицированная основа качественного прилагательного (субстантивированного), при чтении эта основа удваивается, как это становится видно из Манефона (см. выше): Τόσορθρος (t>th перед r, что является результатом грецизации). Получается, Dsr > Dsr-Drs, по общему правилу чтения архаических царских имен: одиночные слова, если это качественные прилагательные, редуплицируются; если же это относительные прилагательные, то ставятся в двойственном числе [Подробно см.: 1, с. 46, 50].

Как отметил М. Вернер, различные теории о пирамиде Сехемхета уделяют удивительно мало внимания телу двухлетнего ребенка, найденному в подземных галереях комплекса [13, p. 148].

Археологические обстоятельства этого открытия и его возможные исторические последствия в самом деле очень интересны. В 1963 году, через тринадцать лет после первого открытия М. З. Гонейма, работы на комплексе были возобновлены Ж.–Фл. Лауэром [9; 10]. Его мотивировала не только дружба с М.З. Гонеймом, но и страсть к археологическим исследованиям и поиску истины. Лауэр хотел решить ряд вопросов, начиная от того, куда могла подеваться мумия Сехемхета, и заканчивая определенными техническими данными, необходимыми для реконструкции плана комплекса пирамид. По аналогии с комплексом Джосера, его интересовало прежде всего наличие или отсутствие так называемой «южной гробницы»[1].

Для ее нахождения Ж.–Фл. Лауэру потребовалось целых четыре года. Она была обнаружена только в 1967 году. Надземная часть сооружения представляла собой мастабу, выстроенную из известняковых блоков. Вход был расположен с западной стороны, как и в комплексе Джосера. Более длинный коридор, спускающийся на восток и прерываемый вертикальной шахтой, выравнивался в нижнем конце и вел к небольшой погребальной камере. В коридоре, рядом с погребальной камерой, Ж.–Фл. Лауэр нашел фрагменты небольшого деревянного гроба с останками ребенка примерно двух лет, возможно, сына Сехемхета [9, p. 502]. Хотя в погребальной камере имелись явные следы разграбления, он обнаружил фрагменты тонкого золотого листа с узором, имитирующим тростниковую циновку, а также кости животных и каменные сосуды [9, p. 505]. Исходя из этой находки, можно допустить, что мумия царского сына (при условии, что он был сыном Сехемхета) не подверглась экзекуции в отличие от мумии отца. Возможно ли подобное в принципе?

[1] В южной части пирамидного комплекса Джосера, под стеной ограды была обнаружена ещё одна гробница (у египтологов она получила название «южной»). Шахта, вырубленная в скале, вела к подземным помещениям, удивительно напоминающим своей планировкой те, что были скрыты под самой пирамидой. На дне колодца находился саркофаг из розового гранита, декорированный звездами. От того, что находился под пирамидой, его отличали более чем скромные размеры (всего-навсего 1,5 кв. м). Стены коридоров гробницы были также украшены голубовато-зеленым фаянсом, имитирующим тростниковые плетения (так выглядели стены древнейших додинастических святилищ Западной Дельты). Назначение данной гробницы остается предметом многочисленных дискуссий.

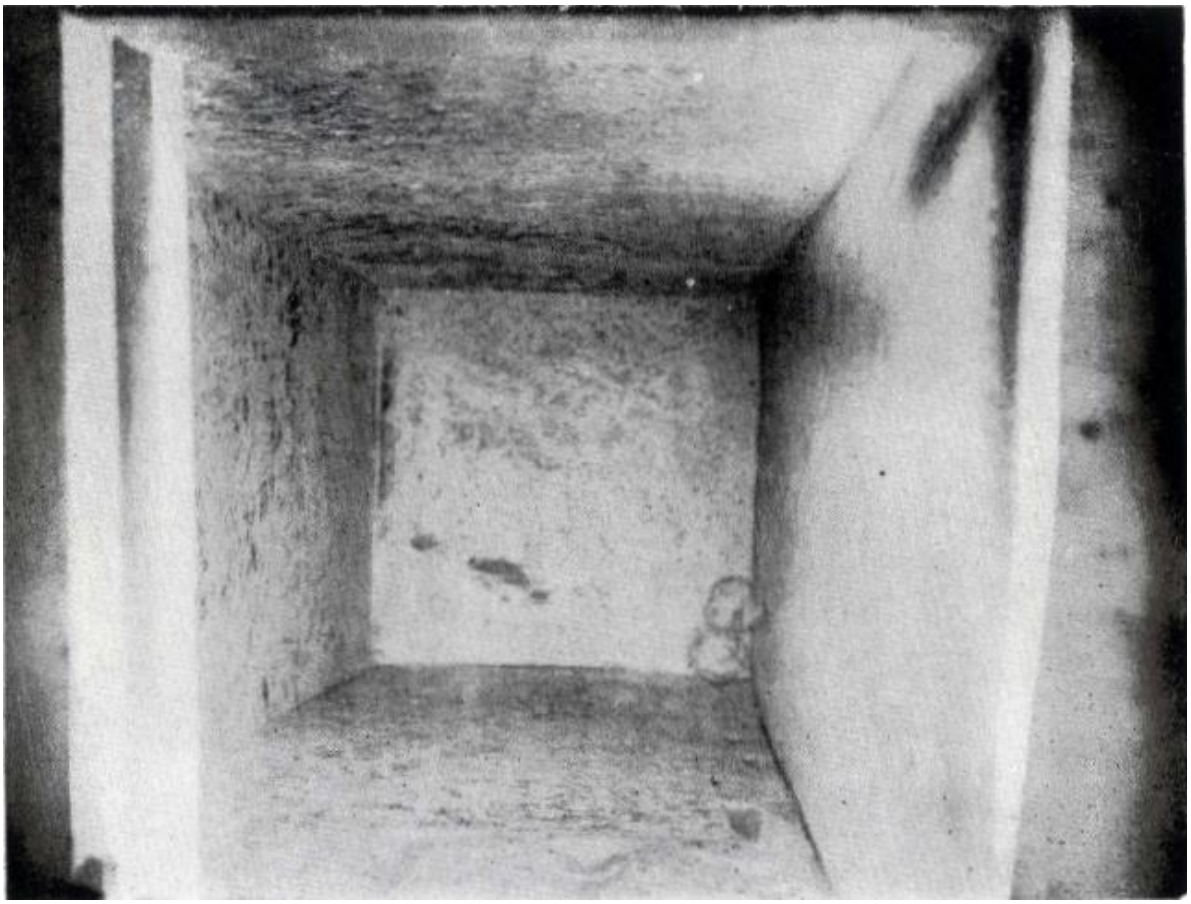


Рис. 5. Внутренняя часть саркофага (Goneim 1957, pl. LVIB)

Но на это Диодор Сицилийский также сообщает интересные сведения, например, когда говорит о наказании смертью беременных женщин. Их «казнь не совершается до тех пор, пока те не родят, так как считается несправедливым, чтобы ни в чем не повинное создание подвергалось такой же каре, что и виновный, и чтобы за преступление одного несли наказание двое, а кроме того, чтобы не обладающее еще разумом создание подвергалось той же каре, что и совершивший преступление» (Diod. Sic. I, 77 (9-10) перевод О.П. Цыбенко). Последнее свидетельство может объяснить факт того, что ребенок царя действительно мог быть погребен по обычаю в отличие от своего отца.

Но крайне любопытно то, что Диодор рассказал в определенном месте о строителях самых больших пирамид – Хуфу и Хафра: «Хотя цари построили пирамиды как свои гробницы, получилось так, что ни один из них не похоронен внутри пирамиды: поскольку работы были изнурительными, а цари эти совершили много жестокостей и насилия, народ считал их виновными и в гневе угрожал разорвать на части их тела и, надругавшись,

выбросить из гробниц» (Diod. Sic. I, 64 (4-5) перевод О.П. Цыбенко). Не является ли в данном случае данное свидетельство реанимацией все того же обычая, в результате которого мог пострадать Сехемхет? Подчеркнем, что именно обычая, а не законов примитивной народной мести, которые легли в основу легенд о жестокости этих царей[1]!

В конце я хочу подчеркнуть, что изложенные факты и интерпретации не могут претендовать на окончательное разрешение проблемы пустующего саркофага. Подобная трактовка стала возможной только потому, что исследователи не могли дать внятного объяснения, почему вполне подготовленное захоронение было лишено главного – царской мумии. После того, как О.Д. Берлев фактически доказал наличие народного суда над умершими, претендующими на статус быть погребенными на статусном некрополе, на материалах автобиографий Древнего царства, наше предположение о том, что подобному суду могли подвергаться и цари, не выглядит столь фантастичным [3, с. 76–80]. Предполагать же, как справедливо полагает М. Вернер, что Сехемхет мог умереть во время экспедиции в отдаленные районы Синая или Нубии или утонул в Ниле, или был насильственно вывезен, было бы чистой спекуляцией без какой-либо основы в египетских источниках [13, p. 148].

Литература

1. *Берлев О.Д.* Два периода Сотиса между годом 18 царя Сену, или Тосортроса, и годом 2 фараона Антонина Пия // Древний Египет: язык, культура, сознание. М.: ИВ РАН, 1999.
2. *Гонейм М.З.* Потерянная пирамида. М.: ГИГЛ, 1959.
3. *Шэхаб Эль-Дин Т.* Автобиография в Древнем Египте в эпоху IV–VIII династий: дис. … канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 1993.
4. *Baud M.* Les grands pharaons: Djéser et la III e dynastie. P.: Pygmalion, 2015.
5. *Birbrier M.L.* Who was Who in Egyptology. London: The Egypt Exploration Society, 2012.
6. *Goneim M.Z.* The Lost Pyramid. N.Y.: Rinehart&Comp. Ltd., 1956.

[1] В этой связи заслуживает внимания отсутствии мумии матери Хеопса в ее предполагаемой гробнице в Гизе. Ненависть к ее мужу могла распространиться и на нее! Хотя Э.Д. Райзнер небезосновательно считал, что первоначально мумия царицы должна была находиться в Дахшуре, т. е. в некрополе ее мужа Снофру. А затем, в результате осквернения ее могилы, ее прибежищем стала Гиза. Но мумия царицы так и не была найдена.

7. *Goneim M.Z.* Horus Sekhem-khet. The Unfinished Step Pyramid at Saqqara. Vol. I. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1957.

8. *Lauer J.-Ph*. Histoire monumentale des pyramides d'Egypte. Tome I: Les pyramides à degrés (IIIe dynastie). Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1962.

9. *Lauer J.-Ph.* Recherches et travaux menés dans la nécropole de Saqqarah au cours de la campagne 1966-1967. Au complexe funéraire de l'Horus Sekhem-khet. Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1967. P. 496-508.

10. *Lauer J.-Ph*. Recherche et de´couverte du tombeau sud de l'Horus Sekhem-khet dans son complexe fune´raire a` Saqqara // Revue d'Egyptologie 1968. Vol. 20. P. 97–107.

11. *Maragioglio V., Rinaldi C.A.* L'architettura delle Piramidi Menfite, vol. 2: La Piramide di Sechemkhet, La Layer Pyramid di Zauiet-el-Aryan e le minori piramidi attribuite alla III dinastia. Turin: Tip. Artale, 1963.

12. *Reisner A.G., Smith W.S.* A History of the Giza Necropolis. Vol. 2. The Tomb of Hetep-Heres the Mother of Cheops: A Study of Egyptian Civilization in the Old Kingdom. Cambridge (Mass): Harvard Univ. Press, 1955.

13. *Verner M.* The Pyramids. The Mystery, Culture, and Science of Egypt's Great Monuments. N. Y.: Grove Press, 2002.

14. *Wildung D.* Die Rolle ägyptischer Könige im Bewusstsein ihrer Nachwelt. Teil I. Posthume Quellen über die Könige der ersten vier Dynastien. Münchner Ägyptologische Studien 17. Berlin: Verlag Bruno Hessling,1969.

Сокращения

Diod. Sic – Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. I. Египет. Издание подготовил О. П. Цыбенко. СПб.: Алетейя, 2017.

Manetho – Waddel W. G. Manetho. The Loeb Classical Library. L.: William Heinemann LTD., 1980.

Карлова К.Ф.

Институт востоковедения РАН

Древнеегипетские представления об устройстве неба по «Текстам пирамид»

Аннотация. В статье автор анализирует некоторые объекты загробного пространства «Текстов пирамид», что позволяет составить представление о «небесной топографии» рассматриваемого источника. Покойный царь пересекал тело богини неба Нут и главный водный путь неба – *ḫ3*-канал, попутно оказываясь в разных местах загробного мира. Актуальность исследования заключается в подходе к изучению топографии «Текстов пирамид» – автором показано, что значительная часть небесных элементов может быть интерпретирована как астрономические объекты. В результате это позволяет говорить об системном опыте астрономических наблюдений у древних египтян в III тыс. до н.э.

Ключевые слова: «Тексты пирамид», *ḫ3*-канал, «нерушимые» звезды, Жертвенные и Тростниковые поля, *d3t,* Орион, Сотис.

Karlova K.F.

Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences

Ancient Egyptian ideas about the structure of the sky according to the Pyramid Texts

Abstract. The main objective of the study is to analyze some objects of the afterlife of the Pyramid Texts that provides an idea of the «celestial topography» of the Pyramid Texts. The late king crossed the body of the sky goddess Nut and the main waterway of the sky - the *ḫ3*-channel, simultaneously ending up in different places in the afterlife. The relevance of the research topic is that most

of the celestial elements of the Pyramid Texts can be identified as astronomical objects. This allows us to talk about systematic experience of astronomical observations among the ancient Egyptians in the 3rd millennium BC.

Keywords: Pyramid Texts, *ḫ3*-channel, «imperishable» stars, the Field of Offerings and the Field of Reeds, *d3t*, Orion, Sothis.

Общие замечания: Основной целью данной статьи является исследование некоторых египетских представлений о небе, отразившихся в «Текстах пирамид» – корпусе древнеегипетских религиозных текстов III тыс. до н.э., высекавшихся в царских пирамидах с конца V по VIII династии в Саккаре. Они являются первым памятником древнеегипетской литературы, отражающим космологические представления египтян. В нем нашли свое выражение взгляды древних египтян на сотворение мира (в его гелиопольской версии), космическое устройство, взаимодействие земного и небесного миров в ритуале, небесную иерархию, в которой ведущую роль играют боги. Основная цель «Текстов пирамид» состоит в том, чтобы обеспечить вознесение умершего царя на небо и помочь ему обрести новую божественную ипостась. Воскрешение покойного царя согласуется с заупокойным ритуалом, а тексты изобилуют богатым мифологическим материалом. В связи с путешествием усопшего по небу вырисовывается определенная его структура – «топография неба»[1]. Во многом эта структура зависит от астрономических наблюдений древних египтян, которые легли в основу представлений о тех или иных объектах загробного мира, описываемого в «Текстах пирамид». Астрономические знания египтян эпохи «Текстов пирамид» заключались во внимательном наблюдении за небесным сводом и выделении отдельных небесных тел и явлений. Тексты содержат описание восходов и заходов определенных звезд, которые интерпретировались как очевидные признаки цикличности космического устройства [26, p. 1]. Но подобные наблюдения в «Текстах пирамид» часто фиксировались без определенного астрономического контекста, что обуславливается религиозной спецификой источника. Тексты, которые можно назвать астрономическими, появляются в Древнем Египте только со II тыс. до н.э. В связи с этим интерпретация многих небесных объектов в «Текстах пирамид» до сих пор остается спорной или

[1]Этим термином пользуется Р. Краусс в своей основополагающей работе, посвященной астрономическому компоненту в «Текстах пирамид» [16].

невыясненной. Это касается, прежде всего, тех объектов, чьи аналогии не обнаруживаются в более поздних источниках.

В «Текстах пирамид» топография неба открывается по мере прохождения определенных этапов пути умершим царем, в результате чего в конце он должен слиться с богом-демиургом Атумом (Ра-Атумом). В центре мироздания находится солнце, которое поддерживает космический порядок. Космологическая мысль египтян в очень большой степени была сосредоточена именно «на проблеме круговращения солнца» [1, с. 118], а космологическое знание египтян было направлено на исследование солнечной орбиты, которая в древнеегипетском представлении характеризовалась как суточный путь солнца [1, с. 106]. Оно пересекает космическое пространство в двух ладьях – *mꜥnḏt* (дневная ладья) и *msḳt* (ночная ладья). Части мира, не входящие в солнечный путь, характеризуются как мировой Океан Нун (*Nwn*) – первородная субстанция, существовавшая до сотворения Вселенной богом-демиургом Атумом, который был сокрыт в водах Океана до начала времен. Нун окружал землю, которая, будучи сотворенной, произошла из него (Pyr. 1040). В изобразительном материале Нун зафиксирован в качестве опоры земли, где он держит четырехугольное пространство (ладью), отождествляемое с землей [21, Abb. 31]. В «Текстах пирамид» Нун служит вратами для умершего, а также имеет обозначение сторон. Его сторона – это южная сторона (Pyr.1691b), а умершему он дает рождение через свою левую руку (Pyr. 1701a).

Воссуществовавший после творения мир разделился, и каждая его область находилась под покровительством одного или нескольких богов, в которых персонифицировались основные космические силы. Так, достижение пространства, в котором пребывает демиург Атум, отец усопшего царя, является конечной целью умершего. Но о его локализации нет никаких конкретных сведений. В то же время, как создатель мира, он проявляет себя во всех его частях. Прямой эманацией Творца являются боги Шу и Тефнут, в которых персонифицируется воздух/атмосфера. Сам Шу проистекает непосредственно из Атума (Pyr. 603b). Следующим уровнем идет пространство богини Нут, которая упоминается тогда, когда необходимо сказать о теогоническом аспекте, т. е. о рождении богиней небесных светил (Pyr. 623a, 823a) или определить направление пути по небу. В текстах неоднократно упоминаются части тела Нут, служащие ориентирами на небесной сфере (Pyr. 251b, 316a, 459c, 519c, 530b), присутствуют термины «под животом Нут» (Pyr. 802b), «путь Нут» (Pyr.

541c) и «врата Нут» (Pyr. 603a, 1361b). Она является видимой частью неба, с которой непосредственно связаны все его объекты. Другое, более общее обозначение неба в «Текстах пирамид» – *pt* – употребляется в тех случаях, когда речь идет не об ориентирах пути по небосводу, а о самом процессе совершения этого пути (Pyr. 128b, 130d). Частью неба выступает *pḏwt* – «дуга» (Pyr. 393b, 801b, 1486a), которая окружает небосвод и является своеобразной моделью египетского свода [21, s. 96–97], на который проецируются небесные тела – звезды. Часто *pt* противопоставляется земле – *t3* (Pyr. 186a, 233b, 244a), которая по одной из версий мыслилась как плоская и четырехугольная, похожая на короб или корзину с поднятыми краями [21, s. 90–91]. Путь солнца разделяется на дневной, когда оно, видимое миру, пересекает небо (*pt/Nwt*) и находится в непосредственном контакте со всем живым, и ночной, когда оно заходит в сокрытую область – *d3t* (*dw3t*) (Дат/Дуат), являющуюся областью движения ночных светил, и далее пересекает т. н. «нижнее» небо Наунет (*Nnt*). Это ночная половина неба, в которую перемещаются небесные тела из верхнего неба [5, p. 14]. По мнению Дж. Аллена эта сторона неба в видении египтян могла располагаться под землей, но она так же, как и обычное небо, имеет поверхность, на которой располагаются звезды и другие светила [5, p. 13].

Само небо в «Текстах пирамид» как предположила М. Виктория Альманса-Вильяторо могло представляться в виде железной емкости в форме чаши или яйца, наполненной водой, откуда падают кусочки металла [23]. Такое представление о небе, по ее мнению, характеризует связь иероглифа N41 (𓆑), означающего вместилище для воды, и слова *bi3*, которое она предлагает переводить как «железо». Отметим, что значение этого слова неоднозначно – оно может обозначать как металл в целом, так и «небесную руду» (метеоритное железо), которая в понимании древних египтян считалась воплощением чего-то неземного и драгоценного. Небо содержало металл и в «Текстах пирамид» упоминаются разные объекты и места, связанные с металлом. Так, например, усопший, проходит через металлический вход на небо и пересекает его на металлической ладье [23, p. 76]. Важным небесным объектом «Текстов пирамид» является металлический трон[1] - *ḫndw bi3*, на котором может восседать умерший или

[1] А. Фолтен выдвигает предположение, что металлический трон мог являться частью незаходящего созвездия северного полушария Кассиопеи (Cassiopeia), большая часть которого лежит в полосе Млечного пути [24, s. 362].

бог (Pyr.1301a–b; Pyr.1562a–b; Pyr.2091a–c). Сам покойный царь, уподобляясь небесным объектам, имеет члены тела и кости из металла [23, p. 75].

Водные пути: В загробном мире «Текстов пирамид» существует обширная сеть каналов (др.-егип. *mr* – «канал»), с помощью которых умерший может передвигаться по небесному пространству[1]. Главным водным путем, по которому плавает усопший, является *mr n ḫ3 – ḫ3*-канал («извилистый» канал). На важность этого понятия и корректность его перевода обращали внимание многие египтологи. Дж. Брестед обозначил его как «озеро лилии» и пришел к выводу, что он тянулся вдоль восточного горизонта в северном и южном направлении [9, p. 105]. Г. Кеес также полагал, что этот водный объект является озером, и назвал его «извилистым озером», считая, что оно помещается на восточной половине неба [3, с. 116]. К. Зете в своих комментариях к «Текстам пирамид» впервые обозначил *mr n ḫ3* как «водный путь» (Wasserlauf), имея в виду его связь с водой [22 (Bd. II), S.44]. В. Дэвис предлагает другой перевод термина *mr n ḫ3*, более точный на ее взгляд, – «движущийся водный путь» (Shifting Waterway) [13, p. 102]. Для нее главной является астрономическая интерпретация объекта, который она идентифицирует как Млечный путь [13, p. 102]. Между тем, в историографии принято считать, что Млечный путь в древнеегипетских текстах обозначался как *Msḳt sḥdw* – «проторенная дорога (из) звезд» [6, p. 427], хотя эта точка зрения не бесспорна и принимается не всеми [16, s. 254][2]. В «Текстах пирамид» *Msḳt sḥdw* упоминается редко (Pyr. 334c, 949c), и, по-видимому, обозначает какую-то область ночного неба.

Большинство современных исследователей принимают точку зрения Р. Краусса согласно которой *ḫ3*-канал следует отождествлять с эклиптикой, делящей небо на северные и южные части [16, s. 275]. Эта теория подтверждается указаниями на расположение канала, о котором можно узнать в связи с путешествием умершего: «…на эту южную сторону *ḫ3*-канала» (*…m pn gs rsw n mr n ḫ3*) (Pyr. 1376c); «…положи (обращение к Тоту – *К.К., А.С.*) Пепи на крыло свое в той стороне северной *ḫ3*-канала» (*…d Ppy tp ꜥnḏ ḏnḥ.k m pf gs mḥ n mr n ḫ3*) (Pyr.1377b–c). Как следует из этих изречений, *ḫ3*-канал имел южную и северную стороны; иногда они еще обозначаются как «два берега» – *idbwy* (Pyr. 1345c, 2172c). В связи с этим прослеживается

[1] *mꜣꜥ*-канал (Pyr. 1084b); *knst*-канал (Pyr. 1141c, 1541a); *ptr*-канал (Pyr. 1138c); *mnꜥ*-канал (Pyr. 343a, 352a, 359a, 937e, 1704b); *pꜣꜥt*-канал (Pyr. 1205b); *nṯr*-канал (Pyr.1634a); *ḥtm*-канал (Pyr. 1228c); *siw*-канал (Pyr. 1370c); *bꜥn*-канал (Pyr. 1102b).

[2] Подробнее об интерпретации *Msḳt sḥdw* см.: [16, s. 254–260; 24].

связь с концепцией земного устройства Египта, который может обозначаться как *idbwy*. Царь называется непосредственно хозяином двух земель и ему необходимо объединить «два берега» подобно двум землям Египта. Устойчивость понятия «два берега» является примером соотнесения небесного мира и земного – в этом случае топография загробного пространства имеет соотношение с топографией пространства инобытийного.

Подъем на небо и переправа: Путешествие умершего по небесному водному пространству «Текстов пирамид» представляет собой серию переходов из одного места в другое, а также может символизировать преодоление препятствий, которые умершему необходимо пройти в целях достижения востока неба, области т. н. «нерушимых» звезд или местопребывания Атума (в зависимости от контекста). Само плавание по телу богини Нут, пересечение главного водного пути неба – *ḫ3*-канала и многочисленных озер, имеет помимо соотнесения с природными и астрономическими явлениями, также ритуальное и символическое значения. Прежде всего, царь, соотносящийся в посмертном существовании с богом Осирисом, поднимается на небо по специальным лестницам, которые держат для него боги: «Сказано: приветствую тебя, лестница бога! Приветствую тебя, лестница Сета! Поднимайся, лестница бога! Поднимайся, лестница Сета! Поднимайся, лестница Хора! Сделано для Осириса, (что бы) проходил он по ней на небо (и) сопровождал Ра» (*ḏd mdw ỉnḏ-ḥr.ṯ m3ḳt nṯr ỉnḏ-ḥr.ṯ m3ḳt Stš ʿḥʿ m3ḳt nṯr ʿḥʿ m3ḳt Stš ʿḥʿ m3ḳt Ḥrw ỉrt n Wsir pr.f ḥr.s ỉr pt stp.f s3 ỉr Rʿ*) (PT 478). Но лестницы мыслились не единственным средством вознесения умершего на небо. Эту же функцию выполняли сикоморы (*nht*) и другие деревья, с помощью которых он может перенестись на восточную часть неба. В соответствии с ходом погребальной процессии последовательно открываются двери помещения, а значит, и неба. Открытие дверей неба – один из самых распространенных сюжетов «Текстов пирамид». Как справедливо отмечает М.Э. Матье, многие изречения об открывании дверей совпадают с расположением помещений в гробнице [4, с. 374–375]. Мифологический аспект открывания дверей неба был тесно связан с земной реальностью гробничного помещения, где всегда существовала опасность для умершего не только от мифологических, но и от земных враждебных сил. Это ярко видно на примере людей-*rḫyt*, которые, согласно «Текстам пирамид», находятся у дверей по всему пирамидному комплексу – в вестибюлях, прихожих и погребальных камерах (Pyr. 655b, 876a–b, 1726b). В этом случае они выступают в роли врагов, которых «врата неба» должны

отторгнуть, что согласуется с их ролью «мятежников», антагонистов благого начала в политической истории Египта [19, p. 100].

После подъема открываются двери неба важного небесного объекта, называемого «Прохладная вода». Вход в любую часть загробного мира сопровождается формулой об открывании двери, что каждый раз символизирует новый переход: «Открыты для тебя двери неба, открыты для тебя двери Прохладной воды, открывают для тебя двери гробницы, открыты для тебя засовы Нут» (*wn n.k ꜥ3wy pt isnš n.k ꜥ3w ḳbḥw wn.tw n.k ꜥ3wy ḥ3t nḫbḫb n.k ꜥ3w Nwt*) (Pyr. 1361a-b). Кебеху (*ḳbḥw*), персонификация Прохладной воды, должна была вознести царя, поставив его перед этим на свою голову. Сама она находится у лестничных перекладин. Параллелизм в этом изречении упоминаний неба (Нут) и Прохладной воды свидетельствуют, по-видимому, об их тождественности в некоторых изречениях. В этом случае небо предстает как водное пространство, что подтверждается, как отмечает Аллен, наличием у слова *ḳbḥw* детерминатива неба (Pyr. 841b, 876a, 1327b) [5, p. 8].

Переправа усопшим царем через небесный поток может осуществляться в ладьях (*mnḏt, mꜥsḳt*) и с помощью специальных тростниковых плотов (*sḫnwy*). Если при плавании в двух ладьях умерший уподоблялся солнцу, совершающему суточный круг, то тростниковые плоты, наоборот, переправляют его к солнцу (Pyr. 1103a). Помимо главной цели умершего – достижения владений Атума (Ра-Атума), на промежуточных этапах царю необходимо достигнуть берегов (*idbwy*), которые есть у *ḫ3*-канала, а также у горизонта (*3ḫt*) и Нут. Царь может достигать берегов *ḫ3*-канала в ладье подобно солнцу (Pyr. 2172c). Однако путешествие усопшего не могло быть всегда беспрепятственным. Водные пути и каналы часто охраняли перевозчики, именуемые *Ḥr.f-m-hnt.f*/*Ḥr.f-m-m-h3.f* – «Тот, чье лицо перед ним»/ «Тот, чье лицо за ним». С помощью заклинаний, читаемых в гробнице, умерший должен был уговорить перевозчика доставить ему паром или перевезти его по небесному водному пути (Pyr. 492–494). Этот акт в большей степени зависел не от самого умершего, а от правильности исполнения ритуала в гробнице и наличия определенных формул.

Небесные поля: В «Текстах пирамид» упоминается большое количество полей (*sḫt*), локализующихся на определенных участках загробного мира. Но основными полями, на которых умерший получал очищение и обновление являются Тростниковые поля (*sḫt i3rw*) и Жертвенные поля (*sḫt ḥtp*). Вероятнее всего, помещение этих полей на небо как центральных объектов отражало опыт наблюдения египтян за географическими и климатическими

особенностями Дельты Нила и района Средиземного моря [6, p. 9]. О том, что земным прототипом Тростниковых и Жертвенных полей послужили реальные земные объекты, свидетельствует описание регулярного затопления небесных полей, в особенности Тростниковых, описываемое в «Текстах пирамид». С большой вероятностью это явление связано с затоплением Дельты Нила на севере Египта.

В историографии считается общепринятым, что в астрономической трактовке Тростниковые поля – это регион, находящийся к югу от *ḫ3*-канала (если рассматривать *ḫ3*-канал как эклиптику), а Жертвенные поля – к северу от *ḫ3*-канала [16, s. 275]; *ḫ3*-канал, т. е. эклиптика, разделяет небо на две части – северную (верхнюю) и южную (нижнюю). Локализация Тростниковых и Жертвенных полей должна была быть связана с точкой горизонта. В частности, сообразно этому, Тростниковые и Жертвенные поля являлись зоной влияния солнца [27, p. 103]. Отметим, что Тростниковые поля упоминаются в «Текстах пирамид» гораздо чаще, чем Жертвенные поля. Они могли находиться в зоне невидимости восточного горизонта, где очищалось и омывалось солнце, прежде чем взойти на небо [27, p. 103]. Подобная точка зрения подтверждается многочисленными изречениями «Текстов пирамид», где Тростниковые поля являются местом омовения умершего и солнца, наряду с Прохладной водой: «Омылось солнце в Тростниковых полях; омылся имярек этот в Тростниковых полях» (*wꜥb.n Rꜥ m sḫt i3rw; wꜥb.n NN pn m sḫt i3rw*) (Pyr. 275b, d); «Сказано: открываются двери неба, открываются двери Прохладной воды для Хора богов на рассвете. Входит он в Тростниковые поля, очищается он в Тростниковых полях» (*ḏd mdw wn r ꜥ3wy išnš ꜥ3wy ḳbḥw n Ḥrw nṯrw m tp rꜥ pr.f m sḫt i3rw wꜥb.f m sḫt i3rw*) (Pyr. 525. См. также PT 479, 510, 563, 706).

«Земли Хора» и «Земли Сета»: В «Текстах пирамид» для путешествия умершего большое значение имеют т. н. «земли Хора» и «земли Сета», обозначающиеся как *i3wt Ḥrw* и *i3wt Stš*. Разделение территории на две части является краеугольным камнем всей концепции отношений между богами Хором и Сетом, причем как в политической, так и мифологической истории [Подр. об этом см.: 2, с. 44–46]. Однако вопрос локализации земель Хора и Сета в загробном пространстве «Текстов пирамид» является довольно сложным по причине отсутствия точных указаний в источнике. Кеес предполагает, что земли Хора, как бога небесного, должны были находиться выше земель Сета, которые он помещает под землей, в качестве некоего подобия преисподней [15, s. 44, 47]. Однако подобное определение земель Сета кажется не вполне обоснованным и не подтверждается текстами. Кеес

также рассматривает земли Хора и Сета в качестве дуального понятия, представляющего запад и восток, правую и левую стороны, что в древнеегипетской мифологии выражается, например, в парах «солнце – луна» или «Шу – Тефнут» [15, s. 47]. Краусс полагает, исходя из астрономической трактовки, что земли Хора обозначают планету Венера, а земли Сета – планету Меркурий [16, s. 246–253]. По его мнению, Венера и Меркурий как спутники солнца могли отождествляться с Хором и Сетом, также бывшими «спутниками» солнечного бога. Движение этих планет по небесной сфере в мифологическом контексте могло согласовываться с легендой о борьбе Хора и Сета и их последующем примирении [16, s. 293].

В «Текстах пирамид» земли Хора и Сета чаще всего связаны с Тростниковыми полями (Pyr. 487, 943a–b, 961a–b, 1475c–d), что может свидетельствовать об их близости к горизонту. Локализация земель Хора и Сета вероятнее всего связана с севером и югом. Имеются косвенные данные, указывающие, что земли Хора и Сета могут быть в «Текстах пирамид», соответственно, южными и северными: «Пересекаешь ты земли твои южные, пересекаешь ты земли твои северные» (*dndn.k ỉ3wt.k rsyt dndn.k ỉ3wt.k mḥyt*) (Pyr. 2011b; см. также Pyr. 1364a). Исходя из первенства в парных упоминаниях в «Текстах пирамид» Хора, а не Сета, в данном случае имеет смысл отождествить именно с ним упоминаемые на первом месте южные земли, а с Сетом – северные («твоими», т. е. принадлежащими царю, они могут быть названы естественно, в силу отождествления царя с обоими этими богами). В этом случае они должны лежать по обе стороны *ḫ3*-канала, т. е. линии эклиптики. Это хорошо согласуется с тем, что земли Хора и Сета так часто упоминаются в «Текстах пирамид» – они могли быть объектами, лежащими на пути солнца. Именно это позволяет говорить Крауссу о связи земель Хора и Сета с планетами Венера и Меркурий как с самыми близкими от солнца планетами.

В другом случае указывается, что земли Хора имеют южную и северную стороны: «Приказал Анубис, (находящийся) впереди божественной сени, (чтобы) взошел ты в качестве звезды, в качестве Утреннего бога. Проходишь ты по землям Хора южным, проходишь ты по землям Хора северным» (*wḏ.n ỉnpw ḫnti sḥ-nṯr h3y.k m sb3 m nṯr dw3 dndn.k ỉ3wt Ḥrw rs dndn.k ỉ3wt Ḥrw mḥ*) (Pyr. 1295). Это единственное место в «Текстах пирамид», где говорится о северной и южной сторонах земель Хора (хотя нельзя исключать, что «северные земли» оказались здесь «переассоциированы» с Сета – см. фрагмент, комментировавшийся нами выше – на Хора). Интересно то, что здесь упоминается царь в облике Утреннего бога, традиционно

отождествляющегося с Утренней звездой – планетой Венера [6, p. 437], возвещающей своим появление наступление нового дня. Ее воплощением традиционно считался бог Хор.

Мир звезд: Одной из важнейших составляющих картины мира «Текстов пирамид» являются представления о звездах и их корреляции с мифологическим образами. Это связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, судьба умершего царя связывалась со звездами. Во-вторых, наблюдения за звездами оформились в эпоху «Текстов пирамид» в определенные концепции, неразрывно связанные с понятием о времени и идеей возрождения после смерти. В целом звезды в текстах обозначаются как *sb3w*, реже – как *sḥdw*. Отдельно выделяются созвездия и звезды, называющиеся *iḫmw skw* – «нерушимые» звезды. Главными звездами (или группой звезд) южного полушария, регулярно упоминаемыми в «Текстах пирамид», являются *Spdt* (др-греч. Сотис, совр. звезда Сириус созвездия Большого Пса) и *S3ḥ* (созвездие Орион)[1]. Это самые яркие группы звезд, имеющие устойчивые ассоциации с Исидой и Осирисом. Ежегодные восходы созвездия Ориона и звезды Сотис служили определителями годового цикла, а умерший уподоблялся в своем возрождении Ориону.

Звезды южного неба связывались, прежде всего, с уже упоминавшейся зоной *d3t*[2] – областью заходящих звезд, находящейся за линией горизонта, на другой стороне неба. *d3t* – это обитель звезд, на что указывают тексты: «Сидит Пепи этот перед вами, звезды *d3t*» (*ḥms Ppy pn m-m.ṯn sb3w d3t*) (Pyr. 953a.). Во II тыс. до н.э. представления о *d3t* как о подземном мире, который каждую ночь проходит солнце, стали основой для заупокойной литературы Нового царства. Но применительно к «Текстам пирамид» вопрос о местонахождении *d3t* не может быть решен однозначно. Некоторые исследователи полагают, что и в «Текстах пирамид» *d3t* имеет небесный и подземный уровень, придавая особое значение локализации *d3t* как преисподней [14, s. 994; 15, s. 44–45; 16, s. 276]. Однако такая точка зрения в большей степени основывается на топографии более поздних текстов, применительно же к «Текстам пирамид» она не может быть полностью обоснована. Зете в отношении «Текстов пирамид» предлагает рассматривать

[1] Идентификация *S3ḥ* как созвездия Ориона считается в египтологии общепринятой, однако высказывались и другие точки зрения. Так, например, П. Казанова и Р. Бриггс определяют *S3ḥ* как звезду Канопус [11, 10].

[2] Любопытен детерминатив, употребляющийся в написании слова *d3t – N15* (⊛) – звезда, заключенная в сферу. По устоявшемуся в историографии мнению, он символизирует мир, находящийся под небом [14, s. 994]

d3t как зону между небом и землей, которая может распространяться также и на подземное пространство [22 (Bd. I), s. 47–48].

Тексты не содержат конкретной информации относительно локализации *d3t* по сторонам света. Но подняться в *d3t* можно с помощью лестницы, которую для умершего сделал Ра (PT 271), что свидетельствует о расположении *d3t* на небе. В «Текстах пирамид» умерший в качестве *Ḥrw d3ty* – «Хора из Дата», появлялся как Утренняя звезда на востоке неба. *d3t* в «Текстах пирамид» как и в более поздних источниках связан со звездами и созвездиями южного полушария, которые в древнеегипетских астрономических текстах часто обозначаются термином *iḫmw wrḏ* – «неустающие». В «Текстах пирамид» этот термин встречается очень редко, однако звезды этой группы, несомненно, присутствуют. Сюда же относятся *деканы* – звезды или группы звезд, которые предназначались для измерения времени в течение ночи по их гелиакическим восходам и положению на небе. Они известны со II тыс. и встречаются в составе звездных календарей и в специальных звездных списках. В «Текстах пирамид», в качестве постоянно упоминаемых деканальных звезд (созвездий) фигурируют только Сотис и Орион. О них говорится следующее: «Окружен Орион, пришел *d3t*, очистился живущий в *3ḫt*; окружена Сотис, пришел *d3t*, очистился живущий в *3ḫt*» (*šn S3ḥ i*[*y*].*n d3t wꜥb 3nḫ m 3ḫt šn Śpdt inw d3t wꜥb 3nḫ m 3ḫt*). Как следует из этого пассажа глагол *šn* – «окружать», и понятие *d3t* стоят в прямой связи. Выражение *šn d3t* («окруженный (ая) Д(у)атом») встречается и в более поздних текстах и маркирует определенное астрономическое явление [12, p. 60–61]. Согласно тексту Карлсбергского папируса оно означает период 70 дней невидимости после акронического захода декана [12, p. 60]. Но Зете полагает, что *d3t* в данном случае предстает как утреннее небо [22 (Bd. I), s. 47]. Звезда в положении *šn d3t,* по его мнению, могла маркировать возрождение солнца, приближающегося к рассвету, будучи охваченной предрассветным светом [22 (Bd. I), s. 47]. Как можно заключить из контекста в приведенном выше изречении в *3ḫt* очищается солнце, которое в следующей своей стадии уже взойдет. Звезды также восходят после периода, проведенного в *d3t*. В «Текстах пирамид» об этом сообщается следующее: «Сказано: привет, имярек этот! Ты эта Великая звезда, несущая Орион, пересекающая небо вместе с Орионом, перемещающаяся (через) *d3t* вместе с Осирисом. Выходит, имярек этот на восточную сторону неба, обновляется сезон твой года в качестве времени твоего. Родила Нут имярека этого вместе с Орионом» (*ḏd mdw ḫ3 NN pw ṯw sb3 pw ꜥ3 rmnwty S3ḥ nhm pt ḥnꜥ S3ḥ ḫn d3t ḥnꜥ Wsir pr NN pn m gs i3bty n pt m3t r tr.k rnpt m nw.k ms.n Nw.t NN pn ḥnꜥ S3ḥ sšd.n*

ṯw rnpt ḥnᶜ Wsir) (Pyr. 882–883). В данном контексте слово *ms* – «рождать», может обозначать акронический восход звезды. Звезда, впервые появившаяся на востоке неба после заката, считалась звездой, которая была «рождена» [12, p. 63]. Таким образом, усопший в своем рождении уподобляется Ориону и называется «Великой звездой». Ее идентификация затруднительна, но, исходя из контекста, она должна была находиться по соседству с Сотис и Орионом [16, s. 278]. В других случаях царь напрямую ассоциируется с Орионом: «Родила она (т. е. Нут. – *К.К., А.С.*) тебя, Неферкара, подобно Ориону, сделала она так, что поставлен ты перед святилищами. Спустился Неферкара в ладье подобно Ра на берега *ḫ3*-канала; был перевезен Неферкара «неустающими» звездами, приказал Неферкара «нерушимым» звездам – был перевезен Неферкара в *ḥnti* (водный путь – *К.К., А.С.*). Захватил Неферкара рулевое весло в полях *ḫ3ḫ3*» (*ms.s ṯw Nfr-k3-rᶜ mi S3ḥ ir.s imn.k m ḫnt itrt h3y Nfr-k3-rᶜ m wi mi Rᶜ ḥr idbw mr n ḫ3 ḫnt Nfr-k3-rᶜ in iḫmw wrḏw wḏ Nfr-k3-rᶜ mdt n iḫmw skw ḫnt Nfr-k3-rᶜ m ḥnti iṯ Nfr-k3-rᶜ ḥpt ir sḥt ḫ3ḫ3*) (Pyr. 2172a–2173d). Таким образом, путь царя в качестве созвездия Ориона должен был начаться на юге неба. После, уподобившись солнцу, царь отправился по *ḫ3*-каналу к «нерушимым» звездам. Поля *ḫ3ḫ3* находятся, по-видимому, уже на следующем этапе пути, не связанным с южным небом, поскольку далее умерший направляется западным путем, а после – восточным (Pyr. 2175a–c). Вероятнее всего, в изречении описывается ночное путешествие, по окончании которого царь должен взойти на востоке неба подобно солнцу.

Важной пограничной зоной, делящей дневное и ночное пространство, является *3ḫt* – видимый горизонт, над которым на рассвете восходит солнце. Как граница, *Axt* имеет непосредственную связь с *d3t* как областью ночных светил и заходящих звезд. Необходимо отметить, что перевод термина *3ḫt* - «горизонт», весьма условен: *3ḫt* не является сплошной прямой линией горизонта (она обозначается как *3kr*), а скорее представляет собой особую, лежащую над этой линией зону небесной сферы. Тем не менее, по своим функциям, *3ḫt* может соответствовать и горизонту в точном смысле этого слова. В «Текстах пирамид» *3ḫt* определяется следующим образом:

1) место восхода солнца, где появляется *Ḥrw 3ḥty* – особая ипостась солнечного бога как восходящего солнца;

2) место, где умерший получает просветление и особую субстанцию *ax* (*3ḫ*). При этом «свет», становящийся качеством усопшего [8, p. 72, note ‘h’ (о категории Axw)], может пониматься как в духовном, так и в физическом аспекте. Поскольку *3ḫt* – это зона, где солнце впервые появляется после

ночного путешествия, именно она служит источником света и должна быть также местом просветления умершего.

Большое количество изречений «Текстов пирамид» посвящено «нерушимым» звездам (*iḫmw skw*), однако их точная идентификация затруднительна. В египтологии сформировалась точка зрения, согласно которой *iḫmw skw* в «Текстах пирамид» являются обозначением околополярных звезд [16, s. 275; 6, p. 434], воплощающих в себе, в отличие от звезд деканальных, вечное и неизменное состояние, не знающее становления. Но она расходится с данными «Текстов пирамид», непротиворечиво указывающими на то, что эти звезды заходили и относились, в том числе, к южному небу. Как справедливо отмечает Краусс, в «Текстах пирамид», по-видимому, нет специального обозначения для околополярных звезд, наблюдения за которыми (если они были) могли и не отразиться в рассматриваемом источнике [16, s. 277–278; 12, p. 37]. Самое яркое созвездие северного полушария – Большая Медведица (др.-егип. *Msḫtyw*), упоминается во всем корпусе текстов, насколько можно судить, только однажды (Pyr. 458b–c). Понимание *iḫmw skw* как околополярных звезд основывается на том, что в «Текстах пирамид» они часто ассоциируются с севером неба. Однако, если принять взгляд Краусса на *ḫ3*-канал как эклиптику, то тогда эти звезды в определенных случаях будут располагаться к северу от эклиптики [16, s. 278]: «Идешь ты к богам тем северным, «нерушимым» звездам» (*išm.k n nṯrw ipf mḥtyw iḫmw skw*) (Pyr.818c); «Прикажешь ты для себя, Пепи этого, в качестве владыки среди *3ḫw*, «нерушимых» звезд северного неба» (*wd.k3.k n.k Ppy pn m sr imy 3ḫw iḫmw skw mḥtyw pt)* (Pyr.1220a–b). «Нерушимые» звезды могли находиться севернее *ḫ3*-канала, в пространстве Жертвенных полей: «Входит он в небо перед «нерушимыми» звездами, сестра его Сотис, спутник его Утренний бог, берут они руку его (по направлению) к Жертвенным полям» (*pry.f r.f ir pt m-m sb3w iḫmw skw snt.f Spdt sšmw.f nṯr dw3 nḏr.sny ꜥ.f ir sḫt ḥtp*) (Pyr. 1123); «Пересекает Тети небо (по направлению) к Тростниковым полям, проживает Тети в Жертвенных полях перед «нерушимыми» звездами, последователями Осириса» (*nm Tti pt ir sḫt i3rw ir Tti imn.f m sḫt ḥtp m-m iḫmw skw šmsw Wsir*) (Pyr.749c–e).

В другом случае локализация «нерушимых» звезд связывается с «нижним» небом (*Nnt*): «Да проживет Пепи эту жизнь на стороне твоей, боги «нижнего» неба, «нерушимые» звезды, пересекающие землю Ливии» (*ꜥnḫ Ppy pn ꜥnḫt ir ꜥw.ṯn nṯrw Nnt iḫmw skw ḫnsw t3 ṯḥnw*) (Pyr. 1456). Указание на Ливию, видимо, свидетельствует о месте наблюдений за этими звездами,

которые производились в Нижнем Египте. Также «нерушимые» звезды могут быть связаны с солнцем, поскольку сопровождают солнечную ладью: «Очищайся, займи место твое в *wi3*-ладье Ра. Пересекаешь ты путь, поднимаешься ты (по) дорогам, пересекаешь ты вместе с «нерушимыми» звездами, пересекаешь ты вместе с «неустающими» звездами, встречаешь ты принесенное в ночной ладье. Воссуществовал ты в качестве *3ḫ*, находящемся в *d3t*. Проживаешь ты жизнь эту приятную, которую проживает владыка *Axt*» (*wꜥb ḏb3 nst.k m wi3 Rꜥ ḫn.k ḥrt siꜥr.k iw3w ḫn.k ḥnꜥ iḫmw skw šḳdj.k ḥnꜥ iḫmw wrḏw šsp.k iniit m msktt ḫpr.k m 3ḫ imy d3t 3nḫ.k m ꜥnḫ pw nḏm ꜥnḫw nb 3ḫt im.f*) (Pyr. 1171–1172). Умерший после пребывания в *d3t* взойдет вместе с солнцем, выйдя из пограничной зоны *3ḫt*. Здесь, параллельно «нерушимым» звездам, сопровождающим солнце и умершего, идут «неустающие» звезды, которые, как полагает А. Бадави, идентичны «нерушимым» звездам (7, p. 195). Краусс считает, что в противоположность «нерушимым» звездам, которые могли в этом случае находиться к северу от эклиптики, «неустающие» звезды находились на линии эклиптики или к югу от нее (16, s. 144).

В конце концов, главным для воскресшего царя оказывалось уподобление «нерушимой» звезде: «Пепи – это «нерушимая» звезда, [сын] неба великого, находящегося посреди Селкет. Поднимает его вверх Ра, Мерира этого на небо, жив Пепи этот» (*iḫm sk pw Ppy* [*s3*] *pt Wrt ḥrt-ib Srḳt mḥd.n n.f Rꜥ Mry-rꜥ pn r pt ꜥnḫ Ppy pn*) (Pyr. 1469a–b). В другом случае умерший мог находиться в образе звезды рядом с «нерушимыми» звездами. Так, на подступах к погребальным камерам пирамид Пепи I и Пепи II Неферкара и в погребальной камере пирамиды Меренра сообщается о воскресении умершего в образе звезды: «Сказано: поднимается великая перед звездами, (перед) «нерушимыми» звездами, не затмится (она) навечно» (*ḏd mdw ḳ3i wrt m-m sb3w iḫmw skw n skk ḏt*) (Pyr. 878)[1]. Став звездой, царь обретал бессмертие.

Четыре бога: В «Текстах пирамид» присутствуют четыре персонажа, которые олицетворяют важный космический объект [20, s. 97] или являются частью созвездия. Как отмечает Г. Редер, они встречаются во множестве вариантов, но, скорее всего, представляют собой одну сущность: «четверо богов (*nṯrw*), «четверо богов нижнего неба» (*nṯrw nnt*), «четверо *3ḫw*», «четверо юношей» (*ḏ3nw*), «четверо братьев» (*snsnw*), «четверо детей с угольно-черными волосами» (*ḏꜥbw šnw*), «четверо, находящихся на холме» (*i3tyw*) [20, s. 97]. Они часто упоминаются как «те, которые с заплетенными

[1] О вариантах идентификации этой звезды см.: [16, s. 108, Anm. 110].

волосами» (*ḥnsktyw*) [20, s. 97]. Скорее всего, эти четыре бога во всех случаях являются сыновьями Хора – Имсети, Хапи, Дуамутефом и Кебексенуфом[1]. Отличительной приметой четверых богов является обладание скипетром-*ḏ ꜥm*, который также может представлять определенный космический объект. Они могут стоять (*ꜥḥꜥ*) на нем или рядом с ним (Pyr. 348b, 355c, 1000e, 1385a, 1510c), сидеть (*ḥms*) на нем (Pyr. 360d, 1708b) или опираться (*ḏsr*) на него (Pyr. 339c, 1456c, 1457c, 1458c).

Как и все светила, четверо богов восходят на восточной стороне неба (Pyr. 339c, 355c, 360d, 1104d, 1105b, 1206b). Их точное отождествление с каким-либо астрономическим объектом затруднено, но имеются возможные указания на связь с Орионом: «Дают они Пепи этому четырех этих звездных богов с заплетенными волосами. Вот поднимаются они на скипетрах своих на восточной стороне неба, говорят они имя Пепи красоте солнца. Сотис – это сестра Пепи. Родил тебя Пепи этот, Утренний бог, это Пепи под животом неба с Ра» (*in.sn n Ppy pn fndw ipw sw3.tyw ḥnskt ꜥḥꜥ iw(.sn) ḥr ḏꜥm.sn m gs i3bt n pt iḏd.sn rn n Ppy n nfr n Rꜥ; snt Ppy pw Spdt ms.ṯw Ppy pn nṯr dw3 Ppy pw ir ḫr ḫt pt ḫr Rꜥ*) (Pyr. 355-356a; 357a-b). На возможное отождествление с Орионом может указывать близкое местонахождение Сотис. Рождение умершего в качестве Утреннего бога может быть связано с планетой Венера или любой другой яркой звездой, которую египтяне могли наблюдать рано утром на небе. Далее, после своего рождения, умерший проходит «под животом неба» вместе с солнцем, что может служить указанием на прохождение в зените или вблизи от него. Важным указанием на локализацию четырех богов служит их связь с «нерушимыми» звездами: «Пепи – это твои четверо, боги нижнего неба, «нерушимые» звезды, пересекающие землю Ливии, удерживающие на *ḏ ꜥm*-скипетрах своих. Удержан Пепи этот с ними, на *w3s* и *ḏ ꜥm*-скипетрах» (*Ppy pw fndw.ṯn nṯrw nnt iḫmw skw ḫnsw t3 ṯḥnw ḏsrw ḥr ḏ ꜥmw.sn ḏsr Ppy pn ḥnꜥ.ṯn ḥr w3s ḥnꜥ ḏ ꜥm*) (Pyr.1457). Б. Матье полагает, что здесь идет речь о созвездии Ориона, а именно четырех его звездах, которым могли соответствовать четыре бога [17, p. 12]. Но в других случаях он считает возможным интерпретировать четырех богов как часть созвездия Большой Медведицы [17, p. 13].

Кроме того, они могут путешествовать через Верхний и Нижний Египет (Pyr. 1483d). Их главной функцией в «Текстах пирамид» является помощь умершему при переправе (Pyr. 1221a, 1222a). Эта же функция выполняется и

[1] Отметим, что Редер предлагает разделять четырех богов и детей Хора. Первые, на его взгляд, являются космическими сущностями, тогда как вторые действуют в рамках ритуала [20, s. 101].

сыновьями Хора: «Имсети, Хапи, Дуамутеф и Кебексенуф, дайте Пепи то, что сделал Хнум, находящееся на *ḫ3*-канале» (*Ỉmsty Ḥpy Dw3-mwt.f Ḳbḥ-snw.f in nw n Ppy n irt Ḫnmw imyt mr n ḫ3*) (Pyr. 1228). Вероятно, речь здесь идет о солнечной ладье, изготовленной богом Хнумом и предназначенной для переправы. Другим распространенным средством для перевозки служили два папирусных плота (*sḫnwy*), которые также могли находиться в ведении четырех богов (Pyr. 1206c, e).

Итог: Таковы только некоторые наблюдения, связанные с небесным миром «Текстов пирамид». Астрономический компонент включен в структуру космологических представлений египтян, которые к эпохе «Текстов пирамид» оформились в довольно четкую мифологическую картину. Главными составляющими этих представлений являются космогония, представления об устройстве Вселенной, о структуре неба и о наблюдаемых на нем объектах. Спецификой «Текстов пирамид» является включение умершего царя в данную систему и утверждение его способности к воскрешению в связи с космическими циклами. Насколько можно судить в «Текстах пирамид» нет подземного загробного мира, все описываемые в них действия разворачиваются на небесах. Вероятно, это зависит, в первую очередь, от религиозной и теологической специфики текстов, которые основаны на последовательном соотнесении мифологических образов и мотивов с астрономическими явлениями, наблюдаемыми на небесном своде.

Литература

1. *Ассман Я.* Египет. Теология и благочестие ранней цивилизации / пер. с нем. Т. Баскаковой. М., 1999.
2. *Карлова К.Ф.* Свой или чужой? Две ипостаси бога Сета в позднеегипетской религии. М., 2021.
3. *Кеес Г.* Заупокойные верования древних египтян / пер. с нем. И.А. Богданова. СПб., 2005.
4. *Матье М.Э.* Тексты пирамид – заупокойный ритуал // Тексты пирамид / под ред. А.С. Четверухина. СПб., 2000. С. 369–414.
5. *Allen J.P.* The Cosmology of the Pyramid Texts // Religion and Philosophy in Ancient Egypt Haven. 1989. Vol. 13. P. 1–28.
6. *Allen J.P.* The Ancient Egyptian Pyramid Texts. Atlanta, 2005.
7. *Badawy A.* The Stellar Destiny of Pharaoh and the So-Called Air-Shafts of Cheops' Pyramid // MIO. 1964. Bd. X. Pp.189–206.

8. *Berlev O., Hodjash, S.* Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow, 1982.

9. *Breasted J. H.* Development of religion and thought in ancient Egypt. N-Y., 1912.

10. *Briggs R.E.* Astronomy in the Pyramid Texts // Mercer S. A. B. The Pyramid Texts in Translation and Commentary IV. Excursus VII. N.-Y.– L.-Toronto, 1952. Pp. 38–49.

11. *Casanova P.* De quelques légends astronomiques arabes considérées dans leurs rapports avec la mythologie égyptienne // BIFAO. 1902. T. 2. P. 1–39.

12. *Conman J.* It's about time: Ancient Egyptian Cosmology // SAK. 2003. Bd. 31. P. 33–71.

13. *Davis L.V.* Identifying ancient Egyptian constellations //Archaeoastronomy. 1985. Vol. 9. P. 102–104.

14. *Hornung E.* Dat // Lexikon der Ägyptologie / Hrsg. von W. Helck, E. Otto u. W. Westendorf. Bd. I. S. 994–995.

15. *Kees H.* Horus und Seth als Götterpaar. Leipzig, 1923.

16. *Krauss R.* Astronomische Konzepte und Jenseitsvorstellungen in den Pyramidentexten. Wiesbaden, 1997.

17. *Mathieu B.* Les Enfants d'Horus, théologie et astronomie // ENiM. 2008. T. 1. P. 1–15.

18. *Neugebauer O., Parker R.A.* Egyptian astronomical texts. Vol. 1: The early decans. Vol. III: Decans, planets, constellations and zodiacs L., 1960, 1969.

19. *Pavlova O.I.* Rxyt in the Pyramid Texts: Theological Idea or Political Reality // Literatur und Politik im pharaonischen und ptolemäischen Ägypten: Vorträge der Tagung zum Gedenken an Georges Posener 5–10 September 1996 in Leipzig / Hrsg. von J. Assmann und E. Blumenthal. Le Caire, 1999. P. 91–104.

20. *Roeder H.* Themen und Motive in den Pyramidentexten // Lingua Aegyptia. 1993. Bd. 3. S. 81–119.

21. *Schäfer, H.* Ägyptische und heutige Kunst und Weltgebäude der alten Ägypter. B.; Leipzig, 1928.

22. *Sethe K.* Übersetzung und Kommentar zu den Altägyptischen Pyramidentexten. Bd. I–II. Glückstadt-Hamburg – N.Y., 1935.

23. *Victoria Almansa-Villatoro M.* The Cultural Indexicality of the N41 Sign for bjA: The Metal of the Sky and the Sky of Metal // JEA. 2020. Vol. 105. P. 73–81.

24. *Volten A.* Das Harpunierengestirn // MDAIK. 1958. Bd. 16. S. 346–366.

25. *Wainwright G.A.* Iron in Egypt // JEA. 1932. Vol. 18. P. 11–15.

26. *Wallin P.* Celestial Cycles. Astronomical Concepts of Regeneration in the Ancient Egyptian Coffin Texts. Uppsala, 2002.

27. *Weill R.* Le Champ des roseaux et le champ des offrandes dans la religion funéraire et la religion générale. P., 1936.

Сокращения

PT, Pyr. – Sethe K. Die Altägyptischen Pyramidentexte. Bd. I–II. Leipzig, 1908–1922.

Суровень Д.А.

Уральский государственный юридический университет

Политика режима Ямато в области Хитати в конце 20-х – 30-е годы IV века

Аннотация. Статья посвящена исследованию материалов источников, содержащих сведения о покорении и присоединении территорий области Хитати в восточной Японии – событий, происходивших во второй половине царствования государя Мимаки (Судзина), Икумэ (Суйнина) и первой половины царствования государя Ōтараси-хико (Кэйкō). Установлены имена военачальников, события и территории, вошедшие в состав государства Ямато в рассматриваемый период, на основе сопоставления данных источников уточнена хронология и генеалогия отдельных родов и определены границы их владений.

***Ключевые слова*:** древняя Япония; Ямато; государь Мимаки; Судзин; государь Икумэ; Суйнин; Ōтараси-хико; Кэйкō; Сэйму; область Хитати.

Surowen D.A.

Ural State Law University

The policy of Yamato regime in Hitachi region in the late 20s – 30s of the IV century

Abstract. The article is devoted to the scientific research of the materials of sources containing information about the conquest and annexation of the territories of the Hitachi region in Eastern Japan, which took place in the second half of the reign of Emperor Mimaki (Sujin), Ikume (Suinin) and the first half of the reign of Emperor Ōtarashi-hiko (Keikō). The names of the military leaders, events and territories that became part of the Yamato state during the period under review were established, based on a comparison of these sources, the chronology and genealogy of individual clans were clarified and the boundaries of their possessions were determined.

***Keywords*:** ancient Japan; Yamato; Mimaki; Sujin; Ikume; Suinin; Ōtarashi-hiko; Keikō; Seimu; Hitachi region.

Покорение восточных районов Японии (яп. *Адзума-но куни*) началось ещё в царствование государя Мимаки (посмертное почётное имя Судзин, 324–331 гг. [испр. хрон.]) в результате походов военачальников Ō-бико и Такэ-нуна-каха-вакэ (середины 20-х гг. IV в. – испр. хрон.[1]) [подр. см.: 24].

Однако и после местное население восточных областей Японии продолжало сопротивление, и государю Мимаки и последующим правителям древнего Ямато не раз ещё приходилось организовывать походы в Восточную Японию. «Хитати-фудоки» сохранили нам имена полководцев, которые, видимо, уже после Ō-бико и его сына Такэ-нуна-каха-вакэ, продолжали их завоевательную политику на востоке. Так, во второй половине царствования Мимаки (в конце 20-х – начале 30-х гг. IV в. – испр. хрон.) отправил в Адзума (восточные районы) **военачальника Хинарасу** (др.-яп. Пинарасу) «на подавление бесчинствующих разбойников *эбису* в Адзума»[2] (досл. «бесчинствующих разбойников, <[что] (по обычаю) простыми людьми произносится как *арабуру нисимоно*> из восточных варваров»)[3]. Хинарасу, как видно из сообщения «Хитати-фудоки», оказался на территории владения[4] Ниибари-но *куни*, расположенной на юго-восток от Кэно (др.-яп. Кэну). «Этот человек поехал туда и когда рыл колодец (находится сейчас в селе Ниибари[5]…), то из него потекла чистая вода. Из-за того, что был вырыт новый (*ниибари*) колодец, уезд и получил название [Ниибари]. Это название с тех пор

[1] Датировки даны с учётом достижений современного японоведения в области ревизии и реконструкции древнеяпонской хронологии за последние 130 лет, когда было установлено, что царствования государей Мимаки (посмертное имя Судзин), Икумэ (Суйнин) и Ōтараси-хико (Кэйкō) приходились на первую половину IV в. См.: [29; 26; 27; 22; 23].

[2]「昔 美麻貴天皇 馭宇之世 為レ平討レ東夷之荒賊 (俗 云レ阿良夫流 爾斯母 乃) 遣レ新治国ノ造祖 名曰レ比奈良珠命。」[2, с. 32; 38, с. 3].

[3] В тексте «Хитати фудоки дано пояснение:「荒賊 (俗 云レ阿良夫流 爾斯母乃)」[38, с. 5]; где 荒賊 др.-яп. *арабуру нисимоно*, яп. *кōдзоку* – досл. “грубые / буйные разбойники”; бандиты; где 賊 др.-яп. *нисимоно*, совр.-яп. *дзоку* – 1) повстанец, мятежник; 2) бандит, грабитель, разбойник, вор; см.: [36, с. 564].

[4] Данные владения во второй половине VII века стали уездами созданных тогда провинций [26, с. 106; 2, с. 31].

[5] Акимото Китирō пишет, что здесь, очевидно, имеется в виду священный родник, находящийся в поселке Фуругори села Кёва уезда Макабэ [2, с. 154, п. 4].

и до настоящего времени не изменялось»[1] (Хитати-фудоки, уезд Ниибари). Некоторые исследователи истолковывают этот раздел в том смысле, что Хинарасу основал новое поселение, в центре которого был вырыт колодец [2, с. 154, п. 4]. Хинарасу, уже в качестве наместника области (яп. *куни-но мияцуко*) Ниибари[2] упомянут в правление государя *Ōтараси-хико* (Кэйкō) в событиях Восточного похода его сына – Ямато-*такэру* (в 340 г. – испр. хрон.). Государь (*сумэра-микото*) «Ямато*такэру* проводил карательную экспедицию (яп. *дзюнсю* – букв. «объезжал подвластные земли с инспекционными целями»[3] – *С.Д.*) против варваров *эмиси*, [что живут в] Адзума (досл. «объезжал земли (*куни*) восточных варваров (яп. *адзума-эбису*)» – *С.Д.*). Когда он приехал в *агата* Ниибари, он послал вперёд наместника провинции Хинарасу (яп. *куни-но мияцуко – С.Д.*) …»[4] (Хитати-фудоки, Общее описание провинции). В реестре «Куни-но мияцуко хонки» (св. 10-й «Кудзи-хонки») упомянут Хинарафу (др.-яп. Пинарапу) – наместник владения Ниибари в царствование государя Вака-тараси-хико (Сэйму, 341–343 гг. – испр. хрон. [23, с. 32–35]). «Ниибари-но *куни-но мияцуко*. В царствование [государя Сэйму, управлявшего Поднебесной из] двора Така-Анапо в Сига, сын Митуроги-но *микото* (совр. яп. Мицуроги) [по имени] Пинарапу (совр. яп. Хинарафу) был определён {на должность} «управляющего областью» (*куни-но мияцуко*) {Ниибари}»[5] (Кудзи-хонки, св. 10-й, [35] Ниибари-но *куни-но мияцуко*). Акимото Китирō полагает, что Хинарафу в «Кудзи-хонки» и Хинарасу в «Хитати-фудоки» – один и тот же человек [2, с. 261]. Таким образом, получается, что покоривший при Мимаки область Ниибари-но *куни* Хинарасу, в правление Ōтараси-хико фактически стал наместником Ниибари, а позднее при проведении административно-территориальной реформы Сэйму (ок. 341 г. – испр. хрон.) его полномочия

---

[1]「此人 罷到、即穿レ新井（今 存レ新治里…）、其水 浄流。仍 以 治レ井、因 着郡 号。自爾至レ今 其名 不改。」[2, с. 33; 38, с. 3].

[2] Позднее, в VII в. эта «*куни*» была преобразована в уезд Ниибари провинции Хитати, что говорит о небольших размерах данной территории, совпадающих с размерами территориальной соседской общины.

[3] 巡狩 яп. *дзюнсю*, кит. *сю́ньшоу́* – *ист*. объезжать с инспекционными целями земли вассалов; объезд императором удельных князей [1, т. IV, с. 172].

[4]「倭武天皇 巡狩レ東夷之国、幸過レ新治之県 所遣レ国造 毘那良珠命。」[2, с. 31; 38, с. 3].

[5]「新治國造。志賀高穴穂朝【成務】ノ御世ニ、美都呂岐命ノ比奈羅布命ヲ 定賜レ國造。」[7, с. 409]; ср.:「新治国造 (にいばりのくにのみやつこ)。志賀高穴穂朝の御世に、美都呂 岐命(みつろぎのみこと)の子の比奈羅布命(ひならふのみこと)を国造に定められました。」 [8; 34, с. 116; см.: 2, с. 261].

«управляющего областью» (*куни-но мияцуко*) были официально подтверждены. В «Кудзи-хонки» сообщается, что отец Хинарафу – Мицуроги считался потомком в восьмом поколении Ама-но Хохи-но *микото*[1] (Кудзи-хонки, св. 10-й, [32] Ава-но *куни-но мияцуко*). Ама-но Хохи-но *микото* и его сын Такэ-хиратори-но *микото* (он же Такэ-хинатори-но *микото*) в источниках указаны как предки рода Идзумо-но *куни-но мияцуко* [4, т. I, с. 54] (Кодзики, св. 2-й, гл. 11). А это означает, что Мицуроги и его сын Хинарафу (Хинарасу) могли быть выходцами из области Идзумо.

На юго-восток от владения Камицукэно и на юго-запад от Ниибари находилось владение **Ки**-но *куни* (будущая **Цукуба**-но *куни*).[2] Эта территория также была покорена при государе Мимаки. «Хитати-фудоки» сообщает, что «…*агата* Цукуба в старину назывался провинцией (*куни* – владением – *С.Д.*) **Ки**. Наместником провинции (*куни-но мияцуко* [2, с. 262], т.е. «управляющим областью» – *С.Д.*) Ки царь Мимаки назначил **ЦУКУБА** (Цукуба-но *микото* [Ibid.] *С. Д.*) из рода Унэмэ-но-*оми*.[3] Тогда Цукуба сказал: «Даю провинции (*куни* – владению – *С. Д.*) своё имя и хочу, чтобы оно осталось в грядущих поколениях», то есть сказал, что название изменяется, и провинция (владение – *С.Д*) будет впредь называться «Цукуба»[4] (др.-яп. Тукуба) (Хитати-фудоки, уезд Цукуба). Род Унэмэ-но *оми* происходил от одного предка с родом Ходзуми-но *оми* – от члена рода Мононобэ-но *мурадзи* по имени Ō-мина-кути-но *сукунэ*[5] (служившего при дворе государя Кōрэя, нач. IV в. (испр. хрон. [26, с. 91–95, 99–100; 19, с. 165, 174–178]) (Кудзи-хонки, св. 5-й [5], Мононобэ-но *мурадзи*, 4-е поколение). Цукуба-но *микото*, видимо, стал основателем рода наместников *куни* Цукуба [2, с. 262]. Однако в «Реестре наместников» («Куни-но мияцуко-хонки») в «Кудзи-хонки» (св. 10-й) предком рода Цукуба-но *куни-но мияцуко* назван некто Ахэсико-но *микото* (др.-яп. Апэсико) (внук Осикори-но *микото*), занявший этот пост в царствование государя Сэйму[6]

---

[1]「天穂日命ノ八世孫 彌都侶岐命」[7, с. 408]; ср.:「天穂日命の八世孫・弥都侶岐命」[8; 34, с. 116].

[2] В «Хитати-фудоки» сказано: «На востоке – уезд Убараки, на юге – уезд Кōти, на западе – река Кэну, на севере – гора Цукуба» [2, с. 33].

[3] Род *оми* Унэмэ; упоминается только в описании уезда Цукуба провинции Хитати; Мацуока Сидзуо считает, что *унэмэ / унэбэ* – было придворным званием для знатных женщин из провинциальных родов, а потом оно превратилось в родовое имя [2, с. 259].

[4]「筑波之県 古ニ謂レ紀国。美万貴天皇之世 遣レ采女臣 友属 筑箪命 於 紀国之国造 時ニ、筑箪命 云:『欲令身名者 着国 後代 流』、伝レ即 改レ本号 更 称レ筑波 者。」[2, с.33; 38, с.3].

[5]「大水口宿禰命。【穂積臣、采女臣等ノ祖。】」[7, с. 267];「大水口宿禰命 (おおみなくちのすくねのみこと) 。穂積臣(ほずみのおみ)、采女臣(うねめのおみ)らの祖で…」[8].

[6]「筑波國造。志賀高穴穂朝、以 忍凝見命ノ孫 阿閉色命ヲ 定賜レ國造。」[7, с. 409; 34, с. 117].

(341–344 гг. – испр. хрон.) (Кудзи-хонки, св. 10-й, [36] Цукуба-но *куни-но мияцуко*). Это может означать, что после Цукуба-но *микото* место «управляющего областью» Цукуба-но *куни* занял, возможно, его родственник (или сын?) по имени Ахэсико-но *микото*.

По материалам «Хитати-фудоки» можно предполагать, что территории соседнего с Цукуба владения (*куни*) **Касима** (находившейся на юго-восток от Цукуба)[1] или были завоеваны, или, по крайней мере, оказались тогда в зависимости от Ямато. Об этом могут свидетельствовать связи владения Касима и двора Ямато: «А во времена царствования «впервые правившего страной» царя Мимаки были преподнесены дары: десять мечей, два копья, два железных лука, два комплекта железных стрел, четыре *коро*[2], один кусок закаленного железа, одна лошадь, одно седло, два зеркала по восемь четвертей и одна штука пятицветной ткани *асигину*»[3] (Хитати-фудоки, уезд Касима, храм Тоёкасима). Причём, здесь же даётся легенда, объясняющая причины поднесения даров и обосновывающая права Ямато на территории Хитати. «Местные жители рассказывают: во время правления царя Мимаки на вершине горы Ōсака (на границе провинции Ямато[4] – *С. Д.*) появился бог, одетый в прекрасные белые одежды и опиравшийся на белое копье вместо посоха. Он сказал {Мимаки}: «Если ты будешь поклоняться мне, то {я} дам все провинции (владения (яп. *куни*) в государстве, полученном в кормление (др.-яп. *восу-куни*)[5] – *С.Д.*), какие бы то ни были – большие и малые, под твоё

---

[1] *Касима* – в основном это район современного уезда Касима провинции Ибараки; на западе – пролив, это район Касумигаура (Китаура) и нижнего течения реки Тонэ [2, с. 160, 283].

[2] Записано в тексте фонетически: 許呂 яп. *коро* – значение слова непонятно; возможно, что это железное оружие; есть версия, что это колчан *короку* [2, с. 161, п. 11].

[3] [2, с. 47–48];「其後 至ㇾ初国所知 美麻貴天皇之世、奉幣ㇾ大刀 十口、鉾 二枚、鉄弓 二張、鉄箭 二具、許呂 四口、枚鉄 一連、練鉄 一連、馬 一疋、鞍 一具、八絲鏡 二面、五色絁 一連。」[37, с. 91–92; 38, с. 6].

[4] Ōсака – гора в провинции Ямато. Японские комментаторы расходятся во мнениях о местонахождении этой горы. Акимото Китирō пишет, что так, видимо, назывался перевал Нидзē, где проходила большая дорога из уездов Кита-кацураги, что в провинции Ямато, в уезд Минами-кавати, что в провинции Кавати. Иноуэ Юитирō считает, что это гора, расположенная между Ōми, что южнее горы Хиэй, и Ямасиро. Мацуока Сидзуо делает ссылку на «Вамёсё», где сказано, что «гора Ōсака находится в уезде Кацурагами провинции Ямато», и добавляет, что, видимо, это соответствует современной горе Хондаго в уезде Минами-кацураги [2, с. 302].

[5] 食國 др.-яп. *восу-куни*, досл. «государство, полученное в кормление»; ср.: 食土 кит. *ши́-тў* – *ист*. земли, полученные на кормление (*за заслуги*); 食邑 кит. *ши́ю̀* – 1) *ист*. земли (области), отданные на кормление, дарованные земли (владения); 2) *ист*. сесть на землю, быть пожалованным владением для кормления; 食 кит. *ши́ сущ*. 1) пища, еда; питание;…

управление». Тогда {Мимаки}созвал служивших ему вождей многих племен (яп. *томо-но о* – досл. «глав родов»[1] – *С. Д.*) и, рассказав им об этом, спросил {их мнение}. В ответ на это Ōнакатоми-но Каму-кикикацу[2] сказал: «Это бог, обитающий в провинции (яп. *куни* – владении – *С.Д.*) Касима, появился {на горе Ōсака} и передал тебе полученное им повеление {бога–прародителя} править (в государстве, полученном в кормление (др.-яп. *восу-куни*), которое {является} – *С.Д.*) страной восьми больших островов». Царь {Мимаки}, услышав это, очень удивился и пожертвовал все перечисленные дары храму бога {Касима}» [2, с. 48] (Хитати-фудоки, уезд Касима, храм Тоёкасима)[3]. Как указывает Акимото Китирō, **Ōнакатоми-но Каму-кикикацу-но *микото*** (досл. «Хорошо слышащий и понимающий волю богов»[4]) был одним из предков рода Ōнакатоми [2, с. 251] («Великих Накатоми»), а также – клана Касима-но Накатоми-*удзи* [12]. Видимо, Ōнакатоми-но Каму-кикикацу-но *микото* был отправлен в Касима – доставить дары государя Мимаки. И, как указывают исследователи, остался на Касима исполнять религиозные обряды божеству Касима, став предком клана **Касима-но Накатоми**-*удзи* [Ibid.] (род Накатоми из Касима).

Хотя по официальной генеалогии их предки – члены **рода Накатоми из Касима** (в области Хитати) считались дальними потомками Ама-но Танэко-но *микото* (предка клана Накатоми-*удзи*), фактически (исходя из реконструированной хронологии), получалось, что клан Накатоми-*удзи* из Касима был самостоятельной ветвью рода Накатоми, сосуществовавшей одновременно с ветвью Накатоми из Уса и её продолжением – кланом Икаго-

---

4) *ист*. кормление, содержание; оклад (*чиновника*); …*гл*. …4) *ист*. получать в кормление; иметь содержание (оклад) в… [1, т. III, с. 914–915]. Ср.: [4, т. II, с. 88]. Исследователи поясняют выражение *восо-куни* так: государь кормился за счет продуктов, произведенных на землях, находившихся в его собственности [3, с. 260, п. 2].

[1] 「八十之伴緒」 б. «18-ти [родов] главы родов (яп. *томо-но о* 伴緒)» [37, с. 92; 38, с. 6].

[2] *Ō-накатоми-но Каму-кикикацу-но микото* 大中臣〻神聞勝命 [Ibid.; Ibid.]; *каму-кикикацу* – досл. “хорошо слышащий и понимающий волю богов”; видимо, один из вождей племени Ямато; Акимото Китирō пишет, что, возможно, это был один из предков рода *Ōнакатоми* [2, с. 251].

[3] 「【俗 曰: 美麻貴天皇之世 大坂山乃頂爾 白細乃大御服 服坐ㇾ而 白桙御杖 取坐。 識賜ㇾ命者:『我前乎 治奉ㇾ者、汝 聞看ㇾ食国乎 大国・小国、事依給等 識賜岐』。于時 二追集ㇾ八十之伴緒 挙ㇾ此事 而 訪問ㇾ於是。大中臣〻神聞勝命 答ㇾ曰:『大八島国 汝所 知ㇾ食国止 事向賜之 香島国 坐ㇾ天津大御神乃 挙教事者』。天皇 聞ㇾ諸、即 恐驚、奉ㇾ納前件幣帛 於 神宮 也。】」 [37, с. 92; 38, с. 6].

[4] 神聞勝命 яп. *Каму-кикикацу-но микото* – досл. «Хорошо слышащий и понимающий волю богов» [Ibid.; Ibid.; 2, с. 251].

но *мурадзи*. Обращает также на себя внимание, что эти ветви рода Накатоми характеризуются разными источниками как: Накатоми из Уса – в «Кодзики», «Нихон-сёки» и «Кудзи-хонки»; Накатоми из Икаго – в «Ōми-фудоки», а Накатоми из Касима – в «Хитати-фудоки» и, отчасти, в «Нихон-сёки». Создаётся впечатление, что речь идёт о трёх самостоятельных кланах, не связанных близким родством.

Реконструированная генеалогия клана Накатоми-*удзи*

[10]

[1] Составлено по: [12].
[2] [11]; См.: [14, т. I, с. 178].
[3] [11]; См.: [14, т. I, с. 178].
[4] Упомянут в «Хитати-фудоки». – См.: [2, с. 48].
[5] См.: [14, т. I, с. 226].
[6] Упомянут в «Хитати-фудоки». – См.: [2, с. 48, 49, 249].
[7] См.: [2, с. 48, 249].
[8] См.: [14, т. I, с. 263, 264; 13, с. 237, 241].
[9] [35; 12].
[10] Составлено по: Нихон-сёки, св. 3-й, 6-й; Синсэн-сёдзи-року, св.11-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й, 19-й, 20-й, 30-й [13; 14; 16; 17; 12].

В связи с этим, можно предположить следующее объяснение. Видимо, с целью удревнения хронологии и «растягивания» истории и генеалогии [29, с. 210–240, 269] в угоду этому, несколько ветвей рода Накатоми были «выстроены» в единую и непрерывную генеалогическую линию. Можно предположить (с учётом ревизии хронологии), что люди рода Накатоми из Касима были отдельным кланом, предок которого – Ōнакатоми-но Каму-кики-кацу (упомянутый в «Хитати-фудоки» [см.: 2, с. 48, 251]) мог непосредственно происходить от самого Ама-но Танэко-но *микото* (самого дальнего предка клана Накатоми-*удзи*). Например, Каму-кики-кацу мог быть сыном Ама-но Танэко-но *микото* от какой-нибудь младшей жены.

Сыном Ōнакатоми-но Каму-кикикацу-но *микото* был Куси-уга-*нуси* (исследователи указывают, что он фигурировал в материалах «Хитати-фудоки») [12]. **Ōнакатоми-но Каму-кикикацу**-но *микото* приходился дедом [Ibid.] **Куни-удзу Ō-касима**-но *микото*[1] – одному из пяти высших сановников из совета знати при государе Икумэ (Суйнине, 332–336 гг. – испр. хрон.; см.: [27]). Куни-удзу Ō-касима-но *микото*, фактически стал основателем главной линии рода Накатоми и дальним предком клана Накатоми-но *мурадзи* [14, т. I, с. 226].

У Куни-удзу Ō-касима-но *микото* было три сына. Старшим сыном Куни-удзу Ō-касима-но *микото* приходился упомянутый в «Хитати-фудоки» Накатоми-но Оми-саяма (Ōсаяма)[2], живший во времена государя Ōтараси-хико [см.: 2, с. 48–49, 249] (Кэйкō, 337 – ок. 343 гг. – испр. хрон.; см: [30; 23]) в землях уезда Касима провинции Хитати [см.: 2, с. 48, 249] (он стал предком кланов Накатоми-но Кōраи-но *мурадзи* и Накатоми-но *сакэ-хито*-но *сукунэ*)[3] (Хитати-фудоки, уезд Касима, храм Цу). У Оми-саяма было двое сыновей – Накатоми-но Икацу-но *ō-оми* (он же: Хако-*мими*; предок клана Накатоми-но *мурадзи*) и Саяма-хико (предок клана Касима-*удзи*).

Таким образом, земли уезда Касима провинции Хитати со времени государя Мимаки оказались под властью ветви рода Накатоми – Касима-но Накатоми-*удзи*, служивших главными жрецами при храме Касима в области Хитати [2, с. 249]. «В июле каждого года строится судно и преподносится в дар храму Цу. Старики рассказывают: во время священного правления царя

---

[1] 国摩大鹿島命 яп. *Куни-удзу Ō-касима-но микото* [12].

[2] 臣狭山 яп. *Оми-саяма* (чтение имени Мацуока Сидзуо), другое написание и чтение: *Ōсаяма*. – Накатоми-*удзи* [Ibid.; 2, с. 48–49, 249].

[3] 中臣高良比連祖 яп. Накатоми-но Кōраи-но *мурадзи*; 中臣酒人宿禰祖 яп. Накатоми-но *сакэ-хито*-но *сукунэ* [12].

(*сумэра-микото*[1] – *С. Д.*) Яматотакэру (в 340 г. – испр. хрон. *С.Д.*) Великий небесный бог (Касима – *С.Д.*) повелел Накатоми-но-ōсаяма (Накатоми-но Ōсаяма – *С.Д.*): «Теперь ты ведай этим священным судном», – так он изрек. Ōсаяма ответил: «Не смею отказаться и почтительно принимаю ваше приказание», – так он сказал... Тогда [Накатоминоōсаяма], благоговея перед волей бога, построил ещё три судна, каждое длиною более чем два *цуэ*[2], и пожертвовал их храму» [Ibid.] (Хитати-фудоки, уезд Касима, храм Цу). Здесь упомянут обряд преподнесения священного судна храму Цу. Храм Цу был филиалом главного храма Касима и находился там, где сейчас Обунэцу (городок Касима). Этот обряд указывает на то, что бог Касима был покровителем судоходства [2, с. 161, п. 16].

От Накатоми-но Икацу-но *ō-оми* (современника Тю̄ая, 14-го, и государыни Дзингӯ) [14, т. I, с. 263–264; 13, с. 237, 241]пошла главная линия рода Накатоми-*удзи*. Второй сын Накатоми-но Икацу-но *ō-оми* – Ики-но *атаи* Манэко (участник Корейского похода государыни Дзингӯ 346 г. –испр. хрон.; [33, с. 3–4, 12, 14; 21, с. 1, 26, 35, 73, 103–105, 116, 118–121; 20, с. 160–167; 25, с. 9, 28–30] стал предком кланов Ики-но Ура*бэ-удзи* и Цусима-*удзи*.

Особо прославился своими военными операциями в восточных областях **военачальник Такэ-касима**[3] (выходец с острова Кюсю – из области Хидзэн [2, с. 159, п. 13]). В «Хитати-фудоки» (уезд Намэката) рассказывается, что Такэ-касима на празднике семь дней и ночей распевал песни *кисима*[4]

---

[1] После завоевания ранее не покорённых земель восточного Хонсю, (в 340 г. – испр. хрон.) царевич Ямато-*такэру* фактически стал самостоятельным правителем территорий в Восточной Японии, по причине чего в «Хитати-фудоки» царевич тринадцать раз величается титулом «государь» (天皇 яп. *сумэра-микото*) (倭武天皇 яп. Ямато-*такэру*-но *сумэра-микото* [38, с. 4–9]), который применялся к монархам Ямато [в русском переводе в ряде случаев титул *сумэра-микото* опущен, в двух случаях переведён как «царь»] – см.: [2, с. 36, 39, 45–46, 48, 52, 55, 58–60] (Хитати-фудоки, уезд Сида, деревня Норихама; уезд Убараки, холм Кувахара; уезд Намэката, Намэката, село Тагима, поле Хадзуму; уезд Касима, храм Цу, побережье Цуноорэ; уезд Кудзи; холм Кудзира, почтовый двор Аука; уезд Така, село Митинокути, остров Мэсима), а его жена Ōтатибана (Татибана) названа “царицей” (「倭武天皇之后 大橘比売命」«госпожа Ōтатибана-но *микото*, государыня (*кйсаки*) государя (*сумэра-микото*) Ямато-*такэру*» [38, с. 6]; где 后 яп. *кйсаки* – императрица (т.е. главная жена государя) [см.: 36, с. 132];「橘皇后」«императрица (*опо-кйсаки*) Татибана»; где 皇后 др.-яп. *опо-кйсаки*, яп. *кōгō* – государыня, императрица (*жена японского императора*) [38, с. 6, 9; 36, с. 132] (Хитати-фудоки, уезд Намэката, село Аука; уезд Така, село Митинокути; уезд Кудзи, почтовый двор Аука) [2, с. 46, 58–60]. Подробнее см.: [31, с. 37].

[2] 1 *цуэ* (др.-яп. *тувэ*) – ок. 3 *м* [14, т. II, с. 423].

[3] 建借馬 яп. *Такэ-касима* [15].

[4] 杵島唱曲 яп. *Кисима-но ута-бури* – «песни Кисима» [2, с. 45; 159, п. 13; с. 146, 235, п. 6].

(Хитати-фудоки, уезд Намэката, деревни Итаку, Фуцуна, Ясукири, Эсаки). Это позволяет установить более точное место происхождения Такэ-касима. Во фрагменте «Хидзэн-фудоки» (взятом, может быть, из «Цукуси-фудоки»[1]) о горе Кисима[2], располагавшейся в óкруге Кисима области Хидзэн, говорится. «*Агата* Кисима. В двух *сато* (*ри – С. Д.*) южнее [управления] *агата* есть одна изолированная гора. С юго-запада на северо-восток рядом стоят три пика; их-то и называют Кисима. Юго-западный пик называют Хико*гами* (бог – *С.Д.* [2, с. 234, п. 4 к разделу «Гора Кисима»]). Средний пик – Химэ*гами* (богиня – *С.Д.* [Ibid.].) и северо-восточный пик – Мико*гами* (юный бог – *С.Д.* [Ibid.].) (другое имя Икуса*гами* (бог войны – *С.Д.*]… [Ibid.]). Мужчины и женщины из [окрестных] деревень и посёлков каждую весну и каждую осень, неся с собой *сакэ* и арфу *кото*, взявшись за руки, поднимаются на гору, любуются видами, пьют *сакэ*, поют и пляшут, а пропев все песни, возвращаются домой. В одной из песен говорится: «Поднимаясь на крутую гору Кисима, // Я схватился не за растущую траву, // А за руку моей возлюбленной». (Это и есть *кисима-бури*[3])» [2, с. 146] (Фрагмент «Хидзэн-фудоки», гора Кисима[4]). «Когда шел град, то на крутой горе Кисима я не мог схватить траву, а схватил руку моей любимой» [2, с. 159, п. 13; с. 146, 235, п. 6] (Фрагменты Хидзэн-фудоки, гора Кисима). Аналогичная песня есть и в «Манъёсю» (св. 3-й, № 385) [2, с. 235, п. 6]: «Град идёт… // К[и]сим[а]–пик очень крут, // И трудно мне // Ухватиться за траву, // Я любимую мою за руку возьму!»[5]. В «Манъёсю тюсяку» есть примечание: «Эта песня есть в «Хидзэн-фудоки» (цит. по: [Ibid.]).

Таким образом, Такэ-касима был выходцем из округа Кисима (Кисима-но *агата*) области Хидзэн в северо-западном Кюсю. Позднее на

---

[1] См.: [2, с. 234, п.1]. Употребление термина *агата* («округ»), а не *кōри* («уезд») может служить косвенным указанием на более ранний текст «Харима-фудоки» [Ibid, п. 2].

[2] В западной части равнины Сага и сейчас есть гора Кисима (342 *м*) [Ibid, п. 3 к разделу «Гора Кисима»].

[3] 杵島唱曲 яп. *Кисима-бури* – досл. «*кисима*» (название местности) + *бури*<*фури* (манера, стиль песни или танца); т.е. это песня, что поют на горе Кисима [2, с. 235, п. 6].

[4] Текст *танка* из «Хидзэн-фудоки»:

Арарэфуру
Кисима-га такэ-о
Сакасимито
Куса ториканэтэ
Имо-га тэ-о тору

Текст *танка* из «Манъёсю»:

Арарэфури
Кисима-га такэ-о
Сакасимито
Куса ториханати
Имо-га тэ-о тору

[5] [10, с.196]; 「3／385／味稲（未詳か）／霰零 吉志美我(が) 高嶺乎(を) 険(と) 跡 草 取可奈和(かなわ) 妹 手乎(を) 取／あられ降り吉志美が岳を険しみと草取りかなわ妹が手を取る」[9]. Текст написан стилем *камбун* с параллельным переводом на древнеяпонский язык [2, с. 235, п. 6].

территории округа Кисима был создан уезд Кисима (Кисима-но *кōри*) [2, с. 234, п.2 к фрагменту «Гора Кисима»]. Уезд Кисима на северо-западе граничил с уездом Мацура, а на северо-востоке – с уездом Оки; он занимал район современного города Такэо и уезда Кисима. В этот уезд входило четыре села, которые в «Хидзэн-фудоки» не описаны. Но в «Вамёсё» приведены названия этих четырёх сёл (в VIII в., очевидно, составлявших уезд Кисима), среди них указано село Кисима, в котором, очевидно, находились уездное управление Кисима и почтовый двор Кисима. Почтовый двор Кисима (по «Энги-сики» и «Вамёсё») был следующим за почтовым двором Такаку (уезда Оки) в южном направлении [2, с. 232, п. 1]. Надо полагать, военачальник Такэ-касима был родом из села Кисима округа Кисима области Хидзэн.

Реестр наместников областей в «Кудзи-хонки» (св. 10-й) указывает, что Такэ-касима, будучи «управляющим областью» (*куни-но мияцуко*) Нака-но *куни*, имел одинакового предка с родом Иё-но *куни-но мияцуко* (Кудзи-хонки, св. 10-й, Нака-но *куни-но мияцуко*). «Кодзики» сообщает, что предком родов Нака-но *куни-но мияцуко* в Хитати и *куни-но мияцуко* земли Иё был Каму-яви-*мими* – сын государя Дзимму (301–316 гг. – испр. хрон.) [4, т. II, с. 45] (Кодзики, св. 2-й, Дзимму, Каму-я-ви-*мими*). Следовательно, Такэ-касима был потомком государя Дзимму[1]. Известно, что Такэ-касима принадлежал к роду Ō-*удзи* (др.-яп. Опо-*уди*) – роду потомков Дзимму [15].

Таким образом, по данной генеалогии Такэ-касима считался потомком в 6-м поколении Каму-яви-*мими* [15]. Однако есть материалы, исходя из анализа которых, можно сделать вывод, что количество поколений рода Ō-*удзи* было преувеличено в угоду удревнения династии Ямато и «растягивании» хронологии царствований [см. 29, с. 210–240, 269]. По реконструированной «короткой» генеалогии рода Ō-*удзи*, Такэ-касима должен был быть внуком Каму-яви-*мими* [или, скорее всего, старшему брату Каму-яви-*мими* – Хико-яви]. Отцом Такэ-касима был Такэ-вэкасаки[2] (другое имя: Вакэ-хико-вэка-*вакэ*[3]) – упомянут в 5-м свитке «Синсэн-сёдзи-року» (как потомок Каму-яви-*мими* в 5 поколении по «растянутой» генеалогии)[4] (Синсэн-сёдзи-року, св. 5-

[1] Со ссылкой на «Кодзики» К. А. Попов указывает, что Такэ-касима был сыном императора Дзимму. См.: [Ibid.].

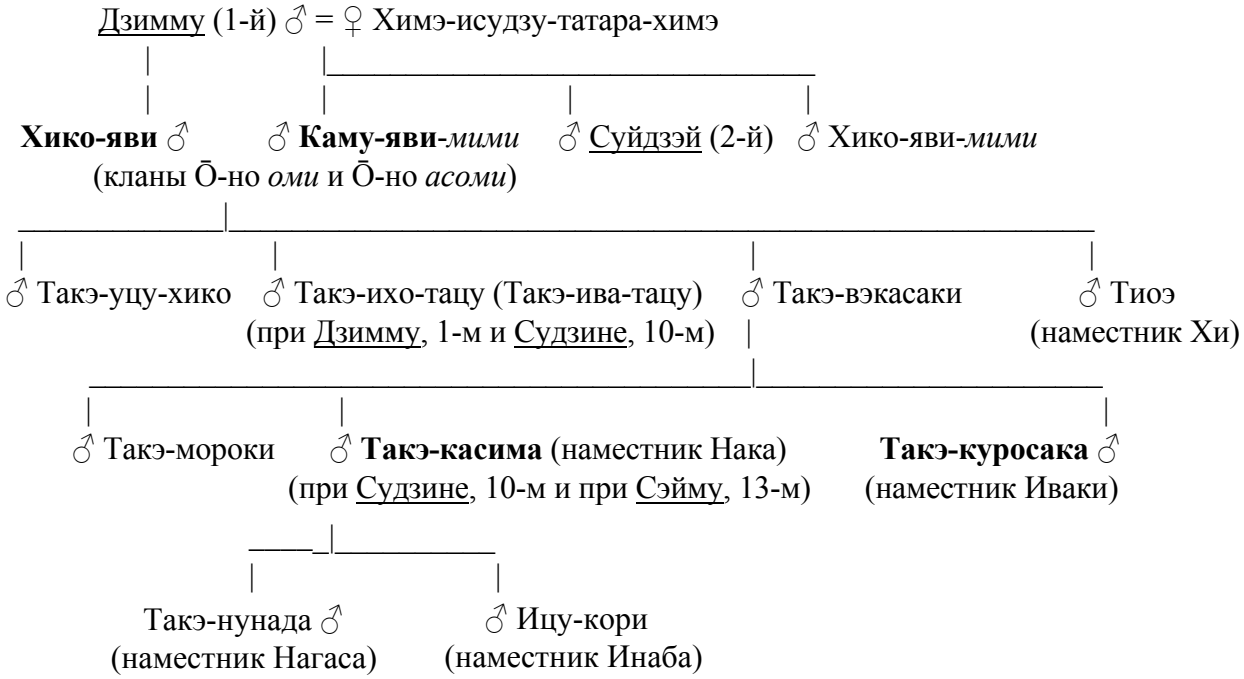
[2] 武恵賀前 яп. *Такэ-вэкасаки* [15].

[3] 別彦恵賀別 яп. *Вакэ-хико-вэка-вакэ* [15].

[4] (167) 右京、皇別:「島田臣。多朝臣ト同祖。神八井耳命ノ後 也。五世孫、武恵賀前 命…」[16, с. 183]; 「島田臣（しまたのおみ）。神八井耳命(かむやゐみみのみこと)の後な り。五世孫、武恵賀前命(たけゑがさきのみこと)…」[17].

й, Симата-но *оми*). В «Ō-дзиндзя тю̄синдзё̄»[1] сообщается, что Такэ-вэкасаки жил в царствование государя Мимаки (Судзина, 324–331 гг. – испр. хрон.), так же, как и его дети [15].

«Короткая» генеалогия клана Ō-*удзи*[2]



Такэ-касима сначала «был послан (государем Мимаки – *С.Д.*) на усмирение разбойников *нисимоно*[3], бесчинствовавших в пограничных районах восточных провинций. Этот князь, встав во главе войска, усмирял разбойников (досл. «захватывал пройдох»[4] – *С. Д.*) на {своем} пути»[5] (Хитати-фудоки, уезд Намэката). Из источника видно, что он оказался на границе с владениями *эмиси* (*айну*) (уезд **Сида**, юго-западная часть залива Касумигаура в южном Хитати) [2, с. 265, п. к *Аба*], куда он мог попасть с территории

---

[1] 「多神社注進状」яп. *Ō-дзиндзя тю̄синдзё̄* [15].

[2] См.: 多氏概略系図II（姓氏類別大観参考）[15].

[3] 荒賊 др.-яп. *арабуру нисимоно*, яп. *кōдзоку* – досл. «грубые / буйные разбойники»; бандиты (см. ранее) [38, с. 5].

[4] 「行二略一凶猾。」; где 略 яп. *рякусу*, кит. *люэ́ – гл.* …2) грабить, отнимать; захватывать, занимать, отторгать (*территорию*); идти походом на…, вторгаться в… [1, т. II, с. 523]; 凶猾 яп. *кё̄кацу*, кит. *сю̄нхуа̀* – хитрец, пройдоха [1, т. II, с. 372].

[5] [2, с. 44];「斯貴ノ瑞垣宮 大八洲 所馭天皇之世 為平一レ東垂之荒賊 遣一レ建借間命、即此 那賀国造ノ初祖、引二率一レ軍士、行二略一レ凶猾。」[38, с. 5].

области Цукуба. Из «Хитати-фудоки» видно, что Такэ-касима бывал на острове Аба[1], относящемся к территориям уезда Сида [Ibid.]. «Остановившись на острове Аба (в южном Хитати в уезде Сида[2] – *С.Д.*), он посмотрел в море далеко на восток (через залив Касумигаура – *С.Д.*) и, заметив {поднимавшийся} дым, подумал, что там (т. е. на противоположной стороне залива в Намэката[3] – *С.Д.*) есть люди…[4]. Таким образом он узнал, что {там} разбойники. Тогда он приказал [своим] подчиненным поесть рано утром и переправился [с ними на берег] (с противоположной стороны залива Касумигаура в Намэката [см.: 2, с. 263, п. к *Ясакаси*. – *С.Д.*). Там оказалось два *кудзу* (люди местной народности – *С.Д.*): *Ясакаси* и *Яцукуси*. Оба они были главарями шаек. [Эти люди] рыли пещеры и делали из них укрепления, обычно они там и жили. [Иногда они], пользуясь неосторожностью царских войск, оказывали сопротивление. Такэкасима направил против них своё войско и преследовал их. Тогда все разбойники убежали в свои пещеры, закрыли их и стали обороняться»[5]. То есть, с наскоку захватить или убить местных *кудзу* не удалось.

«Неожиданно у Такэкасима возник хороший план. Он отобрал воинов, презирающих смерть, и спрятал их в складках горы, подготовив оружие для уничтожения разбойников. На морском берегу он надел красивую одежду, {приказал} выстроить в ряд лодки, связать плоты, поставить во множестве зонты, обтянутые шёлком, поднять флаги, развевающиеся, как радуга. Звуки *кото* и флейт сынов неба[6] слышались под шум волн и прилива. Семь дней и

---

[1] *Аба* – остров в заливе Касумигаура; сейчас такого топонима нет; возможно, (1) что это самое древнее название острова Укисима (уезд Сида префектуры Ибараки), находящегося в юго-западной части залива Касумигаура; или же (2) этот остров исчез, а название сохранил расположенный т а м ж е мыс *Аба* [2, с. 265].

[2] *Аба* – остров в заливе Касумигаура; сейчас такого топонима нет; возможно, что это самое древнее название острова Укисима (уезд Сида префектуры Ибараки), находящийся в юго-западной части залива Касумигаура, или же этот остров исчез, а название сохранил расположенный там же мыс Аба [2, с. 265].

[3] Восточная часть залива Касумигаура, прилегавшая к территории уезда Намэката, носила название «море Намэката» [2, с. 298].

[4]「頓宿レ安婆之島、遥望レ海東之浦ノ時、烟所見、交疑 有レ人。」[38, с. 5].

[5] [2, с. 44];「爰自 知レ有レ凶賊。即命レ従衆 褥食レ而 渡レ於是。有レ国栖、名 曰レ夜尺 斯・夜筑斯 二人、自為レ首帥。堀レ穴、造レ堡、常 所 居住。覘伺 官軍、伏衛拒抗。建借 間命 縦レ兵驅(駈)、追レ賊。盡(尽)逋還、閉レ堡、固禁。」[37, с. 73; 38, с. 6].

[6]「天之鳥琴、天之鳥笛」яп. *ама-но тори кото*, *ама-но тори фуэ* – букв. «*кото* небесной птицы, флейта небесной птицы» [37, с. 74; 38, с. 6].

семь ночей, распевая песни *кисима*[1], {они} веселились и танцевали. Разбойники, слыша эту великолепную музыку, целыми семьями, и мужчины, и женщины – все вышли из {пещер}, столпились полным-полно на берегу и веселились. Тогда Такэкасима приказал коннице занять их укрепления и отрезать им пути к отступлению. Его воины напали с тыла, взяли всех в плен, сожгли укрепления и уничтожили всех одновременно…»[2] (Хитати-фудоки, уезд Намэката, деревни Итаку, Фуцуна, Ясукири, Эсаки). Таким образом, подойдя с юго-западной стороны границы владения Намэката, Такэ-касима завоевал эти территории.

В результате, лежащие к северу от залива Касумигаура земли владений **Сида** (в Хитати), **Намэката**, **Ниибари**, **Нака**, **Кудзи**, по-видимому, как следует из материалов «Хитати-фудоки», были также покорены военачальником Такэ-касима при государе Мимаки (Судзине, 324–331 гг. – испр. хрон.) (Хитати-фудоки, уезды Намэката, Ниибари, Нака, Кудзи).

«Хитати-фудоки» сообщает, что Такэ-касима был предком рода наместников **Нака**-но *куни*. Путь из **Намэката** в Нака лежал в северо-западном направлении через земли владения **Убараки**. Владение (*куни*) Убараки примыкало с востока к округу Цукуба-но *агата* (уже находившегося под властью Ямато). В «Хитати-фудоки» сказано: «На востоке, юге и западе этот уезд (Намэката – *С.Д.*) выходит на залив {Касумигаура}, а на севере он граничит с уездом Убараки» [2, с. 39] (Хитати-фудоки, уезд Намэката). Следовательно, чтобы попасть в Нака-но *куни*, Такэ-касима должен был пройти через Убараки-но *куни*. Однако источники ничего не говорят о покорения земель Убараки при государе Мимаки. Возможно, что Такэ-касима по пути из завоеванных им земель Намэката во владение Нака-но *куни*, проходя через земли Убараки, попытался подчинить их власти Ямато. Но к прочному покорению территории Убараки в царствование государя Мимаки

---

[1] 杵島唱曲 *Кисима-но утабури* – “песни Кисима”; во фрагменте «Хидзэн-фудоки» в разделе «Гора Кисима» помещена следующая песня (которая называлась *кисима-бури*): «когда шел град, то на крутой горе Кисима я не мог схватить траву, а схватил руку моей любимой» (Фрагменты Хидзэн-фудоки, гора Кисима) [2, с. 159, п. 13; с. 146, 235, п. 6].

[2] См.: [2, с. 44–45];「俄而 建借間命 大起レ権議、校閲敢レ死之士、伏隠レ山阿、造備レ 滅賊之器。厳芳 海餝、連レ舟、編レ筏、飛雲蓋、張虹旌。天之鳥琴、天之鳥笛 隨レ波逐 潮。杵島唱曲、七日七夜 遊レ楽、歌、舞。于時 賊黨 聞レ盛音楽 挙房 男女 悉尽 出来、傾レ浜、歓咲。建借間命 令レ騎士 閉レ堡、自後 襲撃。尽囚種属、一時 焚滅。此時 痛殺 所 言レ今 謂レ伊多久之郷、臨斬レ所 言レ今 謂レ布都奈之村、安殺レ所 言レ今 謂レ安伐 之里、吉殺レ所 言レ今 謂レ吉前之邑。」[37, с. 73–74; 38, с. 6].

это не привело. Судя по сведениям «Хитати-фудоки», владение Убараки было окончательно покорено немного позже, предположительно, во 2-й пол. 30-х гг. IV в. – испр. хрон. (см. далее).

Из Убараки полководец Такэ-касима уже проследовал в **Нака**-но *куни*. Опять же, никаких подробностей покорения данной области в источниках нет. Однако то, что известно, позволяет сказать, что владение Нака было завоёвано именно военачальником Такэ-касима, т.к. о его дальнейшей судьбе известно, что в царствование Сэйму (341–344 гг. – испр. хрон.) он уже официально был назначен на должность «управляющего областью» (*куни-но мияцуко*) Нака-но *куни* [см.: 34, с. 117] (Кудзи-хонки, св. 10-й, [38] Нака-но *куни-но мияцуко*).

Возможно, под властью двора Ямато оказались и территории области **Кудзи**-но *куни* – северного соседа Нака-но *куни*, так как в «Хитати-фудоки» есть следующее упоминание: «…в правление царя *Мимаки* дальний потомок Нагахатабэ {по имени} Татэ приехал из Мино в Кудзи, построил там ткацкую мастерскую и впервые начал ткать…»[1] (Хитати-фудоки, уезд Кудзи, село Ōта, храм Нагахатабэ). В землях уезда Кудзи жили люди из народа *кудзу*. «Севернее храма есть село *Сацу*[2]. В древние времена здесь жили *кудзу*, называемые *цутикумо*»[3] (Хитати-фудоки, уезд Кудзи, село Сацу). Однако полного подчинения территории Кудзи-но *куни* при государе Мимаки не произошло. Будучи тогда пограничной территорией, к которой с севера примыкали земли ещё непокорённых *эмиси*, владение Кудзи, видимо, сохраняло большу̀ю самостоятельность. Местное население не стремилось во всём подчиняться властям Ямато. По этой причине в конце правления государя Ōтараси-хико (Кэйкō, 337 – ок. 343 гг. – испр. хрон.) и начале соправления государя Вака-тараси-хико (Сэйму, 341–343 гг. – испр. хрон.) будущему наместнику области (*куни-но мияцуко*) Унагами – **ВОЕНАЧАЛЬНИКУ УНАГАМИ** (личное имя не указано) приходилось проводить карательные операции против *кудзу*. Об этой деятельности военачальника Унагами рассказывается в «Хитати-фудоки». По сведениям источника, он проводил военные операции против местного населения в селе Сацу уезда Кудзи.

---

[1] [2, с. 56];「後 及 美麻貴天皇之世、長幡部ノ遠祖 多弖命 避レ自 三野 遷レ于 久慈、造立レ機殿、初 織之。」[38, с. 8].

[2] *Сацу* – село в уезде Кудзи, провинции Хитати; в перечне сёл в *Вамёсё* есть Саноцу; остаточным является название Сатономия (бывшее село Саноцу, что лежит севернее города Хитати-Ōта); в бассейне реки Сато (древнее название *Сацу*) есть старые названия сёл: Сато, Накадзато и Кодзато [2, с. 306].

[3] [2, с. 57];「自此以北 薩都里。古 有レ国栖、名 曰レ土雲。」[38, с. 8].

«*Унаками* послал сюда воинов и уничтожил {*кудзу*}. Завершив истребление, он сказал: «Вот удача...!»»[1] (Хитати-фудоки, уезд Кудзи, село Сацу).

Этот военачальник Унагами (Унаками) – один из представителей местного знатного рода Унагами («бог моря», «морской бог») который управлял древними владениями **Камиунагами** и **Симоунагами**, находившимися в позже образованной провинции Симоцуфуса (Симофуса, в совр. преф. Ибараки). Поскольку личное имя этого человека не записано в «Хитати-фудоки», то определить, о ком идёт речь, трудно [2, с. 258–259]. Однако в «Кудзи-хонки» рассказывается об Оси-татэ-кэтахи-но *микото* (др.-яп. Оси-татэ-кэтапи-но *микото*), который в ходе административно-территориальных реформ Кэйкō–Сэйму (ок. 341 г. – испр. хрон.) был назначен «управляющим областью» (*куни-но мияцуко*) Ками-цу Унагами-но *куни* (досл. «Верхнее Унагами»)[2] (Кудзи-хонки, св. 10-й, [28] Ками-цу Унагами-но *куни-но мияцуко*). Возможно, именно он и упомянут в «Хитати-фудоки» как военачальник Унагами, покаравший *кудзу* уезда Кудзи. В Симо-цу Унагами-но *куни* «управляющий областью» был назначен только в правление государя Хомуда [7, с. 407–408; ср.: 34, с. 116] (Ōдзина, 391 – кон. 414 / нач. 415 гг.) (Кудзи-хонки, св. 10-й, [34] Симо-цу Унагами-но *куни-но мияцуко*).

Оси-татэ-кэтахи считался потомком Ама-но Хохи-но *микото* в восьмом поколении [34, с. 116]. Ама-но Хохи-но *микото* в «Синсэн-сёдзи-року» (в разделе *тэнсон*) указан как предок кланов Идзумо-но *оми*, Идзумо-*сукунэ*, Идзумо-*удзи*, Хадзи-но *мурадзи*, Хадзи-но *сукунэ* и др. [16, с. 220–221, 231–232, 242, 247, 257, 267, 275–276, 339, 349; 18, с. 432, п. 34]. В «Нихон-сёки» (св. 1-й) он предок Идзумо-но *оми*, Хадзи-но *мурадзи* и др. [14, т. I, с. 131]. В «Кодзики» (св. 1-й) сказано, что сын Амэ-но Хохи-но *микото* по имени Такэ-хиратори-но *микото* стал предком родов «управляющих областями» (*куни-но мияцуко*) Идзумо, Мусаси, Камицуунагами, Симоцуунагами, Идзиму, Тотоми, а также «правителя óкруга» (*агата-но атаэ*[3]) Цусима [4, т. I, с. 54, 156, п. 109, 110]. Получается, что предки Оси-татэ-кэтахи и он сам происходили из области Идзумо.

Во владение Кудзи-но *куни* «управляющий областью» (*куни-но мияцуко*)

---

[1] [2, с. 57];「爰 兎上命 発レ兵、誅滅。時 能令殺、“福哉” 所言…」[38, с. 8].

[2] 「上海上國造。志賀高穴穂ノ朝ニ、天穂日命ノ八世ノ孫　忍立化多比命ヲ　定賜レ國造。」 [7, с. 407–408];「上海上国造 (かみつうなかみのくにのみやつこ)。志賀高穴穂朝の御世に、天穂日命(あまのほひのみこと)の八世孫の忍立化多比命(おしたてけたひのみこと)を国 造に 定められました。」[8; см.: 34, с. 116].

[3] 縣直 яп. *агата-но атаэ* (*атаи*) – «правитель округа»; то же что 縣主 яп. *агата-нуси* “владыка округа”. – См.: [4, т. I, с. 156, п. 110].

официально был назначен только в период реформ Кэйкō–Сэйму (ок. 341 г. – испр. хрон.). Это был Фунасэ-но *сукунэ* (др.-яп. Пунасэ) – праправнук предка рода Мононобэ-но *мурадзи* по имени Икагасикоо-но *микото*, который, в свою очередь, был современником государей Кайка и Судзина [34, с. 117] (Кудзи-хонки, св. 10-й, [39] Кудзи-но *куни-но мияцуко*).

Покорение владения **Убараки**, по-видимому, было завершено **военачальником Ō-но *оми* Куросака** (полное имя **Такэ-куросака**)[1], с деятельностью которого связано происхождение топонима Убараки и осуществление военных операций против местного населения[2]. Куросака (досл. «Чёрный перевал» [2, с. 247]) в генеалогии клана Ō-*удзи* (Ō-но *оми*) указан как младший брат военачальника Такэ-касима [15] (см. генеалогическую схему выше).

Об этом же могут говорить другие материалы из «Хитати-фудоки». Во-первых, происхождение топонима Убараки связано с деятельностью Ō-но *оми* Куросака[3], а это означает, что первым из представителей Ямато в Убараки был именно он. Во-вторых, и завоевание Убараки так же можно приписать ему, так как в «Хитати-фудоки» описываются военные действия князя Куросака против местного населения[4]. «Старики рассказывают: в древние времена жили *горные саэки* и *равнинные саэки*, называемые *кудзу* (по-местному – *цутикумо* или *яцукахаги*)[5]. Они повсеместно рыли в земле пещеры и жили обычно в них. Когда к ним приближались чужие люди, то *саэки* скрывались в пещерах. Когда же чужие люди уходили, то они выходили наружу и веселились. У них был характер волка и душа совы; они тайно высматривали и грабили; не подходили близко на зов и не поддавались уговорам. Их привычки и нравы отличались [от японских]. Однажды, когда князю (яп. *микото* – досл. «господину»[6] – *С.Д.*) *Куросака* из рода *Ō*но*оми* стало известно, что *саэки* вышли из своих пещер на игры, он приказал

[1] [2, с. 246–247]; 建黒坂 яп. *Такэ-куросака* [15].
[2] Время его походов не известно [2, с. 247].
[3]「黒坂命」яп. *Куросака-но микото* [38, с. 4; 39].
[4] Время его походов не известно [2, с. 247].
[5] 佐伯 яп. *саэки<сахэги* – «супротивники»; 国巣 яп. *кудзу* – «обитатели берлог»; 都 知久 母 яп. *цутикумо* – «земляные пауки»; 夜都賀波岐 яп. *яцукахаги* – “длинноногие люди” (досл. «ноги длиной восемь локтей») – все это прозвища, данные японцами аборигенам японских островов; возможно, что эти прозвища относились к разным неяпонским племенам, истребленным японцами или ассимилировавшимися с ними; Иноуэ Юитирō пишет, что *кудзу* были аборигенами, жившими на островах до *айнов*, а *цутикумо* были пещерными жителями неяпонского племени [2, с. 157, п. 2].
[6] 命 яп. *микото* – досл. «господин» [38, с. 4].

натаскать к пещерам терновник (*убара*) и послал конных воинов преследовать *саэки*. Тогда эти *саэки*, как обычно, быстро кинулись к своим пещерам, напоролись на терновник, многие сильно поранились и умерли, а остальные рассеялись. (Так как взяли терновник *убара*[1] – *С.Д.*) поэтому-то местности и дали название Убара[2]» (Хитати-фудоки, уезд Убараки)[3]. Этот отрывок дан для объяснения происхождения топонима *Убараки*.

Но далее в «Хитати-фудоки» даётся генеалогия рода наместников Убараки-но *куни*: «[1] Некий человек рассказывал: горные *саэки* и равнинные *саэки* становились главарями разбойников. Возглавляя свои шайки, они шли неправедными путями, многих грабили и убивали. Тогда князь *Куросака*, намереваясь уничтожить этих разбойников, соорудил изгородь из терновника (*убара*). Поэтому местность и назвали Убараки [2]. Предок наместника провинции Убараки (Убараки-но *куни-но мияцуко* – *С.Д.*) по имени **ТАКЭКОРО** служил при дворе царицы *Окинагатарасихимэ*, что продолжалось до рождения царя *Хомуда* (в начале 347 г. – испр. хрон.; подробнее см: [33, с. 15–16; 21, с. 102, 124–126, 155–156; 20, с. 165] – *С.Д.*). У Такэкоро было восемь детей[4]. Средний сын – Цукубано*оми* – был предком рода

---

[1] Эта часть текста「故 取ㇾ茨蕀」в русском переводе пропущена.

[2] 茨城 яп. *Убараки* – древняя *куни*, в VII в/ реорганизованная в уезд провинции Хитати, а также село в уезде Нака провинции Хитати. До XIX в. название *Убара / Ōбара* носило село, впоследствии называемое *Ōхара / Охара* (современный городок Томобэ уезда Нисиибараки); в *Вамёсё* занесено село *Убараки*; Иноуэ Юитирō считает, что *Ōхара / Ōбара* является диалектным произношением *Убара* [2, с. 317].

[3] [2, с. 37];「古老 曰: 昔 在ㇾ国巣 俗語ㇾ都知久母 又 云ㇾ夜都賀波岐 山之佐伯・野之 佐伯。普 置堀ㇾ土窟、常 居ㇾ穴。有ㇾ人 来、則 入ㇾ窟 而 竄之。其人 去、更 出ㇾ郊以遊 之。狼性 梟情、鼠窺掠盗、無被招慰。弥阻風俗 也。此時 **大臣族**ノ**黒坂命** 伺候出遊之 時、茨蕀 施ㇾ穴内、即 縦ㇾ騎兵 急令ㇾ遂迫。佐伯等 如常 走帰ㇾ土窟、尽繋ㇾ茨蕀、衝害 疾死散。故 取ㇾ茨蕀、以着ㇾ県名 所謂ㇾ茨城郡。」[38, с. 4].

[4] В реестре *Куни-но мияцуко хонки* (раздел «Кюдзики», 620 г.) записано, что шесть детей Такэкоро при государе–соправителе Сэйму (341–344 гг. – испр. хрон.) стали наместниками провинций Митиноку-но Кикута, Митиноку-но Киэ, Ивасиро, Суэ, Мумакуда и Синага [2, с. 158, п. 4]; ср.: Записи № 22 (Миядоми-васи-оми в Синага), № 26 (Ōну-но Хи-оми в Суэ), № 27 (Фука-кава-оми в Мумакуда), № 48 (Януси-нонэ в Мити-но воку Кикута), № 49 (Усахи-нонэ в Мити-но Кутикибэ), № 57 (Такэмиёримэ в Ивасэ). [34, с. 115–116, 118–119; 7, с. 406–407, 411, 413].

Юэно*мурадзи*[1] из уезда Убараки»[2] (Хитати-фудоки, уезд Убараки). Видимо, полагают комментаторы текста, люди рода Цукуба-но *оми* принадлежали к роду наместников провинции Цукуба [2, с. 262].

Что примечательно во всем этом. Во-первых, в начале генеалогии рода наместников Убараки называется господин (*микото*) *Куросака*[3], который происходил из рода *Ō-но оми*[4] (др.-яп. *Опо-но оми*).[5] Он разгромил местных *саэки* и дал название владению Убараки. Род *Ō-но оми* восходит к среднему сыну государя Дзимму от женщины из рода правителей Идзумо [5, с. 86] – Каму-яви-*мими*[6] (Кодзики, св. 2-й, Дзимму; Синсэн-сёдзи-року, св. 2-й, Ō-но *асоми*). Во-вторых, следующим после господина Куросака назван **Такэкоро**[7] – предок наместников владения Убараки. В «Кудзи-хонки» Такэкоро также считается предком наместника (*куни-но мияцуко*) Убараки-но *куни*. «…Такэкоро-но *микото* – {он также} предок {рода} Убараки-но *куни-но мияцуко*…»[8] (Кудзи-хонки, св. 10-й, [22] Синага-но *куни-но мияцуко*; [26] Суэ-но *куни-но мияцуко*). В «Реестре наместников» (св. 10-й «Кудзи-хонки») сообщается, что Такэкоро в период административно-территориальных реформ Кэйкō–Сэйму (ок. 341 г. – испр. хрон.) был назначен «управляющим областью» (*куни-но мияцуко*) Иваки-но *куни*[9] (Кудзи-хонки, св. 10-й, [58] Иваки-но *куни-но мияцуко*). О родословной клана наместников области Иваки (Иваки-но *куни-но мияцуко*) в Митинооку, а, значит, о предках Такэкоро, «Кодзики» сообщает, что их родоначальником был сын государя Дзимму – Каму-яви-*мими*[10] (Кодзики, св. 2-й, Дзимму, Каму-яви-*мими*). То есть, получается, что Куросака и Такэкоро имели общего предка –

---

[1] *Юэномурадзи* – так именовались дочери знати, прислуживавшие государыне во время купания; затем их должностное звание превратилось в родовое имя [2, с. 158, п. 5].

[2] [2, с. 37];「或曰: 山之佐伯・野之佐伯 自為レ賊長。引率レ徒衆、横行レ国中、大 為レ劫殺。時 黒坂命 規滅レ此賊、以 茨 造レ城、所以 地名 便 謂レ茨城 焉。茨城国造ノ初祖 多祁許呂命 仕レ息長帯比売天皇之朝、当至レ品太天皇之誕時。多祁許呂命 有レ子ノ八 人。中男 筑波使主 茨城郡ノ湯坐連等之初祖。」[38, с. 4].

[3] 黒坂 яп. *Куросака* – досл. «Черный перевал» [38, с. 4; 2, с. 247].

[4] 大臣族 яп. *Ō-но оми-якара* – род Ō-но оми [Ibid., с. 251].

[5] Полное имя 大臣黒坂命 *Ō-но оми-но Куросака-но микото* [2, с. 246].

[6] [41, p. 186, n. 3; 4, т. II, с. 43, 45]; (77) 左京、皇別:「多朝臣。出レ自 謚神武ノ皇子 神八井耳命之後 也。」[16, с. 163].

[7] 多祁許呂命 *Такэкоро-но микото* [38, с. 4].

[8]「茨城國造ノ祖 建許呂命」[7, с. 406; 8; см.: 34, с. 115, 116].

[9]「石城國造。志賀高穴穂朝ノ御世、以 建許呂命ヲ 定賜レ國造。」[7, с. 413; 8; 34, с. 119].

[10]「神八井耳 者、(…道奥石城國造…)」[3, с. 162; 4, т. II, с. 45].

Каму-яви-*мими* (сына Дзимму), а, значит, могли относиться к одному клану. В «Синсэн-сёдзи-року» упоминается некий Такэкоро – потомок Ама-цу Хиконэ-но *микото* в 12-м[1] или 14-м поколении[2] (Синсэн-сёдзи-року, св. 17-й, Сакикуса*бэ*-но *мурадзи*; Амути-но *мияцуко*; св. 20-й, Такэти-но *агата-нуси*).

Так как в генеалогии наместников владения Убараки-но *куни* князь Куросака назван перед Такэкоро, можно сделать вывод, что Куросака жил раньше Такэкоро. О Такэкоро сказано, что он при соправителе государя Ōтараси-хико (Кэйкō) и его сыне – *Вака-тараси-хико* (Сэйму, 341–343 гг. – испр. хрон.) занимал должность наместника Иваки, а потом служил при государыне («царице») *Окинага-тараси-химэ* (Дзингу) до рождения *Хомуда-вакэ* (т.е. с момента реального прихода к власти Тюая в 344 г. и до 347 г. – [испр. хрон.]).

Следовательно, Куросака должен был появиться в Убараки до начала царствования Сэйму (т. е. до 341 г. [испр. хрон.]). А это значит, что он должен был жить при государях Судзине, Суйнине и Кэйкō (в 324–343 гг. [испр. хрон.]). Учитывая, что предком Куросака являлся сын Дзимму – Каму-яви-*мими*, рождённый в браке, заключённом в 300 г. [испр. хрон.], получается, что потомки Каму-яви-*мими* могли появиться только после 316–320 гг. В этом случае получается, что совершеннолетие Куросака приходилось на правление Суйнина и Кэйкō (332–343 гг. [испр. хрон.]).

Видимо, окончательное покорение Убараки произошло ещё до появления здесь принца Ямато-*такэру* (т. е. до 340 г. [испр. хрон.]; подробнее см.: [31, с. 35–37]), т. к. в источниках ничего не говорится о каких-либо военных действиях, проводимых Ямато-*такэру* в Убараки. Данный факт может означать, что ко времени появления принца в данном районе, эта *куни* была уже покорена войсками Ямато [см.: 2, с. 39] (Хитати-фудоки, уезд Убараки, холм Кувахара, село Тамари).

Таким образом, завоевание Убараки «князем» Куросака должно было произойти или в конце правления Суйнина (332–336 гг. [испр. хрон.]), или в начале правления Кэйкō (337–343 гг. – испр. хрон.) – т. е. **во второй**

---

[1] (735) 和泉国、神別、天孫:「高市県主。天津彦根命〻十二世孫 建許呂命〻後 也。」[16, с. 277]; ср.:「高市県主(たけちのあがたぬし)。天津彦根命(あまつひこねのみこと) の十 二世孫、建許呂命(たけころのみこと)の後なり。」– Синсэн-сёдзи-року, св. 20-й // [17].

[2] (561) 大和国、神別、天孫:「三枝部連。…天津彦根命〻十四世孫 達己呂命…」[16, с. 249]; ср.: 「天津彦根命(あまつひこねのみこと)の十四世孫、達己呂命(たけころのみこ と)…」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 20-й // [17]; (563) 大和国、神別、天孫:「奄智造。同神〻十四世孫 建凝命之後 也。」[16, с. 249]; ср.:「奄智造(あむちのみやつこ)。同じき神の 十四世孫、建凝命(たけころのみこと)の後なり。」– Синсэн-сёдзи-року, св. 20-й // [17].

половине 30-х гг. IV в. (до похода Ямато-*такэру* ок. 340 г. – испр. хрон., так как происхождение названия Убараки связано с Куросака – первым завоевателем).[1] Поэтому, видимо, Ямато-*такэру* не пришлось вести военные действия в Убараки, так как эта *куни* уже находилась под властью Ямато.

В связи с этим, следует обратить внимание на сообщение «Синсэн-сёдзи-року», где упоминается некий клан Убараки-но *мияцуко* (досл. «управляющих Убараки»), который возводил своё происхождение к старшему сыну государя Мимаки – принцу Тоёки-ири-бико-но *микото*[2] (Синсэн-сёдзи-року, св. 10-й, Убараки-но *мияцуко*). Известно, что во второй половине царствования Мимаки (в конце 20-х – начале 30-х гг. IV в. –испр. хрон.) – Тоёки-ири-бико был назначен управлять подвластными тогда двору Ямато Восточными областями (Адзума-но *куни*[3])[4] (Нихон-сёки, св. 5-й, Судзин, 48 год пр., 4-я луна; Nihongi, V, 16 [цит. по: 42]; Кудзи-хонки, св. 7-й [4], Судзин, 48-й год пр.). Если верить сведениям Икэда Дзиндзō (достоверность чего сложно проверить), на кургане Тэндзин-*яма* в префектуре Гумма обнаружена некая эпиграфическая надпись неизвестного происхождения, из которой следует, что Тоёки-ири-бико-но *микото* умер в 17-й день 10-й луны года *хиноэ-ума* (43-й год цикла) (в 346 г. – испр. хрон.; [см.: 40, с. 100]) в возрасте 49 лет[5] (т.е. он был 297 г. р. – испр. хрон.).

Возможно, отпрыски Тоёки-ири-бико управляли землями Убараки до их выделения в отдельную область Убараки-но *куни* и официального назначения сюда «управляющего областью» Убараки (Убараки-но *куни-но мияцуко*) в царствование государя Хомуда[6] (Ōдзина, 390 – кон. 414 / нач. 415 гг. – испр. хрон.; подр. см.: [32, с. 44–73; 21, с. 3–103; 28, с. 8–45]) (Кудзи-хонки, св. 10-й, Убараки-но *куни-но мияцуко*). Первопредком рода «управляющих областью» (*куни-но мияцуко*) Убараки считался Ама-цу Хиконэ-но *микото* [4, т. I, с. 54; 34, с. 117] (Кодзики, св. 1-й [гл. 11]; Кудзи-хонки, св. 10-й, [37] Убараки-но *куни-но мияцуко*).

---

[1] Поэтому получается, что местные источники провинции Хитати сохранили сведения, которые отсутствуют в других источниках (прежде всего, в «Кодзики» и «Нихон-сёки»).

[2] (327) 和泉国、皇別:「茨木造。豊城入彦命之後也。」[16, с. 209]; ср.:「茨木造(うまら きのみやつこ)。豊城入彦命の後 なり。」– Синсэн-сёдзи-року, св. 10-й // [17].

[3] 東國 яп. *Адзума-но куни*. – досл. «Восточные *куни*» [13, с. 169].

[4]「四十八年… 夏四月、戊申朔丙寅… 以豐城命ヲ 令治ㇾ東國。」[14, т. I, с. 215; 7, с. 336].

[5] ***** (墓碑所在箇所等) 豐木入日子命/崇神子 (陵主名) 丙午年、10月、17日、49 (没年月日薨年) 群馬天神山 (古墳名等) [6].

[6] См.:「茨城國造。輕島豐明朝御世、天津彦根命孫 筑紫刀禰ヲ 定賜ㇾ國造。」[7, с. 409; 34, с. 117].

Таким образом, в период с конца правления государя Мимаки (Судзина), царствования Икумэ (Суйнина) и начала правления государя Ōтараси-хико (Кэйкō) (с конца 20-х – в 30-е гг. IV в. [испр. хрон.]) власти династии Ямато были подчинены земли в области Хитати.

Литература

1. Большой китайско-русский словарь. Тт. I–IV. М.: Наука, 1983–1984.
2. Древние фудоки. М.: Наука, 1969.
3. Кодзики古事記 (из серии «Нихон котэн бунгаку дзэнсю̄» 日本古典文学全集). Токио 東京: Сё̄гаккан 小学館, 2001.
4. Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. I–II. СПб.: Шар, 1994.
5. *Конрад Н.И.* Лекции по истории Японии (1937 г.): Древняя история (с древнейших времён до переворота Тайка, 645 г.) // Японские древности (историко-правовые исследования): сборник науч. трудов / под ред. Л.М. Ермакова, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. Екатеринбург: УралГЮУ, 2023. Вып. 1. С. 6–129.
6. Кофун то рёсю – 2 古墳と陵主−2. URL: http://www11.ocn.ne.jp/ ~jin /RYOS2.htm (дата обращения: 28.05.2016).
7. Кудзи-хонки // Сэндай кудзи-хонки 先代舊事本紀 // Кокуси-тайкэй 國史大系. Токио 東京: Кэйдзай дзасси-ся 経済雑誌社, 1901. Т. 7. С. 171–418.
8. Кудзи-хонки, в 10-ти свитках 舊事本紀。全十巻 // Сэндай кудзи-хонки, св. 1-й – 10-й 先代舊事本紀. URL: http://mononobe. nobody.jp/kujihonki/yaku/mokujiiikagen.htm (дата обращения: 28.05.2016).
9. Манъё̄сю̄ в 20-ти свитках『萬葉集』. URL: https://miko.org/ ~uraki/kuon/furu/text/waka/manyou/mana.htm (дата обращения: 28.02.2024).
10. Манъёсю: Японская поэзия. Т. I. М.: АСТ, 2001.
11. Накатоми, Касима-*удзи* 中臣、鹿嶋氏. URL: http://www.max.hi-ho.ne.jp/m-kat/nihon/13-12nakatomikasimasi.htm (дата обращения: 28.05.2016).
12. Накатоми-*удзи* – Ō-накатоми-*удзи* (фукуми: Ура*бэ*-*удзи*) 中臣氏・大中臣氏考（含：卜部氏）. URL: http://www.0o0d.com/jinbutsu/index.php?% E4% B8%AD%E8%87%A3%E6%B0%8F%E3%83%BB%E5%A4%A7%E4%B8%AD%E8 %87%A3%E6%B0%8F%E8%80%83%EF%BC%88%E5%90%AB%E%BC%9A%E5 %8D%9C%E9%83%A8%E6%B0%8F%EF%BC%89 (дата обращения: 28.02.2024).
13. Нихон-сёки日本書紀 (из серии «Кокуси-тайкэй» 國史大系). Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. Ч. I. Т. I.
14. Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I–II. СПб.: Гиперион, 1997.
15. Ō-*удзи* кō (цуки: Асо-удзи, Канэсаси-*удзи*) 多（おお）氏考（付：阿蘇氏・金刺氏）. URL: http://ek1010.sakura.ne.jp/1234-7-31.html (дата обращения 28.02.2024).
16. Синсэн-сё̄дзи-року, в 3-х частях 新撰姓氏録 // *Саэки Арикиё* 佐伯 有清.

«Синсэн-сёдзи-року»-но кэнкю̄. Хомбун-хэн 新撰姓氏録の研究　本文篇. Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962. С. 149–350.

17. Синсэн-сёдзи-року 新撰姓氏録, в 30-ти свитках // URL: https://web.archive.org/web/20060224211815/http://homepage1.nifty.com/k-kitagawa/data/shoji.html (дата обращения 28.02.2024).

18. Синто: путь японских богов. Т. II. СПб.: Гиперион, 2002.

19. *Суровень Д.А.* Конфедерация Ямато (вторая половина 10-х – первая половина 20-х годов IV века) // Проблемы истории общества, государства и права: Сб. науч. тр. / гл. ред. проф. А. С. Смыкалин. Екатеринбург: УралГЮУ, 2021. Вып. 15. С. 135–286.

20. *Суровень Д.А.* Корейский поход *Окинага-тараси-химэ* (правительницы Дзингу) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1998. Вып. 5. С. 160–167.

21. *Суровень Д.А.* О хронологии правлений Окинага-тараси-химэ (государыни Дзингӯ) и Хомуда-вакэ (государя Ōдзина) // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 1–226.

22. *Суровень Д.А.* Обстоятельства вступления на трон государя Ōтараси-хико в древнем Ямато // Мир Востока и Мир Запада: проблемы и перспективы: сб. научн. статей. Междунар. научно-практ. конференции, 25 апреля 2018 г. Уфа: УГНТУ, 2018. С. 442–446.

23. *Суровень Д.А.* Объезд Восточных территорий государем Ōтарасихйко и административно-территориальные реформы начала 40-х годов IV века в Ямато // Уральское востоковедение. Межд. альманах. Екатеринбург, 2011. Вып. 4. С. 10–39.

24. *Суровень Д.А.* Покорение земель северо-восточной Японии режимом Ямато (по материалам «Куни-но мияцуко хонки» [«Реестра наместников провинций»]) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманит. науки. 2011. № 2 (18). С. 3–15.

25. *Суровень Д.А.* Поход государства Ямато в Силла 346 года // Научный диалог. 2015. № 1 (37). С. 8–65.

26. *Суровень Д.А.* Проблема периода «восьми правителей» и развитие государства Ямато в царствование *Мимаки* (государя Судзина) // Известия УралГЮУ: гуманитарные науки. Вып. 2. Екатеринбург, 1999. № 13. С. 89–113.

27. *Суровень Д.А.* Проблемы царствования в Ямато правителя *Икумэ* (Суйнина) // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1998. С. 193–217.

28. *Суровень Д.А.* Развитие Японии в конце IV – начале V вв. // Уральское востоковедение: Международный альманах. Екатеринбург, 2005. Вып. 1. С. 8–45.

29. *Суровень Д.А.* Хронология древней Японии. Т. I. Екатеринбург, 2023.

30. *Суровень Д.А.* Экспансия государства Ямато в Южной Японии в конце 30-х годов IV века н. э. в правление Ōтараси-хико (государя Кэйко) // Проблемы отечественной и зарубежной истории, теории и методики обучения истории. Екатеринбург: УрГПУ, 2002. С. 180–196.

31. *Суровень Д.А.* Эпические сказания как источник по истории Ямато первой половины IV века // Вестник СВФУ имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2017. № 4 (8). С. 29–46.

32. *Суровень Д.А*. Япония в конце IV–V веках: период среднего Ямато. Екатеринбург: УрГЮУ, 2020. Т. I.

33. *Суровень Д.А*. Япония в середине – второй половине IV века. Екатеринбург: Альфапринт, 2021. 408 с.

34. Сэндай кудзи хонги, 10-й свиток «Куни-но-мияцуко-хонги» (Описание управителей областей) / пер. Е. К. Симоновой-Гудзенко // Синто: путь японских богов. СПб.: Гиперион, 2002. Т. II. С. 112–127.

35. Таманусимэ-но хака 玉主売(たまぬしめ)の墓. URL: http://www.ikishi.sakura.ne.jp/tamanusimehaka.html (дата обращения: 28.02.2024).

36. *Фельдман-Конрад Н. И*. Японско-русский учебный словарь иероглифов. М.: Русс. яз., 1977.

37. Хитати-но куни-но фудоки 常陸國風土記 // Хёдзю кофудоки (Хитати) 標註古風土記（常陸）. Токио 東京: Ō-окаяма сётэн 大岡山書店, 1930. С. 3–163.

38. Хитати-но куни-но фудоки 常陸國風土記 // Фудоки 風土記 (из серии «Бунгаку-тайкэй» 文学大系). Токио 岩波書店, 1958. С. 3–9.

39. Хитати-но куни-но фудоки ицубун「常陸国風土記」逸文 // URL: https://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/fuudo/itubun/fuudo_f.htm (дата обращения: 28.02.2024).

40. *Цыбульский В. В*. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М.: Наука, 1987.

41. Kojiki: Records of ancient matters / Transl. by B. H. Chamberlain. Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1982. P. 1–428.

42. Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697. Part I / Transl. W. G. Aston. L.: Allen, 1956.

Николаева Н.А.

Государственный университет просвещения

Нартский эпос и индоевропейская проблема

Аннотация. Статья посвящена комплексному решению вопросов происхождения и датировки начального ядра Нартского эпоса, бытующего у народов Кавказа, с учётом данных археологии и лингвистики. Существующие гипотезы об автохтонности эпоса противоречат свидетельствам его европейских корней, не предлагая верификации датировки эпоса I тыс. до н.э. На основе концепции о локализации последней индоевропейской прародины в IV тыс. в Подунавье, об индоарийской и «древнеевропейской» атрибуции археологических культур бронзового века в западной и центральной части Северного Кавказа, а также по данным языкознания о древнейших индоевропеизмах в картвельских языках, древнеевропеизмах в осетинском языке, в данной статье рассматривается формирование ядра Нартского эпоса на индоевропейской основе непосредственно до начала миграций индоевропейцев на Кавказ в начале III тыс. Именно эти два источника легли в основу адыгской и осетинской версий Нартского эпоса.

Ключевые слова: древнеевропейская общность, греко-арийско-фригийская общность, индоевропейские миграции, бронзовый век Северного Кавказа., Нартский эпос.

Nikolaeva N.A.

State University of Education

The Nart epic and the Indo-European problem

Abstract. The article is devoted to a comprehensive solution to the issues of the origin and dating of the initial core of the Nart epic, common among the peoples of the Caucasus, taking into account archaeological and linguistic data. Existing hypotheses about the autochthony of the epic contradict the evidence of its European roots, without offering verification of the dating of the epic to the 1st

millennium BC. Based on the concept of the localization of the last Indo-European homeland in the 4th millennium in the Danube region, on the Indo-Aryan and "Ancient European" attribution of archaeological cultures of the Bronze Age in the western and central parts of the North Caucasus, as well as according to linguistic data on the most «Ancient Indo-Europeanisms» in the Kartvelian languages, «Ancient Indo-Europeanisms» in the Ossetian language, this article establishes two sourcesof the formation of the core of the Nart epic on an Indo-European basis immediately before the beginning of the migration of Indo-Europeans to the Caucasus at the beginning of the 3rd millennium.It was these two sources that formed the basis of the Adyghe and Ossetian versions of the Nart epic.

Keywords: Indo-European homelands, Ancient European community, Greco-Aryan-Phrygian community, eastern migrations of Indo-Europeans, the Bronze Age of the North Caucasus.

Нартский эпос – духовное наследие разноязычных народов Кавказа – сохранялся в устной сфере тысячелетиями [1, с. 22; 22; 23, с. 381]. Сказания о богоравных героях-богатырях Нартах стали собирать и записывать с середины XIX века. Публикация отдельных сказаний и научный анализ эпоса были представлены общественности в 80-х гг. XIX в. [8; 21]. Рассмотрение эпоса как исторического источника поставило перед исследователями вопрос не только о степени и характере отражения в нем реальных исторических событий, но и о происхождении, датировке, этнической атрибуции исходной версии[1] [16; 18; 19; 32].

Основоположники нартоведения нашли яркие и убедительные параллели сюжетам эпоса в скифо-сарматской мифологии, а также и в мифологии ряда народов Европы [2; 3; 13; 14; 22]. Однако факт сходства с эпическими произведениями Древней Европы, указывающий на происхождение и датировку древнейшей части эпоса, недооценен и не

[1] Нартский эпос считают *своим* национальным достоянием [23, с. 381–382] не только ираноязычные осетины, [26], но и говорящие на языках северокавказской семьи адыги [6], абхазы [10], кабардинцы [8], а также тюркоязычные карачаевцы и балкарцы [8, с. 6]. Мнения исследователей расходятся по вопросу, эпос какого народа надо считать первичным. Исходной версией Нартского эпоса Ж. Дюмезиль, а также исследователи, являющиеся этническими осетинами, в том числе и В. И. Абаев считают осетинскую. но это не поддерживается другими нартоведами-кавказоведами, хотя Ж. Дюмезиль говорит о значительном вкладе черкесов/адыгов в создание эпоса. В данной статье мы привлекаем две версии, адыгскую и осетинскую [6; 26], поскольку на территории их бытования археологически и лингвистически просматривается непрерывность индоевропейского присутствия с III тыс. до н. э. вплоть до скифо-сарматской и аланской эпохи.

получил развития за исключением единственного замечания Ж. Дюмезиля, что эпос, возможно, восходит к глубокой древности, к праиндоевропейской эпохе [13, с. 126].

Что касается происхождения эпоса, то взгляд о возникновении сказаний о Нартах на Кавказе[1], на *«кавказской этнической почве»* ,[1–4; 5; 22; 13, с. 31; 16; 19; 32] остается пока единственным. Ж. Дюмезиль хотя и набросал несколько схем, которые могли бы объяснить европейские параллели мотивам Нартского эпоса, тем не менее «заявил со всей ясностью», что «мы не можем сделать правдоподобного заключения» [13, с. 126]. В.И. Абаев, признавая правомерность европейских аналогий древнейшим сюжетам Нартского эпоса, говорит о «кавказском субстрате» сложения как осетинского этноса, так и эпоса [2; 3; 4]. Другие нартоведы отмечают, что «сармато-аланское происхождение не отрицает кавказского происхождения эпоса» [8, с. 3]. В пользу автохтонного происхождения начального ядра эпоса, говорит тот факт, что сказания о Нартах существовали в устной форме, изолированной от европейцев и по языку, и своему местоположению; до 1850 года предания поддерживались профессионалами, бардами, которые, по сути, являлись языческими жрецами [2–4]. Европейские параллели Нартскому эпосу исследователи объясняют заимствованиями аланами в период контактов с населением Европы в IV в. [1; 3; 4; 19; 34]. Другие исследователи считают, что именно сказания о Нартах, принесенные аланами в Европу, обогатили мифологию кельтов и германцев [19], а другие полагают, что аланы переняли эпические сюжеты у европейцев [1; 33].

Таким образом, исследователями не учитываются свидетельства европейских корней Нартского эпоса в решении вопроса о его происхождении., а сходство сюжетов объясняются заимствованиями. В вопросах *хронологии* эпоса тоже нет определенности. Сюжеты одного цикла (Сослан-Созырыко) исследователи-нартоведы относят к разным эпохам: *общеиндоевропейской, скифской и готской* [1, с. 102, сн. 45; 2–4; 13], что разрушает идею о начальном ядре эпоса. Поскольку в Нартском эпосе выделяется *более древняя часть* и более поздние наслоения из разных эпох, одной даты для всего эпоса действительно быть не может. Речь может идти только о датировке самой древней части эпоса, но тогда возникает вопрос,

[1] Даже Ж. Дюмезиль, предложивший абсолютные аналогии эпосу из мифологии древних германцев и кельтов, согласился, что «Нартский эпос – северокавказский, т. е. адыгский или осетинский, как говорил В. Миллер, а некоторые образы вышли из сармато-аланского и евро-иранского и в конечном счете осетинского фонда» [13; с. 31–35].

какие сказания следует считать древнейшими[1]. Более решительно датируют начальный этап эпоса временем кобанской культуры археологи [17], поскольку ареал родственных археологических культур охватывает основные центры бытования Нартского эпоса.

Обращаясь к важному вопросу об *историчности* Нартского эпоса [3; 4; 5; 13; 14; 16], исследователи пытаются найти в нём отражение реальных исторических событий или деятелей[2]. Поиски пока не оправдали ожиданий, тем более что «историчность» или «историзм» исследователи определяли по-разному, но никто из них не принял во внимание свидетельства более древней истории[3], реконструируемой на основе данных лингвистики и археологии.

Уже в первых публикациях сказаний о Нартах обратили внимание на иранские/скифские параллели в Нартском эпосе: плащ Сослана из скальпов врагов; чаша Уацамонга, указывающая на героя; похоронные обряды скифских вождей, а также на параллели в иранском эпосе «Шах-Наме»., в индоарийском/индийском -- «Махабхарате» [2, с. 56–69, 105–117; 13, с. 70, 80, 98-99, 111–122;14, с. 13–14, 64–71, 168 и сл.; 22]. В то же время уникальный сюжет о нетрадиционном *рождении Батраза* имеет параллели как в древнегреческой мифологии (рождение Афины) [9, с. 30 –31], так и в ведийской литературе, а столь же яркий сюжет о уязвимости незакаленных колен Сослана, приведшая его к смерти [23, с. 499], находит параллель в древнегреческой мифологии (Ахиллесова пята) [9, с. 50; 24, с. 78–79].

Ж. Дюмезиль убедительно показал, что сюжет *Сослан-Сырдон* восходит к сюжету *Бальдр -- Локи* из эддических сказаний [13, с. 119–125], а цикл о *Батразе* связан с кельтским эпосом о Кухулине и средневековыми легендами о короле Артуре. Эти сюжеты образуют древнеевропейскую линию аналогий[4] [14; 25, с. 65; 30].

---

[1] Древнейшей частью (или начальным ядром) Нартского эпоса исследователи считают сюжеты, находящие аналогии в мифологии скифо-сарматской эпохи, что может быть оспорено в свете данных археологии в комплексе с лингвистикой (см. ниже).

[2] Такой подход известен из истории изучения русского былинного эпоса [5].

[3] Существующее представление, что в эпосе отражаются ритуалы и структуры общества первобытности [Пропп, Мелетинский и др.], делает Нартский эпос не историческим, а скорее этнографическим источником, лишенным исторической перспективы [5]. Действительно, так его и воспринимают некоторые исследователи, реконструируя быт и обычаи средневекового общества на Кавказе на основании эпоса [32]. Подобный подход поддерживает и В. И. Абаев [2].

[4] Древнеевропейцы, по Г. Крае [39; 40] – это диалектная лингвистическая общность, условное обобщающее наименование для выделившихся с распадом праиндоевропейской

Помимо западноевропейских и скифских сюжетов, в качестве аналогий Нартскому эпосу приводились *древнерусские* былины. Из общих осетино-славянских мифологем исследователями упомянут сюжет о великане Мукара из Нартского эпоса как аналогия великану Святогору из русских былин [13, с. 85–94]. Ценным дополнением к названным параллелям для Нартского эпоса в мифологии народов Западной Европы является, по нашему мнению, такой источник, как русские *волшебные сказки,* представляющие, собой следы несохранившегося эпического источника.

Как повествуют осетинские сказители, *(первый сюжет)* в саду у Нартов росла яблоня, на которой созревало яблоко, дающее Нартам вечную молодость. В сад за яблоком повадилась летать птица с золотым оперением. Два брата-близнеца Ахсар и Ахсартаг отправились сторожить сад и подстрелили птицу. По следу раненой птицы они доходят до моря, где живет Владыка вод Донбеттыр. Птицей оказалась его дочь. Один из братьев спускается в царство Донбеттыра и спасает ее, отдав ей недостающие перья [26, с. 12].

Сюжет о волшебной яблоне в саду Нартов и Птице, похищающей «яблоки бессмертия», идентичен началу русской волшебной сказки о Жар-Птице, похищающей молодильные яблоки из царского сада [7, с. 292–303].

Второй сюжет о Птице, дочери Донбеттыра, Дзерассе [26, с. 12] имеет хорошую аналогию в русской волшебной сказке о дочери Морского царя, Василисе Премудрой, принимающей и обличье голубки, и образ прекрасной девы, помогающей герою преодолеть козни ее отца, Морского царя [7, с. 112–120]. В «Нартском эпосе» эти два сюжета связаны.

Третий сюжет Нартского эпоса повествует о наказе Дзерассы своим сыновьям, Урузмагу и Хамицу сторожить ее гробницу три дня, охраняя от мести обманутого ею Уастырджи. Хамиц ушёл на свадьбу, забыв об обещании. И тогда через какое-то время в гробнице Дзерассы слышно ржанье жеребенка, тявканье щенков и плач ребенка. Так родилась Сатана, которая стала Хозяйкой Нартов [26, с. 19].

Четвертый сюжет Нартского эпоса (нарт Сослан настигает летающую башню, где находится Бедуха, на которой он хочет жениться) [26, с. 97–98] опосредованно связан с третьим сюжетом через русскую волшебную сказку «Сивко-Бурка», [7, с. 5–9], в которой Старик-Отец поручает сыновьям сторожить три дня его могилу, а Иван-третий сын получает в награду от Старика-отца волшебного коня, с помощью которого получает в жёны

общности (35 в. до н. э.) предков кельтов, германцев, иллирийцев, италиков, балтов, славян, существовавших в III тыс. до н.э.

царевну из высокой башни. Таким образом, наказ Дзерассы три дня сторожить ее могилу и появление волшебного коня представляют также аналогию части сказки «Сивка-Бурка».

Пятый сюжет связан с женитьбой другого нарта, Хамыца на одной из дочерей Донбеттыра (один вариант) или женщине из племени карликов, вынужденной скрываться в лягушачьей коже или в черепашьем панцире. Насмешки Сырдона (или злые козни) вынуждают ее покинуть мужа. [26, с. 226] В русской волшебной сказке «Царевна-лягушка» [7, с. 201–205] идея та же: завистники сжигают лягушачью кожу царевны, что приводит к дальнейшим злоключениям Ивана-царевича и Царевны-лягушки. В сказке развитие сюжета идет после этого другим путём.

Шестой сюжет. Жена Хамыца переносит зародыш Батрадза на спину Хамыца и через 9 месяцев рождается Батрадз при помощи Сатаны [26, с. 227]. Аналогии этому сюжету фиксируются в индийском эпосе [22; 23] и в несколько измененном виде в древнегреческом мифе о рождении Афины[1] [23, с. 75].

Седьмой сюжет «Нартского эпоса» о волшебном войске, которое выходит или из Черной Скалы, или *из морских глубин* [13, с. 236–238] находит отражение в Сказке о царе Салтане, обработанной А.С. Пушкиным, где волшебное войско, охраняющее пределы земли князя Гвидона, «из вод чредой выходят ясных и с ними дядька их Морской».

Приведенные параллели усиливают предположение о большей значимости древнеевропейской линии в развитии Нартского эпоса на Кавказе.

Сосуществование древнеевропейского и индоарийского направлений доформирования Нартского эпоса на Кавказе следует из обстоятельств рождения Сослана из камня. Сослан, относящийся к числу великих Нартов, *является одновременно* и двойником древнегерманского Бальдра, и двойником индоарийского Митры (имеется в виду одинаковый сюжет о рождении Сослана и Митры), причем это соединение двух эпических персонажей в образе Сослана не является органичным, но скорее механическим слиянием двух мифологем из двух разных источников [22 с. 154 ; 23, с. 499; 26].

Сочетание древнеевропейских и индоиранских корней в Нартском эпосе указывает на несколько одновременных линий сложения начального

[1] Следует вспомнить, что греки выделились, как и индоиранцы из греко-арийско-фригийской общности, существовавшей в XXX–XXVIII вв. до н. э. на Дунае, и контактирующей с древнеевропейской общностью к северу от неё.

ядра Нартского эпоса, которые можно определить, датировать и локализовать, обратившись к индоевропейской проблеме и концепции об последней индоевропейской прародине в Центральной Европе [30]. В. И. Абаев говорит о двух или даже о трех центрах сложения эпоса на Кавказе, но не приводит доказательств, кроме отличий версий между собой [1-4].

На основании концепции В. А. Сафронова об индоевропейских (далее ИЕ) прародинах и локализации последней ИЕ прародины на Северных Балканах и в Подунавье (её археологические эквиваленты – культура воронковидных кубков[1]+культура Лендьел) [30, с.93 и сл.]. Была обоснована миграция древнеевропейцев на Кавказ [28]. На Северном Кавказе ИЕ мигранты представлены двумя археологическими эквивалентами: с XXII в. до н.э. – *культурой дольменов Новосвободной* в Адыгее [30, с. 205 и сл.; 38, с. 226–255] и *кубано-терской* культурой на территории предгорной Кабардино-Балкарии и Северной Осетии [28]. Их древнеевропейская атрибуция установлена по двадцати общим признакам с древнеевропейскими культурами Центральной Европы – КВК, КША и КШК [28, с. 182].

С распадом общности праиндоевропейцев сложилась новая греко-арийско-фригийская общность, и с территории Подунавья несколько раньше древнеевропейской миграции на Кавказ ушли по югу Восточной Европы индоиранцы. В ходе миграции пастухи-индоиранцы разделились на праиранцев и индоариев (середина III тыс.), что фиксируется появлением их археологических эквивалентов в Северном Причерноморье и в Предкавказье в виде *древнеямной культуры (праиранцы*) [30, с.190 сл.] и *кубано-днепровской культуры с повозками (индоарии)* [30, с. 205–217; 31], *которые до XX в. до н.э. сосуществовали* с *культурой дольменов Новосвободной* [28, с. 182; 30, с. 217 сл.].

Атрибуцию и траекторию движения в III тыс. от Венгрии и Болгарии до Прикубанья определяет индоарийская топонимика [34].

Начало миграции индоиранцев и древнеевропейцев в Восточную Европу и Северный Кавказ определяется второй половиной III тыс. до н.э. [26][2]. Такой вывод следует из археологии энеолита Европы [26; 41; 42]. В

[1] КВК-культура воронковидных кубков; КША – культура шаровидных амфор; КШК-культура шнуровых керамик. Древнеевропейские КША и КШК выделились из праиндоевропейской (ПИЕ) КВК и сосуществовали в период XXVIII–XXII вв. до н.э. на территории Германии и Польши [24; 25]. Затем последовала их миграция в Восточную Европу и на Кавказ, где они известны как культура дольменов Новосвободной и кубано-терская культура (далее КТК).

[2] Хронология в статье дана по С14, без калибровки.

Центральной Европе ***только один период*** *первой половины III тыс. до н.э. характеризуется контактами греко-индоиранской (болераз-баденской) общности с древнеевропейцами (КША+КВК+КШК)* [28, с.182 сл., 192 сл.; 30, с.179 сл.; 41; 42]. В этот период происходит переход к пастушеству в Подунавье, который ознаменовал начало далеких миграций индоевропейцев на восток. Конец III тыс. – это начальный период контактов [28] разных групп индоевропейцев, вызвавших смешение древнеевропейских, индоарийских и иранских[1] мифологем в Нартском эпосе и определяющих дату сложения начального ядра эпоса.

Адыгскую версию Нартского эпоса в начальной фазе формирования эпоса правомерно связывать с *индоариями* [28, с.213-218; 31], поскольку непрерывное присутствие индоариев устанавливается на Северо-Западном Кавказе с середины III тыс. В I тыс. до н.э. индоарии на территории Прикубанья известны под именем ‘меоты’[2], а также как синды и дандарии. Адыги, занимая позднее территорию меотов в Прикубанье, включили в свой состав проживавших там меотов [8], и этим можно объяснить индоевропейские мотивы в адыгском Нартском эпосе.

Правомерно считать, что Нартский эпос в своей древнейшей части (включив в себя фрагменты древнегерманского эпоса «Эдда», элементы и сюжеты кельтской мифологии, мотивы русских волшебных сказок, а также индоарийские сюжеты о Сослане, нерожденном сыне Сатаны и о нетрадиционном рождении Батраза), уходит корнями к собранию мифологических сюжетов индоевропейских народов, существовавшему в Центральной Европе к началу – середине III тыс. до н.э.

Индоевропеизмы в картвельских языках [15] Древнеевропейские, индоарийские и иранские изоглоссы в картвельских языках подтверждают факт миграций населения с Центральной Европы на Северный Кавказ [27]., что было установлено ранее в форме ареальных контактов на Северном Кавказе *новосвободненской* [28; 29] и *кубано-терской* [28] культур с закавказской *куро-аракской* культурой [38, с. 8–57], имеющей картвельскую

[1] Скифские аналогии мифологемам Нартского эпоса неправомерно датировать скифской эпохой, поскольку для скифов их возникновение – тоже глубокая мифологическая древность.

[2] Меоты имеют общий корень с названием Митанни, государством Древнего Востока, часть населения которого это индоарии, мигрировавшие с Северного Кавказа в Северную Месопотамию XX–XVIII вв. до н. э. [28; 31; 34]. Индоарийская атрибуция меотов определяет индоарийские корни древнейшей части адыгского Нартского эпоса. О происхождении адыгов от меотов пишут и нартоведы [8].

языковую атрибуцию [28, с. 38, 57; 30]. Эти контакты отразились в нартских мотивах в мифологии картвелоязычных племен Закавказья [12].

В работе Г.А. Климова выделены три уровня заимствований из индоевропейских языков. «Рассматриваются пятнадцать параллелизмов, претендующих на *общекартвельский* характер [15, с. 40–84, 243], т. е. датированных III тыс. до н.э.; сорок параллелизмов *грузинско-занского* хронологического уровня [15, с. 84–164, 243–244], т.е. от XX в. до н.э. и до конца XIII в. до н.э.; сорок параллелизмов более позднего, но все еще *«доисторического»* уровня, т. е. до появления армян, греков, персов» [15, с.164-205]. Проведенное исследователем сравнение реконструированных картвельских архетипов с праиндоевропейским или с индоевропейским диалектным архетипом, позволяет считать, что наиболее контактными с картвельским были, с одной стороны, языки «древнеевропейского» ареала (балтийские, славянские, германские, италийские, кельтские), а с другой, -- греческие, индоиранские и индоарийские языки, которые также имели ареальные контакты в определённый период времени с «древнеевропейскими» в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе (XXV–XX вв. до н.э.) [28, с. 217, 219; 30, с. 258 сл.].

Анализ *грузинско-занского* фонда индоевропеизмов показывает, что двенадцать из сорока лексем (33%) имеют продолжение (лексические континуанты, по Г.А. Климову) только в языках «древнеевропейского», по Г. Крае, [1, с. 127–128; 39; 40] ареала.

Эти *лингвистические данные* позволяют подтвердить появление древнеевропейцев на Северном Кавказе не позднее конца III тыс. до н.э., а следовательно, и датировку этим временем происхождения начального ядра Нартского эпоса. Предположительно соответствующая носителям ИЕ языков «древнеевропейского» ареала (кельто-италийских, германских и балто-славянских диалектов) культурно-историческая общность КВК, КША и КШК сохранялась в Европе также до конца III тыс. до н.э. [30, с. 133 сл.; 41; 42].

Картвело-индоарийские связи. Однако индоевропеизмы в картвельских языках имеют своим источником не только древнеевропейские языки, но и *индоиранский, индоарийский, раннепраиранский*.

Лексический фонд индоевропеизмов пракартвельского уровня насчитывает четырнадцать лексем [15]. «В *двух* случаях можно усмотреть определенную близость картвельских форм, тяготеющих к индоарийскому источнику». Речь идет о глагольной основе **lag-* «сажать, прикреплять»; **usx-* «бык жертвенный, подросший бычок»; «ярмо, иго».

Грузинско-занская «упряжка быков» имеет параллели в др.-инд. «пара» [15, с. 40–48].

Лексический фонд индоевропеизмов грузинско-занского уровня II тыс. до н.э. насчитывает сорок единиц, из которых *пять относятся к заимствованиям из индоарийского,* и это при том, что Г.А. Климов подчеркивает, что «в большинстве случаев конкретный источник фигурирующего материала неопределим» [15, с. 92]. К этим шести индоевропеизмам/индоиранизмам относятся **band-* «сплетать, связывать»,**gwal-* «стоять (о жаре)», **guda-* «бурдюк, сума»; **sxal-* «срываться с места»,**prut-* «фыркать (о лошади)», **tep-* «греться, быть теплым». [15, с. 93, 95, 105, 135, 139, 144]. Лексема **uers-* «мужчина, самец, баран» также тяготеет к *индоиранскому*.

Интересно и то, что слова «ярмо», «жертвенный бык» заимствованы из индоарийского в финно-угорские языки (волж.-перм.) и в тохарский B, а слово «пыль» встречен в грузинско-занском и тохарском A и B, что свидетельствует о древности картвело-индоевропейских контактов, об индоариях как посредниках между тохарами и картвелами и небольшом промежутке времени между древнейшими арио-уральскими контактами и картвело-арийскими контактами, поскольку во всех заимствованиях наблюдается полное типологическое сходство. Что касается характера заимствований, то все они касаются скотоводческой терминологии, возможного использования парной запряжки быков в качестве тягловой силы или для распашки земли. Иранизмы типа «стоять (о жаре, засухе)», возможно, приоткрывают завесу над причиной миграции индоариев.

В целом, анализ данных Г.А. Климова показывает, что почти половина индоевропеизмов в картвельских языках появилась за счет контактов картвелов с древнеевропейцами на Северном Кавказе, что подтверждается контактами куро-аракской культуры с кубано-терской культурой в могильнике Дзуарикау Северной Осетии [28, с. 439–489; 38, с. 271] и нартскими мифологемами в фольклоре сванов и др. этносов Закавказья [12].

Индоевропеизмы в картвельских языках являются доказательством присутствия на Кавказе разных групп индоевропейцев, в том числе индоариев и праиранцев, в конце III–II тыс. до н.э., носителей духовной культуры в виде сохранившихся до нашего времени сказаний о Нартах. Это указывает на дезинтегрированное состояние мигрантов, обусловившее разные версии Нартского эпоса.

Древнеевропеизмы в осетинском языке (установленные и названные ученым В.И. Абаевым «скифо-европейскими изоглоссами») [1] являются

столь же важным, как и индоевропеизмы в картвельских языках, доказательством присутствия на Северном Кавказе «древнеевропейцев», среди которых были и предки славян

В.И. Абаев подчеркивает обособленное положение осетинского языка в иранской группе индоевропейских языков и считает, что осетинский язык противостоит всем индоиранским языкам и, по ряду признаков лексических, фонетических, грамматических, порывает с другими иранскими языками и смыкается с европейскими языками: германскими, балтскими, италийскими, кельтскими, *славянскими*. Это выражается более чем в 40 лексических, 3-х фонетических и 2-х грамматических изоглоссах [1, с. 3–4]. Эти факты, как и археологические свидетельствуют о уникальном вкладе в культуру и этнос осетин древнеевропейского населения II тыс. до н.э., который отсутствует у других ираноязычных этносов.

Объяснить эту ситуацию можно только гипотезой о присутствии в составе осетин индоевропейского более древнего населения, чем иранцы I тыс. до н.э. на Северном Кавказе[1]. Если устанавливается *древнеевропейская этимология* сорока слов осетинского словаря, то следует сделать вывод, что они принадлежат группе не-ираноязычного населения, попавшего на Кавказ в результате миграции из Древней Европы и дожившего до появления в начале I тыс. н. э. алан, предков осетин, пришедших на Кавказ из Средней Азии. Допускать проникновение в аланский и потом в осетинский язык каких-то заимствований из всех европейских индоевропейских языков в аланскую и даже скифо-сарматскую эпоху, как это делает В.И. Абаев[2], нет оснований, поскольку нет причин заимствовать такую лексику, тем более так поздно, как в аланскую эпоху. Сам факт существования осетино-европейских параллелей и отсутствие этих схождений в других иранских языках говорит об европейской составляющей в осетинском языке, которая либо исчезла в других иранских языках (в отсутствии питательной среды в течение

[1] Нуждается в корректировке точка зрения исследователей, что создателями Нартского эпоса являются ираноязычные осетины, от которых эпос был воспринят соседним населением, говорившим на севернокавказских языках. Осетин как этнической единицы не было в то время, когда создавались сюжеты, общие для древнегерманской, кельтской, праславянской, балтской мифологии, поэтому осетины не могут быть творцами *всего* эпоса. *Создателями* и *хранителями древнейшего ядра эпоса* стали древнеевропейцы и индоарии задолго до появления осетин, но их *потомки вошли в состав осетинского народа, смешавшись с иранцами сарматской эпохи и аланами.*

[2] «Скифская группа языков, к которой принадлежит осетинский, была от глубокой древности далеко продвинута в Европу и много веков соседила с европейскими, особенно с восточноевропейскими языками, в то время как остальные индоиранские языки уже давно переместились на восток и юг и утратили всякий контакт с Европой» [1, с. 4].

длительного отрезка времени), либо никогда и не существовала в них. Речь идет о «некавказском» субстрате для осетинского языка, отсутствующего в других иранских языках.

По мнению В.И. Абаева, «особенно многочисленны и значительны изоглоссы, связывающие осетинский со славянскими языками. Здесь мы имеем не только лексические, но и некоторые важные грамматические связи, что указывает на особую длительность и интимность контактов» [1, с. 4]. По нашему мнению, это хорошо соответствует значительному числу мифологем из русских волшебных сказок

Выводы. Соответствие между вкладом древнеевропейских и индоарийских мифологем в Нартском эпосе и данными археологии о реальных миграциях индоевропейцев на Кавказ в III–II тыс. до н.э., а также данными сравнительно-исторического индоевропейского языкознания и ареальной картвелистики делает правомерной гипотезу, что начальное ядро эпоса о Нартах зародилось и сложилось еще в области совместного обитания древнеевропейцев и индоиранцев в Центральной Европе в первой половине III тыс. до н.э., уже в виде двух версий эпоса, что продолжилось на Западном и в центральном Северном Кавказе благодаря новым миграционным импульсам с Европы во II–I тыс. до н.э. Влияние мировоззрения и фольклора автохтонного населения, говорящего на языках северокавказской семьи, возрастало по мере удаления от центра Северного Кавказа. Оно менее заметно в осетинской версии Нартского эпоса

Понятие «историзм» начального ядра Нартского эпоса в контексте статьи следует понимать как реальное появление создателей и носителей эпоса – древнеевропейцев и индоариев из Центральной Европы с конца III- до середины II тыс. до н.э., реконструируемое по данным археологии и лингвистики.

Литература

1. *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. М.: Наука, 1965.165 с.
2. *Абаев В.И.* Нартовский эпос осетин // Он же. Избранные труды: в 2-х тт. / отв. ред. В.М. Мусалов. Владикавказ: Ир. 1990. Т.1. С. 142–242.
3. *Абаев В.И.* Нартовский эпос осетин (вступительная статья) // Нарты. Осетинский героический эпос: в 3-х кн. М., 1989. Кн. 1. С. 7–76.
4. *Абаев В.И.* Проблемы Нартского эпоса // Нартский эпос: материалы совещания 19–20 октября 1956 г. Орджоникидзе, 1957. С. 22–37.
5. *Абаева З.Е.* Этюды по Нартовскому эпосу. Цхинвали, 1978.

6. *Алиева А.И.* Адыгский нартский эпос / ред А.Т. Шортанов. М.; Нальчик, 1969.

7. *Афанасьев А.Н*. Народные русские сказки: в 3 т. М.: Наука, 1984–1985. (Серия: Лит. памятники).

8. *Гаглойти Ю.С.* Некоторые вопросы историографии Нартского эпоса. Цхинвали, 1977.

9. *Грейвз Р.* Мифы Древней Греции. М., 1992.

10. *Джапуа З.Д.* Абхазский нартский эпос: Текстология, семантика, поэтика. М., 2016.

11. *Далгат У.Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты / отв. ред. И.А. Дахкильгов. М.,1972,

12. *Дзидзигури Ш.В.* Грузинские варианты Нартского эпоса. Исследования, тексты [и переводы]. Тбилиси, 1971.

13. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. Владикавказ: СОИГИСИ, 2001.

14. *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М., 1977.

15. *Климов* Г.А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994.

16. *Козаев П.К.* Нартовский эпос как исторический источник // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа: сб. научн. ст. / под ред. Т.Б. Тургиева. Орджоникидзе, 1985. С. 55–87.

17. *Крупнов Е.И.* О времени формирования основного ядра Нартского эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1969. С. 15–29.

18. *Кузнецов В.А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980.

19. *Литлтон К .Скотт, Малкор Линда А.* От Скифии до Камелота. М., 2007.

20. *Мальсагов А.О.* О Нарт-орстхойском эпосе чеченцев и ингушей // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1969. С. 255–282

21. *Миллер В.Ф.* Фольклор народов Северного Кавказа. Тексты и исследования. М., 2008.

22. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / гл. ред. С.А. Токарев. М., 1991.

23. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1990.

24. *Николаева Н.А*. Древнеевропейцы на Северном Кавказе // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2006. № 1. С. 3–12.

25. *Николаева Н.А.* Индоарии на Северном Кавказе // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2007. № 1. С. 3–29.

26. Нарты. Осетинский героический эпос: в 3-х кн. Кн. 2. Тексты / пер. А.А. Дзантиева, Т.А. Хамицаевой. М., 1989.

27. *Николаева Н.А.* Индоевропейцы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н.э. по данным лингвистики и археологии // ИЕ языкознание и классическая филология. XVI ежегодн. конф. Института лингвистических исследований: сб. ст. / под ред. Н.Н. Казанского. СПб., 2012. С. 610–619.

28. *Николаева Н.А.* Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н.э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М., 2011.

29. *Ростунов В.Л.* О куро-аракских элементах в керамике дольменной культуры. // Кочевники Азово-Каспийского междуморья: сб. научн. ст. / под ред. Т.Б. Тургиева. Орджоникидзе, 1983. С. 86–90.

30. *Сафронов В.А*. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.

31. *Сафронов В.А., Николаева Н.А.* Проблема появления колесного транспорта в Европе. Древнейшие повозки Восточной Европы. Выделение кубано-днепровской культуры – культуры древнейших кочевников Восточной Европы // Кочевники Азово-Каспийского междуморья: сб. научн. ст. / под ред. Т. Б. Тургиева. Орджоникидзе, 1983. С. 43–83.

32. Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1969.

33. *Туаллагов А.А.* Меч и фандыр. Владикавказ, 2021.

34. *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999.

35. *Шилов Ю.А.* Памятники старосельского типа (археологические источники и историческая интерпретация) // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа: сб. научн. ст. / под ред. Т.Б. Тургиева. Орджоникидзе, 1982. С. 105–121.

36. *Шкунаев С.В.* Герои и хранители ирландских преданий. // Предания и мифы средневековой Ирландии / отв. ред. Г. А. Косиков. М., 1991. С. 5–29.

37. *Цагаева А.Дз.* Топонимия Северной Осетии / отв. ред. М. И. Исаев. Орджоникидзе, 1971.

38. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза // Археология СССР: в 20 т. / под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1994.

39. *Krahe H.* Die Struktur der alteuropäischen Hydronimie // Akademie der Wiessenschaft und der Literatur. № 5. Wiesbaden, 1962. 58 c.

40. *Krahe H.* Unsere ältesten Flüssnamen. Wiesbaden. 1964.

41. *Szmyt M.* Between West and East. People of the Globular Amphorae Culture in Eastern Europe. 2950–2350 B.C. // Baltic-Pontic Studies. Adam Mickiewicz University. Poznań v. 8. 1999. C. 1–349.

42. *Szmyt M.* Baden patterns in the Milieu of the Globular Amphorae // The Baden Complex and the Outside World. Bonn. 2008. P. 217–233.

Левтеева Л.Г.

Государственный музей истории Узбекистана

Терракотовые статуэтки периода античности и раннего средневековья в собрании Государственного музея истории Узбекистана

Аннотация. Статья посвящена истории комплектования терракотовых статуэток античного и средневекового периодов и их фрагментов в Государственном музее истории Узбекистана. Терракотовые статуэтки представляют собой скульптуру малых форм и являются одним из источников для изучения не только художественной культуры, но и анализа степени развития местного гончарного ремесла. Терракоты дают представление о быте и идеологии граждан, позволяют проследить, какие культы были наиболее распространенными, к покровительству каких божеств прежде всего обращались люди в своей повседневной жизни.

Ключевые слова: Узбекистан, музей истории, археологический фонд, комплектование, памятник, терракота, скульптура, статуэтка, ремесло, богиня Анахита.

Levteeva L.G.

State Museum the history of Uzbekistan

Terracotta figurines from the period of antiquity and the early Middle Ages in the collection The State Museum of the History of Uzbekistan

Abstract. The article is devoted to the history of the acquisition of terracotta statuettes of the ancient and medieval periods and their fragments in the State Museum of the History of Uzbekistan. Terracotta statuettes are sculptures of small shapes and are one of the sources for studying not only artistic culture but also analyzing the degree of development of local pottery. Terracotta gives an idea of the way of life and ideology of citizens, allows us to trace which cults were the

most common, to the patronage of which deities people primarily turned in their daily lives.

Keywords: Uzbekistan, museum of history, archaeological fund, acquisition, monument, terracotta, sculpture, statuette, craft, goddess Anahita.

В основу формирования археологического фонда музея были положены предметы, накопившиеся ко времени основания музея (с 1876 г.) у частных лиц - основателей музея, а также в некоторых учреждениях, например, в Туркестанском отделе общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Крупные археологические и нумизматические собрания, которые впоследствии полностью или частично поступили в археологический фонд музея, были сформированы в 70-х–90-х гг. Х1Х в. В первую очередь, в связи с этим следует упомянуть имена Е.Ф. Каля, А.Л. Куна, И.Т. Пославского, А.И. Добросмыслова, И.А. Кастанье, А.А. Половцева, С.Ф. Николяи и ряда других [2, с. 4].

Некоторые данные о состоянии археологического фонда Ташкентского музея и содержащихся в нем предметах, имеются в справке графини П. С. Уваровой, русского ученого, историка и археолога, жены А. С.Уварова, стоявшего у истоков организации российской археологической науки [15, с. 141–144]. Она была сделана для VП археологического съезда в Ярославле в 1887 г. В приложении П.С. Уварова описывает наиболее интересные предметы. Среди них упоминаются терракотовые статуэтки из Афрасиаба под Самаркандом [16].

После смерти в 1914 г. неутомимого исследователя Средней Азии, военного инженера И.Т. Пославского часть собранной им коллекции была передана в Туркестанский восточный институт и затем оттуда поступила в Ташкентский музей, в ее составе были и терракотовые статуэтки (колл. № 17) [7, с. 77].

11 декабря 1895 г. в Ташкенте был создан Туркестанский кружок любителей археологии, объединивший интеллигенцию Туркестана на ниве интереса к истории края. Среди членов кружка было немало лиц, искренне преданных делу и глубоко интересовавшихся вопросами археологии. На протяжении более чем 20 лет члены кружка производили археологические разведки и раскопки, собирали различные предметы, изучали памятники старины в крае. 25 сентября 1899 г. члены кружка приняли решение о передаче своей археологической коллекции Ташкентскому публичному музею. В результате археологический отдел музея пополнился рядом

интереснейших предметов [7, с. 61, 62]. Среди них была и небольшая коллекция терракотовых статуэток, собранных членами ТКЛА в различных районах Средней Азии. Среди них выразительная фигурка всадника на коне, найденная в Самарканде. Терракотовые статуэтки старых лет поступлений в археологическом фонде вписаны в колл. № 17 [12, с. 14].

В первой четверти XX в. в музей поступила часть археологической коллекции И.А. Кастанье – много путешествовавшего по Туркестану члена ТКЛА, состоявшей преимущественно из подъемного материала, лично собранного коллекционером в период 1912–1916 гг. и считавшейся, по отзывам специалистов, одной из лучших в Ташкенте. В ней свыше 500 предметов, которые в настоящее время включены в двадцать три коллекционные описи (100, 102–108, 110–119, 121–126). В колл. № 113 включены терракотовые статуэтки из сбора И.А. Кастанье в 1913 г. на городище Ахсикент в Ферганской долине.

В первые годы после бурных событий 1917 г. пополнение музейного археологического фонда продолжало носить случайный характер. По-видимому, в эти же годы, в отдел поступает часть большой коллекции И.Т. Пославского, в частности, терракотовые статуэтки и другие археологические предметы, собранные при его разъездах по Туркестанскому краю [8, с. 297]. Среди них группа из 18 небольших терракотовых статуэток, изображающих всадников с булавой или нагайкой в руке. Изучавшая их Ф.А. Заславская предположительно определила их как изображения персонажей тюркской и согдийской феодальной знати, представленной четырьмя категориями [5, с. 111].

Дальнейшее комплектование археологического фонда музея связано с созданием и деятельностью государственных органов по изучению и сохранению памятников древности Туркестана – Туркестанского Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис) (1921–1925 гг.) [17, с. 46], Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис) (1925–1928 гг.), Узбекистанского Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Узкомстарис) (1928–1934 гг.). В круг ведения этих организаций входили не только охрана и регистрация монументальных памятников старины, но и организация археологических исследований в Средней Азии. Научная обработка археологического материала концентрируется в музее, который в конце 1921 г. был передан в ведение Туркомстариса под новым названием «Главный среднеазиатский музей». К исследованиям были привлечены такие крупные

ученые, как академик В.В. Бартольд, профессор А. А. Семенов, профессор А.Э. Шмидт, Н.Э. Вундцеттель, С.П. Покровский, И.И. Умняков, а также И.А. Кастанье, М.Е. Массон и др. [14, с. 65–66]. В 1921–1924 гг. пополнение археологического отдела музея велось путем сбора археологических предметов при обследовании памятников старины Туркомстарисом [12, с. 27–28]. В их числе можно отметить женскую терракотовую статуэтку богини плодородия, обнаруженную на Афрасиабе (городище древнего Самарканда) в 1923 г. и приобретенную М.Е. Массоном в Самарканде.

С созданием в 1928 г. Узкомстариса усиливается полевая экспедиционная деятельность, что отразилось и на пополнении археологического отдела Главного среднеазиатского музея новыми материалами. Из Туркмении в музей была доставлена коллекция терракотовых статуэток, собранная профессором А.А. Семеновым во время поездки 1928 г., организованной Узкомстарисом при участии Института Туркменской культуры для обследования развалин Абиверда (Пештак) и городища Намазга (колл. 134, 135).

Рис. 1. Формы (калыб) для отливки терракотовых статуэток женских божеств. II в. до н.э. – II в. н.э. Афрасиаб (г. Самарканд). Раскопки А. И. Тереножкина. ГМИУз, археологический фонд

Интересные археологические предметы были получены при обследовании памятника на территории Каракалпакстана Л.Н. Соколовым, в частности городище Шарде-айтакия (Миздахкан), расположенное к югу от г. Ходжейли. Среди них были и терракотовые статуэтки, среди которых фрагмент фигурки животного из красной глины с примесями камня, хорошего обжига и др. Материал поступил в музей в декабре 1929 г. [19, с. 24]. Среди поступлений 1940-х гг. следует отметить терракотовую фигурку собаки, купленную у Якуббекова.

Ценной является коллекция терракотовых статуэток из раскопок ученого А.И. Тереножкина на Афрасиабе в 1940-е гг. В 1945 г. велись разведочные работы Объединенной археологической экспедиции Института истории и археологии АН УзССР на городище Афрасиаб. На восточном склоне холмов в центре городища, обращенных к шоссе Самарканд – Ташкент, были обнаружены на 5–6 м ниже вершины на протяжении 100 м горизонтально залегающие слои глины и золы с культурными остатками раннего времени. При осмотре обнажения на площадке у восточного стыка вала третьего укрепления с валом второго укрепления была обнаружена головка крупной терракотовой статуэтки. В обрывах оврага у мавзолея Ходжа Данияра были обследованы А.И. Тереножкиным гончарные печи, топка одной из которых была заполнена отходами гончарного производства в виде фрагментов необожженной глиняной посуды, брака и шлаков. Среди них найдены несколько глиняных фигурок, из них наиболее интересна фигурка всадника.

На поверхности городища близ мавзолея Ходжа Данияра найдены женские терракотовые статуэтки, а также формы для их изготовления. Среди них выделяются 9 типов изображений женского божества, которые глубоко уходят своими корнями в местную традицию. Статуэтки изготовлены в одностворчатой форме. Датируются II в. до н.э. – IV в. н.э. В руках изображены атрибуты, которые служат символами плодоносящей природы (гранат, виноград, колос, цветы, бутоны водяного цветка или тюльпана и др.), что позволяет считать статуэтки изображениями богини плодородия. По типу лица, головному убору, шейному украшению некоторые статуэтки близки к изображению богини Анахиты. Весь археологический материал, обнаруженный в результате разведочных работ на Афрасиабе поступил в Музей истории в декабре 1948 г.

Работы на левом берегу оврага у мавзолея Ходжи Данияра, в северной части городища и к востоку от цитадели были возобновлены в 1948 году

А.И. Тереножкиным. Вскрытая площадь слагалась из наслоений трех культурных этапов: верхних - мусульманского средневековья; средних – тюркского периода и нижних, самых мощных – рубежа н. э. В слое тюркского периода был открыт небольшой участок пола помещения, где интересными находками оказались терракотовые фигурки, обнаруженные в большом количестве в разных горизонтах зольника. Все они односторонние, оттиснутые в формах. Женские фигурки, которые изображают Анахиту, имеют на голове «фригийский» колпак с загнутым верхом, гривну на шее и декорированные длинные одеяния. Каждая из них держит в одной руке плод граната. У мужских фигурок в руках ничего нет. Их одежда в виде короткого кафтана, перетянутого поясом, обувь – высокие сапоги. Найдены также фигурки всадников на лошадях. Очень интересна головка крупной фигурки лося или оленя с широкими рогами (колл. № 42)

Рис.2. Терракотовые статуэтки музыкантов. Первые вв. н. э. Афрасиаб (г. Самарканд). Раскопки А.И. Тереножкина. ГМИУз, археологический фонд

В ходе раскопок А. И. Тереножкина на Афрасиабе в 1945–1948 гг. была получена небольшая группа терракотовых статуэток - музыкантов.

Терракоты-музыканты – это небольшие штампованные статуэтки (11 шт.) из хорошо обожженной глины, высотою 9–10 см, в большинстве фрагментированные, непременными атрибутами которых являются лютневые или флейтообразные музыкальные инструменты. Статуэтки оттиснуты в одностворчатых формочках, весьма массивных, овальных по очертаниям.

Формочки для прочности сделаны из грубого оранжевого цвета глины и подверглись сильному обжигу, чем оттиски, поскольку были предназначены для изготовления множества статуэток. Тыльная сторона формочек плоская, иногда сильно деформированная глубокими вмятинами от пальцев мастера. Статуэтки покрыты ангобом. Подразделяются на четыре группы. Фигурки одного типа отличаются от фигурок другого инструментом, одеждой, рисунком складок. Первый тип – лютнист в рубахе. Второй – лютнист в кафтане. Третий – музыкант с коленчатой флейтой в клобуке. Четвертый – флейтистка с вертикальной флейтой и шарфом. Определенному инструменту соответствует определенный костюм. Необходимой принадлежностью костюма является круглая в сечении гривна. Статуэтки датированы II–I вв. до н.э. [10, с. 89–92].

Одним из первых исследователей археологических памятников Кашкадарьинской области был Сергей Кузьмич Кабанов. В 1948 г. раскопочные работы им были проведены на городище Еркурган, самом крупном древнем городище Каршинского оазиса, где были выявлены слои, относящиеся к первым векам до н.э. Небольшой раскоп, был заложен у юго-восточного угла внутренней стены. Были открыты гончарная печь, помещение гончаров и дворик. Печь предназначалась для обжига тонкостенной керамики IV–V вв., которая была встречена рядом в завалах. Среди обломков керамики была найдена интересная терракотовая плитка, верхнюю часть которой занимало штампованное изображение горного козла с закинутым на шею орудием лова в виде рогатки с рукояткой, конец рукоятки завершен кольцом, а раздвоенная ее часть соединена веревками. В нижней части плитки – семь круглых оттисков штампа с изображением зайца. Кроме этой плитки в раскопе были обнаружены еще два фрагмента терракотовых статуэток в виде изображения головы человека и головки коня.

В последующие годы С.К. Кабанов провел раскопки на других памятниках Каршинского оазиса, из них наиболее значительные на Шортепа, в 3 км восточнее Карши в 1952–1953 гг. В результате в музей поступила терракотовая статуэтка, изображающая человека в короне, видимо, правителя. Он изображен в роскошной одежде, с мечом. Небольшие

раскопки были проведены весной 1954 г. на довольно крупном (140х105 м.) памятнике Дагайтепа, находящемся близ северо-восточной окраины Карши. Здесь при расчистке завала VIII–IX вв. была найдена терракота III–IV вв. – изображение головы женщины в высоком коническом, ниспадающем на лоб, головном уборе.

В колл. 65 археологического фонда музея хранится терракотовая головка человека с городища, расположенного на территории города Карши и известного под названием Кала Захок-и Марон. Осмотр С. К. Кабановым этой древней крепости с замком в центре и собранный там материал позволил определить время его обживания с первых веков до н.э. и до III–V вв. н.э.

В 1949–1951 гг. С. К. Кабанов проводит археологические разведки и раскопки на территории Шахрисябского оазиса. Некогда столица Шахрисябского оазиса располагалась на территории Китаба. Это городище – Каляндартепа (III в. до н.э. – первые века н. э.), развалины цитадели которого сохранились в виде крупного бугра высотой в 17,5 м. Большая же часть самого городища оказалась под городской застройкой. В 1951 г. на городище был заложен шурф (3х2 м), в нижней части культурного слоя было найдено терракотовое изображение человека, сохранившееся частично – голова и верхняя часть груди с обломком руки, как предполагают, изображение Александра Македонского.

Довольно часто во время разведочных работ С.К. Кабанов получал информацию от местных жителей о случайных находках археологических предметов. Так, в 1951 г. во время планировки поля при Сельскохозяйственном техникуме, расположенном к северу от г. Шахрисябза, был срыт бугор. При его разборке была найдена глиняная плитка с отштампованным изображением стоящего человека с булавой. Плитка была передана С. К. Кабанову сотрудником Министерства сельского хозяйства УзССР Г. Р. Самедовым. Вторая терракота была получена С. К. Кабановым во время полевого сезона 1951 г. от сотрудника одного из учреждений г. Китаба Р. Ш. Риятова. Терракота в образе головы мужчины европеоидного типа в головном уборе в виде рубчатой повязки, закрывающей лоб и уши. Обнаружена была в кишлаке Тупчак Сивазского сельсовета Китабского района во время разборки небольшого бугра, при планировке поля. Обе терракоты теперь хранятся в археологическом фонде Музея истории.

В 1951 г. Л. И. Альбаумом были начаты раскопки на городище Зартепа, расположенном в Джаркурганском районе, в 4 км к югу от Ангора. На территории городища было обнаружено большое количество терракотовых

статуэток людей и животных, первых веков до н.э. – VII в. н.э., а также налепы головок львов на сосудах. Осенью 1959 г. Л. И. Альбаумом были начаты раскопки на памятнике кушано-эфталитского времени городище Караултепа, укрепленном поселении, расположенном около шоссейной дороги Термез-Душанбе, в 20 км к югу от Шурчи и разрушенном в начале XIII в. Чингисханом. В работах на городище принимали в том числе участие Л.И. Альбаум, К.А. Шахурин, Т. Агзамходжаев. На поверхности городища были найдены терракотовые статуэтки, в числе которых: женская головка в «египетском парике» 1 в. н.э., статуэтка-плитка сидящей богини III–IV вв. н.э., образок сидящего Будды, фигурка богини в складчатых одеждах первых веков н.э., фигурка женщины эфталитского типа 1V–V вв., очень интересный штамп I в. до н.э. или I–II вв. н.э. с изображением мужчины и женщины, стоящих рядом с оседланной лошадью

Археологический материал с Фаязтепа Л.И. Альбаум передавал в музейный фонд и позже. Так, в 1995 г. им были переданы фрагменты терракотовых статуэток и формы для их оттиска.

В связи с намечавшимся строительством в середине 1950-х гг. на р. Кашкадарья (приблизительно в 65 км вверх по реке от г. Карши) Чимкурганского водохранилища, в зону его затопления попадало большое количество археологических памятников. С целью их изучения в период проектирования водохранилища в 1955–1957 гг. на территории будущего строительства работал небольшой Чимкурганский археологический отряд С.К. Кабанова, В.Д. Жукова, М. Корзухиной и Л. Матвеевой Института истории и археологии АН УзССР. Основным объектом работ участника экспедиции-археолога В.Д. Жукова было Киндаклитепа, на котором велись раскопки в 1955 и 1957 гг. При раскопках был получен обширный комплекс материалов I–VI вв., преимущественно гончарных изделий, среди которых фрагменты терракотовых статуэток животных, терракотовая печать-штамп со схематичным изображением четвероногого животного и др.

В последующие годы поступления в музей предметов из Кашкадарьи, связаны с их передачей кафедрой археологии Ташгу (НУУ им. Мирзо Улугбека), сотрудники которой С. Б. Лунина и З. И. Усманова проводили здесь археологические раскопки в 1967–1969 гг. Среди них терракотовые изделия с развалин Сарыктепа в Яккабагском районе Кашкадарьинской области. Это плитка-иконка, найденная в 1988 г. с изображением мужчины-воина, женская терракотовая головка в высоком коническом головном уборе, терракотовая головка дэва, серия фигурок лошадок, некоторые со следами седла, возможно, культового назначения (культ коня в раннем

средневековье, периоду, к которому отнесены находки, являлся одним из самых древних, глубоко укоренившихся и распространенных). Терракотовая статуэтка, найденная в Китабском районе Кашкадарьинской обл., изображает молодую женщину с колосом в руках, ее стан обвивают две крупные змеи, положившие головы на живот, выше колоса. Подобная статуэтка в Согде найдена впервые. Как считает Н. И. Крашенинникова, это женское божество Южного Согда из круга богинь плодородия, или, может быть, одна из ипостасей многофункционального божества. Статуэтка отнесена к концу V–VI вв. [6, с. 118].

В 1956 г. музею была передана коллекция предметов из раскопок замкового сооружения Кзыл-кыр и могильника (Бухарская обл.), проводившихся Я.Г. Гулямовым и Махандарьинским археологическим отрядом под его научным руководством, начиная с 1953 г. Среди них женские терракотовые статуэтки. Из находок на Кзыл-Кыре (III–II вв. до н.э. – рубеж н.э.) интересна терракотовая фигурка стоящего мужчины со сложенными на животе руками. Голова большая с крупными буклями волос, на голове нимб или головной убор со сквозными отверстиями. Валиками показаны прямые длинные брови и узкий нос. Скулы и подбородок выступающие. На туловище зернью и вертикальными валиками показаны складки одежды. Задняя часть фигурки сильно вогнута при оттиске в штампе. Высота фигурки – 11,8 см. (колл. № 265/24).

В 1950–1960-х гг. Я.Г.Гулямовым проводились археологические раскопки на стоянке эпохи бронзы Гуджейли, поселении и могильнике Заманбаба-П (Каракульский район Бухарской обл.). В одном из захоронений была найдена плоская терракотовая статуэтка женщины. Голова и шея ее изображены в виде небольшого удлиненного штыря, посаженного на широкие плечи, руки почти не выделены, от плеч туловище плавно переходит в удлиненную талию и переходит в укороченные ноги. Статуэтка датирована III–II тыс. до н.э. и могла изображать богиню плодородия.

В числе предметов, переданных в музей Институтом искусствознания, особую ценность представляют материалы из раскопок Г. А. Пугаченковой Халчаяна (Денауский р-н Сурхандарьинской обл.), проведенных в 1963 г. (колл. № 168). Это терракотовые статуэтки, среди них несколько мужских. Это фигурка обнаженного мужчины (колл. № 168/341) в строго фронтальной позе с прижатыми к туловищу руками, с хорошими пропорциями (широкие плечи, стройные формы, правильная обобщенно разработанная мускулатура); выполнена оттиском на толстой глиняной лепешке, заглажена с тыльной стороны и с боков, очень плотная, красноватая, ангоб темно-

красный. Интересна фигурка всадника: черты лица намечены защипами, подбородок острый, туловище передано обобщенным объемом, руки опущены вдоль туловища, ноги дугообразно раздвинуты. У нескольких других фигурок черты лица также намечены защипами, передающими как бы западание глазниц, глаза выделены круглыми налепными лепешечками, острый, похожий на птичий, нос.

Рис. 3. Терракотовая фигурка мужчины из Халчаяна. I тыс. до н.э.– III в. н. э. Раскопки Г. А. Пугаченковой ГМИУз, археологический фонд

У одной фигурки на голове головной убор в виде двух заостренных колпачков (сохранился один). Фрагмент нижней половины мужской фигурки: фигурка штампованная, с подрезкой тыльной стороны и основания ног. Поза фронтальная, туловище широкое, коренастое. Одежда состоит из поколенного кафтана или рубахи, перетянутого у талии рельефно разделанным поясом. Руки прижаты выше пояса, в правой находится какой-то предмет, изогнутый, спускающийся вдоль туловища. Еще у одной мужской фигурки одежда состоит из драпирующейся поколенной рубахи.

Наряду с мужскими, найдены фрагменты несколько женских терракотовых фигурок. У одной: плотная верхняя одежда, длинный рукав или край накидки ниспадают до колен, ниже – струящиеся складки платья, скрывающие ноги. Еще одна женская фигурка выполнена в матрице с подправкой ножом тыльной и боковых сторон. Высокий рельеф передает фигурку обнаженной женщины с широкими плечами, сильно моделированными выпуклостями груди, живота и колен. Поза строго фронтальная, ноги сомкнуты, руки прижаты к бедрам. Выше талии и у бедер проходят опояски. На руках – у предплечья и запястий – двойные браслеты. Женская фигурка, оттиснутая на плоской глиняной лепешке, подрезанной с тыльной и боковых сторон, нагая, скульптурно подчеркнуты небольшие груди, тонкая талия, крутые и широкие бедра, коротковатые ноги, руки вытянуты вдоль туловища. У нескольких женских фигурок сохранилась головка. Лицо у одной из головок имеет утончающийся книзу овал, орлиный профиль с крутой линией лба и носа и убегающими к вискам бровями. Слегка улыбающийся рот и чуть скошенные в рельефных веках глаза придают лицу загадочность и томность. На щеках две рельефные родинки, на подбородке – ямочка. Головной убор в виде кокошника с налепным обручем треугольником надо лбом и рельефными спиралями на широком верхнем полукружии. На виски спускаются прямо срезанные у края кисти. В ушах миндалевидные подвески. Еще у одной фигурки лицо округлое, с выпуклыми глазами. Волосы разделены на пробор и объемными прядями уложены надо лбом и у висков. В ушах подвески. Левая рука полусогнута, кисть ее у талии, правая плотно прижата. Одежда облегает фигурку, образуя треугольный вырез у шеи, на шее, возможно, ожерелье. Выразительно лицо терракотовой женской фигурки, также оттиснутой на толстой глиняной лепешке штампом с подрезкой ножом. Округлое лицо в обрамлении не то гладко уложенных волос, не то головного убора. Огромные миндалевидные глаза без разделки зрачка, под крутыми рельефными дугами бровей, невысокий закатанный лоб, прямой уплощенный нос и выдвинутый подбородок. Поверх нижнего платья

или рубахи с круглым вырезом наброшена ниспадающая до пят плотная верхняя одежда, с треугольным выемом, рельефной оторочкой края и ниспадающими к коленям узкими длинными рукавами.

Следует упомянуть также фрагмент курильницы, выполненной из красноватой глины, со следами коричнево-малинового ангоба. Основание расширенное, полое внутри, с насечками на закраине, переходит в почти цилиндрический ствол, оформленный волнообразной линией. Отсюда следует биконическое расширение, далее выем шейки при переходе к резервуару, от которого сохранилась лишь донная часть и начало расширяющихся стенок. На основании были прикреплены еще до обжига три сидящих лепных человеческих фигурки, нижние выступы которых как бы образовали три ножки сосуда. Одна из фигурок сбита вместе с участком днища, но виден след ее прикрепления; от второй осталась лишь нижняя часть; третья сохранилась целиком. Фигурка передает очень схематично исполненного идольчика с прижатой к груди правой рукой, опирающегося на дно сосуда левой рукой. Заостренная головка поддерживает верхнее расширение подставки. Лицо уродливое, с птичьим носом, острым подбородком, налепными лепешечками глаз.

Были найдены также несколько фрагментов статуэток коней со следами прикрепления фигурки всадника; головки коня, выполнены в обобщенной манере: у одной хорошо переданы утяжеленная морда, ровно подстриженная с загибом надо лбом грива, заостренные уши, глазницы показаны вмятинами; у другой глаза переданы в виде налепных лепешечек, ярко выражен зрачок; у третьей глаза показаны точечными вдавлениями, на голове и шее прорисована еще до обжига разделка сбруи, с кружочками украшений на лбу. У четвертой ребровидная грива чуть загибается над лбом, глаза в виде вырезанных округлых выпуклостей, рот показан прорезью, ушки заострены. Помимо статуэток коней был найден фрагмент (головка) крупной фигурки животного (барана или быка). Глаза показаны в виде ямочек, сделанных острым предметом, на шее чешуйчатообразные вдавления. Правая сторона фигурки отбита.

С 1971 г. археологическим отрядом Государственного музея истории Узбекистана АН РУз, получившем название Туябугузский, проводились стационарные раскопки на антично-средневековом городище Киндыктепа (район Ташкентского моря). Работами руководил ст. научн. сотрудник, канд. истор. наук В. И. Спришевский. В ходе раскопок на городище и остатках цитадели были найдены и доставлены в музей керамика VII–VIII вв. и XII–XIII вв., терракотовые статуэтки и другие предметы. Поступления в музей

предметов с Киндыктепа продолжались и в 1980-е годы. В основном это подъемный материал. Поступившие в музей терракотовые статуэтки изображают животных – барана, оленя, лошади. Сохранились фрагментарно. У терракотовой фигурки барана голова и обе правые ноги отбиты. Еще одна статуэтка изображает тулово лошади. Налепом выполнено седло, от него идут псалии. Ноги две, хвост, голова и шея отбиты, подошва плоская. Статуэтка животного с широкими рогами (левый рог отбит), насечками показана ветвистость рогов (олень ?). Уши показаны рельефом, нос в виде дырочек-наколов, рот широкий, ассиметричный. Еще одна головка животного грубой лепки напоминает дракона. Хорошо показана пасть, глаза круглые, близко посажены, сделаны вдавлением, ноздри – две прорези в виде полосок. Шея массивная. Черепок в изломе черный, что говорит о плохом обжиге, тесто пористое, с примесью песка. Фигурка покрыта ангобом цвета глины (5,5х3,8 см). Изображение рыбы овально-вытянутой формы, поверхность покрыта двойными насечками, процарапаны рот и глаза (2,7х1,9х0,7 см). Остроклювая птичка, на головке раздвоенный гребешок с зазубренными краями, покрыта ангобом (выс. – 3,5 см); головка собаки с выразительными глазами и прямыми ушами, глаза сделаны таким образом, как если бы были видны сверху и сбоку, тесто с примесью шамота (выс. – 2,5 см); погремушка в виде головы какого-то животного, верхняя часть в виде ушек с закругленными краями (дл. – 2,5 см); головка птицы или лошади (?), нос плоский, уши-налепы, длинная шея, черепок в изломе коричневый, ангоб коричневый (выс. – 7 см); головка лошади с конской сбруей, глаза-налепы, уздечка, псалии, ремни на голове – ленточки-налепы с имитацией металлических бляшек, кончики морды и уха отбиты; фигурка животного с глазами-налепами и отверстием позади, ноги, морда и уши отбиты (выс. – 5,8 см, дл. – 5,5 см); фигурка (туловище) животного, голова, ноги, хвост отбиты, спина разрисована косыми полосками, черепок в изломе коричневый, с примесью шамота (дл. – 6 см); головка женщины, фрагмент, лицо овальное, вместо бровей и глаз – выпуклые полоски, нос с дырочками, губы выпуклые (бантиком), обратная сторона плоская, черепок в изломе светло-желтый (6,6х5 см); фрагмент задней части терракотовой фигурки, сохранились часть туловища, плоская нога и хвост (возможно, лошадь – ?) работа грубая; фрагмент фигурки животного, ярко выражены стопа и коленка, выделены полосками пальцы, черепок оранжевый, с примесью песка (выс. ноги – 6 см, дл. стопы – 4 см); головка животного грубой лепки, напоминает дракона, прорезью показана пасть с выраженной ухмылкой, глаза круглые, близко посаженные, сделаны вдавлением, ноздри показаны двумя прорезанными

полосками, шея массивная, черепок в изломе черный (плохой обжиг), тесто с примесью песка, пористое, ангоб цвета глины (5,5х3,8 см). В одном из раскопов найдена грубо обожженная керамическая подставка-шашлычница со стилизованным изображением спаренных протом баранов. Головы даны в виде заостренных отростков, рога – в форме налепных валиков, шерсть показана насечками. Подставки-шашлычницы характерны для Чача с I в. до н.э. – III в. Предметы, найденные на городище Киндыктепа, поступали в музей и в последующие годы (колл. № 208).

Терракотовая статуэтка лошади была найдена в одном из помещений во время раскопок городища Канка – одного из крупнейших центров городской культуры в Ташкентской области. Она датирована XI в.

В 1975 г. поступил археологический материал из коллекции гидрогеолога И.А. Анбоева – фрагменты терракотовых статуэток.

В 1984 г. в музей поступили предметы, собранные на могильнике в 60 км севернее г. Навои археологом Н. Дарвиной в составе геологической экспедиции. Материал датирован первыми веками н. э. В музее числится под колл. № 292. Общее количество предметов - 16. В их числе несколько мелких фрагментов терракотовых фигурок лошади.

В 1985 г. в музей поступила терракотовая голова в остроконечном клобуке, найденная при производстве земляных работ на городище Афрасиаб (древний Самарканд).

В 1989 г. доцент кафедры археологии Ташгу Г.Я. Дресвянская и профессор кафедры С.Б. Лунина передали в музей восемь терракотовых статуэток и их фрагментов, обнаруженных в 1968–1970-х гг. на городище Афрасиаб (г. Самарканд) на раскопе 32 (западнее восточной мечети) и на развалинах Сарыктепа в Яккабагском районе Кашкадарьинской обл. во время работ кафедры археологии в 1987–1988 гг. (колл. № 306). Статуэтки изображают лошадь, на которой, судя по остаткам, находился всадник; всадника на лошади; козла или оленя, на котором, судя по следам на корпусе, находился всадник; примитивно вылепленную голову человека; голову человека в остроконечном шлеме, оформленном продольными бороздками; вьючного верблюда с поклажей между горбами в виде прямоугольных налепов, имитирующих мешки-хурджины [4, с.104–105]. Два фрагмента – терракотовые плитки с барельефными изображениями. На одной – человеческая фигура с перевязью на груди; на другой мужская фигура в фас, стоящая под аркой с дротиком или копьем в руке. На голове корона с рельефными дужками и шаром, костюм плотно облегающий, с перевязью на

груди, арка стрельчатая, декорирована по бокам сложным рельефом. Датируются статуэтки VШ в. [9, с. 107–109].

В 1988–1989 гг. сотрудник музея П. Гендельман в составе Узбекистанской искусствоведческой экспедиции Института искусствознания им. Хамзы проводил раскопки на цитадели городища Шуроб-курган в Гагаринском районе Сурхандарьинской области. В музей доставлены игрушки-свистульки в виде фигурок животных и птиц, терракотовые фигурки коней. У одной из терракотовых статуэток на крупе коня подлеплено седло с зубчатыми краями и подпруга в виде налепных волнистых лент, грива в виде ребра, глаза показаны округлыми налепами, с углублениями.

В 1991 г. руководитель Канкинского отряда Чач-Уструшанской экспедиции Института археологии АН РУз Г. И. Богомолов передал в музей около 120 предметов из археологических раскопок, проведенных на городище Канка в 1981–1990 гг., вошедшие в коллекцию 308. Интересен фрагмент керамической игрушки-погремушки грушевидной формы и округлой в сечении обломанной ручкой, внутри полой. Был найден также фрагмент терракотовой статуэтки в виде туловища лошади с седлом на крупе, седло показано поперечными ребровидными налепами, изогнутый заостренный хвостик опущен вниз. Статуэтка служила погремушкой, в ее внутренней полости помещен шарик, который стучит при встряхивании.

В 2007 г. археологический фонд музей пополнился рядом предметов из разных источников. Среди них предметы, переданные сотрудниками Института археологии АН РУз. От Г.И. Богомолова поступили терракотовоые фрагментированные статуэтки, небольшая фигурка человека и другие предметы из погребения, из раскопок в Ташкентской обл.; Исамиддинов передал в музей фрагменты терракотовых статуэток в виде изображений людей и животных, найденные на археологических памятниках Сурхандарьинской обл.; Х. Ахунбабаев - фрагменты терракотовых статуэток из раскопок Старого Мерва (Туркменистан)

В 2010 г. житель Ташкента А. В. Кузнецов передал в музей найденные в Самарканде фрагмент терракотовой статуэтки в виде головки с высоко уложенными волосами, которые ниспадают на уши, волосы показаны продольными черточками, лицо маленькое, четко обозначены нос, брови, глаза и сомкнутые губы; фрагмент терракотовой статуэтки в виде головки животного с заостренной мордочкой, глаза показаны налепными полушариями, на шее видны следы подрезки.

В 2011 г. директор Института искусствознания АН РУз Ш.Р. Пидаев передал музею свыше 90 предметов, найденных в ходе проведения археологических раскопок на территории Узбекистана. При проведении раскопок в Папе Наманганской области была найдена терракотка с изображением лица женщины, V–VI вв. На городище Еркурган (древний Карши, V–VI вв.) обнаружены две статуэтки. Одна из них, из серой глины, изображает мужчину в кафтане, с мечом и светильником. Другая, керамическая - воина в кафтане, бронированном панцире, с мечом и светильником. Возможно, что первая статуэтка является не до конца выполненной заготовкой одного и того же изображения для последующего обжига. Найденная здесь керамическая форма служила в III–IV вв. для отливки изображения льва. Здесь же были найдены керамический женский бюст (налеп на каком-то сосуде), III–IV вв.; головка от мужской терракотовой статуэтки (V–VI вв.); фрагмент матрицы, в которой отливали женские фигурки (II–IV вв.). Терракотовое изображение женского божества было найдено на памятнике Джандавлаттепа, III–IV вв.

В том же 2015 г. фонд пополнили следующие предметы. Жительница кишлака Мангит Камашинского района Кашкадарьинской обл. Рахмонова Г. в 2009 г. обнаружила возле Кийиктепа терракотовую статуэтку. Статуэтка оттиснута в открытой односторонней форме, изготовлена из темной глины до пояса. Ниже пояса обрез. В изломе глина темно-коричневого оттенка, почти черная. Поверхность статуэтки черная. Передняя часть рельефная, тыльная сторона гладкая. Черты лица и детали переданы грубо, черты лица архаичны, глаза крупные, нос бесформенный, грубый, расширяющийся книзу, брови в виде грубых валиков, между которыми едва различима точка. Шея высокая, с крупной массивной гривной. Разновеликие груди расположены ассиметрично. Руки сложены на животе. Кисти рук переданы грубо, схематично. Детали указывают на образ богини-матери, богини плодородия периода ахеменидов и раннего эллинизма, второй половины I тыс. до н.э. Согдийская терракота отличается своеобразием, но воспроизводит, вероятно, образ богини плодородия переднеазиатского типа, близкого образу Иштар. Этот новый тип мелкой пластики. То, что статуэтка исполнена из темной глины не характерно для подобных статуэток. (Описание канд. истор. наук Мусакаевой А.).

В 2016 г. из Хорезмской Академии Маъмуна через С.Р. Баратова в музей поступили фрагмент статуэтки «Богиня в хитоне» II в. до н.э., глина, 4х6 см.

В 2016 г. ст. н. с. Института археологии АН РУз Г.И. Богомолов доставил в музей терракотовую антропоморфную фигурку идола. Голова подквадратной формы, массивная, непропорционально большая. Небольшим ребром четко очерчен контур лица, расширенного в нижней скуловой части. Нос узкий, длинный, брови длинные, рельефные, глаза большие, миндалевидные, рот небольшой, показан глубоким горизонтальным углублением, Шея толстая, переходящая в небольшой торс, основание фигурки плоское (выс. 10,5 см). Датируется также, предположительно, IV–VI вв. Статуэтка идола, как предположил Г. И. Богомолов, в период раннего средневековья видимо, служила предметом поклонения. В музее имеется всего одна подобная статуэтка, так что эта будет вторая.

В 2016 г. жительницей махалли Мангит Камашинского р-на Кашкадарьинской обл. Г. Рахмоновой переданы в музей несколько керамических изделий. Обнаружены во время проведения земляных работ. Собрание музейных терракот пополнилась статуэткой «лютнистки» (5,8х4 см.), в руках которой четырехструнная лютня. Фигурка уплощена, выполнена штампом, покрыта кирпично-красным ангобом. Житель Аккурганского района Ташкентской обл. Асилбаев Ж. передал в музей ряд предметов, найденных им на городище Канка (Ташкентская обл.), среди них терракотовую фигурку всадника, предположительно периода раннего средневековья; житель кишлака Шовона Кушрабатского района Самаркандской обл. Ш. Абулкасимов - найденную им во время проведения земляных работ терракотовую статуэтку. Статуэтка оттиснута в форме, тыльная сторона плоская. Голова крупная, лицо сильно вытянуто, на голове головной убор, отороченный снизу каймой в виде налепных выступов. Нос удлиненный, глаза миндалевидные, губы рельефные, рот небольшой. Руки сложены на животе. На груди ожерелье (?). Пояс в виде рельефной линии. Покрыта светлым ангобом (выс. - 9 см.)

В октябре 2019 г. в музей поступили 170 предметов археологии, конфискованные по решению суда Ташкентской обл. у жителя г. Ташкента Я. Гуломова и решению экспертного совета г. Ташкента от 25 сентября 2019 г. К самым ранним относятся 12 женских украшений, VI–XII вв., из них терракотовая статуэтка двугорбого верблюда и 19 фрагментов полых терракотовых поделок в виде стилизованных головок и тулов животных, на некоторых имеются следы седла.

В декабре 2019 г. музею были переданы 95 археологических предметов, археологом канд. истор. наук А. С. Ростворцевым, сотрудником историко-археологического музея-комплекса «Сулайман Тоо» (Кыргызстан) после

проведения выставки, организованной этим музеем в Государственном музее истории Узбекистана. Среди них: 7 фрагментов антропоморфных и зооморфных терракотовых статуэток (фигурки людей и животных), техника: резьба, лепка, штамп (КАТЭ – 1976 года Алтынтепа, Кашкадарьинская обл.).

Шесть фрагментов терракотовых статуэток лошадей, собранных в ходе раскопок на городище Кампыртепа (Сурхандарьинская область) в 2003–2008 гг., были переданы в 2021 г. в музей академиком Э.В. Ртвеладзе.

Таким образом, в археологическом фонде Музея истории за 145 лет были собраны несколько сот терракотовых статуэток античного и раннесредневекового периодов и их фрагментов. Терракоты были найдены в ходе археологических раскопок на Афрасиабе (Самарканд) (в большинстве), Варахше (Бухара), Зартепа, Халчаян (Сурхандарья) и др. Все они принадлежат к местному производству. Значительную их часть составляют человеческие фигурки и головки. Отличаются стилем, техникой выделки, сюжетом и характерными этническими чертами [1, с. 20]. Так В.Л. Вяткин говорил о трех этнических группах: греческой, сасанидской и тюркской [3]. Однако несмотря на многообразие этнических типов, представленных в терракотах, основная их масса, несомненно отражает этнический тип местного населения [10, с. 94]. Большая часть их культового характера. Их появление первоначально было связано с культом матери-богини. Возрождение искусства иконографии матери-богини наблюдалось в период эллинизации Средней Азии, когда терракотовые статуэтки появились приблизительно в то же время в различных точках районов Бактрии, Маргилана, Согда и Хорезма. Терракотовые статуэтки каждого региона обладали собственной спецификой, заметной по обработке фигурок, лицам, одежде и другим атрибутам. Несомненно, значительная часть этих находок могла в древности находиться в домашних святилищах жителей.

Среди многочисленных реконструированных человеческих терракотовых статуэток большинство посвящалось богиням. Среди женских терракотовых статуэток выделяются статуэтки, изображающие одно из божеств зороастрийского пантеона Анахиту. Анахита – «Незапятнанная», «Чистая». Другой ее эпитет «В белые одежды одетая» Она являлась богиней благоденствия, благосостояния, воплощавшей животворные силы природы [13, с. 104–106]. Птицей, посвященной Анахите, был голубь. Со временем в Анахите концентрируется собирательный образ многих местных богинь авестийского круга: Аши, Хайрватат и др. Исследования выявили региональные различия в этих изображениях. Богиня изображалась в длинном платье, с покрывалом на голове. В руках у нее плоды и злаки –

символы плодородия. Статуэтки различаются деталями костюма, головных уборов, атрибутикой, чертами лица. В Самарканде Анахита изображалась молодой, в Бухаре – зрелой женщиной. Производство таких терракотовых фигурок носило массовый характер, о чем свидетельствуют найденные матрицы, одна из которых, обнаруженная на городище Шортепа в Термезском районе Сурхандарьинской области, находится в Музее истории.

Рис. 4. Терракотовые статуэтки женских божеств из раскопок на Афрасиабе (г. Самарканд). ГМИУз, археологический фонд

Она передает образ женщины в легком платье в мелкую складку, с наброшенным на плечи покрывалом.

Одна из статуэток Анахиты была найдена на городище Киндыктепа (Ташморе). Статуэтка изготовлена без применения формы. Руки сложены на животе, на запястьях налепы в виде маленьких лепешечек, имитирующих браслеты. Четко выделены выпуклости груди. На груди – три налепа. По бокам груди – продолговатые налепы, имитирующие косы. Фигурка дает изображение до колен, основание плоское, дисковидное, с просверленным углублением. Сохранившаяся высота – 12,9 см, ширина в плечах – 8,6 см. В руках, ниже ключиц, проделаны круглые отверстия. Головка отбита (колл. №

208/2131). Здесь же найдена головка женщины: лицо овальное, вместо бровей и глаз – выпуклые полоски, нос с дырочками, губы выпуклые (бантиком), обратная сторона плоская, черепок в изломе светло-желтый (6,6х5 см.), (колл. № 208/2276).

Отличаются разнообразием терракотовые статуэтки, изображающие различных животных (лошадь, бык, птица и др.), имеющих ритуальное, а также светское назначение. Группа жанровых терракот включает в себя в основном фрагменты изображений коня, в т. ч. со всадником. С приходом ислама в Среднюю Азию количество жанровых терракотовых статуэток сначала сокращается, а затем забывается их культовая роль. Но они по-прежнему бытуют в виде игрушки, хотя в ряде случаев сохраняют сакральные функции, особенно в образах лошади и верблюда [4, с. 107].

Терракотовая пластика - как явление материальной культуры древности, зачастую является единственным массовым источником, отражающим религиозно-идеологические аспекты культуры общества.

Литература

1. *Воронец М. Э.* Древнейшие терракоты Музея АН УзССР // Бюллетень АН УзССР. 1947. № 5. С. 26–31.
2. *Воронец М.Э.* Музей истории народов Узбекистана (историческая справка) // Труды Музея истории народов Узбекистана. Вып. 1. Ташкент, 1951. С. 4–8.
3. *Вяткин В.Л.* Афрасиаб – городище былого Самарканда. Ташкент, 1926.
4. *Дресвянская Г.А.* Две терракоты Афрасиаба // Времен связующая нить. Ташкент, 1992. С. 104–107.
5. *Заславская Ф.А.* Терракотовые статуэтки всадников с булавами с Афрасиаба в собрании Музея истории УзССР // Труды Музея истории УзССР. Вып. 3. Ташкент, 1956. С. 89–117.
6. *Крашенинникова Н.И.* Кешская богиня со змеями и колосом // Времен связующая нить. Ташкент, 1992. С. 117–130.
7. *Лунин Б.В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане / Туркестанский кружок любителей археологии. 1895–1917 гг. Ташкент, 1958.
8. *Лунин Б.В.* Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки. Ташкент, 1974.

9. *Лунина С.Б.* Терракоты Сарыктепе // Времен связующая нить. Ташкент, 1992. С. 107–117.

10. *Мешкерис В.А.* Терракотовые статуэтки музыкантов из собрания Музея истории // Труды Музея истории УзССР. Вып. II. Ташкент, 1954. С. 89–100.

11. *Минасянц В.С.* К истории комплектования коллекции археологического фонда Музея истории народов Узбекистана (1876–1917 гг.). // Времен связующая нить. Сб. ст. Ташкент, 1992.

12. *Миронов А.М.* Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (быв. Туркомстариса) за пятилетие его существования. // Изв. Средазкомстариса. Вып. I. Ташкент, 1926.

13. *Рапопорт Ю.А.* Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии) // Труды ХАЭЭ. Т. V1. М., 1971.

14. *Садыкова Н.С.* Музейное дело в Узбекистане. Ташкент, 1975.

15. *Соболевский А.И.* П.С. Уварова. 1840–1924. Некролог // Известия РАН. V1 сер. 1925. Т. 19. № 6–8. С. 141–144.

16. Труды VII археологического съезда в Ярославле. 1887. Т. II. / под ред. графини П.М. Уваровой. Ярославль, 1891.

17. *Умняков И.И.* Охрана памятников старины и искусства в советском законодательстве Средней Азии // Известия Средазкомстариса. Вып. I. Ташкент, 1926.

18. *Умняков И.И.* Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 году // Известия Средазкомстариса. Вып. 3. Ташкент, 1928.

19. *Умняков И.И.* Архитектурные памятники Средней Азии: Исследования. Ремонт. Реставрация. 1920–1928 гг.: сб. ст. Ташкент, 1929.

Сокращения

АН РУз – Академия Наук Республики Узбекистан

ГМИУз – Государственный музей истории Узбекистана

НУУ им. Мирзо Улугбека – Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека

Труды ХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции

УзССР – Узбекская советская социалистическая республика

Суриков И.Е.
Институт всеобщей истории РАН

Процесс афинских стратегов 406 г. до н.э.: некоторые аспекты*

Аннотация. Суд над стратегами, одержавшими победу в Аргинусском морском сражении 406 г. до н.э., стал одним из наиболее скандальных эпизодов истории классических Афин. Это событие неоднократно освещалось в исследовательской литературе, однако ряд его аспектов еще требует прояснения. Полководцы, попавшие под суд, были избраны на смену Алкивиаду, отстраненному с поста стратега-автократора во многом под влиянием эмоций. В статье проводится анализ просопографических данных по лицам, имевшим отношение к суду и его результату. В итоге делается общий вывод, что многое в ходе процесса невозможно понять без учета той огромной роли, которую в тогдашних Афинах играл (пусть и отсутствовавший) Алкивиад, возвращения которого к руководству вооруженными силами желали многие из граждан.

Ключевые слова: классическая Греция, Афины, Пелопоннесская война, стратеги, сражение при Аргинусах, Алкивиад, Ферамен, демократия, олигархия, просопография

Surikov I.E.
Institute of World History, RAS

The trial of the Athenian generals in 406 B.C.: some aspects

Abstract. The trial of the generals who won the Arginusae sea battle of 406 B.C. was one of the most scandalous episodes of the history of Classical Athens. The event has been more than once treated in scholarly literature, but a number of

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00024, https://rscf.ru/project/23-28-00024/

its aspects still need clearing up. The military leaders subject to the trial were elected to replace Alcibiades who was removed from the position of *strategos autokrator* in much degree under the influence of emotions. The article contains an analysis of prosopograhical data on the persons connected with the trial and its results. Finally, the general conclusion is made that much in the process' run is impossible to understand without due regard for the great role played in that-time Athens by (even absent) Alcibiades, whose return to the military guidance was wished by many citizens.

Keywords: Classical Greece, Athens, Peloponnesian War, generals, the Arginusae battle, Alcibiades, Theramenes, democracy, oligarchy, prosopography

Знаменитый «аргинусский процесс» 406 г. до н.э. (в результате которого шесть полководцев, выигравших крупное морское сражение[1] были казнены за неоказание помощи пострадавшим воинам и, что не менее важно, за необеспечение погребения погибших) неоднократно рассматривался в специальной литературе[2] (начиная, пожалуй, с классического исследования П. Клоше [12]), что не удивительно: это событие, с одной стороны, экстраординарное до уникальности, а с другой – в чем-то типичное для атмосферы последних лет Пелопоннесской войны, поневоле привлекает к себе внимание и вызывает даже эмоциональное отношение. Характерны формулировки, встречающиеся уже в заголовках некоторых статей: «юридический скандал» [29, s. 32], «юридическое убийство» [31, s. 51], «демократия, но не правовое государство» [11, s. 128].

Главный пафос подавляющего большинства работ о процессе – осуждение его как «морального надира» афинской демократии, обретшей к рассматриваемому периоду выраженный охлократический вектор [25], поправшей в расправе над стратегами всякую законность в торжестве «терроризма толпы» [46, p. 43–46], как настоящего акта насилия демоса над собственными лидерами (схожая позиция – в работах: [6;14; 24; 40]. Что

[1] «Величайшее из бывших между эллинами и эллинами (μεγίστη… γεγενημένη Ἕλλησι πρὸς Ἕλληνας)» (Diod. XIII. 98. 5). Афинский флот состоял из 150 кораблей, пелопоннесский – из 120 (Xen. Hell. I. 6. 25–26).

[2] Мы не ставим здесь перед собой задачу перечислить все имеющиеся работы о процессе 406 г. до н. э.: их действительно очень много, а чрезмерное перенасыщение данной небольшой статьи научным аппаратом было бы нежелательно. Литература будет указываться выборочно. Вскоре увидит свет наше более пространное исследование о том же событии [5], и в нем историография вопроса будет представлена более исчерпывающим образом,

касается конкретной интерпретации события учеными, обнаруживаем ряд несколько отличающихся друг от друга вариантов: либо дело именно во временном вырождении народовластия в конкретный момент, во многом под влиянием многолетнего и неудачного вооруженного конфликта со Спартой (такова, пожалуй, позиция большинства), либо перед нами свидетельство порочности прямой демократии как таковой [1, с. 297–313]. А те антиковеды, которые, напротив, отстаивают достоинства этой политической системы, вынуждены оговаривать, что осуждение стратегов, наряду с осуждением Сократа несколькими годами позже, – это одно из немногих, буквально единичных «пятен», которые на ней лежат (т.е. это исключительный случай, аномалия, которая не должна влиять на нашу общую оценку демократических Афин [17, p. 140; 22, p. 466; 36, p. 234; 32, p. 41]). Недавняя попытка Д. Гиша [19] доказать, что сколько-нибудь серьезных нарушений в ходе суда не было, а стратегов приговорили к казни в связи с обоснованными подозрениями в попытке измены и свержения демократии, оказалась откровенно неудачной, поскольку она не основывается на фактах.

Процесс стратегов можно рассматривать в различных ракурсах, в особенности – в правовом или просопографическом. Нас интересует этот последний, но в рамках ограниченного объема статьи мы, естественно, сможем рассмотреть лишь некоторые аспекты вопроса, как оговорено и в заголовке. Начнем с того, что в 407/406 г. до н.э. в Афинах совершенно экстраординарное назначение получил Алкивиад, до того одержавший целую череду блистательных побед над пелопоннесцами: он был избран стратегом-автократором (Diod. XIII. 69. 3: στρατηγὸν… αὐτοκράτορα). Из этого, подчеркнем, не вытекало, как иногда считают, что он был вообще единственным стратегом этого года. Имелись и другие, но он оказывался выше их по званию, и, следовательно, они становились к нему в отношение подчинения. Этими другими, т. е. ординарными стратегами в 407/406 г. до н.э. были Фрасибул, Конон, Аристократ и Адимант [18, p. 69].

Эти стратеги, во главе с Алкивиадом, были в порыве эмоций отстранены экклесией от должностей после одной из неудач: то ли после поражения при Нотии (Xen. Hell. I. 5. 16), то ли после безуспешной атаки на Киму (Diod. XIII. 73–74). Алкивиад ушел в добровольное изгнание и поселился на Херсонесе Фракийском, а афинянами затем была избрана регулярная коллегия из 10 стратегов, членам которой и предстояло оказаться под судом в связи с аргинусским делом. Перечни имен этих стратегов дают Ксенофонт (Xen. Hell. I. 5. 16) и Диодор (Diod. XIII. 74. 1), но список второго содержит явные ошибки, так что ориентироваться нужно на Ксенофонта, тем более что

он был современником событий. Им перечисляются следующие афиняне: Конон[1], Диомедонт, Леонт, Перикл, Эрасинид, Аристократ, Архестрат, Протомах, Фрасилл, Аристоген. Позже Архестрат погиб (Lys. XXI. 7–8), и вместо него на освободившееся место был доизбран другой стратег – Лисий [39, p. 423].

На момент самого сражения при Аргинусах Конон был осажден пелопоннесским флотом в Митилене и в битве не участвовал, равно как и Леонт, судьба которого менее ясна (см. к вопросу: [26; 30, p. 185]): он находился либо с Кононом в той же Митилене, либо в спартанском плену. Таким образом, афинскими морскими силами при Аргинусских островах командовали 8 стратегов: Аристократ, Диомедонт, Перикл, Эрасинид, Протомах, Фрасилл, Лисий, Аристоген (Xen. Hell. I. 6. 29–30). После битвы они, не выполнив задачи подбора трупов погибших воинов для подобающего погребения, были сняты со своих постов и отозваны в Афины для суда (Xen. Hell. I. 7. 1). Двое из полководцев – Протомах и Аристоген – отказались вернуться на родину (Xen. Hell. I. 7. 2); тем самым они обрекли себя на лишение афинского гражданства и пожизненное изгнание. Остальные шесть вернулись на родину, где были судимы и казнены. Их процесс, бесспорно, должен быть трактован как исангелия[2], поскольку проходил в экклесии, а не в дикастерии. Мы трактуем его как εἰσαγγελία ἀσεβείας, т. е. исангелию по обвинению в религиозном преступлении, кощунстве[3], но этот вопрос – предмет для отдельного разговора.

Нам представляется, что едва ли не главным общим недостатком всей предшествующей литературы о рассматриваемых здесь событиях является неполное осознание той роли, которую играла в них незримо присутствовавшая в это время в афинском полисе личность Алкивиада – личность, уже современниками ощущавшаяся как экстраординарная и даже грандиозная. Обычно считается, что, будучи отправлен в отставку и удалившись на Херсонес Фракийский, этот полководец навсегда ушел и из истории Афин (не считая небольшого эпизода с его попыткой помочь своим при Эгоспотамах, Xen. Hell. II. 1. 25), был чуть ли не забыт согражданами, что его дальнейшее участие в войне уже не рассматривалось как что-то возможное и/или необходимое. Отнюдь не так!

[1] Таким образом, Конон был единственным из стратегов прошлого года, оставленным на своем посту.

[2] Таково практически единодушное мнение исследователей (кроме, кажется, [34, p. 437–439]).

[3] Об этой разновидности исангелии см. [2, с. 145–147].

Рассмотрим исключительно яркий пассаж из «Лягушек» Аристофана, посвященный Алкивиаду. Обязательно нужно учитывать, *когда именно* слова драматурга прозвучали перед зрителями (в комедии, которая имела настолько громкий успех, что не только удостоилась первого места, но и уникальным образом была рекомендована к повторной постановке). Это было весной 405 г. до н.э., когда прошло уже много месяцев со времени и избрания новых стратегов взамен Алкивиада, и данной ими битвы, и их казни; надвигался уже разгром афинского флота Лисандром при Эгоспотамах (который, разумеется, в тот момент еще никто не мог предсказать). Следует по достоинству оценить всю силу сказанного поэтом.

По поводу Алкивиада Дионис в «Лягушках» говорит: ἡ πόλις γὰρ δυστοκεῖ (Aristoph. Ran. 1423), то есть буквально – полис мучится родами. Обратим внимание: не чем-нибудь, а именно родами! Иными словами, вопрос о потенциальном новом появлении опального стратега еще вполне актуален. Подчеркнем, что его возвращению в правовом плане ничто не препятствовало: он не подвергся ни изгнанию, ни какому-либо иному наказанию, оставался афинским гражданином. И далее у Аристофана – ποθεῖ μέν, ἐχθαίρει δέ, βούλεται δ' ἔχειν (Aristoph. Ran. 1425): город и страстно желает Алкивиада (ποθεῖν – слово, выражающее очень интенсивную эмоцию, любовную тоску о потере [43, p. 190–191]), и ненавидит его, и хочет иметь.

Бог театра спрашивает у Еврипида и Эсхила, каково их мнение об этом политике. Первым высказывается Еврипид (Aristoph. Ran. 1427–1429): он ненавидит гражданина, который оказывается медленным на помощь родине, но быстрым на большой вред, для себя находчив, а для полиса сделать что-либо затрудняется (πόριμον αὑτῷ, τῇ πόλει δ' ἀμήχανον). Это, в общем-то, расхожий штамп, применимый скорее к какому-нибудь демагогу, а к Алкивиаду даже не очень идущий. Эсхил, со своей стороны (Aristoph. Ran. 1431–1432), прибегает к известному «львиному» топосу (в связи с которым см.: [15; 9]): лучше не вскармливать в полисе льва, а уж если таковой вскормлен, то нужно подчиниться его нраву (τοῖς τρόποις ὑπηρετεῖν). Дионис сравнивает две сентенции, прибегая к непереводимой игре слов (Aristoph. Ran. 1434): Еврипид сказал мудро (σοφῶς), Эсхил же – точно (σαφῶς)[1]. Итак, страсти вокруг Алкивиада в Афинах продолжали кипеть и

[1] Можно понять и наоборот (как делает, например, схолиаст к этому месту): Софокл сказал мудро, а Еврипид – точно. В нашем контексте это совершенно не принципиально.

после осуждения победителей при Аргинусах, и еще долго потом. Не случайно одной из первых мер олигархического правительства Тридцати после установления этого режима в 403 г. до н.э. было объявление Алкивиада изгнанным (Xen. Hell. II. 3. 42), а затем Критий позаботился и о его физическом устранении (Plut. Alc. 38). С людьми, которые не вызывают опасности, так не поступают.

Возвращаясь же ко времени, когда демократия еще существовала, война велась, а Аристофан писал «Лягушек», не можем не отметить: просто-таки бросается в глаза, что «тема Алкивиада» в общественном дискурсе воспринималась крайне неспокойно, поскольку ни у кого по этому вопросу не было устоявшегося мнения о том, как поступить (пришлось, как видим, даже обратиться за таким мнением к покойным драматургам, и один из них фактически посоветовал принять тиранию Алкивиада), царило какое-то замешательство. И на фоне этого замешательства проходил суд над стратегами. Предыдущие попытки «вписать» Алкивиада в контекст этого процесса оказались неудачными именно потому, что не принимали во внимание имевший место «разброд в умах», трактуя ситуацию под углом рациональной логики. Попытки такие предпринимались в двух противоположных направлениях. С одной стороны, выдвигалась идея о том, что расправу над стратегами инициировали приверженцы Алкивиада, чтобы вновь привести его на лидирующие позиции [8, s. 85–89; 27, p. 288]. С другой стороны, звучало и совершенно иное мнение: враги стратегов были и врагами Алкивиада, а среди самих членов коллегии, командовавших при Аргинусах, наоборот, преобладали члены его группировки [31, s. 55–57].

Последнее представляется сильным преувеличением. Как показывает анализ просопографических данных, из этой восьмерки только об Аристократе можно говорить как о человеке, близком к Алкивиаду (тот в предыдущем перед аргинусской кампанией году рекомендовал его на должность стратега, Diod. XIII. 69. 3). Часто считают сторонником Алкивиада также стратега Перикла (это Перикл-младший, сын знаменитого Перикла и Аспасии) на том основании, что они были троюродными братьями[1]. Однако не факт, что этому родству (не слишком близкому) нужно придавать какое-то особое значение, выводить из него личную близость между двумя политиками. В Афинах ко второй половине V в. до н.э. едва ли не вся знать породнилась друг с другом посредством межродовых браков,

[1] Перикл-младший – сын Перикла, сына Агариста из рода Алкмеонидов. Алкивиад – сын Диномахи, дочери Мегакла из рода Алкмеонидов. Мегакл и Агариста были родными братом и сестрой (Herod. VI. 131). См. генеалогическую таблицу в: [3, с. 250].

нити родства можно найти даже между семьями Кимона и Перикла, отличавшимися потомственной враждой[1]. Также нет достаточных оснований относить к кругу Алкивиада стратега Диомедонта. А, скажем, Фрасилл, судя по всему, относился к Алкивиаду неприязненно [27].

Это серьезные аргументы против второй из сформулированных выше точек зрения, но и против первой высказывались, на первый взгляд, не менее серьезные [1, с. 302–303]. Они заключаются в следующем: с одной стороны, среди обвинителей стратегов мы находим несколько безусловных друзей Алкивиада. Это прежде всего Ферамен и Фрасибул, с ними вопрос абсолютно ясен[2], так что и долго задерживаться на нем не приходится. Остановимся поэтому на тех просопографических нюансах, которые менее известны и нуждаются в освещении.

Среди тех, кто выступал против победителей при Аргинусах, Ксенофонтом упомянут Архедем, который немедленно после прибытия полководцев в Афины возбудил отдельный судебный процесс против одного из них – Эрасинида, обвинив его в присвоении государственных денег и в должностном преступлении (αὐτὸν ἔχειν χρήματα ὄντα τοῦ δήμου… καὶ περὶ τῆς στρατηγίας, Xen. Hell. I. 7. 2). Почему был особо выделен именно данный стратег? Это может быть связано с тем, что на военном совете после битвы в отличие от Диомедонта, который предлагал первым делом заняться подбором жертв, Эрасинид высказывался за скорейшее отплытие к Митилене (Xen. Hell. I. 7. 29), из-за чего он в наибольшей степени стал предметом народного гнева [6, p. 113].

Всмотримся пристальнее в личность Архедема. Не вызывает сомнения[3] то, что он тождествен известному демагогу и сикофанту, неоднократно фигурирующему в источниках применительно к событиям конца V в. до н.э. Ксенофонт в «Воспоминаниях» повествует (Xen. Mem. II. 9. 4–8), как друг Сократа Критон по совету философа нанял этого Архедема для борьбы с другими сикофантами и тот с этим делом успешно справлялся. Демагог

[1] Перикл строил козни против сыновей Кимона, особенно Лакедемония (Plut. Pericl. 29), а между тем они были его троюродными племянниками. Фессал, другой сын Кимона, в 415 г. до н. э. выступил с обвинением в профанации мистерий против Алкивиада (Plut. Alc. 22), своего четвероюродного брата.

[2] В 411 г. до н. э. Ферамен в Афинах (Diod. XIII. 38. 2; XIII. 42. 2; Nep. Alc. 5), а Фрасибул на Самосе (Thuc. VIII. 81. 2) самым решительным образом выступали за снятие с Алкивиада обвинений и возвращение ему прав афинского гражданства. Потом они несколько лет подряд были вместе с ним стратегами, и трех полководцев, разумеется, еще сильнее сплотило то, что называют боевым братством.

[3] См. сводку просопографических данных в [23, p. 158].

против демагогов – ситуация прямо-таки из аристофановских «Всадников». Кстати, у Аристофана Архедем тоже упоминается (Aristoph. Ran. 416 sqq.), и именно как демагог (νυνὶ δὲ δημαγωγεῖ). Тем же комедиографом приведено его характерное прозвище – ὁ γλάμων, «имеющий мутные глаза» (Aristoph. Ran. 588). А из Лисия мы узнаём (Lys. XIV. 25), что Архедем ὁ γλάμων был близок к Алкивиадовой семье и, в частности, чуть ли не являлся любовником Алкивиада Младшего, сына знаменитого полководца. Последнее вполне может быть инсинуацией инвективного характера, каких много в тенденциозных Лисиевых речах, но тем не менее налицо тот факт, что человек из круга Алкивиада оказался в лагере, противоположном по отношению к стратегам [30, p. 41].

Далее, упомянем другого демагога – Калликсена, на которого в наибольшей мере возлагали ответственность за скандальный приговор. Его имя оказывается весьма редким в афинском ономастиконе. За весь многовековой период существования полиса известно лишь 14 или 15 граждан, которых так звали [33, p. 250][1], да и из них что-то определенное можно сказать только об одном (естественно, помимо того Калликсена, о котором идет речь в данный момент; патронимик и демотик его неизвестны). Этот единственный (Калликсен, сын Аристонима, из Ксипеты) действовал в первой четверти V в. до н.э. (таким образом, он не может быть тождествен с Калликсеном-демагогом) и стал известен после находок остраконов с его именем [41]. Кстати, остраконов таких оказалось немало – 281 [4, с. 545], и это позволяет судить о Калликсене, сыне Аристонима, как о достаточно видной фигуре в политической жизни. А самое интересное – в том, что он был членом рода Алкмеонидов: об этом прямо гласит приписка на одном из остраконов [10, s. 186]. Таким образом, следует сделать вывод о том, что имя Калликсен (повторим, редкое) принадлежит именно к алкмеонидовскому ономастикону. Из этого, наверное, нельзя с полной безусловностью заключать, что и Калликсен, обвинявший стратегов, имел какое-то отношение к Алкмеонидам (близким родственникам Алкивиада), но вероятность такая имеется[2].

[1] В начале XX в. было известно три [23, p. 535].

[2] Знатное происхождение отнюдь не было несовместимо с занятием демагогией. Когда-то ведущего демагога конца V в. до н. э. Клеофонта зачисляли в «низкородные» (опираясь на тенденциозные высказывания в комедиях), а теперь известно (тоже по данным остраконов), что Клеофонт и его брат Филин принадлежали к элитной семье Клеиппида [44; 38].

Итак, среди обвинителей стратегов, как совершенно ясно, были сторонники Алкивиада. Однако парадоксальным образом единственным афинянином, который пытался всерьез побороться за смягчение участи подсудимых, был Евриптолем – тоже друг (и даже родственник) Алкивиада, произнесший на суде прочувствованную речь. Евриптолем – безусловный представитель рода Алкмеонидов, и Алкивиад доверял ему, о чем говорит следующий факт: когда он после осуждения за кощунство и длительного отсутствия возвратился в Афины, то вначале в Пирее не решался сходить с корабля и сделал это только тогда, когда заметил в толпе встречающих Евриптолема (Xen. Hell. I. 4. 19). С другой стороны, последний в своей речи упоминает о том, что один из обвиняемых (Перикл Младший) является его родственником, а другой (Диомедонт) – другом (Xen. Hell. I. 7. 16).

Во избежание недоразумений не можем не остановиться и на той роли, которую в процессе сыграл Сократ [21]. Он, являясь одним из пританов, отказывался ставить проект Калликсена на голосование как противозаконный и до конца остался верен этой позиции, хотя остальные пританы, будучи запуганы, пошли на поводу у демоса (Xen. Hell. I. 7. 15–16). А при этом, если поставить вопрос об отношении Сократа к Алкивиаду, ответ на него будет ясен изначально: их знаменитая дружба, как минимум, со времен платоновского «Пира» стала притчей во языцех. Ксенофонт в своих мемуарах даже попытался их несколько диссоциировать (Xen. Mem. I. 2), – видимо, в пику Платону[1]. Тем не менее сомневаться в реальности этой дружбы не приходится, и о ней существует немалая литература (например: [35; 37; 7; 13; 16]).

Однако относительно мотивов Сократа во время процесса необходимо сделать пояснение, поскольку в связи с этим вопросом уже у некоторых (более поздних) античных авторов наблюдается недопонимание ситуации. Так, Диоген Лаэртский пишет: «Он один голосовал за оправдание десяти стратегов (ἀποψηφίσασθαι τῶν δέκα στρατηγῶν)» (Diog. Laert. II. 24). В действительности дело обстояло не вполне так. Какую позицию занял философ в голосовании непосредственно о приговоре – мы не знаем, об этом ни один из античных авторов не сообщает. Его роль была связана с более ранним этапом процесса, с решением процедурного вопроса о том, как судить полководцев. Он не голосовал за их оправдание или осуждение; он не хотел, чтобы состоялось само это голосование, вопиюще противоречившее существующим процессуальным нормам. Иными словами, не стратегов как

[1] Убедительно продемонстрировано, что «Меморабилии» Ксенофонта были написаны позже сократических сочинений Платона и в полемике с ними [42].

таковых защищал Сократ, не личностными соображениями руководствовался – он вставал на защиту права.

Вернемся к Евриптолему. Следует сказать, что он выступил отнюдь не как безусловный защитник стратегов, к ним у него тоже есть претензии, и его речь даже начинается словами τὰ μὲν κατηγορήσων... ἀνέβην ἐνθάδε – «я явился сюда в роли обвинителя» (Xen. Hell. I. 7. 16). Такое начало[1], надо думать, прозвучало неожиданно. И в дальнейшем через всё выступление лейтмотивом проходит следующая идея: если стратеги будут признаны виновными, то они достойны казни, но судить их нужно по какой-нибудь подходящей процедуре и, во всяком случае, не огулом. Евриптолем предлагает даже несколько альтернативных вариантов, которыми можно воспользоваться: декрет Каннона (τὸ Καννωνοῦ ψήφισμα, Xen. Hell. I. 7. 20)[2], закон о святотатцах и предателях (ὁ νόμος... ἐπὶ τοῖς ἱεροσύλοις καὶ προδόταις, Xen. Hell. I. 7. 22). Главное – в том, чтобы подобающий правопорядок был хотя бы в минимальной мере соблюден и, что особенно важно, чтобы обвиняемые получили право высказаться в свою защиту, которого они в тот день были совершенно лишены[3].

Итак, мы, со своей стороны, все-таки склоняемся к тому, что против стратегов выступили те политики, которые желали возвращения Алкивиада. Первыми сделали это, напомним, Ферамен и Фрасибул, которые раньше остальных участников сражения прибыли в Афины и имели возможность воздействовать там на общественное мнение. А эти двое, как ясно со всей безусловностью, принадлежали к кругу Алкивиада. При этом совершенно не обязательно считать, что они намеревались именно погубить полководцев! Добиться их отстранения от командования – вот что было вполне достаточной задачей. И именно решение об их снятии со своих постов было принято экклесией в первую очередь (Xen. Hell. I. 7. 1), а уже потом

[1] Это именно самые первые слова речи Евриптолема (что не отражено в используемом нами переводе С. Я. Лурье, где в результате фраза звучит менее остро).

[2] Декрет Каннона (см. о нем, например: [25]) – документ, характер которого неясен и дискуссионен.

[3] На предыдущем заседании экклесии стратегам было предоставлено слово, но в недостаточном объеме: «им не было позволено говорить столько, сколько полагается вообще по закону (οὐ γὰρ προυτέθη σφίσι λόγος κατὰ τὸν νόμον)» (Xen. Hell. I. 7. 5). Совершенно превратно понимает это место Д. Гиш [19, p. 178). По его мнению, стратегам не дали возможности адекватно защитить себя не *вопреки* закону, а *согласно* закону. Получается, закон ущемлял права одной из сторон? Верную трактовку фразы Ксенофонта, подразумевающую процедурное нарушение, см.: [45, s. 160; 20, p. 58; 28, p. 189].

разгорелись страсти, что привело к куда более серьезным, даже фатальным последствиям для командующих флотом.

Именно поэтому, кстати, Евриптолем, в ходе процесса оправдывая стратегов, не наносил вреда делу Алкивиада. Часто забывают (или как-то не принимают во внимание), что на суде решался вопрос о жизни или смерти обвиняемых, а не о том, оставаться ли им на своих должностях. Этот последний уже был решен в отрицательном смысле; о том, что решение было окончательным, свидетельствует избрание двух новых членов коллегии – Филокла и Адиманта (Xen. Hell. I. 7. 1). О последнем, кстати, имеет смысл сказать несколько слов.

Адимант, сын Левколофида, – человек довольно сложной судьбы, судя по известным фактам его биографии. Еще совсем молодым он изображен Платоном в «Протагоре» (Plat. Prot. 315e) в составе группы молодых людей – поклонников софистов (среди других членов той же группы – Алкивиад и Критий, будущий одиозный лидер Тридцати, Plat. Prot. 416a). В 415 г. до н.э. Адимант вместе с Алкивиадом оказался в числе фигурантов скандального процесса о мистериях: после того, как в одном из доносов он был назван в качестве участника профанирования этого священного обряда, ему пришлось бежать из полиса (Andoc. I. 16), а его имущество, по данных т.н. «Аттических стел», было конфисковано. Как ясно из его избрания в стратеги, к 407/406 г. до н.э. он был уже возвращен из изгнания, но когда и при каких обстоятельствах это произошло – источники не дают основания судить[1].

В любом случае ясно, что Адимант принадлежал к группировке Алкивиада и даже просто был к нему очень близок; ассоциирует их друг с другом и Лисий (в негативном и инсинуирующем контексте: Lys. XIV. 38). В 407/406 г. до н.э. Алкивиад в бытность свою автократором рекомендовал Адиманта на должность стратега (Diod. XIII. 69. 3). Вместе с Алкивиадом Адимант был и отстранен перед избранием «аргинусской десятки». А теперь

[1] Чисто произвольным (к тому же прямо противоречащим свидетельству Андокида) выглядит построение Д. Нейлс, согласно которому Адимант не бежал после доноса, а вместе с Алкивиадом отплыл на Сицилию и в дальнейшем разделял его судьбу [30, p. 4]. Эта исследовательница вообще нередко подменяет факты собственными фантазиями. Пользуясь случаем, отметим также, что в месте, на которое мы только что сослались, она допускает досадную неточность, выставляющую в ложном свете весь афинский электоральный процесс: будто бы Адимант в 407/406 г. до н.э. был назначен стратегом по указанию Алкивиада, а не избран афинянами (not elected by the Athenians). Такого в демократических Афинах не бывало и быть не могло. Приведем вполне ясные указания источников. У Ксенофонта Аристократ и Адимант – *ἡρημένοι* (курсив наш. – *И.С.)* κατὰ γῆν στρατηγοί (Xen. Hell. I. 4. 21); у Диодора афиняне *εἵλαντο* (курсив наш. – *И.С.*) δὲ καὶ στρατηγοὺς ἑτέρους (Diod. XIII. 69. 3).

он снова стал стратегом. Сторонникам Алкивиада это должно было дать серьезную надежду на то, что на ближайших же регулярных выборах и он тоже получит аналогичное назначение.

Эти ожидания, правда, не оправдались. В 405/404 г. до н.э. Конон, Адимант и Филокл остались стратегами, и к ним было добавлено еще трое – Менандр, Тидей и Кефисодот [18, p. 70]. Из них первые двое, похоже, относились к Алкивиаду негативно (Xen. Hell. II. 1. 26; Plut. Alc. 37). Но тут можно только констатировать действие того фактора, на который мы уже указывали, – крайней эмоциональной возбужденности граждан. Решения крайне переменчивого и даже противоположного характера следовали друг за другом. В частности, осудив стратегов, уже вскоре (похоже, еще до поражения при Эгоспотамах) учинили суд и над их обвинителями во главе с Калликсеном (Xen. Hell. I. 7. 35), которые были взяты под арест, но сумели бежать. Против них был возбужден процесс типа προβολή по обвинению в «обмане народа». Ферамена в числе подвергшихся этому преследованию не было [30, p. 285]; но и его авторитет, похоже, пошатнулся: он ведь тоже был избран стратегом на 405/404 г. до н.э., однако, что характерно, не прошел докимасию (Lys. XIII. 10) и в должность не вступил. Если именно Ферамен придумал пресловутую комбинацию, конечной целью которой было восстановление позиций Алкивиада (а он действительно с наибольшей вероятностью был ее автором), то он мог теперь на собственном опыте убедиться в том, что в условиях воцарившегося в Афинах политического хаоса подобные «многоходовки» уже не работают.

Литература

1. *Кудрявцева Т.В.* Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008.
2. *Никитюк Е.В.* Афинские нечестивцы. Процессы по обвинению в религиозном нечестии в Афинах в конце V в. до н.э. СПб., 2018.
3. *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000.
4. *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006.
5. *Суриков И.Е.* Суд над стратегами-победителями и «тень Алкивиада» // Вестник древней истории. Т. 85 (в печати).
6. *Andrewes A.* The Arginousai Trial // Phoenix. 1974. Vol. 28/1. P. 112–122.
7. *Archie A.* Politics in Socrates' Alcibiades: A Philosophical Account of Plato's Dialogue Alcibiades Major. N. Y., 2015.
8. *Beloch K.J.* Die attische Politik seit Perikles. Leipzig, 1884.

9. *Bloedow E.F.* On ‘Nurturing Lions in the State’: Alcibiades’ Entry on the Political Stage in Athens // Klio. 1991. Bd. 73. Ht. 1. S. 49–65.

10. *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001.

11. *Burckhardt L.* Eine Demokratie wohl, aber kein Rechtsstaat? Der Arginusenprozeß des Jahres 406 v.Chr. // Große Prozesse im antiken Athen / Hg. von L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg. München, 2000. S. 128–143.

12. *Cloché P.* L’affaire des Arginuses // RH. 1919. Vol. 130. P. 5–68.

13. *Cornelli G.* He Longs for him, he Hates him and he Wants him for Himself: The Alcibiades Case between Socrates and Plato // Plato’s Styles and Characters: Between Literature and Philosophy / Ed. G. Cornelli. Berlin; Boston, 2016. P. 281–295.

14. *Due B.* The Trial of the Generals in Xenophon’s *Hellenica* // Classica et mediaevalia. 1983. Vol. 34. P. 33–44.

15. *Dyson G.W.* ΛΕΟΝΤΑ ΤΕΚΕΙΝ // Classical Quarterly. 1929. Vol. 23. № 3–4. P. 186–195.

16. *Evangelidou C.C.* Political Ambition and Philosophic Constraint: Alcibiades, Socrates and the Sicilian Expedition // Philosopher Kings and Tragic Heroes: Essays on Images and Ideas from Western Greece / ed. by H.L. Reid, D. Tanasi. Sioux City, 2016. P. 111–126.

17. *Finley M.I.* Politics in the Ancient World. Cambridge, 1983.

18. *Fornara C.W.* The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971.

19. *Gish D.* Defending *dēmokratia*: Athenian Justice and the Trial of the Arginusae Generals in Xenophon’s *Hellenica* // Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry / Ed. F. Hobden, C. Tuplin. Leiden; Boston, 2012. P. 161–212.

20. *Harrison A.R.W.* The Law of Athens. Vol. 2. Oxford, 1971.

21. *Hatzfeld J.* Socrate au procès des Arginuses // Revue des études anciennes. 1940. Vol. 42. P. 165–171.

22. *Kagan D.* The Peloponnesian War. N.Y., 2004.

23. *Kirchner I.* Prosopographia Attica. Vol. 1. Berlin, 1901.

24. *Lang M.* Theramenes and Arginousai // Hermes. 1992. 120. S. 267–279.

25. *Lavelle B.M.* Adikia, the Decree of Kannonos and the Trial of Generals // Classica et mediaevalia. 1988. Vol. 39. P. 19–41.

26. *McCoy W.J.* The Identity of Leon // American Journal of Philology. 1975. Vol. 96. P. 187–199.

27. *McCoy W.J.* Thrasyllus // American Journal of Philology. 1977. Vol. 98. P. 264–289.

28. *MacDowell D.M.* The Law in Classical Athens. L., 1978.

29. *Mehl A.* Für eine neue Bewertung eines Justizskandals. Der Arginusenprozess und seine Überlieferung vor dem Hintergrund von Recht und Weltanschauung im Athen

des ausgehenden 5. Jh. v.Chr. // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. 1982. Bd. 99. S. 32–80.

30. *Nails D.* The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics. Indianapolis, 2002.

31. *Németh G.* Der Arginusen-Prozess: Die Geschichte eines politischen Justizmordes // Klio. 1984. Bd. 66. Ht. 1. S. 51–57.

32. *Ober J.* Democracy and Knowledge: Innovation and Learning in Classical Athens. Princeton, 2008.

33. *Osborne M.J. Byrne S.G.* A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. 2: Attica. Oxford, 1994.

34. *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth Century Athens. Berkeley, 1986.

35. *Planeaux C.* Socrates, Alcibiades, and Plato's ΤΑ ΠΟΤΕΙΔΕΑΤΙΚΑ. Does the *Charmides* Have an Historical Setting? // Mnemosyne. 1999. Vol. 52/1. P. 72–77.

36. *Raaflaub K.A.* The Discovery of Freedom in Ancient Greece. Chicago, 2004.

37. *Ramsey R.* Plato's Oblique Response to Issues of Socrates' Influence on Alcibiades: An Examination of the *Protagoras* and the *Gorgias* // Alcibiades and the Socratic Lover-Educator / ed. by M. Johnson, H. Tarrant. Bristol, 2012. P. 61–76.

38. *Raubitschek A.E.* Philinos // Hesperia. 1954. Vol. 23. No. 1. P. 68–71.

39. *Rhodes P.J.* A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxford, 1985.

40. *Roberts J.T.* Arginusae Once Again // Classical World. 1977. Vol. 71. № 2. P. 107–111.

41. *Stamires G.A., Vanderpool E.* Kallixenos the Alkmeonid // Hesperia. 1950. Vol. 19. No. 4. P. 376–390.

42. *Stokes M.* Three Defences of Socrates: Relative Chronology, Politics and Religion // Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry / ed. by F. Hobden, C. Tuplin. Leiden; Boston, 2012. P. 243–267.

43. *Strootman R. Pothos* or Propaganda? Alexander's Longing to Reach the Ocean and Argead Imperial Ideology // The Courts of Philip II and Alexander the Great: Monarchy and Power in Ancient Macedonia / Ed. by F. Pownall, S.R. Asirvatham, S. Müller. Berlin; Boston, 2022. P. 189–207.

44. *Vanderpool E.* Kleophon // Hesperia. 1952. Vol. 21. № 2. P. 114–115.

45. *Wedel W. von.* Die politischen Prozesse im Athen des fünften Jahrhundert. Ein Beitrag zur Entwicklung der attischen Demokratie zum Rechtsstaat // Bullettino dell'Istituto di diritto romano «Vittorio Scialoja». 1971. Vol. 13. P. 107–188.

46. *Yunis H.* Taming Democracy: Models of Political Rhetoric in Classical Athens. Ithaca, 1996.

Жестоканов С.М.
Институт истории СПбГУ

Ранние этапы становления Коринфского полиса

Аннотация. В начале «Темных веков» (XI–IX вв. до н.э.) на территории будущего Коринфа существовало несколько сельских поселений. В ходе синойкизма VIII в. до н.э. отдельные общины объединились в единый политический организм вокруг центрального поселения, располагавшегося к югу от Храмового холма. Политическая интеграция поселений способствовала превращению их в единый городской центр. Завершением этого процесса было сооружение в середине VII в. до н.э. оборонительных городских стен. Население раннего Коринфа было разделено на три традиционные дорийские филы (Гиллеи, Памфилы и Диманы) и дополнительную филу (Аореи), включавшую местное до-дорийское население.

Ключевые слова: Коринф, Архаический период, синойкизм, урбанизация, филы.

Zhestokanov. S.M.
Institute of History, St. Petersburg State University

Early stages of the formation of the Corinthian polis

Abstract. At the beginning of the «Dark Ages» (11th – 9th centuries BC) there were several rural settlements on the territory of the future Corinth. During the Synoecism of the 8th century BC, individual communities united into a single political organism around a central settlement located south of the Temple Hill. The political integration of settlements contributed to their transformation into a single urban center. The completion of this process was the construction of defensive city walls in the middle of the 7th century BC. The population of early Corinth was divided into the three traditional Dorian phyles (Hylleis, Pamphyli and Dymanes) and an additional phyle (Aoreis) that included the local pre-Dorian population.

Keywords: Corinth, Archaic period, synoecism, urbanization, phyles

Исследование поселенческой традиции раннего Коринфа является весьма сложной задачей, вследствие интенсивной застройки города в последующие века и особенно после восстановления Коринфа Цезарем в 44 г. до н.э. Наиболее ранние из обнаруженных археологами построек относятся к середине VII в. до н.э. [53, p. 5–10; 41, p. 75]. По этим причинам возникновение ранних поселений можно проследить главным образом по находкам древнейших захоронений и колодцев. Материал, относящийся ко времени между Позднеэлладским III C (ок. 1200–1100 гг. до н.э.) и Поздним Протогеометрическим периодом (ок. 925–875 гг. до н.э.) крайне немногочисленный [42, p. 39]. Обнаружено несколько Субмикенских погребений в центре будущего Коринфа и небольшое скопление могил к западу от современного музея [49, p. 596-599; 12, p. 293; 53, p. 14-15; 42, p. 42, 45]. Открытие этих захоронений указывает на то, что после крушения Микенских государств полная депопуляция на территории Коринфии не произошла [51, p. 288; 42, p. 39]. Хотя количество населения, конечно, резко сократилось [1, c. 13, 17–18; 4, c. 98; 43, p. 79; 20, p. 221; 21, p. 24-25; 11, s. 51; 42, p. 48].

Поселение, располагавшееся, по-видимому, у западного скопления могил принадлежало местному до-дорийскому населению [42, p. 45]. Их погребальный инвентарь относится исключительно к Субмикенскому и самому началу Протогеометрического периодов. Территория, занимаемая этим некрополем, оставалась в отличие от восточных районов незаселенной в течение двух последующих веков [42, p. 46, 83]. Вероятно, жители этого поселения были истреблены дорийцами или переселились под их натиском в другие регионы.

Интенсивное заселение Коринфа начинается в Позднем Протогеометрическом периоде (ок. 925–875 гг. до н.э.). Погребения в некрополях, возникших в это время, продолжаются вплоть до VI в. до н.э. [49, p. 103-115; 52, p. 12, 20; 41, p. 101–102; 27, p. 717–718; 42, p. 39, 75]. Наиболее многочисленные находки данного периода обнаружены в западной части центральной ложбины, к югу от Храмового холма [41, p. 101–103; 42, p. 75–77]. Здесь, вероятно, находилось самое крупное поселение дорийцев, ставшее ядром будущего Коринфа [41, p. 96, 101; 42, p. 75–77]. Замечательно, что именно в этом районе возникли древнейшие святилища: Аполлона и Афины Халиантиды (VII в. до н.э.) [41, p. 101–102; 27, p. 718–719; 42, p. 60, 78].

Более мелкие поселения располагались к северу от источника Пейрены, к западу от Храмового холма и по краям нижней террасы над Лехейской долиной [50, p. 252; 41, p. 102–103; 54, p. 2–3; 42, p. 75–77].

За пределами собственно Коринфа находки Геометрического периода, указывающие на наличие поселений, обнаружены в Зигуриесе, Генее (Астхикии), Клении, Кроммионе, на территории более позднего святилища Посейдона Истмийского и на Солигейском холме [9, s. 43–45, 66–67; 49, p. 69–72; 13, p. 27; 41, p. 103–104; 42, p. 48].

Археологические памятники из этих мест полностью соответствуют коринфскому материалу, что свидетельствует о расселении дорийцев на территории всей Коринфии [42, p. 48, 58].

Поздняя традиция приписывает объединение коринфских поселений в единый полис и разделение его жителей на филы легендарному царю Алету: Ἀλήτης κατὰ χρησμὸν τοὺς Κορινθίους συνοικίζων ὀκτὼ φυλὰς ἐποίησε τοὺς πολίτας καὶ ὀκτὼ μέρη πόλιν – Алет в соответствии с оракулом, поселив коринфян вместе, создал восемь фил граждан и восемь частей города [46, πάντα ὀκτώ].

Сообщение Суды о синойкизме Алета вряд ли можно признать истинным. Приписывание актов государственного устройства легендарным предкам являлось широко распространенным сюжетом в античной традиции. Так, политическое объединение Аттики связывали с деятельностью Тезея (Plut., Thes., 40, 24), жившего задолго до Троянской войны, а разделение Фессалии на тетрархии – с именем Алева Рыжего [28, τετραρχία].

Правление Алета традиция относит к началу Гомеровского времени: 1074–1036 гг. до н.э. у Диодора Сицилийского [22, VII. 9], 1101–1066 до н.э. в Иеронимовской версии Хроники Евсевия Кесарийского [26, II, p. 66] и 1099–1064 до н.э. в Армянской версии этой же хроники [25, II, p. 174]. Для этого времени невозможно говорить не только об объединении Коринфа, но и о прочном заселении его территории. Данные археологии, как мы уже говорили, указывают на освоение Коринфии дорийцами в самом конце Протогеометрического периода, на рубеже X–IX вв. до н.э. При этом расположение и характер находок свидетельствует о существовании в это время нескольких разрозненных сельских поселений [41, p. 98, 100–103, 115; 27, p. 718-719; 42, p. 58, 75–77].

Синойкизм был длительным процессом, в котором можно выделить три основных аспекта: 1) политический (объединение отдельных поселений в единый государственный организм и создание единых органов власти), 2) социальный (формирование единой гражданской общины),

3) урбанистический (выделение городского центра, объединявшего сельские поселения, составлявшие хору полиса) [5, с. 94–181].

Все перечисленные аспекты синойкизма были тесно взаимосвязаны и развивались параллельно, но не всегда синхронно. Нередко политическое объединение общин значительно опережало возникновение городского центра (например, в Элиде) [45, VIII. 3. 2]. А в Лаконике, как известно, синойкизм не сопровождался урбанизацией: Спарта так и не развилась в настоящий город, представляя собой совокупность сельских поселений [47, I. 10. 2; 2, с. 12; 43, p. 340; 29, p. 213].

К сожалению, фрагментарный характер как археологических данных, так и нарративных источников не позволяет с определенной точностью проследить процесс синойкизма на территории Коринфии.

В политическом отношении объединение коринфских поселений, вероятно, закончилось к середине VIII в. до н.э. Некоторые указания на это можно найти в отдельных сообщениях источников.

Во второй половине VIII в. до н.э. заметна активизация внешней политики Коринфа за пределами его собственной территории. В стремлении удержать контроль над Истмом, коринфяне не без успеха провоцировала конфикты между мегарскими общинами [39, 17, p. 295c], нередко наталкиваясь при этом на противодействия Аргоса [37, VI. 19. 13]. Столкновения с Аргосом в районе Истма, по-видимому, послужили причиной участия коринфян в Первой Мессенской войне (742–724 гг. до н.э.), в которой они в союзе со Спартой противостояли коалиции мессенцев, аркадян и аргосцев [37, IV. 11. 1, 15. 8, 19. 2]. Включение Коринфа в борьбу сильных пелопоннесских полисов было возможно только при консолидации его собственных общин [41, p. 106; 17, p. 85; 27, p. 724–725].

В это же время начинается колонизационная деятельность коринфян, в которой приняли участие не только жители центрального поселения, но и сельской округи (например, население Тенеи при выводе колонии в Сиракузы) [45, VIII. 6. 22].

Бакхиады, пришедшие к власти после свержения монархии в 747 г. до н.э., по-видимому, контролировали всю территорию Коринфии. Из традиции известно о распоряжениях правящего рода в поселениях Петра [31, V. 92], Мелисс и в святилище Посейдона на Истме [38, 2, p. 772c]. В связи с этим важно вспомнить, что Гомеру, жившему по мнению большинства современных исследователей в VIII в. до н.э., известен только один истмийский полис – Коринф [33, II. 570, XIII. 664].

Политическая консолидация Коринфии должна была стимулировать возникновение городского центра. Успешному развитию урбанизации способствовало и расширение в середине VIII в до н.э. ремесленного производства и торговли. Значительное развитие коринфской экономики в это время подтверждается находками коринфских изделий практически во всех районах Средиземноморья: от Карфагена и Италии на западе до Сирии и Палестины на востоке [8, p. 203–206; 18, p. 81–83; 30, p. 503; 43, p. 376; 16, p. 374 –376; 17, p. 167-169; 41, p. 117–119].

О возникновении урбанистического центра в Коринфе нам практически ничего неизвестно. Верхней границей в процессе объединения отдельных общин в городское поселение можно считать возведение вокруг Коринфа оборонительных стен, сооружение которых связывают с Кипселом (657 – 627 гг. до н.э.) [10, p. 81-83; 44, p. 14-15; 41, p. 119; 42, p. 220-221]. Однако начало урбанизации, по-видимому, следует отнести еще ко времени правления Бакхиадов (747–657 гг. до н.э.). На это указывает, например, благоустройство городских источников: сооружение каменной камеры для Священного источника, которое датируется, вероятно еще VIII в. до н.э. К этому же времени относится, скорее всего, и обустройство Циклопического источника [32, p. 46–80; 53, p. 3–5; 42, p. 79–80].

Население раннего Коринфа, также как и в других дорийских полисах, делилось на три традиционные филы: Гиллеи, Памфилы и Диманы [3, с. 244; 24, p. 55; 36, s. 236; 51, p. 293; 41, p. 114; 42, p. 51, 57]. Эти филы не засвидетельствованы в самом Коринфе, но некоторые данные из коринфских колоний указывают на их существование и в социальной системе метрополии.

В керкирских надписях в качестве приложения к именам упоминается фила Гиллеев: Ἀριστομένης Ἀριστολαΐδα [Ὑλ]λεύς [19, II. 1845. 2–3], Ψύλλας Ἀλκίμου Ὑλλ[εύς] [19, II. 1845. 5]. По имени этой филы на Керкире был назван один из заливов: Ὑλλαϊκὸς λιμήν [19, III. 73. 81].

Наличие всех трех дорийских фил засвидетельствовано на Черной Керкире, заселенной из сиракузской колонии Иссы [22, I. 141]. Эти же филы, по-видимому, существовали и в самих Сиракузах [15, II. 51. 127; 34, p. 32–34; 24, p. 55; 41, p. 114].

В некоторых пелопоннесских полисах наряду с тремя дорийскими филами имелась четвертая фила, объединявшая до-дорийское население: например, Гирнафии в Аргосе и Эгиалеи в Сикионе [31, V. 68]. Последние эпиграфические данные говорят о существовании недорийской филы в Коринфе. Недавно опубликованный декрет с острова Делос, который был

признан его исследователями коринфским, упоминает древнюю филу Ἀορεῖς [35, p. 165–166; 42, p. 413–415]. Подразделение населения с аналогичным названием – Ἀϝορῶν (*Gen. pl.*) – встречается в одной из керкирских надписей [14, p. 79–81]. Недорийский состав Ареев подтверждается сообщением Делосского декрета о принятии в эту филу ионийцев [3, с. 245; 42, p. 416].

На основании этих данных можно сделать вывод, что коринфское население в Гомеровское и Раннеархаическое время было разделено на три традиционные дорийские филы и дополнительную филу, включавшую местное эолийское население, проживавшее в Коринфии до появления там дорийцев [4, с. 104; 24, p. 55; 51, p. 293; 6, p. 55; 27, p. 724; 42, p. 416].

Учреждение в Коринфе восьми территориальных фил, по-видимому, произошло при тирании Кипселидов, стремившихся к ослаблению аристократического влияния в общественной жизни полиса [24, p. 55; 51, p. 612; 7, s. 18; 35, p. 187].

Литература

1. *Андреев Ю.В.* Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976. 144 с.

2. *Андреев Ю.В.* Начальные этапы становления греческого полиса // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 3–17.

3. *Жестоканов С.М.* Организация гражданской общины в Коринфе // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6. СПб., 2007. С. 237–248.

4. *Полякова Г.Ф.* От микенских дворцов к полису // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 1. М., 1983. С. 89–127.

5. *Хапаева Д.Р.* Урбанистические процессы в Древней Греции: дисс. … канд. истор. наук. Л., 1988. 215 с.

6. *Andrewes A.* The Greek tyrants. L., 1956. 164 p.

7. *Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. Bd 1. München, 1967. 796 s.

8. *Blakeway A.* Prolegomena to the Study of Greek commerce with Italy, Sicily and France in the VIII$_{th}$ and VII$_{th}$ centuries BC // The Annual of the British School at Athens. 1932/1933. Vol. 33. P. 170-208.

9. *Blegen C.W.* Zygouries, a prehistoric settlement in the valley of Cleonae. Cambridge (Mass.), 1928. 227 p.

10. *Bon A., Carpenter R., Parsons A.W.* Corinth III, 2: The Dephenses of Acrocorinth and Lower Town. Cambridge (Mass.), 1936. 315 p.

11. *Bouzek J.* Homerisches Griechenland, im Lichte der archäologischen Quellen. Praha, 1969. 230 s.

12. *Broneer O.* Investigations at Corinth 1950 // Hesperia. 1951. Vol. 20. P. 291–300.

13. *Broneer O.* Excavations at Isthmia // Hesperia. 1958. Vol. 27. P. 1–37.

14. *Calligas P.* An inscribed lead plaque from Korkyra // The Annual of the British School at Athens. 1971. Vol. 66. P. 79–94.

15. *Cicero*. Actio contra Verrem Secunda // *Cicero, M. Tullius*. Orationes / ed. W. Peterson. Vol. 3. Oxford, 1922.

16. *Coldstream J.N.* Greek Geometric Pottery. A survey of ten local styles and their chronology. L., 1968. 465 p.

17. *Coldstream J.N.* Geometric Greece. L., 1977. 406 p.

18. *Cook R. M.* Ionia and Greece in VIIIth and VIIth centuries BC. // Journal of Hellenic Studies. 1946. Vol. 66. P. 67–98.

19. Corpus Inscriptionum Graecarum. Vol. II–III. / ed. A. Böckh et al. Berlin, 1833, 1853.

20. *Desborough V.R. d'A.* The Last Mycenaeans and their successors. Oxford, 1964. 288 p.

21. *Desborough V.R. d'A.* The Greek Dark Ages. L., 1972. 388 p.

22. *Diodorus Siculus*. Bibliotheca historica. Vol. 2. / ed. F. Vogel. Leipzig, 1890.

23. *Dittenberger W*. Sylloge inscriptionum Graecarum. Ed. 3-a. Bd. 1. Leipzig, 1915.

24. *Dunbabin T.J.* The Western Greeks. The history of Sicily and South Italy from the foundation of the Greek colonies to 480 BC. 504 p.

25. *Eusebius*. Chronicon. Versio Armeniaca // Eusebius Caesariensis. Werke. Bd. 5 / ed. J. Karst, Leipzig, 1911.

26. *Eusebius*. Chronicon. Hieronymi versio // Eusebius Caesariensis. Werke. Bd.7 / ed. R. Helm. Leipzig, 1913.

27. *Hammond N.G.L.* The Peloponnese // CAH^2. Vol. III. Pt 1. 1982. P. 696–744.

28. *Harpocration*. Lexicon in decem orstores Atticos. Vol.1–2 / ed. W. Dindorf. Oxford, 1853.

29. *Haywood R.M.* Ancient Greece and the Near East. N. Y., 1964.

30. *Heichelheim F.M.* An Ancient Economic History. Vol. I. Leiden, 1958.

31. *Herodotus*. Historiae. Vol. 2. / ed. C. Hude. Oxford, 1941.

32. *Hill B.H*. Corinth I, 6: The Springs: Peirene, the Sacred Spring, Glauke. Princeton, 1964. 235 p.

33. *Homerus*. Ilias. Vol. 1-2 / ed. W. Dindorf, C. Hentze. Leipzig, 1910.

34. *Hüttl W.* Verfassungsgeschichte von Syrakus. Prague, 1929. 161 s.

35. *Jones N.F.* The Civil organisation of Corinth // TAPhA. 1980. Vol. 110. P. 161–193.

36. *Oliva P.* Rana Řecka tyrannis. Studie k otázce vzniku sátu. Praha, 1954.

37. *Pausanias*. Graeciae description. Vol. 1–2. / ed. M. H. Rocha-Pereira. Leipzig, 1973-1977.

38. *Plutarchus*. Amatoriae narrations // Plutarchus. Moralia. Vol. 4. / ed. G. N. Bernardakis. Leipzig, 1892.

39. *Plutarchus*. Quaestiones Graecae // Plutarchus. Moralia. Vol. 2. / ed. G. N. Bernardakis. Leipzig, 1889.

40. *Plutarchus*. Theseus // Plutarchus. Vitae parallelae. Vol. 1. Fasc. 1. / ed. K. Ziegler. Leipzig, 1960.

41. *Roebuck C.* Some aspects of urbanization in Corinth // Hesperia. 1972. Vol. 41. P. 96-127.

42. *Salmon J.B.* Wealthy Corinth. A history of the city to 338 BC. Oxford, 1984. 464 p.

43. *Starr Ch.* The Origins of Greek civilization 1100 – 650 BC. N. Y., 1961.

44. *Stillwell R.* Corinth XV, 1: The Potters' Quarter. Cambridge (Mass.), 1948.

45. *Strabo*. Geographica. Vol. 2 / ed. A. Meineke. Leipzig, 1899.

46. Suidae Lexicon. Vol. 4 / ed. A. Adler. Leipzig, 1935.

47. *Thucydides*. Historiae. Vol. 1. / ed. C. Hude. Leipzig, 1901.

48. *Weinberg G.D.* Excavations at Corinth 1938–1939 // American Journal of Archaeology. 1939. Vol. 42. P. 592–600.

49. *Weinberg G.D.* Corinth VII, 1: The Geometric and Orientalizing pottery. Cambridge, 1943. 104 p.

50. *Weinberg G.D.* Excavations at Corinth 1959. Part II // Hesperia. 1960. Vol. 29. P. 225–253.

51. *Will E.* Korinthiaka. Recherches sur l'histoire et la civilisation de Corinthe des origines aux guerres mediques. Paris, 1955. 719 p.

52. *Williams C.K.* Corinth 1969: Forum Area // Hesperia. 1970. Vol. 39. P. 1–39.

53. *Williams C.K., Fisher J. E.* Corinth 1970: Forum Area // Hesperia. 1971. Vol. 40. P. 1-51.

54. *Williams C.K.*, *Fisher J. E*. Corinth 1972: Forum Area // Hesperia. 1973. Vol. 42. P. 1–44.

Сокращения

CAH^2 – The Cambridge Ancient History. 2nd ed.

TAPhA – Transactions and Proceedings of the American Philological Association.

Коровчинский И.Н.

Государственный университет просвещения

К вопросу о значении слова φόρος в договоре Кратева и Аристомена из Гамбрейона (Syll.³ 302)

Аннотация. В статье анализируется надпись из Гамбрейона в западной Малой Азии, датируемая 326/25 гг. до н.э. и представляющая собой договор о сдаче земли в аренду. П. Тонеманн полагает, что слово φόρος в этой надписи означает «налог» и отрицает возможность наличия у него значения «арендная плата». Мы, в свою очередь, на основании аналогии из птолемеевского Египта, доказываем обратное.

Ключевые *слова:* античная эпиграфика, экономическая история, эллинистический мир, держава Александра Великого, Малая Азия, птолемеевский Египет, аренда земли, налоги, древнегреческий язык.

Korovchinskiy I.N.

Federal State University of Education

On the Meaning of the Word φόρος in the Grant of Land by Krateuas (Syll.³ 302)

Abstract. We analyze the ancient land lease agreement from Gambreion in western Asia Minor, dating back to 326/25 BC. P. Thonemann considers the word φόρος from it to mean ‘tax’ and rejects the possibility of meaning ‘rent’. However, we find the latter meaning possible, basing on the analogy from Ptolemaic Egypt.

Keywords: ancient epigraphy, economic history, the Hellenistic world, Alexander the Great’s empire, Asia Minor, Ptolemaic Egypt, land lease, taxes, Ancient Greek language.

Редким примером источника по экономике державы Александра Великого, синхронного ей самой, является надпись из Гамбрейона –

греческого города, расположенного на западе Малой Азии немного восточнее Пергама (ныне это Пойраджык в Турции), датируемая 326/25 гг. до н.э. и опубликованная в 3-м издании Sylloge inscriptionum graecarum под номером 302. В оригинале она выглядит следующим образом:

Θεὸς. Τύχη ἀγαθή. Βασιλεύοντος Ἀλεξάνδρου, ἔτει ἐνδεκάτωι, Μενάνδ[ρ]ου σατραπεύοντος, ἐπὶ πρυτάνιος Ἰσαγόρου, Κ[ρ]ατεύας ἔδωκεν Ἀριστομένει γῆν ψιλὴν ἀγρὸν ἐποικίσαι πρὸς τῶι φυτῶι <τῶι> ἐπὶ Κρατεύα φυτευθέντι. Ὁ δὲ περίβολός ἐστιν τῆς γῆς σπόρου κύπρων ἑκατὸν ἑβδομήκοντα καὶ οἰκόπεδα καὶ κῆπος. Φόρος δὲ τοῦ κῆπου χρυσοῦς ἕκα[σ]τον ἐνιαυτόν[1].

Перевести можно следующим образом (сначала мы намеренно оставим непереведенным одно слово):

«Бог. Добрая судьба[2]. В царствование Александра, на одиннадцатом году, при сатрапе Менандре и притане Исагоре Кратев дал Аристомену пахотную землю – поле для засева[3], не считая питомника[4], посаженного при Кратеве. Размер земли – на засев 170 кипрами[5], и участок для дома, и сад. Фόρος же с сада один золотой каждый год».

В контексте надписи логичнее всего было бы предположить, что φόρος – это арендная плата. Так считает, например, М. Хадзопулос [6, p. 35, n. 2]. Но П. Тонеманн в своей недавней работе, специально посвященной

[1] Текст приводим по ресурсу Searchable Greek Inscriptions Гуманитарного института Паккардов [11].

[2] Так переводит П. Тонеманн (God. Good fortune) [15, p. 371; 14]. Но, быть может, правильнее «Богиня(-покровительница) - Добрая Судьба»? Однако для темы данного исследования это не имеет значения.

[3] П. Тонеманн переводит on which to settle, ссылаясь на аналогию из надписи на беотийском диалекте [15, p. 376–377]. Однако надпись из Гамбрейона составлена на койне и не связана с Беотией. Словарь Лидделла – Скотта предлагает перевод bring into cultivation, ссылаясь, однако, на нашу Syll.³ 302 как на единственный пример употребления в таком значении. Основное значение этого глагола, согласно данному словарю – settle in a colony. Быть может, это указывает на связь земельных владений Кратева с военным поселением? Также, согласно этому же словарю, данный глагол может быть синонимичен ἐπιτειχίζω – build a fort or a stronghold on the frontier, но данное значение здесь явно не подходит [9, s. v. ἐποικίζω, ἐπιτειχίζω]. Простого значения settle («поселиться») этот глагол в койне не имеет. Мы в своем переводе принимаем значение bring into cultivation как наиболее простое и логичное, но в целом значение слова ἐποικίσαι в данной надписи заслуживает отдельного исследования.

[4] Обычные значения слова φυτόν («растение», «существо» и т. п.) здесь не подходят. Предположение о том, что данное слово имеет здесь уникальное значение «питомник» (nursery) принадлежит П. Тонеманну [15, p. 378].

[5] Кипр (κύπρος) в данном случае – мера зерна [9, s. v. κύπρος]. П. Тонеманн приводит примеры других надписей, в которых площадь земли измерялась в мерах зерна, идущих на засев [15, p. 381]. Такое измерение имело практический смысл по причине неравномерного плодородия почв [15, p. 382–383].

рассматриваемой нами надписи, утверждает: «Я не знаю других примеров этого предполагаемого употребления слова φόρος как синонима μίσθωμα; в контексте четвертого века термин φόρος может означать только «налог, дань» (“tax, tribute”)[1]. Далее он ссылается в подтверждение этого на работы трех специалистов – Х. Шулера, О. Маррея и М. Корсаро [15, p. 376, n. 51]. Наконец, П. Тонеманн предлагает сложное объяснение того, почему в надписи упоминается налог или дань государству, основанное на предполагаемых аналогиях из документов державы Ахеменидов, составленных на арамейском языке [15, p. 368–369, 380].

На наш взгляд, однако, нет необходимости уходить от греческого языка и греко-македонских реалий при интерпретации интересующей нас надписи. В работах, на которые ссылается П. Тонеманн [4; 10; 13], отсутствует какой-либо специальный анализ значения слова φόρος в IV в. до н.э. Есть всего лишь упоминания этого слова в различных контекстах. Все три работы в принципе посвящены именно теме налогообложения – неудивительно, что и φόρος они рассматривают чаще всего именно в контексте налогов. Но есть и исключения.

Например, Х. Шулер отмечает, что Аристотель в «Афинской политейе» (XXIII, 5) упоминает φόρος в контексте самого начала истории Делосской симмахии (478/77 гг. до н.э.) [13, S. 379, Anm. 22], когда это еще был взнос в общую казну союза, а не дань Афинам – даже несмотря на решающую роль Афин в определении суммы и раскладке фороса уже в тот период[2]. Получается, что материалы статьи Х. Шулера не подтверждают наличие у слова φόρος в IV в. до н.э. только двух значений - «налог» и «дань».

М. Корсаро упоминает надпись конца IV в. до н.э. из Зелеи, в которой идет речь, помимо прочего, о том, что частью земель данного полиса владеют фригийцы, платящие ему φόρος[3]. При этом Корсаро относит данных фригийцев к категории жителей Малой Азии, «порабощенных полисом» (asservite ad una città), и сравнивает их с мариандинами Гераклеи Понтийской [4, p. 89], как известно, схожих по своему положению со спартанскими илотами. Сам итальянский исследователь определяет положение

[1] Согласно словарю В. К. Мюллера (если брать значения, подходящие по контексту), tax по-английски означает «(государственный) налог, пошлина, сбор», tribute – «дань» [1, s.v. tax, tribute].

[2] В «Кембриджской истории древнего мира» П. Родс справедливо отмечает, что для данного периода истории Делосской лиги корректнее говорить о «денежных выплатах» (payment in cash), а термин «дань» (tribute) является лишь историографическим узусом [12, p. 37].

[3] Полный текст этой надписи и дополнительные сведения о ней см.: [3].

мариандинов как рабство (servitù) [ibid.] Но денежная повинность рабов – явление, безусловно, иное, чем налогообложение свободных. Она является выплатой не просто политическому властителю, а собственнику земли. Это сближает ее с арендной платой. По существу, арендная плата даже ближе к государственному налогу, чем рабская рента, поскольку выплачивается свободным и добровольно. Свободный имел право покинуть как арендуемую землю, так и территорию царства или полиса, в то время как бегство раба каралось[1]. Таким образом, мы видим, что М. Корсаро, вопреки П. Тонеманну, не считает, что слово φόρος в текстах IV в. до н.э. могло означать только дань или налог и ничто иное.

Можно сделать вывод, что авторы, на которых ссылается П. Тонеманн, не только нигде не утверждают, что слово φόρος в IV в. до н.э. означало исключительно tax или tribute (налог или дань), но и приводят примеры, говорящие об обратном. Из их работ вообще никак не следует, что в IV в. до н.э. это слово значило нечто иное, чем, скажем, в V или III в. до н.э. Напротив, та же терминология Аристотеля, использованная им при описании событий V в. до н.э., несомненно, была им из этого же века и заимствована. Подтверждением этого служит, например, аналогичная терминология Фукидида (I, 96), который также называет словом φόρος взносы в казну Делосского союза на заре истории этого последнего[2].

Поэтому ничто не мешает нам в поисках аналогий Syll.³ 302 обратиться к эллинистическим документам III в. до н.э. Нам представляется, что мы нашли любопытную аналогию ей в лице 5-го фрагмента из реестра контрактов, относящегося к знаменитому собранию папирусов Тебтюниса из птолемеевского Египта (P. Tebt. III 815, fr. 5)[3]. Точная дата документа – 223/22 гг. до н.э. [8] Он представляет собой сокращенную версию договора об узуфрукте, и в ней также речь идет о саде. Его текст гласит:

Ἀπέδοτο Νικάνωρ Μένωνος Ἀλεξανδρεὺς τῶν οὔπω ἐπηγμένων εἰς δῆμον Ἀμμωνιήα τῶν Μενελάου πρώτων ἐκ τοῦ Ἑρμοπολ̣ε̣ί̣του καὶ (ἑκατοντάρουρος) Ἀπολλοδώρωι Ν̣εοπ̣τ̣ο̣λ̣έμ̣ο̣υ̣ Θραιξ, Δωρίωνι Θήρωνος Κρητὶ τῆς ἐπιγονῆς, καὶ Πτολεμαίωι Δωρίωνος Κρητὶ τῆς ἐπιγονῆς τοὺς καρποὺς τῶν

[1] Если рассмотреть вопрос с точки употребления слов в английском языке, то характерно, что Британская энциклопедия не утверждает, что спартанские илоты были обложены tax или tribute, а только пишет об их paying a fixed proportion of the produce («уплате фиксированной доли продукции») [7]. Н. Хэммонд в «Кембриджской истории древнего мира» также пишет лишь об их обязанности deliver half their produce to Sparta («передавать половину своей продукции Спарте») [5, p. 328], но не о tax или tribute.

[2] Этот пример также заимствован нами из работы Х. Шулера [13, S. 379, Anm. 22].

[3] О реестре договоров P. Tebt. III 815 и ему подобных см.: [2, с. 8–9; 16, s. 208–209].

ἀκροδρύων παν καὶ τῆς ἀμπέλου πάσης τῆς τοῦ παραδείσου ὄντος περὶ κώ(μην) Ἀρσινόην φόρου τοῦ παντὸς χαλκοῦ (δραχμῶν), ἐφ᾽ ᾗι τάξονται τὰ εἰς τὸ βασιλικὸν καθήκοντα ἀπὸ τῶν τοῦ παραδεί[σου]. πᾶν ἀποδώσωσιν ἐν μηνὶ Θὼτ ἐσχατ̣ν . . . . ς (ἔτους(?)), παραδώσουσιν δὲ καὶ ἐξαίρετα παρὲκ τοῦ φόρου φοινικῶνος καρπόν. [8].

«Никанор, сын Менона, александриец, из числа еще не причисленных к дему Аммониея, принадлежащий к первому классу отряда Менелая из Гермополитского нома, (владелец участка площадью в сто арур), передал Аполлодору, сыну Неоптолема, фракийцу, Дориону, сыну Терона, критянину по происхождению, и Птолемею, сыну Дориона, критянину по происхождению, плоды всех деревьев и лоз из сада в деревне Арсиноя, арендная плата с которых составляет (столько-то) бронзовых драхм, при условии, что они заплатят в царскую казну причитающуюся (подать) за плоды сада, и пусть все будет выплачено в месяце тот… и пусть передадут собранное сверх арендной платы на финиковой плантации»[1].

В этом папирусе бросается в глаза четко обозначенное различие между φόρος и τὰ εἰς τὸ βασιλικὸν καθήκοντα («причитающимся царской казне»). Очевидно, что φόρος в данном случае – это не налог и не дань, а нечто иное, относящееся к частноправовым отношениям. Переводчики сайта papyri.info убедительно перевели в этом папирусе φόρος как rent – «арендная плата» [8]. Как видим, такое значение у слова φόρος имелось, и ничто не мешает предположить, что оно имелось у него не только в III, но уже в IV в. до н.э. Таким образом, и в Syll.³ 302 оно могло иметь значение «арендная плата» в соответствии с точкой зрения М. Хадзопулоса.

Литература

1. *Мюллер В.К.* Новый англо-русский словарь. М.: Русс. яз. медиа, 2005.

2. *Присадков А.С.* Двойной контракт в эллинистическом Египте: от частного документа к публичному // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2016. № 3. С. 6–16.

3. *Corsaro M.* Un decreto di Zelea sul recupero dei terreni pubblici (Syll.³ 279) // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di Lettere e Filosofia, Serie III. 1984. Vol. 14. P. 441-493.

4. *Corsaro M.* Tassazione regia e tassazione cittadina dagli Achemenidi ai re ellenistici: alcune osservazioni // Revue des Études Anciennes. 1985. T. 87. P. 73–95.

[1] Перевод наш.

5. *Hammond N.G.L.* The Peloponnese // Cambridge History of the Ancient World. 2nd ed. Vol. 3, pt. 3. The Expansion of the Greek World, Eighth to Sixth Centuries B. C. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

6. *Hatzopoulos M.* Une donation du roi Lysimaque. Athènes; P.: Diffusion de Boccard, 1988.

7. Helot. URL: https://www.britannica.com/topic/helot (дата обращения - 3.09.2024).

8. HGV: P.Tebt. 3.1 815. URL: https://papyri.info/hgv/7752 (дата обращения: 30.03.2024).

9. *Liddell H.G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1940.

10. *Murray O.* Ὁ ἈΡΧΑΙΟΣ ΔΑΣΜΟΣ // Historia. 1966. Bd. 15. S. 142-156.

11. Regions: Asia Minor: Mysia [Kaïkos], Pergamon. IMT Kaïkos 923. URL: https://epigraphy.packhum.org/text/288348 (дата обращения: 28.08.2024).

12. *Rhodes P.J.* The Delian League to 449 B. C. // Cambridge History of the Ancient World. 2nd ed. Vol. 5. The Fifth Century B. C. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

13. *Schuler C.* Tribute und Steuern im hellenistischen Kleinasien // Geschenke und Steuern, Zölle und Tribute. Antike Abgabenformen in Anspruch und Wirklichkeit. Leiden; Boston: Brill, 2007. S. 371-404.

14. Sylloge Inscriptionum Graecarum: 302. URL: https://www.attalus.org/docs/sig1/s302.html (дата обращения: 29.08.2024).

15. *Thonemann P.* Estates and the Land in Early Hellenistic Asia Minor: The Estate of Krateuas // Chiron. 2009. B. 39. S. 363-393.

16. *Yiftach-Firanco U.* Who Killed the Double Document in Ptolemaic Egypt // Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. 2008. Bd. 54. S. 203–218.

Клейменов А.А.
ТГПУ имени Л. Н. Толстого

Командиры-выдвиженцы в армии Александра Македонского

Аннотация. В статье рассматривается роль, которую играли в командном составе армии Александра Великого лица, происходившие из простых воинов. Указывается, что в соответствии с принципами, сложившимися к началу Восточного похода, ведущие руководящие посты в македонском войске занимали представители аристократии, подготовка которых обеспечивалась наличием института «царских юношей», в то время как младший командный состав комплектовался из хорошо проявивших себя незнатных лиц. В 331 г. до н.э. Александр провел реформу, назначив отличавшихся доблестью простых воинов на введенные посты хилиархов и кавалерийских лохагов. Тем не менее, продвижение на более высокие должности для выходцев из солдатской среды оказалось недоступным по причинам социально-политического и субъективного характера.

Ключевые слова: Александр Македонский, командование, хилиархия, гетайры, военная организация, гипасписты, фаланга.

Kleymeonov A.A.
Tula State Pedagogical University Lev Tolstoy

Advanced officers in the army of Alexander the Great

Abstract. The role played in the officer corps of the army of Alexander the Great by persons who came from ordinary soldiers is under consideration in this article. It is determined that accordance with the principles established by the beginning of the Asian expedition, the leading leadership positions in the Macedonian army were occupied by representatives of the aristocracy, whose training was provided by the presence of the «royal pages» corps. Junior officers were appointed from well-proven non-noble soldiers. In 331 BC, Alexander carried out a reform, appointing ordinary soldiers who distinguished themselves by

their valor to the posts of chiliarchos and cavalry lochagos. Nevertheless, promotion to higher positions for people from the soldier's masses turned out to be inaccessible for socio-political and subjective reasons.

Keywords: Alexander the Great, command, chiliarchy, hetairoi, military organization, hypaspists, phalanx.

В перечне афоризмов, изначально связанных с военной сферой, но перекочевавших в сугубо «штатский» обиход, есть фразы разной степени востребованности. К числу наиболее известных относится утверждение, гласящее, что «каждый солдат в своем ранце носит маршальский жезл». Чаще всего приписываемое Наполеону Бонапарту, это выражение в реальности является своеобразной «сводной цитатой» из высказываний великого корсиканца, Жермены де Сталь и Людовика XVIII, также имеющей близкие аналоги в русской литературе более раннего времени [1, с. 155–156]. Чтобы данный афоризм отражал реально существующие принципы, армия должна представлять собой гибкий, хорошо адаптируемый организм, чье бытование определено потребностями войны и избавлено от влияния косных социальных установок. Во времена, в той или иной степени отдаленные искомыми качествами, как правило, обладали молодые и интенсивно воюющие вооруженные силы. В качестве примеров можно привести и уже упомянутую Францию времен Великой революции и Наполеоновских войн[1], и Монгольскую империю Чингисхана[2], и молодую Советскую Россию[3]. Обозначенным критериям отчасти соответствовала и македонская армия времен великих завоеваний IV в. до н.э., которая в весьма короткий срок была создана Филиппом II и, пройдя через череду сражений и походов, стала эффективным инструментом, претворившим в жизнь амбициозные завоевательные устремления Александра. Тем не менее, решение вопроса о роли командиров-выдвиженцев в этой армии является делом сколь важным, столь и непростым.

[1] Большинство лучших маршалов армии Наполеона вышли из простонародья и службу начинали солдатами, что было следствием сохранения основополагающих принципов комплектования войска, появившихся в бурное революционное время [6, с. 167].

[2] Здесь можно вспомнить потрясающую карьеру знаменитого Субэдэя-багатура, который, не отличаясь знатным происхождением, сумел выдвинуться из рядовых воинов и в итоге стал одним из ведущих монгольских военачальников [2, с. 58–63; 7, с. 171–177].

[3] Согласно статистическим данным, 23% от общего числа маршалов, командармов и комкоров РККА в 1935 г. составляли лица, которые в 1917 г. служили в нижних чинах [4, с. 70–71].

Обращаясь к данной проблеме, следует отметить наличие в македонской армии эпохи Восточного похода достаточно разветвленной иерархично выстроенной системы управления. В фаланге, являвшейся тактическим и организационным ядром войска Александра, соотношение достаточно высокопоставленных командиров и рядовых бойцов достигало 1 к 36, имея сколь-нибудь близкие аналоги лишь в спартанской военной системе [43, p. 129]. Сформировавшийся изначально благодаря усилиям Филиппа II македонский офицерский корпус на деле доказал свои выдающиеся качества и в период азиатской экспедиции, и в бурную эпоху диадохов [16, p. 15]. Рассматривая происхождение командиров армии Александра, исследователи, как правило, констатируют, что начальствующий состав был представлен македонскими аристократами-гетайрами при некотором участии греков, перешедших на службу к Аргеадам еще при Филиппе [5, с. 14; 23, p. 142–143]. Особенно заметен принцип назначения командующих исходя из знатности на примере таксисов фаланги, комплектовавшихся из уроженцев определенной области Македонии и возглавлявшихся представителями местных династий [20, p. 96; 32, p. 337; 39, p. 373–374; 40, p. 104]. Привлечение аристократии к службе на руководящих должностях было тесно связано со специальным институтом, существовавшим при дворе Филиппа и Александра. Речь идет о так называемых «царских юношах», в современной историографии часто именуемых «пажами». Арриан определяет их как учрежденных Филиппом слуг царя, набиравшихся из сыновей македонской знати, которые стояли во время монаршего сна на карауле и привлекались к охоте (*Arr.* Anab., IV, 13, 1). Другие авторы упоминают и обучающую функцию данного учреждения. Так, Курций Руф сообщает, что «юноши» учились различным искусствам, а их отряд выступал у македонян школой военачальников и наместников (*Curt.* VIII, 6, 2–6). С этой информацией хорошо соотносится указание Элиана, согласно которому Филипп брал в свиту сыновей аристократов чтобы закалить их в трудах и приучить к выполнению необходимых обязанностей (*Ael.* Var. hist., XIV, 48). Численность «царских юношей» сейчас оценивается в пределах от 50 до 200 человек [24, p. 147; 29, p. 266; 33, p. 282]. Их обучение в основном происходило на практике через участие в военных кампаниях, административных и дипломатических процедурах, а факт того, что из выросших при дворе друзей Александра сформировалась плеяда военачальников и управленцев, демонстрирует эффективность всего института [42, s. 34]. Этот результат отчасти обеспечивался и дальнейшей судьбой «царских юношей», которые переходили в разряд «друзей» и

набирались опыта в рядах элитных подразделений, находившихся при царе [29, p. 266; 50, p. 147].

Говоря о выходцах из солдатской массы, следует признать, что к началу полководческой деятельности Александра они не были полностью лишены возможности двигаться вверх по воинской иерархии и потенциально могли занять должности младших командиров. Видимо, действовала упомянутая в эллинистических тактических трактатах система, подразумевавшая назначение на посты начальников базовых единиц фаланги лиц, отличавшихся доблестью, опытом и сообразительностью (*Asclep.* Tact., 3, 5–6; *Ael.* Tact., 13; *Arr.* Tact., 12, 1–11). Подобный подход в сочетании с длительным сроком службы позволил сформировать в македонской армии корпус командиров младшего звена, способных эффективно осуществлять управленческую деятельность на вверенных должностях [26, p. 84]. Мало того, Александр имел возможность поддерживать количественный и качественный состав этого корпуса. Конечно, сообщение Юстина, согласно которому армия уже в начале азиатской экспедиции состояла только из ветеранов (*Just.*, XI, 6, 4-5), явно утрировано, однако нельзя игнорировать указания иных авторов на наличие немалого числа опытных воинов, в рамках первого года похода демонстрировавших свое превосходство над молодежью (*Diod.*, XVII, 26, 2 – 27, 2; *Curt.*, V, 2, 5; VIII, 1, 36). Как предполагается, «зелеными» новобранцами были не более 25% личного состава македонского ядра сил вторжения [3, с. 70].

Дальнейшие события показывают, что Александр не воспринимал уровень младшего начальствующего состава как единственно возможный для выходцев из солдатской среды. Сообщения о готовности полководца менять сложившуюся ранее систему в пользу выдвиженцев относятся к осени 331 г. до н.э., когда завоеватель, уже нанесший сокрушительный удар по персам в битве у Гавгамел, продвигался к исконным иранским владениям Ахеменидов. Наиболее подробный рассказ об изменениях привел Курций Руф, отметивший, что Александр, находясь с войском в Ситтакене, ввел вместо прежних отрядов из 500 воинов новые подразделения, насчитывавшие 1 тысячу бойцов. Их командиры-хилиархи были определены специально назначенными судьями по результатам состязаний в воинской доблести. Автор упоминает выбор девяти воинов, указывая, что в их число вошли герой битвы у Галикарнасса Атаррий, Антиген, Филота Эйонский, Аминта, Антигон, Аминта Линкестийский, Теодот и Гелланик (*Curt.*, V, 2, 2–5). Диодор также применительно ко времени пребывания Александра в Ситтакене сообщает о продвижении некоторых командиров на должности,

облеченные более полной властью, при этом результатами подобных действий называет укрепление войска доблестными начальниками и внушение командирам большего уважения к царю (*Diod.*, XVII, 65, 2–3). Перекликающиеся сведения Курция Руфа и Диодора о проведенных в Ситтакене преобразованиях можно оценить как восходящие к общему источнику и вполне достоверные [14, p. 56; 17, p. 319; 30, p. 129]. Тем не менее, неоднозначный характер, который имеет ключевое сообщение Курция Руфа, а также возможность наличия в нем искажений привели к различным трактовкам сути реформы. Большинство исследователей полагают, что преобразованию подвергся элитный корпус гипаспистов, где были введены три хилиархи, образованные через попарное объединение прежних подразделений из 500 воинов [25, p. 31–35; 35, p. 164–165; 41, p. 192–193; 44, p. 233; 47, p. 455]. В соответствии с этой концепцией В. Хеккель привел вполне удачное объяснение упоминания девяти победителей, в соответствии с которым три воина были произведены в хилиархи, а шесть других возглавили отряды по 500 воинов [35, p. 165]. Присутствуют и иные точки зрения, подразумевающие, что введение хилиархий затронуло и гипаспистов, и фалангу педзетайров [28, p. 166; 31, p. 39; 38, p. 29; 45, p. 85–87]. Есть вполне оправданные сомнения в достоверности приведенного Курцием Руфом описания процедуры выбора командиров. Вряд ли этот вопрос решился по итогам неких состязаний и в реальности, очевидно, были выделены воины, лучше остальных проявившие себя в боях предшествующего времени [15, p. 8; 41, p. 192]. Второй блок информации, связанной с решением Александра продвинуть на командные посты выходцев из массы воинов, относится к тому же этапу деятельности завоевателя и касается конницы. Арриан применительно к пребыванию Александра в Сузах пишет о приходе подкреплений из Македонии и указывает, что каждая ила кавалерии была разделена на два лоха, которых ранее не было, причем лохагами были поставлены гетайры, заслужившие это доблестью (*Arr.* Anab., III, 16, 11). Курций Руф, описывая все те же мероприятия в Ситтакене, упоминает отказ Александра от прежнего распределения всадников в отряды по племенам и вверение их не соплеменникам, а назначенным царем командирам (*Curt.*, V, 2, 6). Близкая хронологическая привязка описанных мер и схожесть их сути позволяют утверждать, что речь идет об одной реформе, хронологически синхронной введению хилиархий и во многом имевшей схожий характер [17, p. 320–321; 32, p. 451]. Преобразование подразумевало разделение ил гетайров на два лоха по сотне всадников в каждом, командирами которых стали хорошо

проявившие себя кавалеристы вне зависимости от связи с региональными династиями [3, с. 109–110; 19, p. 268; 45, p. 83]. В том, что лохаги не принадлежали к кругу высшей аристократии, сомневаться не приходится, так как основную часть всадников после реформ Филиппа составляли представители мелкой служилой знати или обязанных поставлять кавалерийский контингент городов [3, с. 51–54; 11, p. 21–23; 27, p. 409–410].

Как это ни странно, но иных прямых свидетельств, позволяющих оценить масштабы продвижения выходцев из солдатской массы на заметные командные посты в армии Александра, нет. По сути, кроме приведенных выше сведений, связанных с реформами 331 г. до н.э., в нашем распоряжении есть лишь одна деталь, отмеченная Курцием Руфом в рамках пространного и неоднозначного рассказа о «заговоре Филоты»: описывая реакцию армии на обвинения Филоты в злых умыслах против царя, римский автор указывает, что особо рьяно высокомерие сына Пармениона изобличал старый воин Болон, достигший высокого положения из низкого звания (*Curt.*, VI, 11, 1-7). Отсутствие сообщений об этом лице в других источниках стало основанием для предположений о недостоверности сведений Курция Руфа [36, p. 73], однако наличие имени «Болон» в македонском ономастиконе времен Александра позволяет считать более оправданными выводы о действительном наличии упомянутого командира-выдвиженца среди участников событий [14, p. 237–238; 49, p. 69, 282–283]. В остальных случаях идентифицировать того или иного сравнительно высокопоставленного представителя войска Александра как выходца из армейских низов можно лишь гипотетически. Примером подобной умозрительной гипотезы выступает предположение, согласно которому изначально к кругу высокопоставленных «царских друзей» не принадлежал Корраг, который, как известно из нескольких античных сообщений (*Curt.*, IX, 7, 15–26; *Diod.*, XVII, 100-101; *Ael.* Var. hist., X, 22), неудачно провел поединок с афинским атлетом Диоксиппом [18, p. 116].

Объясняя скудность сведений о македонских командирах-выдвиженцах, необходимо обратить внимание на противоположные по характеру тенденции в кадровой политике Александра, связанные с принципами назначения начальников крупных воинских подразделений. Последние во всех случаях возглавлялись людьми, входившими в узкое аристократическое сообщество «царских друзей», а в некоторых случаях и при четком следовании традиции подчинения уроженцев региона представителям местной элиты. Наиболее выпукло первая тенденция проявилась при определении командиров гиппархий. Как неоднократно отмечалось в

литературе, эти крупные соединения конницы, появляющиеся в структуре армии Александра с 329 г. до н.э., были вверены Кратеру, Кену, Перидикке и Гефестиону, то есть наиболее близким и преданным соратникам царя [3, с. 114; 22, p. 31]. Самым показательным воплощением второй тенденции стала ситуация с таксисами фаланги. Судя по данным Арриана, все той же осенью 331 г. до н.э. после прибытия в Сузы подкреплений из Македонии Александр распределил новых пехотинцев по таксисам исходя из их племенной принадлежности (*Arr.* Anab., III, 16, 10-11). Предпочтительными кандидатами на должности начальников данных соединений и на втором этапе Восточного похода выступали местные аристократы. Ярким подтверждением этого факта является смена командиров таксиса орестов и линкестов, который сперва возглавлял Пердикка, а затем его брат Алкета, представлявший ту же знатную династию Орестиды [20, p. 96; 32, p. 337; 34, p. 297; 48, p. 145]. Рычаги управления большинством крупных подразделений, составлявших высший уровень структуры македонской армии, остались в руках приближенных к царю аристократов, в то время как командиры-выдвиженцы в войске присутствовали, но занимали менее заметные позиции. Это обстоятельство позволяет принять образное замечание Г. Т. Гриффита о том, что у каждого македонского солдата в ранце лежало звание «полкового офицера», но не маршальский жезл и не вступление в круг ближайших соратников Александра [27, p. 404].

Сложившаяся ситуация была обусловлена несколькими факторами, связанными со спецификой македонской военно-политической системы и особенностями ее функционирования в условиях Восточного похода. Прежде всего, нельзя не учитывать сравнительную молодость македонской профессиональной армии, созданной Филиппом II на базе стратифицированного общества, верхушкой которого была аристократическая по своей сути группа «царских друзей». Ф.С. Найден, проведя остроумную аналогию, указал, что схожим образом с командирами армий Нового времени, являвшимися «офицерами и джентльменами», командиры из войска Александра были «офицерами и друзьями», членами дистанцированного от обычных солдат привилегированного сообщества [43, p. 131–132]. Как показывают политические события времен Александра, представители македонской элиты, тесно связанные общим происхождением и интересами, настороженно и враждебно относились ко всем посторонним лицам, посягавшим на важные позиции в армии и при дворе [10, p. 252–258]. Массовым приравниванием «выскочек» из простонародья к представителям этой группы избранных Александр мог еще сильнее испортить и без того

напряженные отношения с македонской знатью, неоднократно проявлявшей недовольство сближением царя с персидской элитой. Кроме того, следует напомнить, что в распоряжении монарха был немалый кадровый резерв из молодых аристократов, прошедших через институт «царских юношей» и потому обладавших базовой подготовкой, необходимой для исполнения обязанностей командиров. Второй фактор заключался в явном стремлении полководца вверять ключевые посты лично близким и максимально преданным людям. Помимо уже упомянутого выше особого подхода при назначении гиппархов этот аспект кадровой политики хорошо раскрывает судьба друзей детства Александра – Гефестиона, Неарха, Эригия, Лаомедонта, Птолемея Лага и Гарпала, многих из которых царь продвигал на важные командные посты «авансом», игнорируя недостаток опыта и прошлых заслуг [34, p. 190–215; 50, p. 202-203]. Не менее отчетливо обозначенная тенденция проявилась в практике поручения решений военных задач лицам, приближенным к персоне царя, но с военной отраслью изначально не связанным. Здесь можно вспомнить выполнившего в Индии функцию командира писца Миллея (*Curt.*, VIII, 11, 5), а также царского секретаря Эвмена, который на том же этапе завоеваний был привлечен к руководству кавалерийским отрядом (*Arr.* Anab., V, 24, 6-7; *Curt.*, IX, 1, 19) и, возможно, выполнял подобные задания неоднократно [10, p. 49]. Третьим обстоятельством следует считать нежелание Александра наделять выходцев из солдатской среды большой властью из-за особой политической роли македонского войска. Фиксируемые в источниках случаи массового неповиновения армейских масс решениям царя, имевшие место на берегах Гифасиса и в Описе, стали возможными благодаря сплочению профессиональной пехоты в особую социальную группу, связанную происхождением, схожей судьбой и общими интересами, что в совокупности порождало и мотивы, и возможности для коллективных выступлений [12, p. 233–235; 15, p. 15–17]. Соответственно, взявшие в свои руки руководство фалангой выдвиженцы могли при возникновении новых противоречий выступить на стороне изначально социально близкой македонской пехоты и благодаря своему авторитету сделать конфликты более острыми и опасными для царской власти. Примером являются события, имевшие место вскоре после смерти Александра, когда ведомая Мелеагром фаланга сумела выступить против решений ближайших соратников покойного монарха и добиться включения Арридея в число наследников (*Curt.*, X, 6, 1 – 10, 20; *Just.*, XIII, 3, 1–4; *Diod.*, XVIII, 2, 3–4; *Plut.* Eum., 3; *Arr.* Succ., I, 1–4). Предводительствуя действиями пехоты, Мелеагр явно противопоставил свои

устремления высшей элите и солидаризировался с солдатами [9, p. 19], а его влияние на фалангу во многом базировалось на авторитете командира таксиса, коим Мелеагр являлся на протяжении Восточного похода [46, p. 67–68]. В контексте рассматриваемой проблемы особенно примечательно то, что Мелеагр, отстаивавший интересы простых воинов и их командиров-ветеранов, вполне возможно, изначально имел незнатное происхождение [34, p. 153].

Максимально высокой позицией, которую, судя по источникам, могли занять представители армии Александра исключительно благодаря личным заслугам и качествам, была должность хилиарха, подразумевавшая командование тысячным отрядом пехоты. Этот карьерный потолок определяется исходя из сведений античной письменной традиции и у нас нет оснований полагать, что Александр намеревался в дальнейшем продвигать подобных людей на более высокие посты [15, p. 9]. Выявить причины назначения выдвиженцев именно на указанную должность позволяет принятие наиболее распространенной в историографии концепции о связи хилиархий с корпусом гипаспистов. Как отмечается в литературе, эта элитная часть македонской пехоты имела особый, отличный от таксисов фаланги порядок комплектования в виде отбора лучших воинов вне зависимости от территориально-племенного происхождения [13, p. 247–248; 41, p. 186; 44, p. 233]. Менее связанные с аристократическими домами, гипасписты были в большей степени преданы царю, что давало Александру возможность наделять их функциями «военной полиции» при подавлении беспорядков в остальной части армии [35, p. 165]. Соответственно, македонский царь мог положиться на выходцев из этой среды и реформой 331 г. до н.э. явно постарался связать их с собой еще крепче, сделав из выдвиженцев, возглавивших хилиархии гипаспистов, верных исполнителей монаршей воли. Мало того, введение крупных, организационно и тактически более самостоятельных подразделений снижало значимость должности главного командира гипаспистов. Этот пост во время проведения реформы занимал Никанор. Его отцом был Парменион, который не только сам являлся высокопоставленным военачальником, но также имел дополнительные рычаги влияния благодаря Никанору и старшему сыну Филоте, командовавшему конницей гетайров [34, p. 13; 53, s. 68]. То, что Александр своими действиями снизил влияние этого клана и обеспечил себя лично преданными соратниками хорошо видно при анализе роли хилиарха Атаррия в «процессе Филоты». Благодаря Курцию Руфу, в данном случае опирающемуся на ныне неизвестный ранний источник [14, p. 225], известно,

что именно Атаррий возглавил арестовавший сына Пармениона отряд пехоты (*Curt.*, VI, 8, 19-22), а позже озвучил предложение предать суду и Александра Линкестийца (*Curt.,* VII, 1, 5).

Тем не менее, общую роль выдвиженцев и в других частях армии Александра принижать нельзя, так как лица простого происхождения занимали наделенные командными полномочиями должности во внутренней структуре больших подразделений, управляемых аристократами-гетайрами. В фаланге выдвиженцы должны были располагаться на всех постах исключая лишь должность командира таксиса. В кавалерии, возможно, выслужившимся с низших должностей лицам могли вверяться не только обязанности введенных в 331 г. до н.э. лохагов, но и илархов. Судя по контексту и частоте упоминаний последней должности в источниках, илархи не воспринимались как представители высшего командного эшелона и находились примерно на уровне начальников пехотных лохов [19, p. 274; 22, p. 31]. Кроме того, командиры тактических подразделений гетайров из-за специфики боевого построения располагались буквально на острие атаки и потому сравнительно часто сталкивались с тяжелыми ранениями или смертью [52, p. 79]. Можно предположить, что лица, не относящиеся к высшим слоям македонского общества, присутствовали не только среди младших «офицеров» в крупных подразделениях или начальников небольших тактических единиц, но и в числе командиров гарнизонов, находившихся в разных частях формировавшейся державы. Как показывают данные античных авторов, Александр разместил отряды более чем в 50 городах и крепостях, выделив для подобных нужд около 54 тыс. чел. [51, p. 16–19]. К руководству этими воинскими контингентами следовало привлекать опытных в военном деле людей, так как командиры гарнизонов обладали значительными полномочиями и часто были независимы от местных сатрапов [8, p. 141–143].

Давая общую оценку рассматриваемому аспекту кадровой политики Александра, следует признать, что наличие командиров-выдвиженцев работало в интересах монарха, позволяя поставить во главе некоторых подразделений лояльных лиц и тем самым снизить влияние региональной аристократии в войске [3, с. 109; 21, p. 92–93]. Кроме того, подобная практика давала возможность снабдить войско штатом опытных командиров младшего и среднего звена, без наличия которых шестеренки македонской «военной машины» не могли бы работать должным образом. Даже ограниченное социально-политическими условиями македонского общества вовлечение выдвиженцев в процесс управления армией должно было

оказывать благотворное влияние на весь военный организм. Как справедливо отметил Дж. Аткинсон, возможность карьерного роста и связанной с ним социальной мобильности неизбежно подстегивали рвение македонских воинов [15, p. 8]. Становясь пусть и не представителем «генералитета», но достаточно важным лицом в составе своего подразделения, вчерашний рядовой воин выходил на качественно иной уровень во многих отношениях. Так, последствием движения по карьерной лестнице был существенный рост денежного вознаграждения. Он был обеспечен наличием в македонской военной практике того времени гибкой и иерархично выстроенной системы жалований, в соответствии с которой малейшее статусное различие получало весомое материальное отображение [15, p. 5–7; 37, p. 115–116]. Важным нематериальным последствием было выделение из общей солдатской массы и причисление к когорте избранных, вместе с царем ковавших славу громких побед. Конечно, сейчас сложно составить полное представление о градации македонских командных рангов, но ясно то, что начальники некоторых сравнительно небольших подразделений, в том числе и лохаги, считались достаточно важными чтобы, к примеру, участвовать в проводимых царем военных советах [19, p. 273–274].

Подводя итог следует отметить сложный характер кадровой политики Александра, сочетавшей в себе разные тенденции, обусловленные военно-организационными, социально-политическими и субъективно-личными факторами. Под их воздействием сформировался особый взгляд знаменитого полководца на место командиров-выдвиженцев в системе управления войском, выразившийся в назначении выходцев из солдатских масс начальниками отдельных новых подразделений элитной пехоты и кавалерии, а также в решении за счет этого кадрового ресурса проблемы обеспечения войск «офицерами» младшего и среднего звена. Сложившаяся система не дала никому из рядовых солдат, переправившихся с Александром на азиатский берег весной 334 г. до н.э., войти в число высших руководителей македонской армии, однако сыграла свою роль в обеспечении управляемости войска и, соответственно, в успешном решении задач, вставших перед знаменитым завоевателем во время Восточного похода.

Литература

1. *Душенко К.В.* Каждый солдат в своем ранце носит маршальский жезл // Вестник культурологии. 2019. № 2 (89). С. 154–157.

2. *Злыгостев В.А.* Загадка Субэдэй-багатура: мифы и реальность (по следам одной версии) // Уфимский археологический вестник. 2017. Вып. 17. С. 57–64.

3. *Нефёдкин А.К.* Конница эпохи эллинизма. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2019.

4. *Печенкин А.А.* Высший командный состав Красной Армии накануне и в годы Второй мировой войны: дис. … докт. истор. наук. М., 2003.

5. *Секунда Н.* Армия Александра Великого / пер. с англ. Я. Зверева. М.: АСТ, 2004.

6. *Троицкий Н.А.* Маршалы Наполеона // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 166–178.

7. *Храпачевский Р.П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М.: Квадрига: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово Поле», 2011.

8. *Anson E.M.* Alexander the Great: Themes and Issues. L.; N. Y.: Bloomsbury, 2013.

9. *Anson E.M.* Alexander's Heirs. The Age of the Successors. L.; N. Y.: Bloomsbury, 2014.

10. *Anson E.M.* Eumenes of Cardia: a Greek among Macedonians. Boston; Leiden: Brill, 2004.

11. *Anson E.M.* Philip II and the Transformation of Macedonia: A Reappraisal // Macedonian Legacies: Studies in Ancient Macedonian History and Culture in Honor of Eugene N. Borza. Claremont: Regina Books, 2008. P. 17–30.

12. *Anson E.M.* The Evolution of the Macedonian Army Assembly (330-315 B.C.) // Historia. 1991. Bd. 40. Hf. 2. P. 230–247.

13. *Anson E.M.* The Hypaspists: Macedonia's Professional Citizen-Soldiers // Historia. 1985. Bd. 34. Hf. 2. P. 246–248.

14. *Atkinson J.E.* A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni. Books 5 to 7.2. Amsterdam: Adolf Hakkert, 1994.

15. *Atkinson J.E.* Honour in the Ranks of Alexander the Great's Army // Acta Classica. 2010. Vol. 53. P. 1–20.

16. *Billows R.A.* Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York: Brill, 1995.

17. *Bosworth A.B.* A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 1. Commentary on books I–III. Oxford: Clarendon Press, 1980.

18. *Bosworth A.B.* Alexander and the East: The Tragedy of Triumph. Oxford: Clarendon Press, 1996.

19. *Bosworth A.B.* Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

20. *Bosworth A.B.* Philip II and Upper Macedonia // Classical Quarterly. 1971. Vol. 21. №. 1. P. 93–105.

21. *Bosworth A.B.* The Argeads and the Phalanx // Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives / Edited by E. Carney and D. Ogden. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 91–102.

22. *Brunt P.A.* Alexander's Macedonian Cavalry // Journal of Hellenic Studies. 1963. Vol. 83. P. 27–46.

23. *Burn A.R.* The Generalship of Alexander // Greece and Rome. 1965. Vol. 12. № 2. P. 140–154.

24. *Carney E.D.* The Role of the Basilikoi Paides at the Argead Court // Macedonian Legacies: Studies in Ancient Macedonian History and Culture in Honor of Eugene N. Borza. Claremont: Regina Books, 2008. P. 145–164.

25. *English S.* The Army of Alexander the Great. Barnsley: Pen & Sword, 2009.

26. *Gabriel R.A.* Philip II of Macedonia: Greater than Alexander. Washington: Potomac Books, 2010.

27. *Griffith G.T.* The Reign of Philip the Second // Hammond N.G.L., Griffith G.T. A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC. Oxford: Clarendon Press, 1979. P. 201–646.

28. Hammond N.G.L. Alexander the Great: King, Commander and Statesman. Park Ridge: Noyes Press, 1980.

29. *Hammond N. G. L.* Royal Pages, Personal Pages, and Boys Trained in the Macedonian Manner during Period of the Temenid Monarchy // Historia. 1990. Bd. 39. Hf. 3. P. 261–290.

30. *Hammond N.G.L.* Three Historians of Alexander the Great: The So-Called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

31. *Hatzopoulos M.B.* L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides. Athènes: De Boccard, 2001.

32. *Hatzopoulos M.B.* Macedonian Institutions under the Kings. Vol. I. A Historical and Epigraphic Study. Athens: De Boccard, 1996.

33. *Heckel W.* «Somatophylakia»: A Macedonian «Cursus Honorum» // Phoenix. 1986. Vol. 40. № 3. P. 288–292.

34. *Heckel W.* The Marshals of Alexander's Empire. London; New York: Routledge, 1992.

35. *Heckel W.* The Three Thousand: Alexander's Infantry Guard // The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World / ed. by B. Campbell, L.A. Tritle. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 162–178.

36. *Heckel W.* Who's Who in the Age of Alexander the Great. Malden; Oxford: Blackwell, 2006.

37. *Holt F.* The Treasures of Alexander the Great: How One Man's Wealth Shaped the World. Oxford: Oxford University Press, 2016.

38. *Kambouris M., Hliopoulos G., Bakas S.* The Hypaspist Corps: Evolution and Status of the Elite Macedonian Infantry Unit // Arheologija I prirodne nauke (Archaeology and Science). 2019. №. 15. P. 19–29.

39. *Lane Fox R.* Philip's and Alexander's Macedon // Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC–300 AD / Edited by R. J. Lane Fox. Leiden; Boston: Brill, 2011. P. 367–391.

40. *Milns R.D.* The Army of Alexander the Great // Alexandre le Grand. Image et réalité / E. Badian. Geneva: Fondation Hardt, 1976. P. 87–129.

41. *Milns R.D.* The Hypaspists of Alexander III – Some Problems // Historia. 1971. Bd. 20. Hf. 2. P. 186–195.

42. *Müller S.* Die Argeaden: Geschichte Makedoniens bis zum Zeitalter Alexanders des Großen. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2016.

43. *Naiden F.S.* The Organization of Greek Armies // A Companion to Greek Warfare / W. Heckel, F.S. Naiden, E.E. Garvin, J. Vanderspoel. Hoboken: Wiley Blackwell, 2021. P. 119–136.

44. *Noguera Borel A.* Le recrutement de l'armée macédonienne sous la royauté// Rois, cités, necropoles: institutions, rites et monuments en Macédoine / A.-M. Guimier-Sorbets, M.B. Hatzopoulos, Y. Morizot. Athens: De Boccard, 2006. P. 227–236.

45. *Olbrycht M.J.* Alexander the Great in Sittakene and the Reorganization of his Army (331 B.C.) // Anabasis. Studia Classica et Orientalia. Vol. 9. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2019. P. 80–92.

46. *Roisman J.* Alexander's Veterans and the Early Wars of the Successors. Austin: University of Texas Press, 2012.

47. *Sekunda N.* The Macedonian Army // A Companion to Ancient Macedonia / Edited by J. Roisman and I. Worthington. Oxford: Blackwell, 2010. P. 446–471.

48. *Tarn W.W.* Alexander the Great. Vol. 2. Sources and Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1948.

49. *Tataki A.B.* Macedonians Abroad: A Contribution to the Prosopography of Ancient Macedonia. Athens: De Boccard, 1998.

50. *Thomas C.G.* Alexander the Great in his World. Oxford: Blackwell, 2007.

51. *Thomas C.G.* Alexander's Garrisons: A Clue to his Administrative Plans? // Antichthon. 1974. Vol. 8. P. 11–20.

52. *Wrightson G.* The Nature of Command in the Macedonian Sarissa Phalanx // Ancient History Bulletin. 2010. Vol. 24. P. 71–92.

53. *Zahrnt M.* Der zweifache Mord an Parmenion. Ein Beitrag zur berlieferung uËber den Alexanderzug // Klio. Bd. 93. 2011. Hf. 1. S. 66–83.

Сокращения

Ael. Tact. – The Tactics of Aelian / Rev., transl. and ed. C. Matthew. Barnsley: Pen & Sword, 2012.

Ael. Var. hist. – Claudii Aeliani Varia historia / Ed. M.R. Dilts. Leipzig: Teubner, 1974.

Arr. Anab. – Flavii Arriani Anabasis Alexandri / Ed. A.G. Roos. Leipzig: Teubner, 1907.

Arr. Succ. – The Library of Potius. Vol. 1 / Ed. J.H. Freese. London; New York: The Macmillan Company, 1920.

Arr. Tact. – Arrianus Flavius Tactica // Flavii Arriani quae exstant omnia. Vol. 2 / Ed. A.G. Roos. Leipzig: Teubner, 1968. P. 129–176.

Asclep. Tact. – Asclepiodotus // Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander / Edited by.W.A. Oldfather, A.S. Pease, J.B. Titchener. London; New York: Harvard University Press, 1923. P. 244–333.

Curt. – Q. Curtii Rufi historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt / Ed. Th. Vogel. Leipzig: Teubner, 1889.

Diod. – Diodorus Siculus Library of history. Vol. 8. Cambridge; L.: Harvard University Press. 1989.

Just. – M. Juniani Justini epitoma historiarum Philippicarum / Ed. F. Rühl, O. Seel. Leipzig: Teubner, 1935.

Plut. Eum. – Plutarchi Vitae parallelae. Vol. II, fasc. I. / Ed. K. Ziegler. Leipzig: Teubner, 1933.

Анисимов К.А.

Тульский государственный педагогический университет

им. Л. Н. Толстого, НИУ «БелГУ»

Проблемы политической истории трибаллов в V–IV вв. до н.э.

Аннотация. Трибаллы, племенное объединение в Среднем и Нижнем Подунавье, называются древними авторами V–I вв. до н.э. в числе сильнейших политических объединений варварской периферии античного мира. Занимая земли на перекрестке миграционных маршрутов, трибаллы были вынуждены вести борьбу с кельтами, иллирийцами и скифами, отстаивать свою независимость от Одрисского и Македонского царств. При этом, трибаллы сами переходили в наступление, борясь также за гегемонию в регионе. Целью данной статьи является реконструкция политической истории трибаллов в период их наибольшего могущества.

Ключевые слова: трибаллы, Фракия, фракийцы, одрисы, иллирийцы, Балканы, гегемония.

Anisimov K.A.

Tula State Pedagogical University Lev Tolstoy,

Belgorod State University

Problems of the political history of the triballi in the 5th – 4th centuries BC

Abstract. The Triballi, a tribal association in the Middle and Lower Danube, are called by ancient authors of the 5th - 1st centuries BC among the strongest political associations of the barbarian periphery of the ancient world. Occupying the lands at the crossroads of migration routes, the Triballi had to fight with the Celts, Illyrians and Scythians, to defend their independence from the Odrysians and Macedonian kingdoms. At the same time, the Triballi themselves went on the offensive, also fighting for hegemony in the region. The purpose of this article is

to reconstruct the political history of the Triballi during the period of their greatest power.

Keywords: Triballi, Thrace, Thracians, Odrysians, Illyrians, the Balkans, hegemony

В V–IV вв. до н.э. трибаллы были одним из сильнейших политических объединений на севере Балкан. Традиционно их определяют, как фракийское племя [31. VII. 3, 13], но в древности на этот счет не было единого мнения. Аппиан называет трибаллов в числе потомков патриарха Иллира [5. Illir. I, 2], а Стефан Византийский относит их к иллирийским народностям [48. s.v.]. Нередко трибаллы перечисляются наряду с такими обобщающими этнонимами, как «фракийцы» и «иллирийцы», то есть не причисляются ни к тем, ни к другим [7. Anab. I. 1, 4; I. 3, 3; I. 10, 3; V. 26, 6; VII. 9, 2; 25. X. 19, 7]. Это указывает на сложность этнического состава трибаллского племенного союза.

Коренные земли их находились на севере современной Сербии, в долине реки Моравы и ее притоков, где уже Геродоту была известна «Трибаллская равнина» и реки, протекающие по ее территории [9. IV, 49]. О том, что трибаллы уже в V в. до н.э. были известны в Афинах, свидетельствует их упоминание в комедии «Птицы» Аристофана [6. Orn. стб. 1529 сл.]. Фукидид, описывая пределы Одрисского царства, уточняет, что восточная граница трибаллов проходила по горе Скомбра, откуда берет начало Стримон, и по реке Оский (совр. Искыр). Здесь они граничили с племенами треров и тилатеев, подвластных одрисам [39. II. 96, 3–4]. Исходя из этих данных, следует, что на юго-востоке соседями трибаллов были независимые пеонийские племена, а на юго-западе – иллирийцы.

Страбон называет трибаллов в числе народов, обладавших в прежние времена могуществом, но утратившие его и подвергшиеся переселениям и смешению с другими племенами [31. VII. III, 13; VII. V, 6]. К счастью, Страбон оставил для нас некоторые данные об истории и размерах территории, которой владели трибаллы. Согласно его описанию, владения трибаллов простиралась от земли агрианов до Истра на 15 дней пути. Агрианы, как и у Фукидида, помещаются Страбоном у истоков Стримона [31. VII. Fr. 36].

Во времена Фукидида агрианы были одним из пеонийских племен, покоренных одрисами [39. II. 96, 3], но в IV в. до н.э. они обрели независимость и стали во главе могущественного племенного союза,

который, судя по всему, объединял соседние пеонийские и фракийские племена Софийской котловины. Царь агрианов Лангар заключил союз с Александром Великим [7. Anab. I. 5, 1–5], а в последствии агрианы активно принимали участие в Восточном походе [10; 18]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что информация Страбона восходит к источнику IV в. до н.э. К сожалению, из этого туманного описания не ясными остаются восточные и западные пределы трибаллов. Следует ли считать по-прежнему реку Искыр и гору Скомбра отправной точкой расчетов при определении расстояния в 15 дней пути – не ясно. В определении западной границы возможно помогает название крепости Сирмий, игравшей важную роль в римскую эпоху. Ее название созвучно с именем трибаллского царя Сирма, воевавшего в 335 г. до н.э. с Александром Великим [7. Anab. I. 2, 2–3, 6]. Важными археологическими объектами, связанными с трибаллами, являются царское погребение Могиланска могила гробница IV в. до н.э. во Враце [8], а также обнаруженный относительно недалеко Рогозенский клад, в котором видят часть трибаллской казны [35].

История трибаллов известна плохо. В 424 г. до н.э. Ситалк, царь одрисов, совершил поход против трибаллов, но не понятно, кто был инициатором конфликта [39. IV. 101, 5]. Для Ситалка этот поход закончился фатально – царь одрисов погиб (видимо в сражении), а Одрисское царство вскоре пережило тяжелый политический кризис, от которого оправилось на время лишь в 380-е гг. до н.э. [3; 4]. Вне наших источников осталось дальнейшее развитие событий. Как трибаллы воспользовались победой? Была ли вообще победа над одрисами? Ни один источник прямо не говорит ни о разгроме одрисов, ни о их победе. Гибель Ситалка могла способствовать урегулированию конфликта на основе status quo. Такой вариант объясняет молчание источников об активности трибаллов на Балканах вплоть до 376 г. до н.э.

В 376 г. до н.э. огромное войско трибаллов прошло через всю Фракию во главе с вождем Халесом прошло через Гемские горы и Родопы (возможно, по долинам Стримона и Неста?), напав на Абдеры [13. XV, 36; 44. Panath. I, 172; Schol. in Ael. Arist. ad 172, p. 275–282, 1, 8; 41. XV. 8–10]. Благодаря предательству фракийских союзников, трибаллам удалось уничтожить абдерское войско, но город спасла афинская эскадра под командованием Хабрия [28, c. 103; 43, p. 220; 47, s. 12–15]. Эту акцию ни в коем случае нельзя рассматривать как часть политической экспансии трибаллов. Диодор однозначно свидетельствует, что причиной вторжения стал голод, поразивший трибаллские земли. При этом они собрали «все свои силы», «в

надежде добыть себе пропитание в чужих землях». Войско, разорявшее окрестности Абдер, Диодор оценивает более чем в 30 тысяч. Учитывая успех трибаллов в битве с довольно крупным отрядом тяжеловооруженных абдерских гоплитов, эти цифры не кажутся завышенными [47, s. 15].

В литературе высказывалось мнение, что причиной движения трибаллов стал натиск автариатов, которых в свою очередь потревожили кельты [49, p. 88], однако, во-первых, наши источники не сообщают о конфликтах с автариатами в указанный период времени, а во-вторых, репутация автариатов в IV в. до н.э. совсем не соответствовала племени, способному в принципе доставить проблемы столь могущественному народу, как трибаллы [7. Anab. I. 5, 1–4]. Другая версия предполагает участие одрисской дипломатии: цари одрисов стремились натравить трибаллов на Абдеры, чтобы восстановить утраченный контроль над полисами побережья Эгейского моря [32, с. 147–149]. С учетом прямого указания Диодора на голод, как причину походов трибаллов, поиск кельтских или иных корней этого движения уже в первой четверти IV столетия представляется избыточным [47, s. 14–15]. Хотя, нельзя исключать, что одрисы воспользовались в какой-то степени последствиями этого вторжения.

Совсем иначе выглядят сведения о трибаллах, относящиеся ко 2-й половине IV в. до н.э. Вероятно, кризис, вызвавший нападение трибаллов на эгейское побережье Фракии, в то же время способствовал активизации их полноценной экспансии и переходу их хозяйства на военный лад, где ключевая роль теперь перешла к нападению на ближних и дальних соседей. Во второй половине IV в. до н.э. имя трибаллов было широко известно, что подтверждается их неоднократным упоминанием в речах Исократа, датируемых 358–355 и 342–339 гг. до н.э. При этом трибаллы явно характеризуются как военизированное, закрытое и очень сплоченное сообщество [15. VIII, 50]. Внешняя политика трибаллов сравнивается со спартанской, упоминаются разорительные набеги и даже истребление соседей [15. XII, 227]. В Афинах трибаллы были настолько известны, что это название стала использовать группировка хулиганов, которую в одной из речей упоминает Демосфен. Эти молодые люди вели себя разнузданно и грубо, шокируя сограждан тем, что поедали подношения Гекате и тестикулы свиней [11. LIV, 39]. Очевидно, именно к IV в. до н.э. восходят сведения Николая Дамасского о военном построении трибаллов в три линии (слабых воинов впереди, затем самых сильных и всадников), за которым стоят их женщины [23; 24. frg., 118].

Судя по всему, объектом нападения трибаллов периодически становилась даже Македония. Во всяком случае, в своих речах перед войском Александра не единожды упоминал о том, что македоняне вынуждены были прежде обороняться не только от соседей – иллирийцев и фракийцев, но также от трибаллов [7. Anab. V. 26, 6; VII. 9, 2]. Косвенно на это указывает также Дион Хрисостом [45. or. II, 9]. В этом отношении любопытно утверждение Плиния Старшего, который явно в данном случае опирался на какой-то более древний источник, что Пеония и Пелагония защищают северные области Македонии от вторжений трибаллов [26. IV, 33]. Трибаллы не упоминаются как противники Македонии накануне и вначале правления Филиппа II, следовательно, их набеги должны были иметь место в более раннее время [47, s. 17]. Логично предположить, что путь на юг им отрезали иллирийцы Бардилла, безусловно господствующие во 2-й четверти IV в. до н.э. в западно-балканском регионе [46].

Еще одним направлением набегов или даже полноценной экспансии трибаллов, выделяемое на основании письменных источников, было Нижнее Подунавье. Ряд письменных источников сообщают о столкновении трибаллов со скифами и их царем Атеем [27. VII. 44, 1; 38. II, 19]. Полиэн говорит просто о скифах, однако Фронтин уточняет, что воевал с трибаллами именно царь Атей.

Обычно сообщения о войнах трибаллов со скифами трактуют как указание на экспансию скифов во Фракии, но в рассказе они выглядят скорее обороняющейся стороной, ожидающей помощи от других скифских племен [19, с. 129]. Все письменные источники указывают, что трибаллы превосходили скифов, так что последним удалось победить лишь, применив хитрость. Как минимум к 340 г. до н.э. Атей закрепился в Добрудже, греческие полисы побережья (в частности, Каллатис) чеканили его монету, он угрожал Византию [2, с. 71 след.; 19, с. 112 сл.]. Учитывая наши сведения об этом царе скифов, наиболее подходящим полем боя является Добруджа, хотя нельзя исключать, что речь идет о задунайских равнинах. Одно запутанное известие Страбона указывает на переселения трибаллов по обе стороны Дуная, а также на их столкновения в том числе со скифами [31. VII. 3, 13].

Военная хитрость спасла скифов и позволила, по-видимому, им укрепить контроль в Добрудже. Однако, уже в 340/339 г. до н.э. им пришлось вести тяжелую изнурительную войну с некими «истрианами». Юстин характеризует положение Атея, как «затруднительное». В такой ситуации скифский царь был вынужден заключить невыгодный союз с македонским

царем Филиппом II, который к этому времени уже сокрушил одрисские царства и осаждал Перинф и Византий. Филипп отправил на помощь скифам армию, однако неожиданно положение Атея изменилось. «Царь истриан» умер, что позволило закончить конфликт. Атей отправил только что прибывших македонян обратно и разорвал условия соглашения. В итоге, это привело к походу самого Филиппа II на скифов. В разыгравшемся сражении 90-летний скифский царь погиб [42. IX, 2]. На обратном пути Филипп попал в засаду трибаллов. Он потерял обоз и был тяжело ранен [42. IX, 3, 1-3]. Возникает вопрос, успел ли отомстить Филипп трибаллам до своего убийства в 336 г. до н.э. Дело в том, что Демосфен уже в 330 г. до н.э. упоминает о покорении Филиппом «то иллирийцев, то трибаллов, то кого-нибудь из греков» [12. XVIII, 44]. Вероятно, к Демосфену восходят многочисленные поздние указания на подчинение трибаллов македонскому царю [47, s. 17]. Также о «восстании иллирийцев и трибаллов» после смерти Филиппа сообщает Арриан [7. Anab. I. 1, 4]. Вполне вероятно, македонский царь успел совершить карательный поход против трибаллов, принудив их признать верховную власть Филиппа. Впрочем, едва ли можно было говорить о полноценном завоевании. Тем более, продлилось это господство недолго. Главным аргументом для датировки этой македоно-трибаллской войны служит традиционно упоминание трибаллов после иллирийцев. Высказывались мнения, что покорение трибаллов необходимо датировать 344 г. до н.э., когда Филипп воевал с иллирийцами, но учитывая обстоятельства его столкновения с трибаллами в 339 г. до н.э., едва ли можно датировать трибаллский поход Филиппа ранее этого события. К тому же, вскоре после первого столкновения Филиппа с трибаллами последовала очередная Иллирийская кампания македонского царя [22, с. 90; 47, s. 22–23; против: 40, с. 309]. Лукиан Самосатский, опираясь, видимо, на каких-то ранних авторов, приписывает Филиппу II использование иллирийских и трибаллских всадников в числе прочих наемников [21. Demosth. encom. 34]. Любопытно, что в том же произведении Демосфен перед смертью говорит о натиске иллирийцев, трибаллов и македонян [21. Demosth. encom. 48].

В связи с трибаллами часто рассматривается также проблема загадочных «истриан», столь грозных соперников скифов Атея. Учитывая, что авторы, упоминающие о войне скифов с трибаллами, ничего не говорят об истрианах, а Юстин не упоминает о войне Атея с трибаллами, широкое распространение получило предположение, что «истриане» – это и есть трибаллы [47, s. 19]. Альтернативное мнение предполагает, что истриане – это гетское объединение близ устья Дуная [29, с. 223] или иллирийское

племя, давшее свое имя полуострову Истрия [33, с. 291–292]. Меньшей популярностью пользуется предположение, что «истриане» – это жители города Истрия (сразу возникает вопрос относительно «царя истриан»). Есть также компромиссный вариант – «истриане» были гражданами Истрии, но их союзниками были трибаллы во главе со своим царем, объединение же «истриан» и «царя» стало результатом неудачного сокращения эпитоматором своего источника [47, s. 19]. Помимо эпизода с войной против Атея истриане засвидетельствованы лишь в топонимике северо-западного Причерноморья, где их именем названо поселение Гавань истриан [1, с. 156–157; 14, с. 131–134]. По аналогии с Гаванью исиаков можно заключить, что речь все-таки идет о некоем племени, а не о колонии истрийских греков. Также с ними возможно связано название реки Истриак в Крыму (о ее локализации: [14, с. 108]). Учитывая различия в описании войн скифов с трибаллами и истрианами, а также упомянутые топонимы, на наш взгляд следует отвергнуть гипотезу о тождестве двух племен. Вопрос об этнической природе истриан еще ждет своего решения.

В 335 г. до н.э. против трибаллов, «независимых фракийцев», задунайских гетов и «фракийцев, соседних с трибаллами» совершил поход Александр Великий, который стремился обезопасить границы Македонии перед Восточным походом. Эта военная кампания относительно подробно описана Аррианом [7. Anab. I. 1, 4-13 – 5, 1-7], ей посвящена обширная литература (наиболее подробно поход рассмотрен в трудах [16, с. 99–128; 17; 50]). Маршрут Александра предполагает, что военные действия проходили к востоку от реки Оский (Искыр). Финальная операция кампании включала осаду острова Певка, где укрылся царь Сирм, и сражение с гетами за Дунаем. Мнения о локализации острова разделились. Часть исследователей отождествляют его с о. Певка в устье Дуная [33, с. 288]. В пользу этого свидетельствует участие византийского флота в осаде и близость неких греческих городов. Памятники задунайских гетов, надежно датируемые IV в. до н.э., также в большом количестве представлены на территории Молдовы. Другие, исходя из традиционных мест проживания трибаллов и описания острова как природной крепости, отождествляют его с островом Белине [16, с. 124; 30, с. 111]. Окончательное решение этого вопроса затрудняется ввиду отсутствия у Арриана упоминаний о скифах Добруджи и местных фракийских племенах. Тем не менее, можно уверенно говорить о том, что экспансия трибаллов привела к тому, что их владения распространялись как минимум до о. Белене и может быть до реки Янтра.

Итогом похода Александра стало формальное признание Сирмом верховной македонской власти. В рамках подчинения Македонии, очевидно, трибаллы обязывались выплачивать дань и поставлять воинов [47, s. 37–38]. Прямо об этом не говорится, однако Диодор упоминает трибаллов в числе народов, отправивших контингент в армию македонского царя для участия в Восточном походе. После смерти Александра трибаллы вместе с иллирийцами и агрианами упоминаются при разделе державы Великого царя, как часть, которую вместе с Македонией и Эпиром должны были получить в управление Кратер и Антипатр [37, succ. fr. 1a, 7R].

Последнее указание также окончательно ставит точку в вопросе о предполагаемом переселении трибаллов, как справедливо указывает Ф. Папазоглу [47, s. 42–43]. Коренные земли трибаллов оставались под их контролем на протяжении всей их истории V–IV вв. до н.э. При этом, можно уверенно говорить о расширении их границ в период могущества племени.

С событиями истории трибаллов IV в. до н.э. непосредственно связан ряд археологических находок. Во-первых, стоит отметить клад из с. Рогозен. Он представляет собой тайник с драгоценной посудой, часть которой покрыта надписями с именами одрисских правителей (Сатока (сына Ситалка?), Котиса I, его сына Керсоблепта) и названия общин, преподнесших правителям сосуды в дар. Эти сосуды традиционно рассматривались как материальные свидетельства дипломатических контактов одрисов с трибаллами, но есть другое объяснение: это часть одрисской казны, захваченной Филиппом Македонским, а потом попавшая в руки трибаллов, разграбивших в 339 г. до н.э. его обоз. С этой же добычей связывают чекан варварских подражаний монетам типа Филиппа II, широко распространившихся за Дунаем, особенно в Молдове. Это объясняют союзом и торговыми отношениями трибаллов с задунайскими гетами [20, с. 109–110]. Захоронение Рогозенского клада, а также клад из Летницы, вещи которого датируются IV в. до н.э., соблазнительно связывать с обстоятельствами похода Александра в Подунавье [16, с. 87].

О возросшем могуществе царей трибаллов свидетельствует гробница во Враце. М. Ткачук обратил внимание на близость ее вещевого материала с гробницей Аджигьол в Добрудже, которая считается гетской, и с находками на правобережье Нижнего Дуная. Все это, в сочетании с данными письменной традиции, указывает на могущество и влияние трибаллов в Нижнем Подунавье [33, с. 291–292]. Однако едва ли можно признать распространение непосредственного контроля трибаллов на Добруджу вплоть до устья Дуная.

События 335 г. до н.э. не могли не сказаться на положении трибаллов в Нижнем Подунавье. Мы ничего не слышим о них в связи с деятельностью македонского наместника во Фракии Зопириона, около 331–325 гг. до н.э. воевавшего со скифами и, возможно, с гетами. В 313 г. до н.э. Лисимах воевал в Добрудже с местными фракийцами (кробизами?) и скифами, которых изгнал за Дунай [2, с. 91–92; 13. XIX. 73, 5; 19, с. 160–168]. В конце IV в. до н.э. – первом десятилетии III в. до н.э. в Добрудже без сомнения доминировали геты, объединенные в мощное объединение царем Дромихетом [34, с. 200 след.; 36, с. 55–58]. Все это однозначно свидетельствует, что влияние трибаллов не распространялось на Добружду в последней трети IV в. до н.э.

Подводя итог, можно отметить, что уже к тому времени, когда трибаллы впервые появляются на страницах письменной истории как активная политическая сила, ими был проделан большой путь. Это позволило трибаллам отстоять свою независимость от могущественного одрисского царя Ситалка в 424 г. до н.э. Мы не знаем, к каким последствиям привела гибель Ситалка во время трибаллского похода, однако еще практически полвека они не привлекали внимания античных историков, хотя были известны афинским комедиографам и их зрителям. О военном потенциале трибаллов говорит то, что в экстренной ситуации они были способны выставить по меньшей мере 30-тысячное войско. Вероятно, угроза голода, толкнувшая их к вторжению на побережье Эгейского моря, способствовала к активизации грабительских походов трибаллов, что привело к установлению их гегемонии в Среднем и Нижнем Подунавье. В речах афинских ораторов они предстают как племенное сообщество с высокой степенью политической консолидации. В период расцвета, который приходится на вторую – третью четверти IV в. до н.э. сфера влияния трибаллов охватывала значительную территорию от северных рубежей Македонии до скифских кочевий близ устья Дуная, что нашло отражение в том числе в археологических материалах, фиксирующих складывание единой аристократической субкультуры. Однако трибаллам не удалось достичь более высокой ступени развития общества. Их гегемонии положили конец походы македонских царей. В последующие десятилетия инициативу в регионе перехватят иллирийские, кельтские и гетские племена.

Литература

1. *Агбунов М.В.* Античная география Северного Причерноморья. М.: Наука, 1992. 240 с.

2. *Андрух С.И.* Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н.э. (этнополитический аспект). Запорожье: Запорожский государственный университет, 1995. 199 с.

3. *Анисимов К.А.* Кризис Одрисского царства: проблемы датировки // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО» Тульское Образовательное Пространство. 2017. № 1. С. 109–112.

4. *Анисимов К.А.* Сюжет афинско-фракийского военного столкновения в произведении Полиэна // Древний мир: История и археология: рецензируемый сборник научных статей. М.: МПГУ, 2020. С. 179–187.

5. *Аппиан*. Римская история / пер. С. П. Кондратьева. М.: АСТ-Ладомир. 2002. 880 стр.

6. *Аристофан.* Комедии. Фрагменты / пер. А. И. Пиотровского, М.Л. Гаспарова. М.: Наука-Ладомир, 2000. 1080 с.

7. *Арриан*. Поход Александра / пер. М. Е. Сергеенко. М.: МИФ, 1993. 272 с.

8. *Венедиков И*. Новооткрито тракийско могилно погребение във Враца // Археология. 1966. №1. С. 7–15.

9. *Геродот.* История / пер. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир, 2005.

10. *Делев П.* По някои проблеми от историята на агрианите. // Известия на Историческия музей Кюстендил. 2003. № 7. С. 8–12.

11. *Демосфен*. Речи: в 3 т. Т. 2 / отв. ред. Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов. М.: Пам. историч. мысли, 1994. 608 с.

12. *Демосфен*. Речи. В 3 т. Том 3 / отв. ред. Е.С. Голубцова и др. М.: Пам. истор. мысли, 1994. 624 с.

13. *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека / пер. В.В. Латышев и др. М.: Самиздат, 2012. 750 с.

14. *Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки Слав. Культуры, 2005. 504 с.

15. *Исократ.* Речи. Письма; Малые аттические ораторы. М.: Ладомир, 2012. 1072 с.

16. *Йорданов К.* Политическите отношения между Македония и тракийските държави (359–281 гг. пр. Хр.). София, 1998.

17. *Клейменов А.А.* Дебют стратега: балканская кампания Александра Македонского 335 г. до н.э. // Вопросы истории. 2018. № 1. С. 3–17.

18. *Клейменов А.А*. Об экипировке агрианских пехотинцев армии Александра Македонского // Parabellum novum: Военно-исторический журнал. 2015. № 3 (36). С. 18–32.

19. *Лазаренко И.* Скитите в Тракия (VII в. през н.е. – I в. от н.е.). Ч. I. Писмени извори за скити в Тракия. Варна: Онгъл, 2015. 405 с.

20. *Левинский А.Н.* История гетов в лесостепи Юго-Восточной Европы (конец VI – вторая половина IV вв. до н.э.) // Stratum plus. 2010. № 3. С. 15–127.

21. *Лукиан Самосатский*. Сочинения. В 2 тт. Т. 2 / под общ. ред. А.И. Зайцева. СПб.: Алетейя, 2001. 538 с.

22. *Малеванный А.М*. История иллирийцев и римской провинции Иллирик. Запорожье: Самиздат, 1997. 288 с.

23. *Нефедкин А.К*. Боевой порядок трибаллов, или к вопросу о фракийской тактике // Mnêma: Сб. научн. трудов, посв. памяти проф. Владимира Даниловича Жигунина / отв. ред. О.Л. Габелко. Казань: КГУ, 2002. С. 500–511.

24. *Николай Дамасский*. Собрание замечательных обычаев (Из сборника Стобея) / пер. Е.Б. Веселаго // ВДИ. 1960. № 4. С. 237–248.

25. *Павсаний*. Описание Эллады / пер. С.П. Кондратьева. М.: Алетейя, 2002. 172 с.

26. *Плиний Старший*. Естественная история. Кн. IV. О странах Европы / пер. и коммент. Б.А. Старостина // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. № 3. С. 110–142.

27. *Полиен.* Стратегемы / под общ. ред. А.К. Нефёдкина; пер. О.Ю. Владимирской и другие.. СПб.: Евразия, 2002. 608 с.

28. *Попов Д.* Древна Тракия. История и культура. София, 2009. 343 с.

29. *Сапрыкин С.Ю.* Древнее Причерноморье. М.; СПб: РХГА, 2018.

30. *Спиридонов Т., Фол А.* Историческа география на тракийските племена до III в. пр. н.е. В 2-х томах. Том I. София: Българската на Академия на Науките, 1983. 188 с.

31. *Страбон*. География / под общ. ред. С.Л. Утченко. М.: Наука, 1964.

32. *Тачева М.* Царете на древна Тракия. Книга първа. София: АГАТО, 2006. 245 с.

33. *Ткачук М.Е.* Гетика, которую мы потеряли. Из антологии хронологических разрывов] // Stratum plus. 1999. № 3. С. 274–304.

34. *Тодорова Х.* и др. История на Добруджа. Т. I. Велико Търново: Фабер. 2011.

35. *Фол А.* Политика и култура в древна Тракия през V–IV в. пр. н.е. Предварителны бележки // Изкуство. 1986. №6. С. 2–62.

36. *Фол А.* Тракия и Балканите през ранноелинистическата епоха. София: Наука и Изкуство, 1975. 272 с.

37. *Фотий*. Миниобиблион. Cod. 92. Арриан. О событиях после Александра / пер. Д.В. Мещанского. URL: https://simposium.ru/ru/node/10519 (дата обращения: 12.07.2024).

38. *Фронтин, Секст Юлий*. Военные хитрости (Стратегемы) / пер. А.Б. Рановича; Вступ. ст. и комм. А. А. Новикова. СПб.: Алетейя, 1996. 224 с.

39. *Фукидид.* История / пер. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир, 1999. 736 с.

40. *Шофман А.С.* История античной Македонии. В 2-х ч. Казань: КГУ. Ч. I. 1960. 300 с. Ч. II, 1963. 434 с.

41. *Эней Тактик*. О перенесении осад / пер., ст. и прим. В. Ф. Беляева. // ВДИ. 1965. № 1. С. 258–268.

42. *Юстин М.Ю*. Эпитома сочинения Помпея Трога «HISTORIAE PHILIPPICAE» / пер. А.А. Деконского. СПб: СПбГУ, 2005.

43. *Archibald Z.* The Odrisian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked. Oxford: Clarendon Press, 1998. 371 p.

44. *Aristides P. Aelius.* The Complete Works. Vol. I / transl. Ch.A. Behr. Leiden: Brill, 1986.

45. *Dio Chrysostom*. The Second Discourse on Kingship. URL: https://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts (дата обращения 12.08.2024).

46. *Hammond N.G.L.* The Kingdoms in Illyria circa 400–167 B.C. // The Annual of the British School at Athens. 1966. Vol. 61. P. 239–253.

47. *Papazoglu F.* Srednjobalkanska plemena и predrimsko doba. Saraevo: Academija Nauka I Umjetnosti Bosne I Hercegovine, 1969. 498 c.

48. *Stephani Byzantii.* Ethnica. Vol. 4: P–Y. Berolini; Novi Eboraci: De Gruyter, 2016. №20, 391 S.

49. *Tomaschek W*. Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung. Wien, 1893–1894. Osnabruck, Biblio-Verl, 1975. 303 p.

50. *Петков П.* Кампанията на Александър III срещу трибалите в Скития през 335 г. пр. Хр. // Thracia XXIII. 2018. С. 117–139.

Лысенкова А.А.

Московский педагогический государственный университет

Проблема взаимоотношений богов и людей на примере мифов о Дионисе

Аннотация. Целью данной статьи является анализ взаимоотношений богов и людей на примере мифов о Дионисе. Актуальным является рассмотрение сюжетов известных мифов через призму личной и коллективной ответственности (ὕβρις) людей перед божеством. Таким образом, пришли к выводу, что при сопротивлении дионисийскому культу или при оскорблении бога и его последователей, людей настигали всевозможные кары, но при принятии культа, Дионис активно помогает своим сторонникам.

Ключевые слова: Дионисийский культ, мифы, взаимоотношения богов и людей, хюбрис, божественная воля.

Lysenkova A.A.

Moscow Pedagogical State University

The problem of relationships between gods and people using the example of myths about Dionysos

Abstract. The article examines the relationship between gods and people using the example of myths about Dionysus. Having examined the Dionysian mythological cycle, we found out that when resisting the Dionysian cult or insulting God and his followers, people bore both personal and collective responsibility (ὕβρις). However, when accepting the cult, Dionysus actively helps people.

Keywords: Dionysian cult, myths, the relationship between gods and people, hubris, the divine will

Взаимоотношения богов и людей всегда были непростыми и, как правило, заканчивались для людей не лучшим образом. Ярким примером может стать сюжет с Кассандрой, описанный в «Илиаде». Если говорить о Дионисе, то само его рождение связано с трагедией.

Матерью бога Семела была дочерью основателя и царя Фив, Кадма и Гармонии дочери Афродиты и Ареса. В нее влюбился Зевс и стал приходить к ней ночью в образе золотого дождя. А когда узнал, что Семела ждет ребенка, дал ей обещание, что выполнит любую ее просьбу, поклявшись водами подземной реки Стикс. Гера, узнав о новой возлюбленной Зевса, решила погубить ее и не родившегося ребенка. Она приняла вид ее няни[1], и уговорила Семелу попросить Зевса, чтобы он пришел к ней в своем истинном обличие. Следующей ночью она высказала богу свою просьбу, так как в их тайных встречах она испытывала чувство пренебрежения со стороны Зевса. Он был не в силах нарушить свои клятвы, поэтому предстал перед ней во всем своем божественном великолепии с громом и молнией. Семела сгорела в божественном огне, Зевс успел спасти еще не родившегося младенца [7, IV, 2, 3].

После смерти Семелы, спасенного младенца, Зевс зашил себе в бедро и носил его там, в течение 3 месяцев, до появления на свет Диониса. Чтобы защитить сына от гнева Геры, Зевс поручает младенца Гермесу.

В источниках встречаются два варианта дальнейших событий. Аполлодор утверждает, что тот отнес младенца сестре Семелы Ино и ее мужу царю Орхомета Афаманту. Гермес просит Ино, чтобы она воспитывала Диониса, как девочку[2], чтобы скрыть от гнева богини. Но Гера узнает, где прячут Диониса, и поражает Ино с мужем безумием. В сумасшедшем угаре они убивают своих детей. Затем Ино вместе с убитым сыном Меликертом бросается в море, где она преображается в морскую богиню Левкотею, а сын становится Палаимоном, вместе они помогают мореплавателям во время штормов [1, III, 4–5].

В основном понятие кара, упоминаемое в мифах, происходит от древнегреческого понятия хюбрис (ὕβρις) – оно связано с нарушением божественной воли. Во взаимоотношениях людей с Дионисом часто

[1] Только у Гигина мы можем найти имя няни Бероя. У Нона Панополитанского говорится, что это была няня Кадма, но имени не дает [4, с. 167].

[2] По мнению Фрезера – это реминисценция древнего обычая, по которому мальчиков воспитывали как девочек, чтобы уберечь их от дурного глаза [1, с. 267].

прослеживается неповиновение богу, неприятие его культа, поэтому бог насылает на непокорных различные кары.

После этих событий Гера наслала безумие на самого Диониса, он стал скитаться, его спутницами и первыми менадами, стали его няньки. Он начал бродить сначала по Египту и Сирии [3, II, 42–49]. После этих скитаний он приходит во Фригию, где его излечивает местная богиня Кибела. Там же он знакомится с вином. После исцеления и постижения тайн, Дионис решает продолжить свой поход, чтобы подарить людям вино. Путь его лежал через Фракию. Ряд исследователей полагают, что большинство фракийцев приняли бога и с радостью научились делать вино, Но Ликург царь эдонов во Фракии, воспротивился введению культа Диониса [9, с. 109]. Никто, кроме Гигина не говорит о причинах неприятия данного культа. У него повествуется о том, что Ликург, выпив неразбавленного вина, возжелал свою мать [4, с. 132]. Во всех вариантах мифа о Ликурге царь наказан за непослушание либо Зевсом, либо самим Дионисом. Гомер говорит о нем как о смертном, дерзнувшим вступить в борьбу с богами. В «Илиаде» детально описывается этот эпизод. Ликург нападает на Диониса и его кормилец, он гонял их стрекалом до тех пор, пока они не покидали свои тирсы и не сдались в плен, а Дионис, опасаясь быть пойманным, бросается в море, где ищет покровительства у морской богини Фетиды [5, VI, с. 130–140]. У этой версии мифа две развязки. По одной, сам Зевс мстит за оскорбленного сына и ослепляет Ликурга. По другой версии мифа, Ликурга карает сам Дионис. Бог насылает на непокорного царя безумие, он убивает своего сына и жену, думая, что рубит виноградную лозу. После этого Дионис возвращает Ликургу разум. Ликург остался царем, но внезапно земля перестала плодоносить, жители Фракии взмолились богу, и тот им сказал, что земля не станет давать плоды, пока царь не будет умерщвлен. Выслушав это, эдоны бросили Ликурга на растерзание лошадям [1, III, 5,1]. В более поздних древнегреческих источниках, восходящих, вероятно, к недошедшим до нас афинским трагедиям V в. до н.э., этот миф раскрыт более полно и трагично [4, с. 132].

Следующий эпизод, который стоит рассмотреть при изучении мифов, связанных с хюбрис (ὕβρις) Диониса – Миф о Пенфее. Здесь прослеживается тот же мотив, что и в мифе о Ликурге. Пенфей представляет общественный порядок и цивилизованное общество, а Дионис – силы природы и хаос.

В образе лидийца Дионис прибыл в Фивы и всех заразил своим культом. С особой силой бог поражал женщин, которые убегали в горы, где убивали зверей, а иногда и младенцев, пили их кровь и ели сырое мясо (обряд

омофагии). Царь Пенфей один остается в одиночестве, в стороне от всеобщего увлечения культом. В нем он видит безумие, смерть и хаос. Он приказывает стражникам схватить всех, кто пребывает в вакхическом восторге и посадить в тюрьму. Но некоторые в страхе бежали на Киферон в горы. Прорицатель Тирезий и дед царя, Кадм (он же приходился смертным дедом Диониса), которые признали нового бога, старались образумить Пенфея, убедить его в божественности Диониса и предрекают всеобщее признание культа. Но не внял их словам Пенфей, он требует привести к нему этого самозванца. Когда стража приводит Диониса к царю, бог даже не сопротивляется, он сам хотел поговорить с Пенфеем и образумить его. Но даже слова Диониса не изменили его уверенности, что перед ним бог. Пенфей посадил его в тюрьму, но Дионис сразу же покинул темницу, двери сами распахнулись перед ним. Тогда взбешенный Пенфей, переодевшись вакханкой (менадой), отправляется на Киферон, с целью переловить их всех [10, II, 2,6]. Дионис наводит на него безумие, и Пенфей начинает думать, что он вакханка. Но под наитием бога менады принимают его за льва и разрывают его на куски, а голову надевает на свой тирс мать Пенфея, Агава. В гордом шествии возвращаются они в Фивы, хвалясь славной добычей. Только в этот момент наступает озарение, Агава и все остальные понимают, что же они совершили, и как бог покарал за его непризнание [8, с. 1280–1350]. Данный эпизод показывает, что ни в коем случае нельзя насмехаться над богом и его последователями.

Еще один случай непослушания богу мы видим в Аргосе. Интересно, что третий раз мифографы показывают нам, что всегда сопротивляются дионисийскому культу высшие слои общества. Возможно, потому, что главное божество знати Аполлон, а он является абсолютной противоположностью Дионису. В городе Орхомене Дионис проводил свои оргии (празднества), все женщины окрестностей собрались на них, не пришли только дочери царя Миния: Алкифоя, Левкиппа и Арсиппа. Тогда Дионис сам явился к ним в образе девушки и пригласил их на праздник, но они не послушались бога и остались у своих ткацких станков за это Дионис лишил их разума. Левкиппа принесла в жертву собственного сына Гиппаса, когда на него пал жребий, и три сестры разорвали его на куски и пожрали, после чего стали неистово носиться по горам, пока, наконец, Гермес не превратил их в птиц, хотя некоторые утверждают, что Дионис превратил их в летучих мышей [6, с. 75].

Нужно отметить, что для греческого социума характерна групповая солидарность во взаимоотношениях с богами. Если кто-то рассердил богов,

наказывался именно коллектив [2, с. 159]. Это особенно показательно в отношении сопротивления дионисийскому культу. Как мы убедились выше, за все неповиновения одного человека страдал весь народ. После нечестивого поступка Ликурга земля перестала плодоносить, возможно, из-за трех дочерей Миния, безумию подверглись все женщины Аргоса. Также необходимо сказать, что в культе Диониса каннибалами становятся только те, кто сопротивляется его учению, например дочери Миния, или за ослушавшихся отвечают близкие родственники в этом случае показателен пример матери Пенфея, Агавы [11, p. 151]. Это все входит в понятие коллективной ответственности.

Однако были случаи, когда Дионис помогает людям. Вероятно, эти мифы характерны для более поздней традиции. Так, например, он приводит истории о чудесном спасении аргивян. Они попали в кораблекрушение около мыса Каферея. Выжившие страдали от голода и холода. Тогда они стали молиться богам о помощи. Как только они двинулись дальше, то увидели пещеру, посвященную Дионису, в ней была статуя бога, возле которой собрались дикие козы. Аргивяне съели их, а шкурами воспользовались как одеждой. [10, II, 23,1]. В качестве еще одного примера милости Диониса можно привести эпизод с тритоном, который терроризировал танагрское население. Существует две версии данного мифа, по одной Дионис сам убил тритона, по другой – его заманили в ловушку при помощи дара Диониса – вина. [10, IX, 20, 4]. Эти мифы дают нам яркую иллюстрацию того, что после принятия культа все мифы о Дионисе имели положительный характер, хотя не будем отрицать того факта, что мифы о каре Диониса сохранились в качестве назидательного примера о силе бога.

Таким образом, рассмотрев мифологическую традицию о взаимоотношениях людей и бога Диониса, пришли к следующим выводам, что при сопротивлении дионисийскому культу или же оскорблении бога, люди несли, как персональную, так и коллективную ответственность (ὕβρις). Но при принятии культа Дионис активно помогает людям, о чем свидетельствует ряд мифов.

Литература

1. *Апполодор*. Мифологическая библиотека / пер. с древгреческ. В.Г. Бурховича. М., 2004.

2. *Бурио Ф.* Греки и их боги / пер. В.Р. Грушина // Античный вестник. 1993. Вып. 3. С. 158–170.

3. *Геродот*. История / пер. с древнегреческ. Г.А. Стратановского. М., 1993.

4. *Гигин*. Мифы / пер. с древнегреческ. Д.О. Торшилова. СПб., 2000.

5. *Гомер*. Илиада. Одиссея / пер. с древнегреческ. Н.М. Гнедича. М., 2000.

6. *Грейвс Р*. Мифы Древней Греции. М., 1992.

7. *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека (IV–VII) / пер. с древнегреческ. О.П. Цыбенко. СПб., 2005.

8. *Еврипид*. Вакханки // Еврипид. Трагедии / пер. с древнегреческ. И.Ф. Анненского. М., 1985.

9. *Немировский А.И.* Мифы древности: Эллада. М., 2000.

10. *Павсаний*. Описание Эллады / пер. с древнегреческ. С.П. Кондратьева. М., 2002.

11. *Detienne M.* Dionysos mis à mort. P., 1977

Гвоздева Т.Б.

Литературный институт им. А. М. Горького,
Российский университет дружбы народов

Гвоздева И.А.

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Греческая атлетика в «Соннике» Артемидора

Аннотация. В статье рассматривается «Сонник» (*Oneirokritikon*) Артемидора из Далдиса, автора II в. н.э., как источник по истории греческой атлетики. В «Соннике» упоминаются как Олимпийские игры, а также прочие панэллинские и местные игры Эллады, так и римские игры. Автор хорошо знает особенности организации панэллинских игр. В ряде сновидений описываются судьи состязаний (чаще всего упоминаются единоборства и бег), тренеры атлетов, допуск их к состязаниям, наградные венки, спортивные объекты (гимназии, стадион, гипподром).

Ключевые слова: Артемидор, Олимпийские игры, Немейские игры, Истмийские игры, возрастные классификации атлетов, бег, пятиборье, борьба, элланодики.

Gvozdeva T.B.

Maxim Gorky Institute of Literature
Peoples' Friendship University of Russia

Gvozdeva I.A.

Lomonosov Moscow State University

Greek Athletics in Artemidorus' *Oneirokritikon*

Abstract. The article discusses the Oneirokritikon Artemidorus of Daldis, author of the II century AD, as a source on the history of Greek athletics. The Oneirokritikon mentions both the Olympic Games, as well as other Pan-Hellenic and local games of Hellas, and the Roman Games. The author is well aware of the peculiarities of the organization of Pan-Hellenic games. In a number of dreams,

judges of competitions are described (combat and running are most often mentioned), coaches of athletes, their admission to competitions, award wreaths, sports facilities (gymnasiums, stadium, hippodrome).

Keywords: Artemidorus, Olympic Games, Nemean Games, Isthmian Games, age classifications of athletes, running, pentathlon, wrestling, Hellenodics.

Описание греческой атлетики получило широкое распространение в литературе I–II вв. н.э., особенно в произведениях Павсания, Лукиана и Филострата. К сочинениям, в которых большое место отводится греческой атлетике, относится и «Сонник» (*Oneirokritikon*) автора II в. н.э. Артемидора из Далдиса (Лидия), в толковании снов которого часто упоминаются спортивные сюжеты, связанные с греческой атлетикой в эпоху Римской империи. Артемидор оставил нам замечательную коллекцию сновидений, которые он проанализировал как предсказания. В этом произведении упомянуты самые разные люди, многие из которых атлеты, другие – только мечтают стать спортсменами, и третьи – их родные и близкие.

В «Соннике» несколько раз упоминаются священные игры [7, I, 62; II, 49][1] и состязания на них [7, V, 79; 95]. К священным играм (ἱεροὶ ἀγῶνες) относились главные панэллинские праздники: Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немейские игры. Их программа включала в себя атлетические, конные, а также мусические состязания. Победители награждались священными венками из ветвей священного дерева того божества, в честь которого проводились игры (στεφανῖται). Олимпийские игры в честь Зевса Олимпийского проводились с 776 г. до н.э. в Элиде, на северо-востоке Пелопоннеса [14, p. 110–135; 15, p. 11–19, 31–87; 28, p. 24–51]. Программа Олимпийских игр, состоявшая в основном из атлетических и конных состязаний, стала впоследствии основой для других панэллинских игр [18, V, 8, 6–10]. С 7-й Олимпиады (752 г. до н.э.) олимпиоников стали награждать венком из ветвей маслины, которая росла на священном участке Зевса Олимпийского в Альтисе [18, V, 15, 3]. Пифийские игры в честь Аполлона проводились в Дельфах сначала раз в восемь лет, а с 582 г. до н.э. – раз в четыре года, на третий год каждой Олимпиады [21, 177–180]. Программа Пифийских игр состояла в основном из музыкальных состязаний, но с 586 г. до н.э. к ним добавили атлетические и конные состязания. Наградами на

[1] Например, если раб выступит на священных играх, то его отпустят на волю [7, I, 62]; или – если атлет видит во сне смерть, то это означает для него победу на священных играх [7, II, 49].

Пифийских играх с 582 г. до н.э. были венки из ветвей священного лавра из Темпейской долины [18, X, 7, 5]. Истмийские игры проводились к западу от Коринфа каждые два года на Истмийском перешейке. Программа Истмийских игр была ближе к программе Пифийских игр и состояла из атлетических, конных и музыкальных состязаний. Победителей Истмийских игр награждали сосновыми венками, которые позже были заменены на венки из сельдерея [20, 675d–676f]. Немейские игры проводились в долине реки Немеи в Арголиде каждые два года, на второй и четвертый год каждой Олимпиады. Программа Немейских игр состояла из атлетических и конных состязаний[1]. Победители получали венок из дикого сельдерея [20, 676f; 14, p. 139; 15, p. 107].

В эпоху Римской империи к священным играм также относились Акцийские, Капитолийские и Аргосские игры. Акцийские игры были основаны императором Августом, который после победы над Антонием и Клеопатрой реорганизовал древний праздник в честь Аполлона. Программа игр включала в себя спортивные, конные и музыкальные состязания, а также состязания кораблей (в память о битве при Акции). Победителей игр награждали венками из тростника [24, VII, 7, 6; 25, 18; 8, XLI, 1]. Капитолийские игры были учреждены в 86 г. н. э. императором Домицианом в честь Юпитера Капитолийского, и так же, как Акцийские игры проводились в Риме каждые четыре года [26, 4, 4]. Их программа была ориентирована на программу панэллинских игр и включала в себя атлетические, конные и музыкальные состязания, а также рецитации греческих и римских авторов. Капитолийские игры, вместе с Акцийскими и Себастианскими играми, которые были запланированы на тот же год, составляли так называемый «летний тур» по западу для греческих спортсменов [12, p. 32]. Себаста, или Себастианские игры – это название использовали для нескольких игр Римской империи. Самыми важными из них были игры в Неаполе, проводимые раз в четыре года в августе. Праздник, также как и Акцианские игры, был основан Августом во 2 г. н.э. по образцу Олимпийских игр, и вскоре вошел в число самых престижных [24, V, 4, 7; 25, 98, 5; 27, 11, 2; 12, p. 151]. В Аргосе проводились игры в честь Геры, Гекатомбеи, которые позже стали называться Гереи [5, VII, 83].

Олимпийские игры в римское время сохранили свою популярность и значение, которое соответствовало желанию императоров II в. объединить Средиземноморский мир в Pax Romana [17, p. 228]. Олимпионики этого

[1] Музыкальные состязания вошли в состав программы Немейских игр в эллинистический период.

периода были известны не только греческому миру, но и всему Средиземноморью [2]. Популярность Олимпийских игр привела к тому, что в римское время появились так называемые исоолимпийские (ἰσολύμπια – «равноолимпийские») и другие игры (иногда их называли просто «олимпийскими»). Так, местные олимпийские состязания в малоазийской Смирне были основаны при императоре Адриане. Они проводились раз в четыре года и во многом повторяли программу Олимпийских игр [16, p. 224–225].

Олимпийские игры в «Соннике» Артемидора упоминаются семь раз. Чаще всего речь идет о снах, которые видят атлеты или их отцы, отправившиеся вместе с сыновьями в Олимпию: многоборец, который собирался в Олимпию для состязаний в борьбе и в кулачном бою [7, V, 48]; или некий Зоил, который привел двух сыновей на Олимпийские игры для состязания в борьбе и в панкратионе [7, IV, 52]; или Менандр из Смирны, который направлялся в Олимпию [7, IV, 82]. Наибольший интерес представляет книга V, в которой перечислены состязания Олимпийских игр [7, V, 55, 75, 76]. В книге I также упоминается сновидение, связанное с недопуском атлетов к Олимпийским играм: увидевший такой сон человек оказался осужден на работу в рудниках, т. к. его отлучили от участия в священных состязаниях [7, I, 59].

Когда Павсаний посетил святилище в 170-х гг., Олимпия была на пике своего архитектурного развития благодаря императорам-филэллинам. Август, Нерон и Адриан, восхищались священными играми Греции и поддерживали их. Август положил начало культу императора в Олимпии, заново освятив Метроон, внутри которого была установлена его статуя. К югу от Леонидайона в 80-х гг. XX в. было раскопано здание, возможно, начатое Нероном и завершенное при Флавиях, которое, предположительно, было местом собрания олимпиоников и атлетов. Его можно считать первым свидетельством существования спортивной гильдии в Олимпии [23, p. 114–18]. Позже Олимпия заново отстраивалась благодаря филэллинской политике императора Адриана, который провозгласил себя покровителем Греции. На западе от Альтиса были выстроены термы с мозаичным полом, а южнее их – большая гостиница для гостей игр. В Олимпии Адриану были возведены статуи: одна из паросского мрамора – дар от городов Ахейского союза, вторая, янтарная, в храме Зевса Олимпийского, где также были размещены мраморные портреты Адриана и Траяна [18, V, 12, 4]. В сер. II в. Герод Аттик возвел в Олимпии Нимфеон, украшенный статуями императора Антонина Пия и его семьи.

Кроме Олимпийских игр у Артемидора есть упоминание других панэллинских игр, в частности Немейских игр [7, V, 7] и, косвенно, Истмийских игр[1]. В V книге есть отсылка к мифу о Меликерте (Палемоне), связанному с основанием Истмийских игр [7, V, 41]. В римский период в святилище были возведены поздние храмы Посейдона и Палемона. В храме Посейдона была установлена хризоэлефантинная статуя Палемона на дельфине в сопровождении золотых тритонов [18, II, 1, 7]. Палемон был в Истмии важным героем [18, II, 1, 7–8], его изображение чеканили на коринфских монетах при римлянах [12, p. 102].

Интересно, что в I книге Артемидор упоминает игры, учрежденные Адрианом – Адриановы священные игры [7, I, 64], а также италийские Благочестивые игры, учрежденные Антонином Пием в память Адриана [7, I, 26]. М. Голден полагает, что речь идет о празднике Эвсебии в Путеолах, играх в греческом стиле, учрежденных, возможно, в 142 г. н. э. Они проводились каждые четыре года и включали в себя атлетические, литературные и музыкальные состязания (конные и колесничные состязания не были известны) [12, p. 65]. Эвсебия по значению соответствовала Акцийским и Капитолийским играм, как наиболее важным играм греческого стиля, основанных римлянами [7, I, 26]. Также в IV книге упоминаются некие состязания в Риме [7, IV, 42]. Во II в. при Антонинах Рим становится центром греческого атлетизма; известно, что в это время уже существовали международные ассоциации атлетов [17, p. 34 ff]. Адриан позволил атлетическим гильдиям основать штаб-квартиру в Риме.

Целый ряд предсказаний связан с организацией Олимпийских игр. В них упоминаются судьи игр, допуск атлетов к состязаниям, спортивные объекты, а также наградные священные венки. Так, в V книге речь идет о сне, где судьей в отборочных состязаниях юных атлетов выступает сам бог Асклепий [7, V, 13], а в книге I – о недопуске к Олимпийским играм. Так, одному человеку приснилось, что он не допущен к Олимпийским играм и его осудили на работу в рудниках, т.к. его отлучили от участия в священных состязаниях [7, I, 59]. Поэтому, быть не допущенным к состязаниям – это снится всем не к добру, а для больных – к смерти. Допуск к Олимпийским играм был одним из важнейших правил, которое осуществляли элланодики («судьи эллинов»). Именно они решали – допустить или не допустить того или иного атлета, ограничивая, таким образом, круг участников игр. В панэллинских играх была четко обозначена граница, которая отделяла

[1] Кроме того, в V книге есть упоминание статуи Посейдона на Истме [7, V, 1].

атлетов, допущенных к играм, от тех, кто не имел права принимать в них участие: рабов [1, p 44], метэков, варваров, женщин [1, p. 40]. Однако в римское время ситуации изменилась. Атлеты приезжали в Олимпию со всего Средиземноморья, т. к. олимпийская победа по-прежнему считалась в высшей степени почетной, и успешно конкурировали с греческими атлетами. Т. Сканлон справедливо отмечает, что, в связи с этим меньше побед доставалось, соответственно, греческим атлетам, т. к. победителями часто становились атлеты, прибывшие из Малой Азии, Египта и Африки [22, app. 2.1]. Чествование побед таких «новых» победителей в Олимпии стало уменьшаться во II в., пропорционально тому, как оно увеличивалось в городах Малой Азии. Очевидно, олимпийские победы имели большой престиж, если их предпочитали пышно отмечать в городе победителя, а не в Олимпии [9]. Д. Кайл полагает, что некоторые инциденты, связанные с нарушениями правил Олимпийских игр, могут объясняться появлением новых участников игр [14, p. 318]. Так, например, еще Павсаний обратил внимание на штрафы, наложенные на египетских борцов (между 93 и 125 гг. до н.э.) – один из которых солгал о том, почему он опоздал к началу игр, двое других были замешаны во взяточничестве, а один снялся с соревнований за день до поединка [18, V, 21, 12–8]. На склоне горы Кронос между Метрооном и стадионом были возведены Заны, медные статуи Зевса, которые устанавливались за счет штрафных денег нарушивших правила атлетов. Надписи на цоколе таких статуй «рассказывали» о проступках штрафников. Мраморные статуи Немезиды (или Тихе) были установлены по обе стороны входа в туннель стадиона, возможно, во II в., и символизировали порядок и карающее правосудие для нарушителей игр [10, p. 49, 54, 65–66, 89–90].

Артемидор замечает, что для мальчиков-атлетов не допуск к играм ничего плохого не означает, а для взрослых атлетов – напротив, снится к неудаче [7, I, 59]. В греческой атлетике было несколько систем возрастной классификации атлетов. На Олимпийских играх с 632 г. до н.э., а вслед за ними, и на Пифийских играх было введено разделение атлетов на две возрастные категории: παῖδες («мальчики») и ἄνδρες («мужчины»), тогда как на Истмийских и Немейских играх, а также на многих местных играх позже появилось разделение на три возрастные группы: ἄνδρες («мужчины»), ἀγένειοι («юноши») и παῖδες («мальчики»). Но позднее, в эллинистическое время, стали возникать новые системы. На некоторых играх (например, на Асклепиях на Косе) атлеты могли подразделяться еще на две дополнительные группы: παῖδες Πυθικοί – «Пифийские мальчики» и παῖδες Ἰσθμικοί – «Истмийские мальчики» [12, p. 4]. Судьи тщательно проверяли

возрастной группы атлетов, верхние и нижние границы их возраста, и принимали решение, не объясняя причины о допуске/не допуске атлетов к состязаниям [18, V, 24, 10].

В «Соннике» также упоминается и спортивная архитектура – гимназий [7, V, 3], стадион [7, V, 76; 78], ристалище [7, IV, 82]. Особенно часто в сновидениях речь идет о венках, и о наградных венках, в частности. В первой книге упоминаются венки из цветов, деревьев и металлов; так, увидеть во сне венки из сельдерея на поминальных состязаниях для больных людей – к смерти от водянки, а для атлетов – к добру; венки из финиковой пальмы и оливковые венки – к браку со свободной женщиной и к детям с долгой жизнью (т. к. финик означает сына, а олива – дочь). Если эти венки снятся атлетам и беднякам, то это всегда к славе и прибыли соответственно, а рабам – к свободе. Венки из дуба и лавра снятся к разоблачению тайн, венки из винограда и плюща – к пользе служителям праздников Диониса [7, I, 77]. Во II книге упоминаются деревья, из ветвей которых могли быть изготовлены венки: маслина, которая означает женщину, а также состязание, начальствование и волю, снится к добру; лавр, который означает зажиточную и красивую женщину – к странствию, бегству и несбывшимся ожиданиям; увидеть сосну для корабельщиков означает корабль, а для всех остальных – неприятности и бегство; а белый тополь снится к добру для атлетов [7, II, 25]. Отдельно стоит отметить упоминание венков, которые были наградами на панэллинских играх: оливковый венок на Олимпийских играх [7, V, 55; V, 95], венок из сельдерея на Немейских играх [7, V, 7], победный венок за состязания в борьбе [7, IV, 82]. Кроме того, упоминается венок, который снится не на голове атлета – некий Зоил увидел во сне, что у его сыновей, которых он привел в Олимпию сражаться в борьбе и в панкратионе, оливковые венки одеты на лодыжки. Сон оказался к смерти, так как венки были недалеко от земли [7, IV, 52].

В сновидениях часто упоминаются состязания из программы Олимпийских игр, особенно бег и единоборства, среди которых, несомненно, большинство посвящены борьбе [7, I, 26; I, 56; I, 60; II, 32; IV, 82; V, 7; V, 13; V, 45; V, 48; V, 75–76]. Причем в четырех случаях речь идет о многоборцах [7, V, 45; V, 48; V, 75–76], а в одном – о многоборцах в Олимпии [7, V, 48]. Кулачный бой и его участники [7, I, 61; II, 32], также как и панкратион и панкратиаст [7, I, 62; IV, 42] упоминаются дважды. В семи случаях во снах фигурирует бег и бегуны [7, I, 26; I, 56; I, 58; I, 63; V, 55; V, 78–79], один раз – пятиборье [7, I, 57]. Кроме того, один раз упоминаются состязания с обручем, с мячом, с гирями, прыжки на вздутом мехе, чехарда [7, I, 55]. В

книге I подряд перечисляются конные упражнения [7, I, 56], пятиборье [7, I, 57], разные виды бега [7, I, 58], допуск/не допуск к состязаниям [7, I, 59], борьба [7, I, 60], кулачный бой [7, I, 61], панкратион [7, I, 62], гоплитодромос [7, I, 63].

Атлеты (без уточнения их специализации) упоминаются в «Соннике» четыре раза: сон о рождении для атлета снится к беде, т.к. младенец не может ни ходить, ни бегать, не бороться с кем-либо [7, I, 13], сон о том, как атлет стал медным снится к победе, т.к. атлет получит медную статую [7, I, 50]; белый тополь снится атлету к добру из-за Геракла (т.к. священным деревом Геракла считался тополь) [7, II, 25]; смерть для атлета снится к победе на священных играх [7, II, 49]. Иногда упоминаются имена атлетов, которые видят сон: панкратиаст Менипп из Магнезии [7, IV, 42], борцы Леон из Сирии и Менандр из Смирны [7, IV, 82]; Зоил, отец двух борцов на Олимпийских играх [7, IV, 52]. Тренер упоминается только один раз, в истории борца Леона [7, IV, 82].

Все сновидения со «спортивной» тематикой можно разделить на два вида: или атлет видит некий сон, или состязания снятся кому-либо, в том числе и атлету. Если отметить особенности первого вида сновидений, то чаще всего сон пророчит атлетам победу или поражение [7, I, 13; I, 26; I, 50; II, 37; II, 49; IV, 42; IV, 82; V, 44; V, 45; V, 55; V, 78; V, 95]. Интересно, что сновидения, связанные с рождением детей, чаще всего грозят атлетам неудачей: сон, в котором атлету снится его рождение, принесет ему вред [7, I, 13]; атлет, которому приснилось, что он забеременел – ослеп [7, V, 44], а многоборец, которому снится, что он родил ребенка – проиграл состязания [7, V, 45]. Тогда как сновидения, в которых атлету был нанесен некий вред здоровью – чаще всего снятся к удаче: так, потеря глаза во сне сулит борцам поражение, но бегуну – победу [7, I, 26]. Одному бегуну накануне священных игр приснилось, что он чистит метлой водопроводную трубу; сон оказался к удаче, т. к. он выиграл на следующий день состязание, накануне которого прочистил себе желудок [7, V, 78]. Некий атлет видит во сне, что он оскопил себя и был увенчан оливковым венком. Сон оказался к удаче, атлет стал победителем священных игр. Однако удача была с ним, пока он оставался девственником, а когда атлет начал вести активную половую жизнь, его спортивные успехи сошли на нет [7, V, 95]. Рассказ об этом атлете заставляет вспомнить историю знаменитого пятиборца Икка, сына Николаида, из Тарента, олимпионика 444 г. до н.э. (?), который был одним из тех немногих атлетов, кто верил в пользу сексуального воздержания во время тренировок. Впоследствии Икк стал одним из лучших тренеров. Известно, что он

тренировал двух других пятиборцев из Тарента, победивших в нач. V в. до н.э. [18, VI, 10, 54; 12, p. 87].

В ряде случаев атлет видит во сне смерть. Артемидор отмечает, что смерть для атлета – к победе, т. к. умершие и победившие доходят до последней черты [7, II, 49]. Так, Менандру из Смирны по пути в Олимпию приснилось, что его зарыли на ристалище. Сон оказался к победе, он стал олимпиоником [7, IV, 82]. Более сложный сон видит борец Леон из Сирии. Когда он собирался на состязания в Рим ему приснилось, что он умер, и его тело несут в похоронной процессии. Леон выиграл состязание, но не смог получить награду из-за действий тренера [7, IV, 82]. «Сновидец был удачлив в состязании, выступив с успехом, но, когда собирался получить победный венок, тренер этому воспрепятствовал и не позволил ему стяжать награду. Ведь получив деньги, тренер не разрешил ему принять участие в борцовских состязаниях за венок» (*Пер. И.А. Левинской*) [7, IV, 82].

В сновидениях, связанных со спортивными сюжетами, часто упоминаются божества: Посейдон Гиппий (Конный) [7, I, 56], Гермес [7, II, 37], статуя Посейдона на Истме [7, V, 1], Асклепий [7, V, 13], Меликерт [7, V, 41], Геракл [7, II, 37]. Из них Гермес снится атлету к добру [7, II, 37], так же как и Геракл снится к добру для тех, кто собирается на состязание [7, II, 37]. Гермес и Геракл почитались как покровители атлетики: Гермес – как бог покровитель бега, а Геракл – единоборств. Интересно и упоминание бога врачевания Асклепия, который приснился в роли судьи юному борцу накануне отборочных состязаний – Асклепий отстранил его от состязаний. Сон оказался пророческим – перед состязаниями юноша умер, потому что «бог отстранил его не от соревнований, а от жизни, над которой он и надзирает, как принято думать» (*Пер. Э.Г. Юнца*) [7, V, 13].

В книге V упоминается алтарь Зевса в Олимпии: «Одному человеку, который привел на состязания в Олимпию своего сына-многоборца, приснилось, будто сына приговорили к закланию на алтаре Зевса, но он причитаниями и просьбами вымолил сыну прощение. Сын был допущен к состязаниям, принял в них участие и хотя был очень близок к победе, все же потерпел поражение, – потому что, не достигнув кончины во сне, не мог достичь победы и всенародной славы наяву и потому, что таких великих почестей, как олимпийские победители, удостаиваются лишь те, кого (в сновидениях) публично приносят в жертву» (*Пер. Э.Г. Юнца*) [7, V, 75]. Возможно, здесь речь идет о главном алтаре Зевса в Олимпии, который являлся центром Альтиса. Сохранилось описание Павсанием этого алтаря, который напоминал курган, поднимавшийся на несколько метров, т.к. он

стоял на насыпи, образовавшейся из пепла жертвенных животных, смешанных с водой [18, V, 13. 8–10]. В книге V также речь идет о статуе Посейдона на Истме «Одному человеку приснилось, будто его приковали цепью к подножию статуи Посейдона на Истме. Он стал жрецом Посейдона, и с тех пор ему нельзя было отлучаться от места своего жречества» (*Пер. Э.Г. Юнца*) [7, V, 1]. Павсаний описывает святилище Посейдона на Истме во времена Адриана, центром которого был храм Посейдона, а также упоминает группу статуй внутри него – статуи Посейдона и Амфитриты [18, II, 1, 7]. Кроме того, Павсаний также сообщает, что рядом с храмом Посейдона располагалось святилище Палемона, в котором были установлены статуи Посейдона, Левкотеи и самого Палемона [18, II, 2, 1].

Артемидор приводит ряд сновидений, в которых речь идет о неких нарушениях или изменениях правил игр. Например, панкратиасту Мениппу из Магнезии накануне состязаний снился сон, как во время его выступления наступила ночь, что стало предвестием прекращения его выступлений [7, IV, 42]. Упоминание о затянувшемся поединке не случайно. В кулачном бою и в панкратионе не было ограничения боя по времени, бой продолжался до тех пор, пока кто-либо из атлетов не признавал себя побежденным [18, VI, 10, 2], или в случае нокаута, когда победителем считался тот боец, который сбивал соперника мощным ударом с ног. Поэтому поединки панкратиастов и кулачных бойцов могли затянуться до ночи. С Тиберием Клавдием Руфом, знаменитым панкратиастом из Смирны (нач. I в. н.э.) произошел подобный случай. На Олимпийских играх он бился с соперником до наступления темноты и судьи решили прекратить бой, назначив ничью. Интересно, что Руф прошел все этапы борьбы, т. е. был ἀνεφεδρος и встретился в финале с борцом, которому по жребию досталось быть эфедром (ἔφεδρος). Несмотря на то, что бой по решению судей закончился вничью, элейцы, впечатленные его выносливостью в борьбе против человека, который был эфедром, и сохранил силы для финала, сочли Руфа достойным наград и привилегий победителя [12, p. 40]. В другом случае Артемидор описывает ситуацию, когда бегуну снится следующий сон: «Одному бегуну, который выиграл юношеский забег в Олимпии и собирался принять участие в другом состязании, приснилось, будто он моет ноги в олимпийском венке, словно в тазу. Он проиграл очередное состязание и бесславно покинул беговую дорожку, потому что опозорил свою предыдущую награду» (*Пер. Э.Г. Юнца*) [7, V, 55]. Осквернение священной награды привело к поражению! У Артемидора также есть упоминание о жертвоприношениях на алтаре Зевса: «Одному человеку, который привел на состязания в Олимпию своего сына-

многоборца, приснилось, будто сына приговорили к закланию на алтаре Зевса, но он причитаниями и просьбами вымолил сыну прощение. Сын был допущен к состязаниям, принял в них участие и хотя был очень близок к победе, все же потерпел поражение, – потому что, не достигнув кончины во сне, не мог достичь победы и всенародной славы наяву и потому, что таких великих почестей, как олимпийские победители, удостаиваются лишь те, кого (в сновидениях) публично приносят в жертву» (*Пер. Э.Г. Юнца*) [7, V, 78].

Иногда атлетам снятся некие метаморфозы. Если во сне человек стал золотым или серебряным, то больному такой сон предвещает смерть, а атлету – победу [7, I, 50]. Большой интерес вызывает следующий сон: «Одному бегуну, который готовился к священному состязанию, приснилось, будто он с глиняным кувшином пришел к источнику набрать воды; пока он подходил к источнику, вода текла, но только он подошел к трубе и хотел зачерпнуть, как вода перестала течь. Подождав некоторое время в сторонке, он опять подошел, и снова вода перестала течь. То же самое повторилось и в третий раз. Кончилось тем, что вода вообще перестала течь, так что он потерял терпение, швырнул кувшин оземь и разбил его. Этот бегун пришел к финишу одновременно со своим соперником, и хотя победа была скорее на его стороне, его заставили бежать еще раз. И во второй раз он достиг финишной черты одновременно со своим противником, так что пришлось ему бежать в третий раз, и сколь ни близок он был к успеху, одержать победу ему не удалось, потому что его соперника поддерживал, как выяснилось, сам распорядитель соревнований. Можно, таким образом, источник сравнить с соревнованием, водоотводную трубу – с судьей, воду – с наградой победителя, глиняный кувшин – с подготовкой атлета, неудачу в попытке набрать воды из трубы – с неудачей в достижении победы из-за предвзятости судьи, а напрасную подготовку атлета – с разбитым кувшином» (*Пер. Э.Г. Юнца*) [7, V, 78]. Данная статья представляет интерес с точки зрения судейства в беге. Победитель в беге определялся при пересечении финишной черты по решению судей с помощью визуального наблюдения. Павсаний сообщает об инциденте, который имел место на 96-й Олимпиаде в 396 г. до н.э., когда победителем в коротком беге был объявлен Эвполем из Элиды [18, VI, 3, 1]. Его соперников был Леонт из Амбракии. Состязания в беге судили трое судей, и двое из них признали победителем Эвполема, а третий – Леонта. Последний подал жалобу в Совет Элиды на пристрастное решение судей, обвинив двоих судей, которые признали победу Эвполема, в подкупе, за что каждый из них был оштрафован. Однако это не принесло победы Леонту, т.к.

Совет вынес свой вердикт уже после награждения Эвполема, а награда, имевшая сакральное значение, не могла быть отнята у атлета [18, VI, 3, 7; VIII, 45, 4].

А. И. Зайцев отмечает, что «Сонник» Артемидора, «значительная часть содержания которого традиционна, уделяет большое внимание сновидениям, связанным с агонами, что должно как-то отражать характер реальных сновидений греков» [3, с. 133]. Очень редко сны со спортивной тематикой видят сами атлеты: сон, в котором лошадь или колесница, запряженной четверкой взрослых лошадей означает смерть, но для атлетов-тяжелоборцев такая колесница снится к добру и к победе, а для бегунов – к поражению [7, I, 56]. Интересно, что Артемидор дважды упоминает борца и бегуна в одном сне, и всегда итог для каждого их них прямо противоположный [7, I, 60].

Более подробно в «Соннике» описываются отдельные виды спорта, которые являются в сновидениях разным людям [7, I, 56–63]. Скакать верхом на лошади или ехать на колеснице – к добру для всех. Упряжка четверкой для атлетов-единоборцев снится к добру и победе, а для бегунов, наоборот, к поражению [7, I, 56]. Далее упоминается пятиборье [7, I, 57]. Греческое пятиборье состояло из прыжков, метания копья и метания диска, бега на 1 стадий и борьбы. Бег и борьба в программе Олимпийских игр, а также панэллинских игр, проводились и как самостоятельные состязания, и как часть пятиборья. В составе пятиборья бег и борьба проводились по тем же правилам, как и в индивидуальном состязании. Нам известны те дисциплины, которые входили в состав пятиборья, но не их очередность. Поэтому, эта ссылка на пятиборье, хотя и единственная в «Соннике», представляет большой интерес, т. к. в ней подробно перечисляются все виды пятиборья. Пятиборье снится к дальней поездке, т. к. бег указывает на дальнюю дорогу, а диск указывает на штрафы, непредвиденные расходы и дорожные издержки, т.к. он медный и вырывается из рук. Прыжки в длину с гантелями[1] указывают на заботы и огорчения (т.к. на того, на кого свалилось несчастье, говорят, что он «сбился с ног»). Кроме того, пятиборье означает ссоры и драки, т.к. метание копья сопровождается быстротой и свистом, также как и раздраженные слова. Борьба указывает на ссору из-за земли у богатых, а болезнь – для бедных [7, I, 57]. Таким образом, в «Соннике» Артемидора порядок состязаний пятиборья следующий – бег, диск, прыжки, копье, борьба [7, I, 57]. Следует отметить, что у нас очень мало упоминаний в источниках всех состязаний, включенных в пятиборье, и очередность, в

[1] Халтеры – свинцовые гири или гантели, которыми взмахивали в момент прыжка, а потом отбрасывали их назад, что придавало телу дополнительное ускорение [18, V, 26, 3].

которой упоминаются состязания, везде различная. В трактате Филострата «О гимнастике» порядок пятиборья выглядит следующим образом – борьба, метание диска, метание копья, прыжки и бег [19, 3]. Интересный пример представляет эпиграмма Лукиллия, посвященная неудачливому пятиборцу, который оказался худшим во всех пяти состязаниях – борьбе, беге, диске, прыжке, копье [4, XI, 84]. Э. Гардинер отмечал, что поздние авторы и схолиасты указывали достаточно произвольно состязания, вошедшие в состав пятиборья и отмечает крайнюю ненадежность сведений поздних схолиастов и лексикографов [11, p. 361].

За пятиборьем следуют описания бега. Победа в коротком беге снится к добру для всех, кроме больных, т. к. все достигают предела своих намерений, а больные предела жизни. Двойной бег и длинный бег также снятся к добру, только через какое-то время; для женщин длинный бег означает блудный образ жизни [7, I, 58].

Состязания в беге были основой программы Олимпийских игр. Первым состязанием на Олимпийских играх был «короткий» бег (776 г. до н.э.), а первым известным олимпиоником – Кореб из Элиды [18, V, 8, 6–7]. В коротком беге атлеты преодолевали дистанцию в 1 стадий[1] по прямым дорожкам, которые были отмечены известью; ширина дорожек могла быть от 88 до 92 см. Атлеты занимали позицию «ступня к ступне» у стартовой черты перед беговыми дорожками, отделенными друг от друга каменными столбами. На 14-й Олимпиаде (724 г. до н.э.) к «короткому» бегу добавили «двойной» бег на 2 стадия. Атлеты бежали по прямой дорожке на расстояние в 1 стадий до поворотного столба, который огибали против часовой стрелки и бежали обратно по параллельной дорожке [15, p. 34]. На 15-й Олимпиаде (720 г. до н.э.) в программу Олимпийских игр был включен «длинный» бег [18, V, 8, 6–7]. Так как программа Олимпийских игр впоследствии стала основой многих панэллинских и местных праздников, то состязания в беге являлись составной частью атлетической программы многих праздников, в том числе и римских. При Августе состязания в беге проводились на арене Большого цирка (Circus Maximus) [25, 43, 2].

Далее в «Соннике» речь идет о единоборствах, и в первую очередь о борьбе [7, I, 60]. Артемидор подробно описывает разные вариации сновидений с борьбой, где победа всегда к добру [7, I, 60]. А вот кулачный бой видеть во сне всем во вред – это означает позор и убыток: искалеченное лицо атлета вызывает ужас, а потеря крови сродни потери денег [7, I, 61].

[1] Стадий в Олимпии был равен 192,28 м, стадий в Дельфах – 177,55 м, в Немее – 178 м, в Коринфе – 165 м [12, p. 157–158].

Артемидор подчеркивает, насколько этот вид спорта был опасным. Искалеченное лицо кулачного бойца также высмеивает в своих эпиграммах Лукиллий [4, XI, 75 ff.]. Между тем уже во II в. до н.э. кулачные бои пользовались у римлян такой популярностью, что все остальные публичные развлечения отступали перед ними на задний план. Так, Теренций в прологе к своей комедии «Свекровь» сетует на то, что ее первая постановка была сорвана, поскольку публика сбежала, не досмотрев до конца пьесу, на выступления циркачей и кулачных бойцов [6, 27–36]. За кулачным боем следует панкратион, значение которого во сне такое же, что и борьбы с кулачным боем, только ссоры еще тяжелей из-за драки [7, I, 62]. Артемидор завершает описание состязаний гоплитодромом, который во сне означает промедление, т. к. это самое последнее состязание, а для больных означает смерть [7, I, 63]. Бег гоплитов в доспехах стал последним состязанием гимнического агона Олимпийских игр; он был введен в программу на 65-й Олимпиаде (520 г. до н.э.) [18, V, 8, 30]. М. Голден отмечал, что после введения бега вооруженных гоплитов в 520 г. до н.э. спортивная программа Олимпийских игр оставалась практически неизменной в течение почти 900 лет [12, p. 144].

Все вышеперечисленное показывает, что автор «Сонника» был хорошо знаком как с программой Олимпийских игр, так и с современной ему ситуацией в спорте Римской империи. Сочинение Артемидора является уникальным источником по истории античного спорта.

Литература

1. *Гвоздева Т.Б.* Возрастные категории атлетов на Олимпийских играх античности // Современный юрист. 2019. № 3 (28). С. 28–37.
2. *Гвоздева И.А., Никишин В.О.* Греческая агонистика в общественной жизни Древнего Рима // Олимпийские игры в политике, повседневной жизни и культуре (от античности до современности). СПб.: Алетейя, 2021. С. 137–156.
3. *Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. Изд. 2-е, испр. и перераб. СПб., 2000. 320 с.
4. *Лукиллий*. Эпиграммы греческой антологии / под ред. М. Гаспарова, Ю. Шульца. М.: Терра, 1999. 725 с.
5. *Пиндар*. Олимпийские оды // Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты / изд. подг. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1980. 503 с.
6. *Теренций*. Свекровь // Теренций. Комедии / пер. А.В. Артюшкова. (Серия «Античная драматургия»). М.: Искусство, 1988. 480 с.

7. *Artemidorus.* Artemidori Daldiani Onirocriticon libri V. Recogn. R.A. Pack. Lipsiae, 1963.

8. *Cassius Dio.* Historiae Romanae. Vol. I–IX / transl. E. Cary / The Loeb Class. Libr. 32, 37, 53, 66, 82–83, 175–177. Cambr., 1914–1927.

9. *Farrington A.* Olympic Victors and the Popularity of the Olympic Games in the Imperial Period // Tyche. 1997. Vol. 12. P. 15–46.

10. *Hornum M.B.* Nemesis, the Roman State, and the Games. Leiden, 1993.

11. *Gardiner E.N.* Greek Athletic Sports and Festivals. L., 1910. 533 p.

12. *Golden M.* Sport in the ancient world from A to Z. L., N.Y., 2004.

13. *Herodotus*. Historiae / ed. Ph.–E. Legrand. Herodote. Histoires, 9 vols. Vol. 9. Paris, 1954, repr. 1968.

14. *Kyle D.* Sport and Spectacle in the Ancient World. Malden, 2007.

15. *Miller S.G.* Ancient Greek Athletics. New Haven; L., 2004. 288 p.

16. *Moretti L.* Iscrizioni agonistiche greche. Roma, 1953. 286 p.

17. *Newby Z.* Greek Athletics in the Roman World. Victory and Virtue. N.Y., 2005. 228 p.

18. *Pausanias*. Graeciae descriptio / ed. F. Spiro, Pausaniae Graeciae descriptio, 3 vols. Leipzig 1903 (repr. Stuttgart 1:1967).

19. *Philostratus*. De gymnastica, Heroicus, Vita Apollonii / ed. C.L. Kayser, Flavii Philostrati opera, vols. 1–2. Leipzig 1:1871, 2:1870 (repr. Hildesheim 1964).

20. *Plutarchus*. Quaestiones convivales, De sollertia animalium / ed. C. Hubert, Plutarchi moralia, Vol. 4, 6.1. Leipzig, 1938, repr. 1971; 1954, repr. 1959.

21. *Romano D.G.* Athletic Festivals in the Northern Peloponnese and Central Greece // A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity / ed. P. Christesen and D.G. Kyle. Wiley Blackwell, 2014. P. 176–191.

22. *Scanlon T.F. Eros and Greek Athletics.* Oxford, 2002.

23. *Sinn U.* Olympia: Cult, Sport and Ancient Festival / trans. T. Thornton. Princeton, [1996] 2000.

24. *Strabo.* Geographia. Vol. I–VIII / engl. transl. by H.L. Jones / The Loeb Class. Libr. 49, 50, 182, 196, 211, 223, 241, 267. Cambr., 1917–1932.

25. *Suetonius.* Augustus // Suetonius. Vitae Caesarum. Vol. I–II / transl. J.C. Rolfe / The Loeb Class. Library 31, 38. Cambridge, 1914.

26. *Suetonius.* Domitianus // Suetonius. Vitae Caesarum. Vol. I–II / transl. by J.C. Rolfe / The Loeb Class. Libr. 31, 38. Cambridge, 1914.

27. *Suetonius.* Claudius // Suetonius. Vitae Caesarum. Vol. I–II / transl. by J. C. Rolfe / The Loeb Class. Libr. 31, 38. Cambridge, 1914.

28. *Young D.C.* A Brief History of the Olympic Games. L., 2004. 184 p.

ДРЕВНИЙ РИМ / ANCIENT ROME

Михайловский Ф.А.

Московский педагогический
государственный университет

Государственно-правовое положение Октавиана в 32 г. до н.э.: несколько точек зрения

Аннотация. По мнению большинства исследователей, второй (и последний) срок триумвирата завершился 31.12.33 г. до н. э. и в 32 г. до н.э. Октавиан уже не являлся триумвиром. Для одних исследователей за ним сохранились триумвирские полномочия вплоть до января 27 г. до н.э. и его власть оставалась законной (Т. Моммзен, Ф.Дж. Вервет и др.), для других это была узурпация (А.Б. Егоров, Я.Ю. Межерицкий, Н.В. Чеканова), для третьих у него остались не триумвирские, а проконсульские полномочия, но Октавиан утратил и их, нарушив границу померия и совершив государственный переворот (И. Кромайер и др.), для четвертых, он их сохранил, осмотрительно избежав нарушений (К. Жирарде, А. Джованини). Наконец, есть и те, кто считает, что в 32 г. до н. э. Октавиан оставался триумвиром (Э.Д. Гримм, Ф.Дж. Вервет) – это внесло бы ясность в ситуацию 32 г. до н. э., но принципиально не меняет вопрос о полномочиях Октавиана в последующие годы, предшествовавшие знаменитому «восстановлению республики».

Ключевые слова: второй триумвират, Октавиан Август, принципат, магистратура, империй.

Mikhailovsky F.A.

MPSU

The state and legal status of Octavian in 32 BC: several points of view

Abstract. According to most researchers, the second (and last) term of the triumvirate ended on 31.12.33 BC and in 32 BC Octavian was no longer a triumvir. For some researchers, he retained triumvirate powers until January 27 BC and his power remained legitimate (T. Mommsen, F. J. Vervet, etc.), for others it was usurpation (A. B. Egorov, Ya. Yu. Mezheritsky, N. V. Chekanova), for others he did not have triumvirate, and the consular powers, but Octavian also lost them, violating the border of pomeria and committing a coup d'etat (I. Kromayer et al.), for the fourth, he retained them, carefully avoiding violations (K. Girardet, A. Giovanini). Finally, there are those who believe that in 32 BC Octavian remained a triumvir (E.D. Grimm, F. J. Vervet) – this would clarify the situation in 32 BC, but does not fundamentally change the question of Octavian's powers in the following years preceding the famous «restoration of the republic».

Keywords: the second triumvirate, Octavian Augustus, principate, magistracy, imperium.

Государственно-правовое положение Октавиана (Августа) в различные периоды его карьеры является одной из специальных тем в историографии принципата. При этом, возможно, наиболее дискуссионен его статус в 32 г. до н. э., начинающем своего рода интервал между триумвиратом и принципатом. По словам К. Криста, «Для истории возникновения принципата Августа 32 г. до н.э. имеет такое же значение, как эпохальный 27 г. до н.э.» [7, с. 102].

В 32 г. до н. э. произошел разрыв между Октавианом и Антонием. В самом начале года Октавиан подвергся атаке консулов, сторонников Антония; после этого он явился в сенат в окружении солдат и занял курульное кресло между консулами, которые вскоре были вынуждены бежать к Антонию на Восток (за ними последовала часть сената); на сторону Октавиана перешли два видных антонианца, сообщившие о компрометирующих Антония пунктах его собственного завещания;

Октавиан завладел завещанием, хранившимся у весталок; Антоний был лишен всех полномочий и консульства на следующий год; наконец, была развязана война против Клеопатры и Октавиану была принесена клятва населением Италии и западных провинций. Для созыва сената и комиций, для командования легионами и ведения войны Октавиан должен был иметь империй, между тем его государственно-правовое положение не вполне понятно.

Проблема статуса Октавиана в 32 г. до н.э. непосредственно связана с дискуссией об окончании срока второго триумвирата. Как известно, 27 ноября 43 г. до н.э. по закону плебейского трибуна П. Тиция триумвиры получили власть на пять лет – с 1 января 42 г. до н.э. по 31 декабря 38 г. до н.э. ([1, XVI (4). 7; 6; 19, XLVII. 2. 1–2] см. также: [8, Периохи, 120; 19, XLVI. 55. 3]). Они продлили триумвират еще на пять лет по соглашению в Таренте [1, XVII (5). 95] которое имело место в 37 г. до н.э., т. е. по истечении срока, определенного законом Тиция.

Вопрос о времени заключения Тарентинского соглашения исследовал И. Кромайер [26, s. 51–57]. Он пришел к выводу, что соглашение состоялось в сентябре или октябре 37 г. до н.э. [26, s. 57]. Кр. Пелинг [12, c. 42] датирует соглашение июлем – августом. А. Джованнини весной или летом [20, p. 160]. Так или иначе значительную часть года триумвират не был юридически оформлен. При этом Дион Кассий относит Тарентинское соглашение даже к началу следующего, 36 г. до н. э. [19, XLIX. 1. 1].

Но с какого времени триумвиры отсчитывали новое пятилетие своей магистратуры? Если с 1 января 36 г. до н. э., тогда в 32 г. до н.э. Октавиан и Антоний оставались триумвирами, но 37 г. до н.э. пришлось бы считать перерывом в триумвирате, что довольно странно. Если они оформили продление триумвирата с 1 января 37 г. до н.э., тогда повторный срок истек 31 декабря 33 г. до н. э. и, таким образом, в 32 г. до н.э. Октавиан не занимал никакой магистратуры. В таком случае на каком конституционном основании он командовал войсками и начал войну?

Большинство исследователей всегда было убеждено, что повторный срок триумвирата истек 31 декабря 33 г. до н.э., о чем имеются прямые указания источников. Важнейшее среди них – заявление самого Августа, что триумвиром для устроения государства он был десять лет подряд [13, 7. 1]. Кроме того, о десятилетнем сроке триумвирата пишет Светоний [14, Август, 27. 1] и свидетельствуют Капитолийские фасты [5]. Наконец, в Периохах Ливия о 32 г. до н. э. сказано, что Антоний не желает «по истечении срока триумвирата сложить с себя власть» [8, Периохи, 132].

В связи с этим было предложено несколько объяснений государственно-правового положения Октавиана в 32 г. до н.э., восходящих в основе к двум противоположным оценкам – Т. Моммзена и И. Кромайера [27; 26].

Т. Моммзен считал, что установленный законом срок триумвирата не был юридически обязательным для триумвиров, поскольку они были наделены чрезвычайной учредительной властью [27, s. 697], как в свое время децемвиры и диктатор Л. Корнелий Сулла [27, s. 682 след.]. Таким образом, Октавиан сохранял чрезвычайные полномочия, на основании которых мог осуществлять реорганизацию государства, вплоть до января 27 г. до н.э., когда, наконец, их добровольно сложил [27, s. 698]. Тем самым установление принципата предстает как вполне конституционный процесс, как непосредственное продолжение основанного на законе триумвирата.

Вслед за Т. Моммзеном этой точки зрения придерживались и придерживаются многие исследователи. Среди авторов специальных работ, посвященных второму триумвирату и конституционной ситуации 32 г. до н.э., можно назвать В. Кольбе и Э. Петцольда [25; 28]. Первый рассматривал три основные проблемы. Во-первых, правовую основу повторного срока триумвирата. В. Кольбе доказывал, что соглашение триумвиров в Таренте было санкционировано комициями, т. е. основывалось на законе и содержало указание на новый пятилетний срок [25, s. 276–278]. Во-вторых, В. Кольбе рассмотрел вопрос об окончании Второго триумвирата. Хотя, по его мнению, триумвират формально закончился 31.12.33 г. до н.э., Октавиан сохранил триумвирские полномочия и в 32 г. до н. э. На это, будто бы, указывает ряд обстоятельств: Октавиан обсуждал с консулами 32 г. до н.э. послание Антония, для чего нужно было быть магистратом; он созвал сенат именно на основании триумвирской власти; и занял курульное кресло между консулами именно как триумвир. Что касается появления Октавиана в сенате в окружении солдат, В. Кольбе, ссылаясь на пример из истории революции 1848–1849 гг. в Германии, рассматривал эти действия как обеспечение правопорядка, а не как государственный переворот – тем более, что Октавиан собирался на следующем заседании представить доказательства обвинений в адрес Антония, т. е. стремился бороться законными средствами [25, s. 283–287]. Наконец, в-третьих, В. Кольбе рассмотрел правовое положение Октавиана в 32–27 гг. до н. э. и пришел к выводу, что Октавиан отказался от власти триумвира только в январе 27 г. до н. э. [25, s. 291–295].

Э. Петцольд в статье «Значение 32 года для становления принципата» вообще отрицал реальное значение юридического окончания триумвирской власти для оценки исторической важности 32 г. до н.э., поскольку

триумвиры, подобно римским диктаторам, не были связаны правовыми ограничениями [28, s. 337–339]. Власть Октавиана оставалась триумвирской и даже была увеличена после Акция добавлением доли Антония [28, s. 346, n. 46]. Наибольшее внимание Э. Петцольд уделил толкованию известного заявления Августа в «Res Gestae»: «погасив гражданские войны и с общего согласия овладев верховной властью» [13, 34.1]. Он пришел к выводу, что указание на гражданские войны относится здесь к войне против Антония [28, s. 340], а основой единоличной власти принцепса было «общее согласие» [28, s. 348].

В отечественной историографии также превалирует мнение, что Октавиан был наделен чрезвычайными, триумвирскими по происхождению, полномочиями вплоть до января 27 г. до н.э. Но, в отличие от Т. Моммзена, удержание полномочий триумвира после окончания триумвирата современными исследователями признается узурпацией.

Впрочем, крупнейший специалист по принципату Августа советского времени Н. А. Машкин, по сути, оставлял вопрос открытым и об «узурпации» не писал. Отметив, что полномочия триумвира истекли в конце 33 г. до н. э., он указывал, что «Октавиан не сложил их, но и не считал, видимо, возможным ими пользоваться». Отметив далее, что с 31 г. до н. э. Октавиан избирался консулом, исследователь писал: «но власть его была шире, чем это было предусмотрено консульскими полномочиями» [9, с. 378] что, по мнению Н.А. Машкина, во всяком случае, не базировалось на клятве 32 г. до н. э., которая, «не имела публично-правового значения» и «должна была дать не столько юридическую, сколько моральную санкцию действиям Октавиана» [9, с. 377].

В дальнейшем возобладали более определенные оценки. А.Б. Егоров считает, что триумвирские полномочия закончились к 32 г. до н. э., но Антоний их узурпировал. Октавиан же просто перестал упоминать о себе как о триумвире, «хотя торжественный акт снятия власти происходит только в 27 г.». После развязывания войны против Клеопатры, основой власти бывших триумвиров стали присяги, которые тоже дали им «особые полномочия» [3, с. 85–86, 89; 4, с. 60]. По мнению Я.Ю. Межерицкого, триумвирские полномочия оставались в силе, поскольку не был осуществлен официальный акт их сложения – «абдикация», что, в сущности, было узурпацией власти. Клятве, принесенной Октавиану населением Италии и западных провинций, исследователь не придает конституционного значения [10, с. 176, сн. 11; см. также: 11, с. 173 сн. 142, с. 300]. Н.В. Чеканова пишет, что «триумвират формально прекратил существование» еще в 36 г. до н.э.

после отстранения от должности М. Эмилия Лепида, но Октавиан и Антоний продолжали опираться на триумвирские полномочия до 32 г. до н.э., «а затем на их основании вообще открыто узурпировали власть», в результате Октавиан сложил триумвирские полномочия лишь 13 января 27 г. до н.э. [16, с. 392–393; также с. 391, сн. 29].

Однако представление о том, что Октавиан на протяжении многих лет мог откровенно узурпировать власть, не всем представляется правдоподобным, так что исследователи стремятся акцентировать другие источники власти Октавиана кроме триумвирских. Например, М. Хэммонд считал, что Октавиан, отказавшись от звания триумвира, остался без законных оснований для своего империя и потому обратился к клятве Италии и всего Запада [23, p. 20].

Политическое значение клятвы отрицать не приходится, но к предоставлению империя она не могла иметь отношения (М. Хэммонд, конечно, этого и не имел в виду). Более того, сам факт принесения клятвы свидетельствует о том, что у Октавиана империй был, поскольку Италия и провинции не могли присягать частному лицу без империя. К тому же, как отметила Р. Кирсли, клятва была принесена после объявления войны [24, p. 56], а «Tota Italia – это описание характера поддержки Октавиана в 32 г. до н. э., а не средств, с помощью которых он получил командование» [24, p. 63].

Другая историографическая линия оценок государственно-правового положения Октавиана идет, как было отмечено, от И. Кромайера. По его мнению, дата окончания триумвирата была юридически обязательной для триумвиров, тем не менее, после этой даты за ними сохранялся империй, как это происходило с промагистратами – до тех пор, пока они не пересекут померий [26, s. 10]. Однако Октавиан это сделал, когда вернулся в Рим в начале 32 г. до н. э., став тем самым частным лицом. Его действия в сенате, сопровождавшиеся угрозой насилия, следует рассматривать как государственный переворот, перед лицом которого консулы бежали [26, s. 14–16]. Таким образом получается, что принципат вовсе не вырос на конституционной основе из триумвирата, а имел своим истоком государственный переворот.

Как отметил А. Бауэр в своей лекции, опубликованной в 1917 году, мнение И. Кромайера «вовсе не вызвало всеобщих аплодисментов» [17, s. 18]. Полностью его приняли немногие (например, Г. Ферреро [15, с. 259]). Однако, пусть не все объяснение целиком, но ряд принципиальных положений И. Кромайера нашел поддержку исследователей. Тот же А. Бауэр озаглавил свою лекцию «Государственный переворот Октавиана в 32 году до

н. э.» и вслед за И. Кромайером пришел к выводу, что теория Т. Моммзена о юридически необязательном характере временных ограничений для учредительной власти неверна, и потому триумвират прекратил свое существование 31 декабря 33 г. до н.э. С этим был согласен и Р. Сайм, для которого решающим свидетельством служило заявление самого Августа о десятилетнем сроке триумвирата, да и сам факт атаки консулов на Октавиана в начале 32 г. до н.э., по мнению ученого, доказывает, что триумвират подошел к концу [p. 277–278, n. 6].

Последний аргумент повторил также Г.У. Бенарио в статье, посвященной статусу Октавиана в 32 г. до н.э.: «Могли ли консулы действительно действовать таким образом против Октавиана, если бы он все еще был триумвиром?» [18, p. 307]. Вслед за И. Кромайером он также не принимает положение Т. Моммзена об особой учредительной власти триумвиров [18, p. 307] и считает, что в 32 г. до н.э. Октавиан уже не был триумвиром, но сохранил империй. По определению американского ученого, Октавиан был скорее частным лицом, облеченным империем, чем промагистратом, потому что не было постановления сената или закона, который продлевал бы его должность [18, p. 304], однако, по мнению Г.У. Бенарию, «его imperium как командующего армией проистекает из его триумвирской potestas» [18, p. 306]. Кроме того, Г.У. Бенарио отмечает, что Октавиан был с 36 г. до н. э. наделен трибунской священной неприкосновенностью и к 32 г. до н. э. после победы над С. Помпеем был необыкновенно популярен, поскольку закончил гражданские войны. Его положение укрепила и клятва, данная населением перед войной против Клеопатры [18, p. 308–309].

В 1990 году новую оценку ситуации предложил К. Жирарде. По сути, это развитие взгляда И. Кромайера, но парадоксальным образом эта точка зрения сходится с пониманием Т. Моммзена: государственно-правовое положение Октавиана в 32 г. до н.э. было, по мнению К. Жирарде, вполне законным – только на другом, чем у Моммзена, основании.

Как и И. Кромайер, он считает, что в 37 г. до н.э., после истечения магистратского срока триумвирата, у Октавиана и Антония оставался проконсульский империй, предоставленный им для выполнения определенных задач в рамках определенных провинций, а завершение срока экстраординарной магистратуры означало только, что соправители не имели права пересекать померий. Но как раз в первые месяцы 37 г. до н.э. никого из них не было в Риме: Лепид находился в Северной Африке, Антоний в Греции, Октавиан в Южной Италии. На протяжении нескольких месяцев 37

г. до н.э. юридически они не являлись триумвирами, но империй за собой сохраняли вполне законно, а затем – задним числом – продлили с 1 января того же года и свою экстраординарную магистратуру [21, s. 330 f.].

Ситуацию 32 г. до н.э. К. Жирарде находит аналогичной (с той разницей, что уже не было речи о продлении триумвирата). Так же, как И. Кромайер, он считает, что после окончания триумвирата Октавиан и Антоний сохраняли за собой империй – как промагистраты. Рассмотрев сообщения источников (прежде всего Диона Кассия) о заседаниях сената и появлении Октавиана в Риме, К. Жирарде пришел к выводу, что нет ни одного свидетельства, которое могло бы безупречно обосновать мнение о том, что бывший триумвир находился внутри померия. Напротив, различные косвенные данные свидетельствуют, что сенат созывался вне померия именно для того, чтобы в его работе принимал участие Октавиан [21, s. 338–344].

Это относится и к заседанию сената, на которое Октавиан, согласно рассказу Диона [19, L. 2. 5], явился в окружении солдат и занял курульное кресло между консулами. По мнению К. Жирарде, это вовсе не свидетельство государственного переворота или, напротив, законного продолжения триумвирата. «Ни то, ни другое… – пишет исследователь, – Октавиан просто продемонстрировал свое юридическое равенство extra pomerium с консулами как законный держатель imperium consulare» [21, s. 342].

Того же мнения придерживается А. Джованнини: и в 37, и в 32 гг. до н.э. триумвиры сохраняли империй как промагистраты до тех пор, пока не пересекут померий или сенат официально не отзовет у них командование войсками и не назначит преемника в управлении провинциями. И хотя Дион не указывает точно, где был созван сенат, но следует думать, что за пределами померия, чтобы Октавиан не лишился империя [20, 160–161]. Мнения, что триумвират закончился 31 декабря 33 г. до н.э. и что в 32 г. до н.э. Октавиан совершил военный переворот, придерживается также Э Грей [22, p. 18], внесший в своей статье немало ценных уточнений в изучение событий 32 г. до н.э. (о чем будет сказано ниже).

Наконец, есть и другая точка зрения, согласно которой триумвират закончился в конце 32 г. до н.э., о чем тоже (как и относительно 33 г. до н.э.) имеются указания древних авторов. Как было отмечено, Дион Кассий [19, XLIX. 1. 1] относит Тарентинское соглашение к началу 36 г. до н.э. и, если это так, то было бы странным для триумвиров включать в новый пятилетний срок уже прошедший к тому времени 37-й г. до н.э. А если второй пятилетний срок начался в 36 г. до н. э., то заканчиваться он будет 31.12.32 г. до н.э.

Имеется и прямое свидетельство Аппиана – в десятой книге, посвященной событиям в Иллирии. Сообщая о положении триумвиров в 33 г. до н.э., Аппиан замечает: «оставалось еще два года второго пятилетия этой власти, которую они сами себе по окончании первого пятилетия продолжили и которую утвердил народ» [1, X. 28 – перевод С.П. Кондратьева]. Кроме того, известно, что в Мизене Октавиан и Антоний запланировали совместное консульство на 31 г. до н.э. [19, XLVIII. 35. 1–3; L. 10. 1], а не на 32 г. до н.э. Получается, они сами оставляли себя без магистратуры на 32 г. до н.э., если бы второе пятилетие триумвирата заканчивалось 31 декабря 33 г. до н.э.

По мнению ряда исследователей, считающих, что второе пятилетие триумвирата завершилось 31.12.33 г. до н. э., именно планировавшееся на 31 г. до н. э. совместное консульство триумвиров привело Аппиана к ошибке в «Событиях в Иллирии». По предположению Э. Грея, Аппиан, зная, что Август в течение сорока лет своего правления всегда заботился о своевременном продлении своего империя, счел, что так было всегда, в том числе и в 37 г. до н.э. [22, p. 22]: если полномочия продлевались в 37 г. до н.э., значит, новый срок начинался с 36 г. до н.э. Кр. Пеллинг предполагает, что Аппиана ввел в заблуждение сам факт назначения совместного консульства на 31 г. до н.э. Раз Октавиан и Антоний собирались совместно вступить в консульство 1 января 31 г. до н.э., то Аппиану было естественно думать, что еще накануне, 31 декабря 32 г. до н.э., они были триумвирами. Назначение себя самих консулами на 31 г. до н.э., через год после окончания триумвирата, Кр. Пеллинг объясняет позицией Антония, которого устраивало, что на 32 г. до н.э. консулами были назначены его сторонники Гн. Домиций Агенобарб и Г. Сосий [12, с. 90–91]. Еще раньше эту точку зрения высказывал Э. Грэй, назвавший такое положение «страховым полисом Антония» [22, p. 25].

Кроме того, Э. Грэй считал ошибочным представление что Антоний, который в 37 г. до н. э. был хозяином положения, хотел сразу перейти от триумвирата к консульству. Напротив, он хотел, чтобы между двумя магистратурами был интервал. «Он кое-чему научился на опыте Юлия Цезаря, который был вовлечен в гражданскую войну, отчасти потому, что настоял на том, чтобы сразу после десятилетнего пребывания на посту проконсула в Галлии стать консулом» [22, p. 24].

Но такие объяснения свидетельства Аппиана устраивают не всех, да и остается без объяснения свидетельство Диона. Не удивительно, что всегда были и есть сторонники той точки зрения, что триумвират завершился 31.12.32 г. до н.э. В отечественной науке этого мнения придерживался

Э.Д. Гримм, автор фундаментального труда по истории развития римской императорской власти. Он считал, что в 37 г. до н.э. триумвирам вновь предоставили магистратуру – с 1 января следующего, 36 г. до н.э., подобно тому, как это было с учреждением триумвирата: закон Тиция был принят 27 ноября 43 г. до н.э., а триумвират начался с 1 января 42 г. до н. э. Заявление Августа в «Деяниях» и Светония в жизнеописании Августа, а также свидетельство Капитолийских фастов Э.Д. Гримм называет «подозрительным совпадением» в котором повинен Август, стремившийся «скрыть узурпацию 37 года» [2, с. 82, сн. 1].

Из современных исследователей той же точки зрения на окончание второго срока триумвирата придерживается Ф.Дж. Вервет [30, p. 81]. Он считает, что сообщение Аппиана в «Событиях в Иллирии» – это «необычайно точная хронологическая информация из хорошо информированного латинского источника», и что триумвиры все-таки взяли на себя труд заставить комиции узаконить их эдикт только в начале 36 г. до н. э., как указывает Дион [30, p. 87–88]. Вооруженное вторжение Октавиана в сенат Ф.Дж. Вервет не считает государственным переворотом, поскольку Октавиан являлся триумвиром, о чем как раз свидетельствуют знаки его власти – именно триумвиры имели право на курульное кресло и охрану [30, p. 89]. Как и многие исследователи, Ф.Дж. Вервет убежден, что триумвирские полномочия сохранились за Октавианом вплоть до января 27 г. до н.э., когда он от них добровольно отказался [30, p. 90].

В одной из своих недавних работ, посвященной политическому и конституционному аспектам истории второго триумвирата [31], Ф.Дж. Вервет ставит вопрос о месте триумвирата в системе римских магистратур. Он относит триумвират к числу магистратур ad tempus incertum, т. е. не имеющих фиксированного срока. Это были магистратуры для решения определенной задачи, так что назначенный на такую должность магистрат должен был сложить полномочия, когда эта задача выполнена. Из этого следует, что триумвират также мог официально закончиться только в силу добровольного отречения, формальной отмены или смерти действующего магистрата, независимо от установленных пятилетних сроков [31, p. 28–29]. Ф. Дж. Вервет приходит к выводу, по сути, аналогичному мнению Моммзена, что триумвират конституционно предшествует принципату: «Таким образом, эра триумвирата на самом деле длилась чуть более пятнадцати лет и, как таковая, соединяет почти весь период между, с одной стороны, поздней республикой и веком Цезаря, и, с другой стороны, новым порядком Августа» [31, p. 30].

Как и Э.Д. Гримм, Ф.Дж. Вервет считает, что противоречащие его концепции источники («Деяния», Светоний, эпитоматор Ливия, фасты) – это результат сокрытия правды Августом, который представил триумвират в виде магистратуры ad tempus certum, то есть ограниченной двумя пятилетними сроками [31, p. 30]. Ф. Дж. Вервет пишет, что Август стремился скрыть выход за установленные сроки в 37, 31, 30, 29 и 28 гг. до н.э. [31, p. 30]. Но все-таки остается непонятным, зачем Августу это было нужно, если, согласно предложенной систематике, магистратуры ad tempus incertum были в равной мере конституционными.

Подводя итог, можно сказать, что проблема статуса Октавиана в 32 г. до н.э. остается дискуссионной. Значение ее в том, что речь идет о тех полномочиях, а конкретно – империи, который в последующем лег в основу принципата. Но разнообразие мнений не должно заслонить одного немаловажного факта. Все исследователи согласны, что в 32 г. до н.э. произошло отделение власти от магистратуры, а это и есть важнейший элемент будущего принципата. Для одних эта власть оставалась законной, для других Октавиан узурпировал полномочия триумвира, для третьих с утратой экстраординарной магистратуры остались проконсульские полномочия, но Октавиан утратил и их, нарушив границу померия или же, для четвертых, он их сохранил, осмотрительно избежав нарушений. Наконец, есть и те, кто считает, что в 32 г. до н.э. Октавиан все еще оставался триумвиром. Это внесло бы ясность в ситуацию 32 г. до н.э., но принципиально не меняет вопрос о полномочиях Октавиана в последующие годы, предшествовавшие знаменитому «восстановлению республики».

Литература

1. *Аппиан Александрийский.* Римская история / пер. с греч. М.: АСТ, Ладомир, 2002. 878 с.

2. *Гримм Э.Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. I: Императорская власть от Августа до Нерона. СПб.: Тип.-я М. Стасюлевича, 1900. 515 с.

3. *Егоров А.Б.* Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л.: ЛГУ, 1985. 225 с.

4. *Егоров А.Б.* Рим: от республики к империи. СПб.: Наука, 2017. 311 с.

5. Капитолийские фасты / пер. с латинск. О.В. Любимовой. URL: https://ancientrome.ru/gosudar/capitol.htm (дата обращения: 15.03.2024).

6. Колоцианские фасты (fasti Colotiani) / пер. с латинск. О.В. Любимовой. URL: https://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=7171 (дата обращения: 15.03.2024).

7. *Крист К.* История времен римских императоров от Августа до Константина. Т. 1. Р./на-Дону: Феникс, 1997. 576 с.

8. *Ливий Тит.* История Рима от основания города. Т. III. М.: Наука, 1993. 768 с.

9. *Машкин Н.А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л.: АН СССР, 1949. 686 с.

10. *Межерицкий Я.Ю.* «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга: КГПУ, 1994. 442 с.

11. *Межерицкий Я.Ю.* «Восстановленная республика императора Августа». М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 992 с.

12. *Пеллинг Кр*. Эпоха триумвирата // Империя Августа 43 г. до н. э. – 69 г. н. э.: в 2 полутомах / под ред. А.К. Боумэна, Э. Чэмплина, Э. Линтотта; перев. с англ., подготов. текста, предисловие, примечания О. В. Любимовой, С.Э. Таривердиевой. М.: Ладомир, 2018. Первый полутом (Кембриджская история древнего мира. Т. X, первый полутом. С. 14–92.

13. Перечень деяний божественного Августа / пер. М.Ф. Дашковой // Немировский А.И., Дашкова М.Ф. «Римская история» Веллея Патеркула. Воронеж: Воронежский ун-т, 1985. С. 193–206.

14. *Светоний Транквилл Гай*. Жизнь двенадцати цезарей. [Божественный Август] / пзд. подг. М.Л. Гаспаров, Е.М. Штаерман. М.: Наука, 1964. 375 с.

15. *Ферреро Г*. Величие и падение Рима. II: т. III–V. 2-е изд. СПб.: Наука, 2008. 746 с.

16. *Чеканова Н.В*. Римская диктатура последнего века республики. СПб.: Гуманитарная академия, 2005. 480 с.

17. *Bauer A*. Der Staatsstreich des Octavianus im Jahre 32 v. Chr. // Historische Zeitschrift. Bd. 117. Heft 1. 1917. S.11–23.

18. *Benario H W*. Octavian's Status in 32 B. C. // Chiron. 1975. №5. P. 301–309.

19. Dio’s Roman history with an English / transl. by E. Cary. LCL, vol. V. L.: William Heinemann LTD; Cambridge, Massachusetts: Harvard university press, 1955. 526 p.

20. *Giovannini A.* Les institutions de la République romaine des origines à la mort d'Auguste. Basel: Schwabe Verlag, 2015. 245 p.

21. *Girardet K.M.* Der rechtsstatus Oktavians im jahre 32 V. CHR. // Rheinisches Museum für Philologie, 1990. Neue Folge, 133. Bd., H. 3/4. S. 322–350.

22. *Gray E.W.* The Crisis in Rome at the Beginning of 32 B.C. // The Proceedings of the African Classical Associations. 1975. Vol. XIII. P. 15–29.

23. *Hammond M.* The Augustan principate in theory and practice during the Iulio-Claudian period. Cambridge, Massachusetts: Harvard university press, 1933. 341 p.

24. *Kearsley R.A*. Octavian in the year 32 BC: The S.C. de Aphrodisiensibus and the genera militia. Rheinisches Museum für Philologie. 1999. 142. p. 52–67.

25. *Kolbe W.* Der zweite Triumvirat // Hermes. 1914. 49. S. 273–295.

26. *Kromayer J.* Die rechtliche Begründung des Principats, Marburg: N.G. Elwertische verlagsbuchhandlung, 1888. Bd. 58 URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=wu.89100080373&seq=13 (дата обращения: 15.03.2024).

27. *Mommsen T*. Römisches Staatsrecht. Bd. II|/1. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1877. 722 s.

28. *Petzold K.E.* Die Bedeutung des Jahres 32 für die Entstehung des Principats. // Historia, Wiesbaden, 1969, B. XVIII, H. 3. S. 334–351.

29. *Syme R.* The Roman revolution. Oxford: Clarendon press, 1939. 568 p.

30. *Vervaet F.J*. The secret history: the official position of imperator Caesar divi filius from 31 to 27 b.c.: Ancient Society, 2010. Vol. 40. P. 79–152.

31. *Vervaet F.J*. The Triumvirate Rei Publicae Constituendae: Political and Constitutional Aspects. // The Triumviral period: Civil war, political crisis and socioeconomic transformations. Francisco Pina Polo (ed.) Zaragoza: Universidad de Zaragoza, 2020. P. 23–48.

Никишин В.О.

МГУ имени М. В. Ломоносова

Династические браки в контексте политики Августа на Боспоре

Аннотация. Статья посвящена одному из аспектов «проекта Августа» – политического курса, который последовательно проводился основателем принципата по отношению к зависимым царям-клиентам. Эта политика заключалась в создании на периферии империи цепи вассальных царств, правители которых обеспечивали не только безопасность имперских границ, но и внутриполитическую стабильность, правопорядок и экономическое благополучие в оказавшихся под их властью областях. Важным инструментом этой политики был династический брак. С помощью династических браков Август укреплял лояльные императору царские дома. Одним из таких домов был царский дом Понта и Боспора, представленный царицей Динамией, царями Асандром, Аспургом и Полемоном I, царицами Пифодоридой Старшей и Антонией Трифеной. «Проект Августа» был актуален до тех пор, пока вассальные цари сохраняли лояльность Риму и демонстрировали свою эффективность как администраторы.

***Ключевые слова**:* Август, Динамия, Скрибоний, Полемон I, Пифодорида Старшая, Антония Трифена, «проект Августа», династический брак, Боспор, Понт.

Nikishin V.O.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Dynastic marriages in the context of Augustus' policy on the Bosporus

Abstract. The article is devoted to one of the aspects of the “Augustus' project” – a political course that was consistently pursued by the founder of the Principate in relation to the dependent client kings. This policy consisted of creating a chain of vassal kingdoms on the periphery of the empire, whose rulers

ensured not only the security of the imperial borders, but also internal political stability, law-and-order and economic well-being in the areas under their rule. An important instrument of this policy was dynastic marriage. With the help of dynastic marriages, Augustus strengthened the royal houses loyal to the emperor. One of these houses was the royal house of Pontus and Bosporus, represented by queen Dynamia, kings Asander, Aspurgus and Polemon I, queens Pythodoris the Elder and Antonia Tryphaena. The "Augustus' project" was valid as long as the vassal kings remained loyal to Rome and demonstrated their effectiveness as administrators.

Keywords: Augustus, Dynamia, Scribonius, Polemon I, Pythodoris the Elder, Antonia Tryphaena, "Augustus' project", dynastic marriage, Bosporus, Pontus.

На протяжении двухсот лет с момента образования первых римских провинций – Сицилии, Сардинии и Корсики – самый внимательный наблюдатель не сумеет обнаружить во всей внешнеполитической активности римского сената даже признаков хоть сколько-нибудь осмысленной, внятной и, главное, рассчитанной на более или менее отдалённую перспективу политики по отношению к «praedia populi Romani» («поместьям римского народа»), как назвал провинции Цицерон [23, II. 2. 7], – провинции, населённые завоёванными Римом народами и племенами [6, с. 132]. Следствием такого положения дел стало, по сути, выпадение этих народов и племён из правового поля Римской республики, когда коррумпированные наместники, зачастую действовавшие в преступном сговоре с вороватыми публиканами и алчными ростовщиками, самым бесчеловечным и циничным образом опустошали вверенные их попечению провинции, разграбляя их так, как это даже не снилось многим из тех свирепых варваров, которыми античные авторы имели обыкновение пугать своих читателей. Ситуация изменилась в лучшую сторону лишь с приходом к власти Октавиана Августа (30 г. до н. э.). Впервые в истории римской res publica основатель принципата инициировал глубоко продуманный политический курс, направленный на создание по периметру империи системы вассальных царств под управлением монархов – ставленников и клиентов самого императора [19, p. 10].

Как пишет С.Ю. Сапрыкин, «усилиями Августа и Агриппы на северо-восточных рубежах Империи и вдоль её восточных границ вассальные государства Понт, Боспор, Каппадокия, Иудея, Галатия, Набатея стали превращаться в защитников римских границ» [11, с. 521]. В Африке рубежи

римской державы оборонял царь Мавретании Юба II, на Балканах – фракийский царь Реметалк I Сапей, в Северном Причерноморье – сперва понтийский и боспорский царь Полемон I Эвсеб, а затем боспорский архонт Аспург, ставший царём Рескупоридом I, основателем сарматской династии, или т.н. династии Тибериев Юлиев на Боспоре. Все эти правители – цари и династы, этнархи и тетрархи – de jure являлись «союзниками и друзьями римского народа» (socii et amici populi Romani), а de facto – клиентами императора [25, p. 135, n. 2], рабски покорными сателлитами, готовыми беспрекословно исполнять волю главы «римского мира» [19, p. 23]. Недаром Тацит как-то назвал клиентных монархов «орудиями рабства» (instrumenta servitutis) [44, 14. Ср.: 46, II. 81]. Таков был «проект Августа» – передать управление окраинами империи в руки вассальных правителей, находившихся, что называется, на коротком поводке, т.е. под бдительным контролем со стороны императора и его администрации. Этот проект Август неукоснительно претворял в жизнь: по словам Светония, «царства, которыми он овладел по праву войны, он почти все или вернул прежним их властителям, или передал другим иноземцам. Союзных царей он связывал друг с другом взаимным родством, с радостью устраивая и поощряя их брачные и дружеские союзы. Он заботился о них, как о частях и членах единой державы, приставлял опекунов к малолетним или слабоумным, пока они не подрастут или не поправятся, а многих царских детей воспитывал и обучал вместе со своими» [38, 48. Пер. М. Л. Гаспарова]. Одним из инструментов Августа в ходе реализации этого политического курса являлся династический брак.

В 30 г. до н. э. Октавиан, одержав победу над Антонием и Клеопатрой, вступил в Александрию. Как пишет Дион Кассий, «поскольку при дворе в большом числе были обнаружены дети различных правителей и царей, содержавшиеся здесь либо в качестве заложников, либо просто из надменности, то некоторых из них Цезарь (Октавиан. – В.Н.) отправил домой, других заставил вступить в брак друг с другом, а третьих оставил при себе» [21, LI. 16. 1. Здесь и далее пер. под ред. А.В. Махлаюка]. В дальнейшем Август не только сажал по своему выбору клиентных правителей на троны вассальных царств, но и устраивал династические браки.

Весьма любопытный, хотя и во многом загадочный вследствие удручающей скудости наших источников персонаж эпохи Августа – это царица Динамия, дочь Фарнака II и внучка Митридата VI Эвпатора, супруга трёх боспорских правителей и единственная легитимная наследница

династии понтийских и боспорских царей. Динамия (от греч. «сила», «мощь»), родившаяся ок. 63 г. до н. э., предположительно в 46 г. до н.э. стала женой Асандра – сперва эпитропа (наместника), коварно обманувшего доверие Фарнака II и захватившего власть на Боспоре, затем архонта и, наконец, царя. К моменту женитьбы на Динамии Асандру уже исполнилось 63 года. Этим браком он, безусловно, надеялся легитимизировать свою власть. В Риме скрепя сердце на какое-то время согласились с таким вариантом, поскольку официально Асандр (47–17 гг. до н. э.) позиционировал себя как «филоромея», т. е. «друга римлян» [27, p. 328–329]. У Асандра и Динамии родился сын Аспург, о чём свидетельствуют обнаруженная в 2004 г. фанагорийская надпись, в которой Аспург именует себя «сыном царя Асандроха» [5, с. 157 слл.], и упоминание Диона Кассия о том, что сын Аспурга Митридат вёл свой род от Митридата VI Эвпатора [21, LX. 8. 2]. Важно отметить следующий факт: в последние годы номинального правления престарелого «царя царей» Асандра Динамия выступала в качестве уже не царицы-консорта, а суверенной правительницы Боспора, о чём говорят надписи и монетная чеканка, в частности, уникальные золотые статеры Динамии, которые датируются 21/20 и 17/16 гг. до н.э. [12, с. 204 слл.; 13, с. 187–188; 34, p. 84–85]. Примечательно, что эти статеры, датированные 21/20 и 17/16 гг. до н.э., были выпущены от имени одной Динамии безо всяких соправителей. Вероятно, старый и больной царь передоверил значительную часть своих властных полномочий супруге, у которой, в отличие от него, были бесспорные наследственные права на власть над Боспором.

В 17 г. до н.э. продолжительный период мира и стабильности на Боспоре закончился: ещё более, чем Динамия, загадочный персонаж по имени Скрибоний, выдававший себя за внука Митридата VI Эвпатора и открыто заявлявший, что он действует с санкции Августа [13, с. 188–189], поднял мятеж, победил престарелого царя Асандра (последний, видимо, впав в депрессию, покончил с собой в возрасте 93 лет, отказавшись от пищи: 33, 17) и взошёл на престол, женившись на царице Динамии – опять-таки с целью легитимизировать своё положение как правителя Боспора. Об этих событиях Дион Кассий сообщает следующее: «На Боспоре Киммерийском произошёл переворот. Некий Скрибоний, выдававший себя за внука Митридата и утверждавший, что он получил царскую власть от Августа после смерти Асандра, взял в жёны супругу последнего по имени Динамия, которой было передано мужем управление государством и которая действительно была дочерью Фарнака и внучкой Митридата, и таким образом удерживал власть

над Боспором» [21, LIV. 24. 4]. Вопрос о происхождении Скрибония по сей день является дискуссионным. Римское имя этого «внука Митридата» как будто бы делает вероятным предположение, что он был вольноотпущенником. Однако В.Н. Парфёнов доказал, что Скрибоний не мог быть вольноотпущенником [10, с. 292–293]; по мнению исследователя, он получил римское гражданство от Луция Скрибония Либона, консула 34 г. до н.э., брата разведённой жены Августа [9, с. 214].

В том, что Скрибоний являлся креатурой императора и сам переворот был инспирирован в Риме, сомневаться не приходится. Каковы же были политические причины этой римской акции на Боспоре? Как считает В.Н. Парфёнов, «это могло быть связано как с военным противостоянием Рима и сарматов, так и с началом реализации Августом обширной программы завоеваний, итогом которой должно было стать покорение всего известного римлянам обитаемого мира» [10, с. 294]. Как бы то ни было, новые подданные отказались признать власть Скрибония и уже в 15 г. до н. э. расправились с ним [21, LIV. 24. 5]. Как полагает В.Н. Парфёнов, «устранение Скрибония подготовила и осуществила боспорская политическая элита… Таким образом, гибель Скрибония не повлияла на дальнейшее развитие событий, в результате которых Боспорское царство было поставлено под жёсткий римский контроль» [10, с. 295].

Погибшего в результате дворцового переворота Скрибония сменил на престоле очередной римский ставленник – вассальный царь Понта Полемон I Эвсеб, который, в свою очередь, женился на Динамии [21, LIII. 25. 1]. Полемон, сын ритора Зенона из Лаодикеи на Лике (Малая Азия), ещё в 37 г. до н. э. по милости триумвира Марка Антония получил власть над Понтом [37, XII. 3. 38]. После падения Антония Полемону удалось снискать расположение Августа, по воле которого он не только остался понтийским царём, но и, женившись на Динамии, стал царём Боспора (14–8 гг. до н.э.). Так в результате династического брака возникла личная уния Понта и Боспора, существовавшая, правда, недолго: скорее всего, в 12 г. до н.э. царица Динамия умерла, после чего Полемон I женился на Пифодориде Филометоре («Любящей мать»), которую историки называют Пифодоридой Старшей. От этого брака ведет своё начало понтийская династия Полемонидов. В 8 г. до н. э. Полемон I погиб в столкновении с сармато-меотским племенем аспургиан [37, XI. 2. 11; XII. 3. 29]. Как констатирует В. Д. Кузнецов, «период с 8 г. до н.э. по 14 г. н.э. не освещён письменными источниками. Соответственно мы не знаем точно, кто правил Боспором в этот промежуток времени» [5, с. 158]. Вероятно, какое-то время после гибели

Полемона I на Боспоре признавалась власть его вдовы Пифодориды Старшей. К 10 г. Боспор, видимо, уже находился под властью архонта Аспурга, сына Асандра и Динамии [1, с. 56–59]. В 14 г. Аспург (14–37 гг.) получил от императора царский титул, после чего принял фракийское тронное имя Рескупорида I. В дальнейшем на Боспоре царствовали его потомки.

Как отмечает С.Ю. Сапрыкин, «лишившись власти над Боспором, Пифодорида решила компенсировать потерю приобретениями новых владений в Малой Азии, делая это исключительно по воле Рима» [13, с. 197]. В 3/2 г. до н. э. Пифодорида – безусловно, с санкции Августа – стала женой Архелая I Филопатора, царя Каппадокии и Киликии Трахеи (36 г. до н.э. – 17 г. н.э.) [37, XII. 3. 29]. Архелай доводился правнуком тому самому Архелаю, который был военачальником Митридата VI Эвпатора и пытался (правда, безуспешно) бороться с Суллой. От первого брака (вероятно, с армянской царевной) у Архелая I был сын – будущий царь Киликии Трахеи Архелай II. Бракосочетание Архелая I и Пифодориды Старшей означало создание личной унии Каппадокии и Понта. Эту унию в 17 г. ликвидировал император Тиберий, превратив Каппадокию в провинцию [42, p. 1159]. Предварительно он расправился с Архелаем I, с которым у Тиберия были давние счеты: император обвинил престарелого царя Каппадокии в заговоре против Рима и передал его дело в сенат [21, LVII. 17. 3–4]. Сенат не стал приговаривать больного старика к смертной казни [ibid. 5].

В этой связи возникает закономерный вопрос: действительно ли царь замышлял заговор против Рима? Однозначного ответа на этот вопрос нет, данные источников разнятся. Так, Филострат даёт понять, что заговор был [30, I. 12. 2], Тацит же считает, что выдвинутые против Архелая обвинения были ложными (45, II. 42). По данным Светония, царя хитростью заманили в Рим и, возможно, принудили к самоубийству [40, 37. 4]. Безусловно, брак Архелая I и Пифодориды не мог бы состояться без санкции Августа [13, с. 199; 36, p. 168]. Мотивация императора в данном случае неясна. Возможно, он руководствовался соображениями исключительно административного характера: если Пифодорида вполне справлялась с управлением своим царством, то об Архелае такого сказать было нельзя; известно, что Август даже распорядился назначить для управления Каппадокией регента, тогда как Архелай, которого его противники упрекали в слабоумии, mente lapsis, занимал трон лишь номинально [21, LVII. 17. 5]. Возможно, Пифодорида и была тем самым регентом [36, p. 156]. В любом случае личная уния

Каппадокии и Понта была недолговечной, поскольку общих детей у царской четы не было.

После кончины престарелого супруга, владения которого Тиберий превратил в провинцию, его вдова вернулась в Понт, где и царствовала вплоть до своей смерти. Резиденция Пифодориды находилась в Диосполе, который царица переименовала в Себасту (Strabo. XII. 3. 31). По поводу датировки кончины Пифодориды Старшей в историографии существуют разные мнения, гипотетическая дата колеблется в хронологическом диапазоне между 22 и 38 гг. [3, с. 89; 13, с. 199; 32, p. 74]. На наш взгляд, убедительнее других выглядит позиция С. Ю. Сапрыкина, который полагает, что Пифодорида скончалась в 22/23 г. [13, с. 199].

У Полемона I, получившего от Антония римское гражданство с родовым именем «Марк Антоний» [3, с. 89], и Пифодориды было трое детей: Марк Антоний Полемон Пифодор, титулярный царь Понта и соправитель матери в 3 г. до н.э. – 17 г. н.э., затем ставший династом Ольбы в Киликии, Марк Антоний Зенон, царь Великой Армении под именем Арташеса III (18–34/35 гг.), и Антония Трифена [32, p. 73] . Последняя вышла замуж за Котиса III, сына и наследника фракийского царя Реметалка I Сапея. Свадьба состоялась либо незадолго до кончины царя Реметалка (12/13 г.), либо вскоре после неё. Таким образом, этот брак можно датировать приблизительно 13/14 г. [36, p. 137]. В жилах Котиса текло несравненно больше царственной крови, нежели у его супруги: как сын Реметалка I, внук Котиса II, правнук Рескупорида I и праправнук Котиса I, он был наследником Сапейской династии фракийских царей. Иное дело Антония Трифена. Её отец, Полемон I Эвсеб, сын ритора Зенона из Лаодикеи [37, XII. 8. 16; XIV. 2. 24], в 37 г. до н. э. по милости триумвира Марка Антония получил титул царя Понта [31, 61]. После поражения и гибели Антония победитель, Октавиан, не стал мстить бывшим приверженцам своего врага, поэтому Полемон сохранил власть над Понтом, однако официально титула «rex socius et amicus populi Romani» он был удостоен лишь в 26 г. до н. э. [21, LIII. 25. 1].

Вот что пишет о Пифодориде Страбон: «От Полемона у неё было двое сыновей и дочь. Последняя вышла замуж за Котиса сапейца; после того как Котис был предательски убит [в 19 г. См.: 45, II. 64–67; III. 38], она осталась вдовой с детьми от него. Старший из её сыновей теперь управляет страной» [37, XII. 3. 29. Пер. Г.А. Стратановского. О детях Котиса III и Антонии Трифены см.: 41, p. 209–210]. Если учесть, что старший из сыновей Котиса III и Антонии Трифены, Реметалк III, стал царём Фракии с соизволения императора Гая Цезаря Калигулы лишь в 38 г. [21, LIX. 12. 2], когда самого

Страбона, по расчётам исследователей, уже полтора десятилетия как не было в живых, то здесь мы сталкиваемся с явной ошибкой автора «Географии». Скорее всего, он спутал Реметалка II с Реметалком III, который в то время вместе со своими братьями жил и воспитывался в Риме; впрочем, возможен и другой вариант: пока юный Реметалк III пребывал в столице империи, главой Сапейской династии во Фракии оставался его двоюродный дядя Реметалк II, которого Антония Трифена, предположительно, сумела женить на своей дочери Пифодориде Младшей [32, p. 77–78]. Как бы то ни было, Антония Трифена связала родственными узами понтийский царский дом Полемонидов и Сапейскую династию правителей Фракии [3, с. 90]. В браке Котиса III и Антонии Трифены появились на свет трое будущих вассальных царей Рима: Реметалк III (последний вассальный царь Фракии в 38–46 гг.), Полемон II Филопатор (последний вассальный царь Понта в 38–64 гг.) , Котис IV (царь Малой Армении в 38–47 гг.); их сестра Пифодорида Младшая являлась соправительницей Реметалка III.

После смерти Реметалка I престарелый Август, руководствуясь, очевидно, принципом «разделяй и властвуй», разделил обширные владения Реметалка между сыном покойного, Котисом III, и братом, Рескупоридом II (первый получил Южную Фракию, второй – Северную). Раздел владений Реметалка I между его наследниками стал первым важным шагом императорской администрации на том пути, который завершился образованием провинции Фракии в 46 г. На протяжении ряда лет сменивший умершего Августа Тиберий меланхолично наблюдал за тем, как между дядей и племянником разгорался конфликт: Котис III, которого Тацит характеризует как «уступчивого и мягкого», оборонялся, Рескупорид II, «свирепый, жадный и неуживчивый», нападал [45, II. 64. Пер. А.С. Бобовича]. Из этих двоих, безусловно, лишь Рескупорид соответствует образу типичного варвара как своим характером, так и поступками; совсем иное дело Котис, которого Овидий характеризует как человека образованного и даровитого поэта (29, II. 9. 47–54). По-видимому, именно Котису III посвящена хвалебная эпиграмма Антипатра Фессалоникийского [16, 16. 75]. Как бы там ни было, но в 18/19 г. наступила трагическая развязка: жестокий дядя вероломно захватил доверчивого племянника в плен, а затем приказал его убить, распространив слух, якобы тот сам покончил с собой [45, II. 65–66]. Только тогда Тиберий наконец-то принял решительные меры, и правосудие восторжествовало: Рескупорида II арестовали, стремительно осудили и сослали в Александрию, где он был тайно убит, тогда как Фракию император разделил между сыном Рескупорида, Реметалком II, и

малолетними детьми злосчастного Котиса III при регентстве римского пропретора Требеллена Руфа [ibid. 67]. Что же касается Антонии Трифены, то она после смерти своей матери, Пифодориды Старшей, правила в Понте как царица-мать, регент и соправительница вплоть до самой своей кончины, последовавшей ок. 49/50 г.; параллельно вдова Котиса III исполняла функции жрицы императорского культа в Кизике [26, IV. 145, 146; 32, p. 81].

Несмотря на волнения среди местного населения (восстание 21 г.), эта ситуация сохранялась на протяжении нескольких лет [45, III. 38; IV. 5]. Два последних десятилетия существования вассального Фракийского царства были отмечены относительным внутриполитическим единством, когда трон занимали сперва Реметалк II (26/27–37/38 гг.), а затем его кузен, сын Котиса III и Антонии Трифены Реметалк III (38–46 гг.). В 46 г. после гибели Реметалка III в результате заговора, инспирированного его женой [43, 406], император Клавдий преобразовал Фракию в провинцию [20, 659; 43, 405]. У него уже был кое-какой опыт на этот счёт: в 44 г. Клавдий санкционировал создание двух провинций в Северной Африке, Мавретании Цезарейской и Мавретании Тингитанской. Видимо, чисто административная акция по созданию новой провинции на Балканском полуострове не прошла безболезненно: на территории Фракии время от времени вспыхивали волнения, прекратившиеся лишь в правление Веспасиана [2, с. 157 слл.].

Практика заключения династических браков была частью того политического курса, который проводился Августом по отношению к вассальным царям. Основатель принципата создавал систему вассальных царств, что называется, «всерьёз и надолго». Время от времени заключавшиеся династические браки, испокон веков являвшиеся эффективным инструментом реальной политики, должны были дополнительно скреплять отдельные «компоненты» этой системы. Порой речь шла о создании личной унии (как правило, временного характера). Безусловно, Август стремился контролировать поведение царей-коллаборантов, однако иногда ситуация выходила из-под контроля, и тогда императору приходилось вмешиваться, чтобы разрешить возникший «конфликт интересов». Чего же требовал Август от вассальных правителей? Лояльности и эффективности в делах управления вверенными им территориями, что подразумевало не только своевременную отправку в Рим установленных денежных сумм (налогов, податей и других платежей), но и защиту местного населения от внешних врагов, а также обеспечение политической стабильности и правопорядка. Если всё это было налицо и не возникало никакой опасности – реальной или потенциальной – для мира и

стабильности в империи, Август смотрел сквозь пальцы на экстравагантные матримониальные комбинации, полигамию, конфликты с детьми и другие «эксцессы» в семейной жизни зависимых царей. Но когда ставились под сомнение упомянутые лояльность и эффективность, Август не церемонился и беспощадно карал виновных. Здесь сказывались, безусловно, и личные качества Августа: всегда – расчётливость и осторожность, а при необходимости – тонкость и деликатность. Эти качества отсутствовали у его ближайших преемников (Тиберия, Калигулы, Клавдия и Нерона), что и обусловило отказ от «проекта Августа» и ликвидацию на протяжении менее чем ста лет большинства вассальных царств, превращённых в провинции под прямым управлением императорских наместников.

Литература

1. *Блаватский В.Д.* О Рескупориде Первом // СА. 1976. № 4. С. 56–62.
2. *Ботева Д.* Създаването на провинция Тракия // ΚΡΑΤΙΣΤΟΣ. Сборник в чест на професор Петър Делев. София, 2017. С. 157–168.
3. *Караваев А.Г.* Потомки Марка Антония – правители восточных государств // Вестник МГПУ. Серия: Истор. науки». №1 (11). 2013. С. 88–97.
4. *Караваев А.Г.* Генеалогия потомства триумвира Марка Антония в памятниках эпиграфики и нумизматики // ПИФК. 2016. №1. С. 111–136.
5. *Кузнецов В.Д.* Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1. С. 155–172.
6. *Никишин В.О.* Рим и вассальные цари: о некоторых аспектах взаимоотношений // АМА. Вып. 19. Саратов, 2019. С. 129–168.
7. *Орешников А.В*. Пифодорида и её род в Понтийском царстве // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1902. № 34. С. 1–17.
8. *Панов А.Р*. К вопросу о политической ориентации Динамии // ПИФК. 2007. Вып. 18. С. 286–291.
9. *Парфёнов В.Н.* Рим и Боспор во втором десятилетии до н. э. // Среда. Личность. Общество. Доклады конференции. М., 1992. С. 211–216.
10. *Парфёнов В.Н*. Загадка Скрибония // ПИФК. 2007. № 17. С. 291–298.
11. *Сапрыкин С.Ю*. Фракия до образования римской провинции. Западное Причерноморье в эллинистическую эпоху // История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. С. 516–527.
12. *Сапрыкин С.Ю.* Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. 1990. № 3. С. 204–214.
13. *Сапрыкин С.Ю*. Женщины-правительницы Понтийского и Боспорского царств (Динамия, Пифодорида, Антония Трифена) // Женщина в античном мире / отв. ред. Л.П. Маринович, С.Ю. Сапрыкин. М., 1995. С. 181–203.

14. *Сапрыкин С.Ю*. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.

15. *Сапрыкин С.Ю*. Древнее Причерноморье. М.; СПб., 2018.

16. Anthologia Graeca (griechisch – deutsch). Bd. I–IV / Hg. H. Beckby. München, 1957–1958.

17. *Appianus*. Bellum Civile // Appiani historia Romana / Hgs. P. Viereck, A.G. Roos. Bd. I–II. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1962.

18. *Aurelius Victor*. De Caesaribus / Trans. H.W. Bird. Liverpool, 1994.

19. *Braund D.C.* Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship. L.; Canberra, 1984.

20. *Cassiodorus.* Chronica // Chronica Magni Aurelii Cassiodori Senatoris. Berolini, 1894.

21. *Cassius Dio*. Historiae Romanae. Vol. I–IX. (With an Engl. transl. by E. Cary) / The Loeb Classical Library 32, 37, 53, 66, 82, 83, 175, 176, 177. Cambridge (MA), 1914–1927.

22. *Cicero*. Pro Flacco // Cicero. In Catilinam 1–4. Pro Murena. Pro Sulla. Pro Flacco. (With an English transl. by C. Macdonald) / The Loeb Classical Library 324. Cambridge (MA), 1976.

23. *Cicero*. In Verrem // Cicero. The Verrine Orations. Vol. I. (With an Engl. transl. by L.H.G. Greenwood) / The Loeb Classical Library 221. Cambridge (MA), 1928.

24. *Eutropius.* Breviarium // Eutropi Breviarium ab Urbe condita / ed. C. Santini. Leipzig, 1979.

25. Harris W.V. War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B.C. Oxford, 1979.

26. Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes (IGR) / ed. by R. Cagnat. Paris, 1906–1927.

27. *Nawotka K*. The Attitude towards Rome in the Political Propaganda of the Bosporan Monarchs // Latomus. T. 48. 1989. P. 326–338.

28. Orientis Graeci Inscriptiones Selectae (OGIS). Vol. I–II. Hrsg. W. Dittenberger. Hildesheim.

29. *Ovidius Naso*. Epistulae ex Ponto // Ovid. Tristia. Ex Ponto. (With an Engl. transl. by A.L. Wheeler) / The Loeb Classical Library 151. Cambridge (MA), 1924.

30. *Flavius Philostratus*. Vita Apollonii // Philostratus. Apollonius of Tyana. Vol. I–II. (With an Engl. transl. by Ch.P. Jones) / The Loeb Classical Library 16, 17. Cambridge (MA), 2005.

31. *Plutarchus.* Antonius // Plutarchus. Vitae. Vol. IX. (With an Engl. transl. by B. Perrin) / The Loeb Classical Library 101. Cambridge (MA), 1920.

32. *Popova R.* Antonia Tryphena: a Hellenistic Queen in the Network of the Roman Imperial System // Orpheus. Journal of Indo-European and Thracian Studies. 25. 2018. P. 69–102.

33. *Pseudo-Lucianus*. Macrobii // Lucian. Works. Vol. 1. (With an Engl. transl. by A.M. Harmon) / The Loeb Classical Library 14. Cambridge (MA), 1913.

34. *Roller D.W*. Cleopatra's Daughter and Other Royal Women of the Augustan Era. N. Y., 2018.

35. *Romer F.E.* A Case of Client-Kingship // AJPh. Vol. 106. 1985. P. 75–100.

36. *Shillam M.W*. Imperial Matchmaker: The Involvement of the Roman Emperor in the Arrangement of Marriages between Client Kings / PhD thesis. University of New England, 2016.

37. *Strabo.* Geographia. Vol. I–VIII. (With an Engl. transl. by H.L. Jones) / The Loeb Classical Library 49, 50, 182, 196, 211, 223, 241, 267. Cambridge (MA), 1917–1932.

38. *Suetonius.* Augustus // Suetonius. Vitae Caesarum. Vol. I–II. (With an Engl. transl. by J.C. Rolfe) / The Loeb Classical Library 31, 38. Cambridge (MA), 1914.

39. *Suetonius.* Nero // Suetonius. Vitae Caesarum. Vol. I–II. (With an Engl. transl. by J.C. Rolfe) / The Loeb Classical Library 31, 38. Cambridge (MA), 1914.

40. *Suetonius*. Tiberius // Suetonius. Vitae Caesarum. Vol. I–II. (With an Engl. transl. by J.C. Rolfe) / The Loeb Classical Library 31, 38. Cambridge (MA), 1914.

41. *Sullivan R.D*. Thrace in the Eastern Dynastic Network // ANRW. 1979. T. II. 7. 1. P. 186–211.

42. *Sullivan R.D*. The Dynasty of Cappadocia // ANRW. 1980. T. II. 7. 2. P. 1125–1168.

43. *Syncellus*. Ecloga Chronographica // Georgii Syncelli Ecloga Chronographica / Hg. A.A. Mosshammer. Leipzig, 1984.

44. *Tacitus.* Agricola // Tacitus. Agricola. Germania. Dialogus. (With an Engl. transl. by M. Hutton, W. Peterson) / The Loeb Classical Library 35. Cambridge (MA), 1914.

45. *Tacitus*. Annales // Tacitus. Opera. Vol. III–V. (With an Engl. transl. by J. Jackson) / The Loeb Classical Library 249, 312, 322. Cambridge (MA), 1931–1937.

46. *Tacitus*. Historiae // Tacitus. Opera. Vol. II–III. (With an Engl. transl. by C.H. Moore) / The Loeb Classical Library 111, 249. Cambridge (MA), 1925–1931.

Сокращения

АМА – Античный мир и археология. Межвузовский сборник научных трудов.

ВДИ – Вестник древней истории.

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры.

СА – Советская археология.

AJPh – The American Journal of Philology.

ANRW – Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

Гвоздева И.А.

МГУ имени М. В. Ломоносова

Функция римских агрименсоров по Corpus Agrimensorum Romanorum

Аннотация. Землемеры обеспечивали функционирование сельскохозяйственной отрасти в Древнем Риме. Прежде всего, это выражалось в их конкретной работе на местности. Эта работа начиналась с ориентации и определения направлений частей света, соблюдавшееся на протяжении всех делителей лимитов. Пересечение лимитов они отмечали постановкой знака – термина, снабжая его надписью о владельце и размере участка. Если в архаику сдвиг термина рассматривался как сакральное преступление, то в классический период Ius Civile он стал серьезным деликтом. В предклассику менсоры становятся главными экспертами по определению статуса участка земли. Именно их экспертиза по типу участка и определяла вид судебного иска в земельном праве в период действия формулярного судопроизводства.

Ключевые слова: землемеры, межевой знак термин, аграрная экспертиза, земельное право.

Gvozdeva I.A.

Lomonosov Moscow State University

The function of Roman Agrimensors by Corpus Agrimensorum Romanorum

Abstract. Surveyors ensured the functioning of the agricultural industry in Ancient Rome. First of all, this was reflected in their specific work on the ground. This work began with the orientation and determination of the directions of the parts of the world, which was observed throughout all the dividers of the limits. They marked the crossing of the limits by setting a term sign, providing it with an inscription about the owner and the size of the site. If in the archaic period the shift of the term was considered as a sacred crime, then in the classical period Ius Civile

it became a serious tort. In the pre-classic, sensors become the main experts in determining the status of a piece of land. It was their expertise on the type of site that determined the type of lawsuit in land law during the period of formal proceedings.

Keywords: surveyors, boundary marker term, agricultural expertise, land law.

Римская агрименсура создала лучшие в древности системы межевания полей, вводившие геометризм в землеустроение. Деление земель лимитами создавало квадратную единицу площади, в которой происходило распределение участков для граждан. Эта система центуриации создала геометрическое единство подготовленной для сельского хозяйства территории. Рим прославился также и тем, что учредил особую службу землемеров (mensores), обслуживавших все этапы создания на земле межевой решетки для передачи земли в собственность (assignatio).

Как же работали такие специалисты? Наглядно это демонстрируется при выведении ветеранской колонии. Задачей таких mensores было подготовить земли divisi к их основной функции assignatio. Собственно, межевание земель делителями-лимитами составляло акцию limitatio. Осуществление лимитации было главной задачей агрименсоров. Но прежде, чем приступать к лимитации, агрименсор в составе комиссии по выведению колонии (Lex de colonia deducende) должен был определить место и внешнюю границу будущей колонии, обозначавшуюся как linea finitima. Следующей важной акцией землемера было: обойти намеченный Ager будущей колонии и обозначить границы земли inculta до начала межевания. Они предназначались для угодий и поскольку не шли в ассигнацию, то исключались из divisio. Затем определялась точка 0 для всего межевания. Чаще всего эту точку выбирали на наиболее высоком месте. Но вот Гигин Громатик считал, что для этой точки отсчета можно выбрать и уже сориентированный объект (CAR, s. 144). Следующей задачей землемеров было – провести ориентацию на местности для определения направлений частей света (CAR, s. 135, 156). Землемеры определяли ориентацию по трем теням прибора громы (CAR, s. 153–154). Первой устанавливали линию Восток-Запад (Decumanus Maximus), затем к ней строили перпендикуляр Север-Юг (Cardo Maximus).

После ориентации начиналась лимитация. Агрименсор отправлял своего помощника от точки 0 в направлении Восток-Запад. И тот двигался на инструмент, расставляя меты-колышки по линии обзора через каждые 12 футов. Так определялась осевая линия Восток-Запад, далее к ней строился от

точки 0 перпендикуляр – осевая линия Север-Юг. Задачей землемера было сразу наметить эти линии, как самые широкие дороги будущего поселения. Так, если Cardo Maximus имел в ширину 20 футов, то на осевой линии от точки 0 отступали на 10 футов и проводили еще одну осевую линию. Затем, отступив от точки 0 в другую сторону на 10 футов проводили осевую линию. После этого землемер проверял точность направления и убирал колышки на первой осевой линии. Когда и направление, и ширина Cardo Maximus были соблюдены, то по этому же принципу проводилась Decumanus Maximus в направлении Восток-Запад. Чаще же первой проводили Decumanus, она имела 40 футов ширины [1]. Все прочие лимиты получили в ширину 8 футов и название linearii, они также стали дорогами общественного значения. Лимиты, параллельные DM, превратились в prorsi (продольные дороги), а параллельные CM, в transversi (перпендикулярные) лимиты. Но каждый пятый лимит (если считать первым Maximus, то он будет шестым), получал название quintarius или actuarius (CAR, s. 144, 169). Ему присуждалась ширина в 12 футов и его надо было проводить сразу же после лимитов Maximus. Пересечение квинтариев заключало в жесткие рамки большую площадь (CAR, s. 123) [6, с. 75–84]. В сущности, квинтарии выполняли контрольную функцию, что и подчеркивалось их особой шириной, кроме того, через них проверялось точное направление ориентации.

Точность в соблюдении ориентированного направления было главной задачей агрименсоров. Для этого были разработаны приемы проведения лимитов на пересеченной местности. Если лимит проходил по низине, то агрименсор спускался в нее и продолжал расставлять меты, не изменяя заложенного направления (CAR, s. 17–18). Если же лимит проходил по холму, то грому ставили на его вершину и определяли направление по превышению одной точки над другой (CAR, s. 107). Практическим руководством по работе землемеров на местности можно считать трактат Фронтина «De arte mensoria» (CAR, s. 15–19) [11]. Его автор по сути являлся основателем науки агрименсуры в Риме.

Но в общественной жизни Рима выделение гражданину участка земли было итогом сакрального акта (Plin. NH. II. 137, 148). А деление полей в гражданском сознании закреплялось расстановкой межевых знаков – терминов (termino sacra faciebat) (Fest. 368m). Термин не только выделял участок земли, но и указывал на его правовой статус (Strabo. V. 210). Ведь проведение границ было божественным распоряжением, именно поэтому граница поля и становилась священной и неприкосновенной (SRF. I, s. 358) [7]. Граница частного поля, finis, также была дорогой, но в 5 футов шириной.

В знаке границы воплощался бог Термин, которому в конце периода Республики старались придать определенную форму [15, с 78–80]. Межевой знак старались изготовлять из твердого камня в виде столбика или стелы. Именно агрименсоры следили за созданием терминов и их соответствием обычаям местностей. Ведь роль знака в границе иногда могли выполнять и отметины на скалах, и зарубки на деревьях. Это были древние способы пограничных обозначений [24, s. 49–50]. Но, уже начиная с периода архаики, в Риме вырабатывались особые правила границ – fines regere [16, s. 215]. Один из ученых землемеров Сикул Флакк оставил описание священного обряда установки Термина в углу пересечения границ соседских участков. Термин необходимо было вбивать в землю строго вертикально, подложив под него бескровные жертвы, а после установки его верхушку надо было украсить венком из цветов и лент. В завершение исполнялся гимн в честь бога Термина (CAR, s. 105) [10; 13, с. 53–56]. Но в углу участка термин часто ставился в виде креста или буквы гаммы, что лишний раз указывало на значение этого quadrifinium (CAR, s. 71). Термин угла поворота часто бывал в виде той или иной геометрической фигуры. В трудах землемеров подчеркивается сакральное значение Термина. Л. Капогросси-Колоньези сводит весь смысл пограничного иска именно к проблеме trifinium [18, p. 381]. В классический период Ius Civile сдвиг термина перестал рассматриваться как сакральное преступление, а перешел в разряд уголовных (D. 10. 1,4,4). Теперь в общественном сознании к ущербу границы относились как к деликту [5]. Ювенал называл преступлением то, что относится к «de termino moto» (Juv. Sat. XVI. 36–39). Преступлением стал считаться не только сдвиг термина, но и уничтожение надписи на нем (CAR, s. 30; SRF. I, s. 249-250; 340-342) [3, с. 24-29; 4; 13, с. 56-57]. А ход судебного разбирательства по контроверсии «de positione terminorum» теперь определяли землемеры (CAR, s. 4, 30–31, 58–59) [2].

Фронтин, а вслед за ним и другие ученые землемеры, осветили деятельность агрименсоров в судопроизводстве по земельным спорам, которая сводилась, в основном, к решению вопроса о границе и месте участка (CAR, s. 4). Важность этого рода работы раскрывалась в таком типе трактатов, как «De controversiis» (CAR, s. 4–10; 30–51; 58–70). Фронтин создал схему расположения номиналов контроверсий, сохранившуюся вплоть до IV в. н. э. Землемеры участвовали в судопроизводстве, демонстрируя хорошее знание всех составляющих его элементов, например, таких как, сельский сервитут iter, совпадавший по ширине с finis. Сикул Флакк, не имевший специального трактата «De controversiis», разбирает все

спорные коллизии в сочинении «De conditionibus agrorum», посвященному правовому статусу земель (CAR, s. 107–110).

Ученые землемеры сообщают и о самом ходе архаического судебного процесса (legis actio), где их роль сосредотачивалась на установлении линии границы finis. Finis оставалась важнейшим критерием и в споре о месте участка (locus), т.к. в нем определялась граница участка. Поскольку в архаику finis была природной, то задачей землемеров I–II вв. было удостоверить сохранность элементов по natura loci для древней границы. Землемеры создали fines regere – порядок в землепользовании, что резко отличалось от agri occupatorii. Finis получала дополнительные обозначения, в первую очередь, в виде межевых знаков, что резко отличало ее от natura loci оккупированных участков. Хотя наделения плебсу в архаике проводилось преимущественно по природным границам, но постепенно именно на их ассигнованных землях стало наблюдаться применение modus, не вводившегося на agri occupatorii. Спор о частной земле раскрывал право каждого участника на часть гражданской собственности. О. Берендс считает, что все без исключения контроверсии касаются вопроса именно о месте участка [16, s. 251]. Действительно, членство в патрицианской цивитас обосновывало право на occupatio. Но вот в плебейских ассигнациях сама граница стала приобретать не только чисто землемерное, но и экономическое значение, превратившись в частную дорогу 5 футов шириной (Cic. I. 21. 55), поскольку именно каждый владелец выделял из собственного участка по 2,5 фута.

Землемеры тщательно исследуют и другую частную дорогу – ригор (rigor). Rigor рассматривается в том же правовом поле, что и finis (CAR, s. 4, 31). В отличие от finis, которая могла быть и частной дорогой, и границей agri occupatorii, rigor был исключительно границей частного участка (CAR, s. 54). Ригор был неглубоким ровиком, стороны которого отмечались оградой. Созданный ригором участок приобретал более правильную геометрическую форму (CAR, s. 113, 115) [14]. Землемеры тщательно отрабатывали проведение двух типов границ и финис, и ригора: они справлялись с этой сложной работой на ровной и пересеченной местности, опираясь на инструкции Фронтина в «De arte mensoria» (CAR, s. 15–19). Их мнение все чаще учитывается в судебных разбирательствах и по проблемам границы, и по проблемам места участка (CAR, s. 31, 53). Наибольшую роль они играли при разборе тяжбы «de positione terminorum», посвященной двум вопросам – границе и места участка [19, s. 177]. А спор de loco требовал их повышенного экспертного внимания больше, чем все другие иски. Дело в том, что в de loco

содержится достаточно и пограничных, и вещных элементов, что сближает его с группой исков finium regundorum (CAR, s. 58–62). Вот специалист-агрименсор и предлагал путь развития судопроизводства [19, s. 197–201].

Поворотным моментом в судопроизводстве по земельному праву стало введение формулярного процесса. Ведущие его преторы нуждались в экспертизах по полям. Вот эта экспертиза и стала самой важной стороной деятельности менсоров в предклассический период (Gai. IV. 63). Действительно, ведь простое решение «ex aequo et bono» не могло удовлетворить участников процесса, когда надо было установить статус участка (CAR, s. 4–10; 31–33; 59–70). Экспертиза понадобилась для определения площади древнего поссессиона, имевшего вид arcifinius (CAR, s. 56, 92, 93) [21, p. 398]. Помощь землемеров магистрату была неоценимой в удостоверении границ всех древних владений (CAR, s. 33) [22, s. 11–12]. Экспертиза по статусу участка теперь является наиболее важной частью работы землемера. Его квалифицированное мнение позволяло претору принимать правильное решение без затяжного разбирательства. Факт, излагавшийся в контроверсии, теперь раскрывался в гражданском смысле in ius concepta уже на основе honorarium претора.

Так, в сложном вопросе о confinium эксперты уточняли ширину finis, учитывая на каждом ее отрезке особенности рельефа местности. Для менсоров наиболее трудным вопросом было построение прямого угла ригора (CAR, s. 4–5, 31). Эта задача иногда формулировалась как исправление угла ригора [23, s. 289]. Сами менсоры вообще рассматривали работу на ригоре как наиболее ранний этап своей экспертизы (CAR, s. 89). Восстановление угла ригора сопровождалось проверкой точности постановки термина в нем (CAR, s. 103–104). Ведь эта точность особенно была важна при удостоверении собственности на участки (CAR, s. 37) [12].

В классический период смысл контроверсии «de positione terminorum» меняется, т. к. здесь теперь вырабатываются правила постановки терминов (CAR, s. 8; SRF. I, s. 275) [17, p. 252; 2]. В экспертизе менсоров наиболее сложным оставался вопрос о разделении вещных и пограничных элементов в спорах «de fine» и «de loco» (CAR, s. 3, 33) [9, с. 41–45]. Ведь для судопроизводства наиболее важен был вопрос будет ли иск вещным или пограничным. В современной научной литературе за абсолютную вещность «de loco» выступает Р. Кнютель [23, s. 299]. Ф. Хинрикс же считает, что «de loco» является как бы промежуточным состоянием между вещным и пограничным иском [19, s. 137]. Наиболее сложной задачей для менсоров было определить площадь древнего поссессиона для формулировки

претором номинала иска, учитывая, что ведь сама категория площади оформилась не ранее конца Республики. Проблема еще усугублялась и тем, что природные реперы arcifinius могли частично уже исчезнуть [8, с. 32–38]. Это объясняет тот факт, что само судопроизводство разворачивалось на архаическом глаголе litigo (CAR, s. 6, 8). Претор мог принять решение согласно результативному статусу иска именно по экспертизе менсора (CAR. S. 40). Этот магистрат мог на interdictum принять хотя бы предварительное решение - не затрагивать этот arcifinius (CAR, s. 6). Так, мы видим, что в «de loco» сочетаются архаические элементы с формулярным судопроизводством, но основой решения становится все же экспертиза менсоров (CAR, s. 89–90). Когда эксперт убеждал претора о превышении в «de loco» пограничных элементов, то в таком случае магистрат переводил спор в категорию «de fine» (CAR, s. 33). Более того, могло быть даже назначено новое расследование. Если документация «veterum monumentum» полностью отсутствовала, то агрименсор мог сохранять свои арбитражные функции вплоть до суда (CAR, s. 92, 95). Но все же вся исковая защита была направлена на поиск компромиссного решения (CAR, s. 76). В период классики агрименсор по-прежнему может называться arbiter ex compromisso (CIL. IX. 2827 (= Dessau 5982 FIRA, Negotia Nr). Насколько значительным было влияние менсора на решение претора определить трудно, но Гай все же называл их арбитрами (Gai. IV. 42).

В период классики наличие документов кадастра начинает влиять на снижение роли экспертизы [20, s. 247]. Теперь план – forma и подробные надписи на терминах могли разъяснить сложные вопросы. Менсоры же вновь сосредотачиваются на metatio, ставшей основой ordinem mundi (CAR, s. 23). Действительно, теперь мировой порядок в сельском хозяйстве всего Средиземноморья стал как бы результатом деятельности римских агрименсоров.

Литература

1. *Гвоздева И. А.* Технические аспекты землеустройства в древнем Риме по трактатам землемеров // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 1979. № 4. С. 74–88.

2. *Гвоздева И.А.* Controversia de positione terminorum в Corpus Agrimensorum Romanorum // Древний Восток и античный мир: Сб. научн. трудов кафедры истории древнего мира Исторического ф-та МГУ. Вып. 3. М., 2000. С. 74–81.

3. *Гвоздева И.А.* «Terminus», «limes», «rigor» в общественном сознание и праве Древнего Рима // Термины, понятия, категории в литературных текстах и документах. М.: Лит. ин-т, 2012. С. 24–29.

4. *Гвоздева И.А., Гвоздева Т. Б.* Terminus – охранитель римских границ // Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 4. История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого. Н. Новгород. 2014. С. 249–268.

5. *Гвоздева И.А.* Император Август – государственный деятель и юрист // Вестник РУДН. Серия: Всеобщ. история. 2015. № 1. С. 5–16.

6. *Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б.* Limites quintarii – категория римской агрименсуры и земельного права // Современный юрист. 2016. № 3 (16). С. 75–84.

7. *Гвоздева И.А.* Agrimensura – наука римского землеустроения периода Республики // Вестник РУДН. Сер.: Всеобщ. история. 2017. Т. 9. № 1. С. 7–17.

8. *Гвоздева И.А.* Категория площади в земельных ассигнациях эпохи римской республики // Аграрное и земельное право. 2018. № 4 (160). С. 32–38.

9. *Гвоздева И.А.* Аграрная экспертиза в земельном праве Древнего Рима // Право и государство: теория и практика. 2018. № 12 (168). С. 41–45.

10. *Гвоздева И.А.* Культ Термина в римском земельном праве // Церемония и ритуал в европейской истории: Сб. ст. по мат.-м межвузовс. научн. конференции / отв. ред. П.Н. Лебедев. М., 2019. С. 42–54.

11. *Гвоздева И.А.* Agrimensores – основатели науки землеустроения и арбитры в земельном праве Древнего Рима // Современный юрист. 2020. № 1 (30). С. 155–164.

12. *Гвоздева И.А.* Конфликты в римском земельном праве эпохи Империи // Вестник РУДН. Серия Всеобщ. история. 2023. Т. 15. № 3. Человек античности в общественной и частной жизни. С. 258–266.

13. *Гвоздева Т.Б.* Межевой знак в системе римского земельного права // Аграрное и земельное право. 2015. № 12 (132). С. 53–56.

14. *Гвоздева Т.Б., Гвоздева И.А.* Strigatio-scamnatio – этап развития римского земельного права // Современный юрист. 2015. № 4 (13). С. 98–108.

15. *Штаерман Е.М.* Древний Рим: Проблемы экономического развития. М.: Наука, 1978. 226 с.

16. *Behrends O.* Bodenhoheit und privates Bodeneigentum im Grenzwesen Roms // Die Römische Feldmeßkunst. Interdisziplinäre Beitrage zu ihrer Bedeutung für die Zivilizationsgeschichte Roms. Göttingen, 1992. S. 192–280.

17. *Burdese L.* Studi sull'ager publicus. Torino: Giappichelli, 1952.

18. *Capogrossi Colognesi L.* Le régime de la terre à l'époque républicaine // Terre et paysans dépendants dans les sociétés antiques. Colloque international, Besançon, 2–3 mai 1974. Paris, 1979. P. 313–388.

19. *Hinrichs F.T.* Die Geschichte der Gromatischen Institutionen. Wiesbaden: F. Steiner Verlag GMBH, 1974.

20. *Hinrichs F.T.* Geschichte der Klage finium regundorum: eine Kontroverse mit Rolf Knütel // ZSS. RA. 1994. Bd. 3.

21. *Gabba E.* Ager Publicus // Die Römische Feldmeßkunst: Interdisziplinäre Beitrage zu ihrer Bedeutung für die Zivilizationsgeschichte Roms. O. Behrends and L. Capogrossi Colognesi (eds). Göttingen, 1992. S. 398.

22. *Kaser M.* Restituere als Prozessgegenstand. Die Wirkungen der litis contestatio auf den Leistungsgegenstand im römischen Recht. München, 1968.

23. *Knütel R.* Die actio finium regundorum und die ars gromatica // Die Römische Feldmeßkunst. Interdisziplinäre Beitrage zu ihrer Bedeutung für die Zivilizationsgeschichte Roms. Göttingen, 1992.

24. *Nissen H.* Das Templum. B.: Wiedmann, 1862.

Сокращения

CAR – Corpus Agrimensorum Romanorum. Ed. C. Thulin. Leipzig: Teubner, 1913.

CIL – Corpus inscriptionum Latinarum. Ed. T. Mommsen. Том I. Berlin, 1893.

Cic. – *Cicero.* De lege agrarian // Cicero, vol. VI. With an English translation by J.H. Freese (The Loeb Classical Library 240). Cambridge, 1930.

D. – Digesta Iustiniani Augusti. Ed. Mommsen – Krüger. Vol. I. Berolini, 1870.

Fest – *Sextus Pompeius Festus.* De verborum significatione quae supersunt cum Pauli epitome. Teubner, Leipzig, 1913.

Gai – Gai Institutionum commentarii quattuor // Ed. Ph. Ed. Huschke, A. Seckel, B. Kuebler. 6 ed. Lipsiae, 1928.

Juv. Sat. – Juvenal, Persius. *Juvenal and Persius.* Edited and translated by Susanna Morton Braund. Loeb Classical Library 91. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.

Plin. NH. – *Pliny*. Natural History in 10 vol. (1st ed. 1940). With an English translation by H. Rackham. (The Loeb Classical Library 233–234). Cambridge, 1938.

SRF – *Blume F., Lachmann K., Mommsen Th., Rudorff A.* Die Schriften der römischen Feldmesser. Bd. 1-2. Berlin, 1848-1852.

Strabo – *Strabo*. Geographika // The Geography of Strabo: in Eight Volumes. Vol. 2. With an English translation by H.L. Jones. (The Loeb Classical Library 50). Cambridge, 1949.

Левин Н.И.

Московский педагогический
государственный университет

Правовое регулирование общественной земли римской колонии по данным Lex Ursonensis

Аннотация. Статья посвящена правовому регулированию общественной земли на основе данных устава колонии Урсы (Colonia Genetiva Julia), что в современной зарубежной и отечественной историографии недостаточно исследовано, а роли влияния римского права на режим регулирования земель в испанских провинциях уделено недостаточно внимания. В этой связи представляется актуальным анализ условий пользования общественными угодьями, режима водопользования и правовое взаимодействие частных лиц и администрации колонии в вопросе аренды ager publicus provincialis. В результате исследования установлено, что устав колонии Урсы запрещал продажу и аренду общественных земель сроком более пяти лет с целью защиты общественного имущества и обеспечения коллективных прав римских колонистов. Провинциалы могли арендовать землю на срок до пяти лет и пользоваться ей на основании узуфрукта, но их право собственности на общественную землю было ограничено законом. Впоследствии общественная земля начала свободно продаваться в связи с получением населением римской Испании прав латинского гражданства.

Ключевые слова: ager publicus, римские колонии, испанские провинции, римское право, местное локальное право.

Levin N.I.

MPSU

Legal regulation of the public land of the Roman colony according to Lex Ursonensis

Abstract. The article is devoted to the legal regulation of public land based on the data of the charter of the colony of Ursa (Colonia Genetiva Julia), which has not been sufficiently studied in modern foreign and domestic historiography, and

the role of the influence of Roman law on the regulation of land in the Spanish provinces has not been given enough attention. In this regard, it seems relevant to analyze the conditions of use of public lands, the regime of water use and the legal interaction of individuals and the administration of the colony in the issue of lease ager publicus provincialis. The study found that the Ursa colony's charter prohibited the sale and lease of public lands for more than five years in order to protect public property and ensure the collective rights of Roman colonists. Provincials could lease land for up to five years and use it on the basis of a usufruct, but their ownership of public land was limited by law. Subsequently, public land began to be freely sold in connection with the acquisition of Latin citizenship rights by the population of Roman Spain.

Keywords: ager publicus, Roman colonies, Spanish provinces, Roman law, local local law.

Общественная собственность – важный признак римской колонии или муниципия в провинциальном обществе. К корпоративной собственности колонии, как правило, относились общественные угодья, здания и сооружения (форум, рынок, термы, храмы), дороги, каналы и клоаки, межевые столбы, муниципальные рабы, а также общественные деньги [8, p. 233]. Эти элементы составляли имущество, коллективным собственником которого выступали римские граждане и иные категории населения, обладающие латинским правом, но основу собственности колонии составляла земля и право пользования, владения и распоряжения ею. Установленный римским правом режим регулирования общественных земель является важной социально-экономической проблемой при изучении структуры римской колонии в период Поздней Республики и принципата Августа. Доклад посвящен анализу норм устава колонии Урсы в вопросах продажи и аренды общественных земель.

Colonia Genetiva Julia была основана в 44 г. до н.э. по приказу Юлия Цезаря [3, p. 236; 6, p. 398], в которую он поселил ветеранов XXX легиона (Caes. B. Alex. 53) [4, p. 52–53], предоставив земельные наделы на основании положений lex Julia agraria 59 г. до н.э. Эти наделы были получены по итогам изъятия у пораженного в правах местного населения в пользу колонистов одной трети земли, ставшей ager publicus provincialis, а ее размежевание на участки проводила специальная комиссия. Границы земельных участков, межевые столбы, рвы и каналы должны были оставаться неприкосновенными, а в случае их нарушения взыскивался штраф в тысячу

сестерциев (Urson. CIIII). Владение этими участками со стороны колонистов было подтверждено позднейшим законодательством: «…каковое поле будет дано в надел и разделено по приказу Гая Цезаря диктатора императора и по закону Антония, и по сенатусконсультам и плебисцитам» (Urson. CIIII / Пер. Е.М. Штаерман). После окончания войн и установления Pax Romana в 27 г. до н.э. Октавиан провел массовый роспуск солдат, предоставив им статус ветеранов на основании выданных дипломов. Огромную массу ветеранов принцепс вывел в города Пиренейского полуострова, организовав новые колонии или увеличив население уже основанных при Цезаре. Так в Тарракон и Новый Карфаген было выведено несколько тысяч ветеранов [2, p. 41]. В 27 году до н. э. были основаны две колонии на территории римской Испании – Pax Iulia и Scalabis Praesidium Iulium, а спустя два года выведена известная колония Эмерита Августа [3, p. 240]. В результате августовской колонизационной политики ветераны получали земельные наделы, входя в местное провинциальное общество и открывая себе путь построения политической карьеры. В этих условиях вставал вопрос острой нехватки общественных земель.

Устав Урсы содержит меры запретительного характера о переходе общественной земли частным лицам. Поля, которые отводились колонистам в качестве общественных, нельзя было продавать или сдавать на срок свыше пяти лет, поскольку после этого арендатор по праву приобретательной давности (usucapio) мог рассчитывать на вхождение в состав колонистов и участвовать в выборах (Urson. XCI). В случае, если земля была незаконно продана, она принудительно возвращалась в общественный фонд, а покупателю назначался штраф в размере ста сестерциев за каждый югер и каждый год пользования землей (Urson. LXXXII). В связи с указанной статьей испанский исследователь П. Саэз отмечает, что основной формой эксплуатации общественных земель была аренда, а ограничение ее продажи интерпретирует как запрет на продажу потенциального дохода с этой земли (fructus), а не самого земельного участка, который муниципальные курии могли фактически продавать через публичные аукционы. Этот механизм П. Саэз усматривает в 69 статье, где регулируется оплата выполненных работ на основании закона об аренде общественных помещений [10, p. 143–144]. Согласно нему, колония не только сдавала в наем публичные сооружения для выполнения работ по обеспечению нужд богослужения, что отражено в законе Урсы, но также могла заключать договоры с societas publicanorum для откупа государственных доходов (Strabo. III. II. 10), в том числе с ager publicus provincialis [11, p. 78, 99–100]. В рамках заключения публичных договоров на

откуп государственных доходов, замечает исследователь, общественные земли колонии можно было приобрести сначала во временное пользование на основании закона об аренде: «ex lege locationis», «…согласно закону о сдаче в аренду» / Перевод Е.М. Штаерман (Urson. LXIX) для выполнения обязательств, а затем перевести участок земли в частную собственность, согласно статье о продаже земли, которая была утрачена и не дошла до нас [10, p. 144–145]. Такие аргументы ввиду отсутствия в уставе разрешительных норм на продажу земли не являются достаточно убедительными.

К. С. Пастор предлагает иную точку зрения на вопрос изменения статуса общественной земли. Она считает, что эта земля не могла передаваться в частные руки неграждан, согласно римскому праву. Для них был доступен только узуфрукт – право пользования имуществом с целью извлечения прибыли (Gaius. II. 7, 21), и через такие правовые механизмы, как mancipatio, in iure cessio или usucapio перегрины не могли приобрести права собственности на общественную землю [9, p. 201–202]. Соответственно, общественная собственность составляла основу существования гражданской общины в форме римской колонии, и в случае продажи ее имущества негражданам, они приобретали членство в этой общине, становясь римскими гражданами, что вело к распаду и разложению общины как социальной организации.

Уже в I в. н.э. правовая ситуация в Испании меняется. В законе испанского муниципия Флавия Ирни отсутствует запретительная норма на продажу муниципальной земли, которая может свободно отчуждаться ввиду предоставления императором Веспасианом в 74 г. н.э. жителям Испании прав латинского гражданства. В законе также отсутствует установленный Цезарем и подтвержденный в дальнейшем Августом запрет на изменение границ земельных участков муниципалов. По всей видимости, в период существования моратория происходил самовольный захват общественных земель, в связи с чем в устав муниципия вводится новое право дуумвира ежегодно проводить осмотр границ наделов (Irin. 76) [7, p. 53–54].

Аренда общественных угодий особо регулировалась законом Урсы. Извлечением выгоды от аренды общинных земель занимались декурионы, так как закон запрещал участвовать в операциях с землей дуумвирам и их родственникам с целью запрета личного обогащения от занимаемой магистратуры (Cic. Verr. I. II. 5, IV. 11, V. 13). Принятие дуумвирами подарков или даров за общественный участок земли наказывалось штрафом в размере 20 тысяч сестерциев – это одна из самых крупных сумм наказания, отмеченная в законе (Urson. XCIII). Статья 82 закона дополнительно

подтверждает, что арендными землями распоряжалась администрация колонии в лице декурионов, запрещающая субарендные отношения. Хотя существование принадлежащих всем жителям общины общественных земель не является специфическим римским правом [10, p. 139], поскольку уходит корнями в более ранние эпохи распада позднеродовой и формирования сельской общины, при таких условиях арендаторы из числа римских колонистов оказывались в следующей юридической ситуации: с одной стороны, они владели этой землей как собственники pecunia communis, а с другой, – арендовали ее на правах частных лиц как бы у самих себя. М.Н. Кириллова усматривает в этом незавершенность развития позднереспубликанского колониального законодательства, не способного еще четко разграничить общественные и частные формы собственности на землю колонии или муниципия [1, с. 207, 209].

Сдача в аренду общественной земли в колонии Урсо была организована таким образом, что водные источники и дороги, примыкающие к арендуемой земле, принадлежали арендаторам, которым также было предоставлено право направлять воду по своему усмотрению (Urson. LXXIX). В конфликт с этим правом вступает положение другой статьи, регулирующей режим пользования общественной водой. При проведении в колонии воды для общественного пользования направление канала устанавливается декретом, на основании которого декурионы направляли воду в любую сторону по своему усмотрению. В этом отношении показательна заключительная фраза статьи: «и пусть никто не сделает ничего такого, из-за чего вода не будет проведена таким образом» (Urson. XCVIIII / Перевод Е.М. Штаерман). Фактически в статье отражена норма, согласно которой при необходимости производится принудительная экспроприация частных земель без компенсации ее владельцам.

Такая норма была характерна для римского права, которое в начале I века до н.э. еще не имело повсеместного распространения в римской Испании: судебный процесс 87 г. до н.э., отмеченный в Контребийской таблице, демонстрирует применение норм местного права. Наместник Ближней Испании Гай Валерий Флакк передал решение дела о праве собственности на землю и проведении водных каналов третейскому судье – ordo города Контребии. Согласно делу, община Саллюенсия приобрела у общины сосинестанов землю для проведения водного канала к границам своей общины, но третья соседняя община алловоненов выразила несогласие с данным решением и оспорила покупку земли в суде наместника провинции. Контребийская община постановила, что саллюенсаны законно приобрели

землю и должны провести канал в пределах установленных межевых столбов через ager publicus provincialis, но если они проведут канал через ager privatus кого-либо из членов общины сосинестанов, то должны выплатить компенсацию собственникам земель (CIL I2, 2951a). В результате, в вопросе земельной собственности главным отличием иберийского права от римского являлось наличие денежной компенсации при принудительном изъятии частной земли и ее переходе в общественную собственность.

Соответственно, арендаторами земель могли быть не только римские граждане, но и местные иберийские общины, у которых конфисковывалась земля при выведении колонии [10, p. 193]. Вступая в арендные отношения с коллективом собственников колонии, местное население постепенно романизировалось и перенимало римские правовые традиции. Таким примером испанский исследователь К.Р. Гонсалес считает неримский род Эмилиев, который был включен в состав колонии Урсы [5, p. 162–163] и приобрел права собственности на землю.

Таким образом, правовое регулирование общественных земель Урсы в I веке до н.э. – I веке н.э. представляет собой сложный социально-экономический процесс. Ветераны колонии являлись собственниками личного надела, а также коллективными собственниками земли колонии, делегируя право распоряжения ею администрации города. Как было показано, продажа общественной земли запрещалась. Само римское право защищало общественную собственность колонии и предусматривало ограничение права собственности провинциалов на корпоративную землю. В I веке н. э. продажа общественной земли становится свободной, что видно по закону муниципия Ирни. Это было связано с предоставлением всем жителям римской Испании прав латинского гражданства, что, в свою очередь, соответствовало общему процессу романизации населения испанских провинций.

Литература

1. *Кириллова М.Н.* Общественные сельскохозяйственные угодья в Древнем Риме (II–I вв. до н.э.): дис. ... канд. истор. наук. М., 2018. 252 с.

2. *Firnigl A.* The settling factors of Roman villas in southern Lusitania // Acta Universitatis Sapientiae. Agriculture and Environment. 2013. № 5. P. 40–55.

3. *García J.J.L.* Los veterani en el proceso colonial de Hispania // Historia Digital. 2023. № 42. P. 217–244.

4. *Gohary L*. La politique coloniale de Cesar en Espagne. Enjeux des ressources naturelles et Colonisation dans la guerre civile. 49-44 avant J.C. Quebec: Département d'Histoire, 2005. 129 p.

5. *González Román C*. Las deductiones de colonias y la Lex Ursonensis // Studia histórica. Historia antigua. 1997. № 15. P. 153–170.

6. *Laignoux R*. Politique de la terre et guerre de l'ager à la fin de la République. Ou comment César et les triumvirs ont «inventé» des terres pour leurs vétérans // MEFRA. 2015. T. 127. 2. P. 397–415.

7. *Lamberti F.* «Tabulae Irnitanae»: municipalita' e «ius romanorum». Napoli, 1993. 611 p.

8. *Munilla-Antoñanzas J.* Reseña de: Andreu Pintado, J., Blanco Pérez, A., Alguacil Villanúa, E. Pecunia communis: Recursos económicos y sostenibilidad de las pequeñas ciudades hispanorromanas. Uncastillo, 2023. 308 p. // Historia Antigua. 2024. № 37. P. 233–238.

9. *Pastor C.S.* La categoría jurídica de la tierra en Hispania romana // Lucentum. 2002. № 21. P. 191–205.

10. *Saez P.* Las tierras públicas en la Lex Ursonensis // Studia histórica. Historia antigua. 1997. № 15. P. 137–152.

11. *Torrent A*. La lex locationis de las tres societates publicanorum concurrentes sub hasta en el 215 a. C. // Studia et documenta historiae et iuris. 2014. № 80. P. 71–101.

Князький И.О.

Московский экономический институт

Пертинакс. Несостоявшийся «хороший император»?

Аннотация. Статья посвящена короткому правлению императора Пертинакса в первые три месяца 193 года. Необычность его появления на Палатине заключалась уже в его происхождении: Пертинакс был сыном либертина. Находясь у власти, он всемерно старался править в духе лучших Антонинов. Прекратились политические репрессии, император постоянно сотрудничал с сенатом. Проводилась разумная экономическая политика. Трагедией для Пертинакса обернулся конфликт с преторианцами, недовольными невыплатой обещанных им денег.

Ключевые слова. Пертинакс, император, Палатин, Антонины, сенат, преторианская гвардия, власть, преобразования, невыплаты, конфликт.

Knyazkiy I.O.

MEI, Moscow

Pertinax. The failed "good emperor"?

Abstract. The article is devoted to the short reign of Emperor Pertinax in the first three months of 193. The strangeness of his appearance on the Palatine was already in his origin: Pertinax was the son of Libertinus. While in power, he tried his best to rule in the spirit of the best Antonines. Political repression stopped, and the emperor constantly cooperated with the Senate. A reasonable economic policy was pursued. A tragedy for Pertinax turned into a conflict with the Praetorians, who were dissatisfied with the non-payment of the money promised to them.

Keywords: Pertinax, Emperor, Palpatine, Antonines, Senate, Praetorian guard, power, transformations, non-payment, conflict.

192 год в истории Римской империи завершился государственным переворотом, прекратившим правление императора Коммода. Это было ужасное правление с ужасным концом. Так судили и судят о нём и

современники, и учёные Нового времени, и исследователи наших дней: «Хаос эпохи Коммода был вызван им самим, именно с него начинается в глазах современного ему историка Кассия Диона эпоха «железа и ржавчины», а, по Гиббону, начало «Упадка и падения Римской империи» [4, с. 458; p. 85–93].

Судьба Коммода повторила участь первого из «плохих императоров» Рима Гая Цезаря Калигулы. Любопытно, что у них был один и тот же день рождения. Возможно потому, памятуя об ужасном конце Гая, Коммод не любил проявления интереса к личности Калигулы. Говорили, что он даже безжалостно расправился с неким человеком за чтение труда Гая Светония Транквилла, описавшего жизнь и гибель Калигулы. Но вот, если после убийства Гая Цезаря в Риме поначалу царила растерянность, поскольку заговорщики не заявили немедленно о преемнике погибшего владыки, а взбодрившийся сенат стал даже обсуждать возможность возврата к республиканской форме правления, то в начале 193 года никаких подобных колебаний быть уже не могло. Монархия являлась единственным способом правления в Риме, никому в голову не приходила мысль её оспаривать. Потому, если и проводить параллель, то, скорее всего, с убийством Домициана, когда быстро был найден всех устроивший император Нерва. Убийцы Коммода также немедленно озаботились выбором достойного преемника истребленного тирана. Сразу же, пока ещё в столице никто не знал о смерти правителя, они обратились к Публию Гельвию Пертинаксу. Это был человек, в Империи известный. Прежде всего, он прославился как выдающийся полководец, многократно отличившийся ещё в царствование Марка Аврелия. Возглавлял он и ряд значимых провинций: Верхнюю и Нижнюю Мёзию, Дакию, Сирию. Как раз в последней при нём командовал легионом на Евфрате Луций Септимий Север. При Коммоде Пертинакс усмирил мятеж в Британии, управлял Африкой, а в 190 году стал префектом столицы. В 192 году он был удостоен консульской магистратуры, каковой обладал вместе с самим императором. Пертинаксу шёл уже 67 год. Успешной, можно сказать, выдающейся карьерой при двух столь несхожих императорах он был обязан исключительно своим природным способностям, явно очень незаурядным. Ведь происхождение не сулило ему сколь-либо значимых успехов в жизни. Родился он на севере Италии, в приморской области Лигурия. Отец его был вольноотпущенником [1, XVIII. (2)]. Потому пробиваться в верхи общества Публию Пертинаксу предстояло исключительно собственными силами. Сумев проявить себя в делах, как военных, так и гражданских, он вошёл в число «почтенных друзей» Марка

Аврелия [2, II. 1. (4)]. Должно быть, именно как человека почтенного, одного из наиболее заслуженных товарищей и полководцев отца Коммод уважал его и ценил. Насколько сам Пертинакс почитал наследника цезаря-философа? Конечно, личность императора, пролившего кровь не только диких зверей на арене, но и немалого числа достойных римлян, не исключая сенаторов, внушать ему особые симпатии не могла. Но ведь служил Публий Гельвий Пертинакс не только цезарю, но прежде всего Риму. Знал ли он о заговоре, приведшем к убийству Коммода? Сведения источников противоречивы. Биограф Пертинакса Юлий Капитолин сообщает, что «Пертинакс не уклонился от участия в замысле убить Коммода, о котором ему сообщили другие» [10, IV. (4)]. Согласно же Геродиану, Лет и Эклект сразу после убийства императора глубокой ночью явились к Пертинаксу. Тот поначалу принял их за своих убийц, посланных Коммодом, но Лет немедленно его успокоил, торжественно объявив: «Мы приходим, чтобы вручить тебе императорскую власть, зная, что ты в сенате выделяешься воздержанностью жизни, великим достоинством и почтенностью возраста, что народ тоскует по тебе и уважает тебя; поэтому мы и ожидаем, что совершаемое будет и для них желанным и для нас спасительным» [2, II. 1. (9)]. Пертинакс дал себя уговорить. А, по Диону Кассию, он, выслушав Лета и Эклекта, «отправил самого доверенного из своих товарищей, чтобы тот своими глазами увидел тело Коммода. Когда же тот подтвердил рассказ о содеянном, Пертинакс был тайно доставлен в военный лагерь» [3, LXXIV. 1. (2)]. Здесь, обратясь к преторианцам, он обещал каждому по три тысячи денариев, благодаря чему смятение среди воинов, поражённых известием о гибели императора, улеглось. Тем не менее, опасения, что ряду благ, дарованных им Коммодом, будет положен конец, сохраняли в них настороженность. Но до времени преторианцы решили сохранять спокойствие.

Затем Пертинакс прибыл в сенат. Здесь он обратился к «отцам, внесённым в списки».

Дион Кассий, будучи сенатором и, соответственно, участником этого исторического заседания, так описал обращение Пертинакса к сенату римского народа: «Покинув лагерь преторианцев, он прибыл в сенат еще затемно и радушно приветствовал нас, так что всякий, насколько это было возможно в толкотне и давке, мог подойти к нему. Затем он без подготовки обратился к нам со следующей речью: «Воины провозгласили меня императором, но я не ищу этой должности и сегодня же откажусь от неё как из-за своего преклонного возраста и слабого здоровья, так и в связи с удручающим положением государственных дел». Не успел он это сказать,

как мы воздали ему искреннюю похвалу и избрали его надлежащим образом. Ведь он обладал превосходными душевными качествами и был крепок телом, если не считать того, что ему немного мешала болезнь ног [3, LXXIV. 1. (4–5)].

Согласно Геродиану, Пертинакс своим выступлением «чрезвычайно обрадовал сенат и вызвал со стороны всех славословия, получив от них всяческий почёт и знаки уважения; провожаемый в храм Юпитера и другие святилища и совершив жертвоприношения за императорскую власть, он возвратился в императорский дворец» [2, II. 3, (11)].

Юлий Капитолин, биограф Пертинакса, сообщает, что он первым из всех императоров получил наименование «отца отечества» в тот же день, когда был назван Августом. Жена его, Флавия Тициана, была названа Августой тогда же [10, V. (5–7)].

Так впервые за всю историю Принципата по главе Римской империи оказался не просто не знатный человек (знатностью и Флавии не блистали, да и Траян с Адрианом), но сын либертина, бывшего до отпущения на волю рабом! Понятно, что представителей нобилитета, лиц сенатского сословия такое происхождение новоиспечённого владыки Рима не могло не коробить. Но он всех устраивал своим достойным военным и гражданским прошлым, а, главное, он предстал в сенате как избавитель от ужасов правления Коммода. Собственно, Пертинакс и стремился таковым быть.

В самом Вечном Городе при известии о смерти Коммода и воцарении Пертинакса все были охвачены ликованием. Погибшего императора римляне – от сенаторов до простонародья – яростно чествили на все лады, как бы состязаясь в крепости выражений в адрес низвергнутого, а потому безопасного тирана. Самые воинственные тираноборцы, не удовлетворившись истреблением изображений Коммода, возжелали разорвать на куски его мёртвое тело. Пертинакс, однако, не допустил глумления над мертвецом, заявив, что труп бывшего императора уже предан земле. И действительно, тело Коммода перенесли в мавзолей Адриана, где оно и было упокоено. Огорчённые тираномахи утешились всевозможными ругательствами. Как писал Дион Кассий: «Избавившись от одного императора, они наслаждались свободой в промежутке между двумя правлениями и старались прослыть людьми вольномыслящими в безопасной обстановке того времени. И действительно, им уже было недостаточно того, что больше не надо бояться; в своей дерзости они желали выйти за всякие рамки дозволенного» [3, LXXIV. 1. (4)].

Такое поведение римской толпы в отношении низвергнутого человека власти не было, увы, исторически оригинальным. Сразу вспоминаются строки Ювенала о глумлении черни над телом казнённого при Тиберии временщика Сеяна, а также ужасный конец императора Вителлия, растерзанного добрыми римлянами, когда борьба за высшую власть в Империи явственно завершалась торжеством легионов Веспасиана.

К чести самого Пертинакса, он держался с достоинством и отнюдь не поощрял буйств толпы. Впрочем, и укротить таковые он был не властен. Накопленный за годы правления Коммода страх и затаённая до поры ненависть неудержимо вырвались наружу.

Новопровозглашённый Август направился в императорский дворец на Палатине, где преторианский трибун, отвечавший в тот день за охрану резиденции правителя, согласно установленному порядку, попросил дать пароль. Пертинакс ответил: «Будем воинами!» Это звучало для преторианцев многозначительно. Было известно, что именно такой пароль он давал ранее «во всех тех случаях, когда командовал войском» [10, V. (5–7)]. Подобным образом Пертинакс высказал как бы порицание службе преторианских когорт при предшественнике, когда те заметно утратили и дисциплину, и воинские традиции. Смысл нового пароля был немедленно понят и, возможно, стал начальной точкой в становлении враждебного отношения преторианцев к новому императору. Нельзя забывать, что сколь-либо серьёзных причин испытывать недоброжелательность к Коммоду у них не было. Тот был в отношении преторианцев щедр и милостив. Многих из воинов возмутило уничтожение изображений прежнего правителя, открытое массовое глумление над памятью о нём. Перспектива же укрепления дисциплины, в чём не приходилось сомневаться, ибо Пертинакс был известен как жёсткий и требовательный военачальник, тоже не могла радовать тех, кто привык к вольготной службе при Коммоде. Единственно, чем мог новый император расположить к себе столичные когорты, так это щедрыми выплатами незаслуженных ими наградных денег. Он это понимал, будучи человеком достаточно образованным, и потому, скорее всего, знающим, какая судьба постигла сокрушителя Нерона Гальбу, имевшего неосторожность твёрдо заявить преторианцам, что он солдат не покупает [5, 16 (1)]. Пертинакс пообещал всем воинам выплатить по двенадцать тысяч сестерциев (три тысячи денариев), не очень-то представляя, откуда он возьмёт столь немалую сумму. В итоге удалось выплатить только вдвое меньше, что, понятное дело, солдат, уже настроившихся на обещанные

деньги, не могло не разозлить. С самого начала правления над Пертинаксом как бы нависала тень Гальбы…

А как приход к власти нового и явно неожиданного для всех императора был воспринят на просторах Империи, прежде всего в тех её провинциях, где стояли легионы? Со времён Августа в Римской державе была великолепно отлажена учреждённая им эстафетная почта. Первоклассные дороги, строительство которых неустанно велось, облегчали связь провинций со столицей. Потому, надо полагать, командующие войсками достаточно быстро узнали о внезапной перемене на Палатине. Надо сказать, что все они весть эту восприняли спокойно и никакого неудовольствия падением Коммода и воцарением Пертинакса не высказали. Новый правитель, искренне поддержанный сенатом, и в армии пользовался большим уважением. Его человеческие качества внушали доверие и обещали прекращение безобразий и произвола Коммода. Потому самые авторитетные военачальники – Клодий Альбин в Британии, Песцений Нигер в Сирии и Септимий Север в Паннонии проявили к Пертинаксу полную лояльность. Следовательно, на поддержку легионов он, безусловно, мог рассчитывать. Но беда была в том, что легионы располагались далеко от Рима и Италии. Преторианцы же гнездились в самой столице и мнение армии их мало интересовало. Поскольку императорский дворец на Палатине находился под их охраной, то многие из них вполне могли воображать, что именно они являются ныне вершителями судеб высшей власти…

Тем временем новый правитель, чьё имя и титулатура звучали теперь Император Цезарь Публий Гельвий Пертинакс Август, наделённый властью народного трибуна, дважды консул, великий понтифик, отец отчества, принцепс сената приступил к исполнению своих властных обязанностей. И оказались они крайне тяжёлыми, поскольку предшественник оставил дела в «дурном и беспорядочном состоянии» [3, LXXIV. 5. (1)]. Особенно плачевным было финансовое положение. И Дион Кассий, и Юлий Капитолин называют просто смехотворную сумму для необъятной Империи, оставшуюся в её казне после Коммода – 250 000 денариев (1 000 000 сестерциев). Потому в первую очередь Пертинакс занялся наполнением казны. И здесь наследие того, кто так бездарно растратил финансы, помогло новому правителю их восстановить. На продажу были выставлены статуи, дорогое оружие, предметы роскоши, даже домашняя утварь Коммода. Здесь, надо сказать, Пертинакс не только наполнял через торги опустошённую казну, но и показывал всем, сколь бездарным и зловредным для государства

было правление недостойного сына славного Марка Аврелия. Вот на что он растранжирил деньги державы и какой постыдный образ жизни вёл!

Особого внимания заслуживает экономическая политика Пертинакса. Он немедленно отменил «все пошлины, придуманные раньше при тирании с целью получать обильные средства – на берегах рек, в портах городов и на проездных дорогах, – он установил прежние свободные порядки» [2, II. 4. (7)]. Такие меры, несомненно, способствовали оживлению экономической жизни Империи. Более того, Пертинакс решил вернуться к опыту знаменитых предшественников – Веспасиана и Адриана, заботившихся о восстановлении хозяйственной жизни на заброшенных землях, входивших в императорскую и государственную собственность. «Прежде всего, он позволил занимать всякому в Италии и прочих странах сколько кто хочет и может невозделанной и вообще совсем не обработанной земли, хотя бы она была собственностью императора, а проявив заботу и возделав её, – стать её хозяином; возделывающим землю он даровал освобождение от всех податей на десять лет и навеки беспрепятственное владение. Он запретил обозначать его именем императорские владения, сказав, что они являются не частной собственностью царствующего, а общей и народной собственностью Римской державы» [2, II. 4. (7)].

Надо сказать, что такие меры, принимаемые в Империи ранее при Флавиях и Антонинах, приводили к заметному экономическому подъёму [6, с. 86]. Подобная хозяйственная политика, апробированная предшественниками, позволяет судить о Пертинаксе как о человеке подлинно государственного ума. Отсюда едва ли можно согласиться с явно устаревшим взглядом на этого императора как на выразителя интересов прежде всего крупных землевладельцев [8, с. 334].

Если экономические меры Пертинакса напоминали схожие действия Веспасиана и Адриана, то, начав борьбу с политическим доносительством, новый правитель действовал в духе «лучшего из принцепсов» Марка Ульпия Траяна. Вот что писал об этом Геродиан: «Он намеревался ещё больше облагодетельствовать подвластных, как это обнаруживали его планы; ведь он подверг гонению доносчиков в Риме и приказал карать тех, кто находился в разных местах, заботясь о том, чтобы никто не терпел от них вреда и не подвергался неосновательным обвинениям. Сенат особенно, но и все остальные ожидали, что будут проводить жизнь в безопасности и счастье.» [2, II. 4. (6)]. Правда, наказания эти были не столь суровы, как при Траяне. Тот ведь повелел посадить известных римских доносчиков на утлый корабль, обречённый вскоре пойти на дно Тирренского моря… Пертинакс же

поступил много мягче, назначив «каждому, навлекшему на себя обвинение в доносительстве, наказание, соответствующее его положению» [10, VII. (1)]. К рабским доносам он проявил совершенную безжалостность. «Тех, кто был схвачен по ложным доносам рабов, Пертинакс после осуждения доносчиков освободил и распял таких рабов, в некоторых случаях он отомстил и за умерших.» [10, IX. 10]. Эти действия нового правителя должны были расположить к нему не только сенаторов, но и остальных римлян, немало страдавших от доносчиков при Коммоде. Но вот иные постановления, проведённые в сенате по настоянию императора, не у всех представителей аристократии могли вызвать одобрение. Так на основании одного из них лица, получившие должность претора от Коммода, но в действительности преторские обязанности не исполнявшие, ныне считались ниже по положению, нежели те, кто трудился реально. Теперь эти номинальные преторы лишались заветной возможности дальнейшего карьерного роста. А ведь преторство было необходимой ступенью для обретения ряда высоких как гражданских, так и военных должностей. Таких же лже-преторов Коммод осчастливил немалое число… Потому Пертинакс неизбежно порождал к себе оппозиционные настроения у части верхов римского общества. И ещё одно решение императора не добавило ему симпатий в сенатской среде. Он распорядился пересмотреть цензовые списки, дабы проверить действительное наличие у представителей сенатского и всаднического сословий необходимой суммы в 400 000 сестерций, каковая обеспечивала право законной принадлежности к ним. В результате немалое число обедневших людей были исключены из состава высших сословий Империи, что, понятное дело, явилось для них жестоким ударом. Поневоле они начинали скорбеть о Коммоде и испытывать самые недобрые чувства к его внезапному преемнику. Наконец, по финансовым соображениям Пертинакс вынужден был сохранить чрезвычайно высокие налоги, введённые в годы правления предшественника, что, увы, шло вразрез с его обещаниями, данными вскоре после гибели Коммода. Здесь дело дошло даже до открытого протеста в сенате, с которым выступил от группы недовольных консуляр Элий Руф Лоллиан Генциан [10, VI. 10–11; VII, 6–7].

Впрочем, подобные проявления неудовольствия начавшимся правлением не стоит преувеличивать. Число недовольных не являло собою большинства ни в сенате, ни в самих высших сословиях римского общества. Много опасней для Пертинакса оказалась враждебность, быстро утвердившаяся в той среде, которая профессионально обладала оружием. Это были преторианцы и прежде всего потому, что реально им выплатили

вдвое меньше обещанного. Особое же недовольство этих воинов вызвало стремление императора восстановить дисциплину, совершенно утраченную гвардией после гибели Коммода. Преторианцы были избалованы привилегированным положением и фактически находились в конфликтах с гражданским населением. Об этом ещё в I веке писал Ювенал:

«Кто преимущества все перечислит, все выгоды, Галлий,
Службы военной? Раз в лагерь приходят для жизни счастливой,
Пусть под звездой благосклонной меня принимают ворота
Рекрутом робким: час добрый удачи ведь стоит не меньше,
Чем если б к Марсу пришли мы с письмом от богини Венеры
Или родимой Юноны, песчаный Самос полюбившей.
Прежде всего назовём вообще удобства, из коих
Немаловажно и то, что тебя не посмеет ударить
Штатский: напротив, удар получив, он сам его скроет.
Выбитый зуб показать не осмелится претору либо
Черную шишку, синяк, на лице его битом распухший,
Или подшибленный глаз, что, по мненью врача, безнадёжен.
Кто наказания ищет за это, получит бардейца
В судьи себе, и в сапог военный обутые икры
Будут видны на скамьях судейских; обычай Камилла
Надо блюсти, и солдат не должен судиться вне вала
Иль далеко от знамён.» [9, V, 16. 1–17].

Дион Кассий так повествует о причинах возникновения заговора против Пертинакса: «Поскольку теперь воинам не было позволено заниматься грабежом, а императорским вольноотпущенникам – бесчинствовать, и те и другие возненавидели Пертинакса лютой ненавистью. Однако вольноотпущенники, будучи безоружными, не затевали ничего, а вот преторианцы вместе с летом устроили против него заговор.» [3, LXXIV. 8 (1)].

Да, Квинт Эмилий Лет, префект претория при Коммоде, в благодарность за высокое назначение, как мы помним, ставший главным организатором (наряду с любовницей императора Марцией) его убийства, очень быстро начал плести нити нового заговора уже против облагодетельствованного им Пертинакса. А ведь тот сохранил за Летом высокий пост префекта претория! Что толкнуло его на это? Возможно, префект полагал, что Пертинакс предоставит и ему возможность прямо участвовать в управлении Империей, подчинится его влиянию. Но вот этого как раз и не случилось. Новый

император начал решительно выстраивать собственную политику, с Летом её не согласовывая.

Кого привлечь к заговору, было очевидно. Вот что пишет о настроениях преторианских когорт Геродиан: «В то время как в жизни водворялось такое добронравие и благораспорядок, одни только телохранители, досадуя по поводу настоящего положения, тоскуя по грабежам и насилиям, происходившим при прежней тирании, и по возможности проводить время в распутстве и попойках, замыслили устранить Пертинакса, так как он был для них несносным и ненавистным, и поискать кого-нибудь, кто вернёт им прежний неограниченный и разнузданный произвол» [2, II. 5 (1)].

Собственно, настрой на новый переворот у преторианцев возник немедленно после гибели Коммода, когда им не понравилось начавшееся свержение статуй погибшего императора. И вот уже в ночь со 2 на 3 января 193 года преторианцы привели в свой лагерь знатного сенатора Триария Матерна Ласцивия и провозгласили его императором вместо Пертинакса. Ласцивий, очевидно совершенно неготовый к столь решительному повороту в своей судьбе, о каковом он, похоже, и близко не помышлял, от незваных благодетелей удрал и явился к Пертинаксу. Засвидетельствовав свою лояльность новому владыке Рима, он, на всякий случай, счёл за благо вообще покинуть столицу и удалился в неизвестном окружающим направлении. Так вот, мелькнув на Палатине, доблестный Триарий Матерн Ласцивий навсегда вошёл в историю!

Заговор Квинта Эмилия Лета был более серьёзным. На сей раз преторианцы наметили в императоры действующего консула Сосия Фалькона, отличавшегося знатностью и богатством [3, LXXIV. 8 (2)]. В пользу привлечения именно такого кандидата, возможно, говорило то, что именно он в сенате открыто упрекнул Пертинакса за то, что убийцы Коммода Лет и Марция не только не наказаны, но продолжают пребывать в добром здравии и неприкосновенности, а Лет сохраняет высший пост префекта претория. Любопытно, преторианцы сами нашли Фалькона, или же Лет простил ему выпад, в сенатской курии сделанный?

План заговорщиков был следующим: когда Пертинакс покинет Рим и будет проверять в порту Остии как идёт снабжение столицы привозным хлебом, Сосий Фалькон пребудет в стан преторианцев и провозгласит себя императором. Но и этот заговор быстро провалился, поскольку кто-то о появлении нежданного соперника своевременно предупредил Пертинакса. Тот стремительно, несмотря на почтенный возраст, вернулся в Рим и предстал перед сенатом римского народа. В своей краткой речи император

напомнил о своей щедрости, проявленной в отношении воинов, и оскорбительно выразился об императорских либертинах. И те, и другие были возмущены, но прямо этого не высказали. Сенаторы решительно были настроены на ликвидацию заговора и на самое жестокое наказание для Фалькона. Вот свидетельство Диона Кассия, сенатора и участника этого заседания: «Когда же мы собирались проголосовать за постановление, осуждающее Фалькона, и уже стали именовать его врагом, Пертинакс поднялся и воскликнул: «Да не случится так, чтобы хотя бы один сенатор в моё правление был предан смерти, пусть даже по справедливому обвинению!» Так спасся Фалькон, который всё остальное время провёл в сельском имении, демонстрируя почтительность и осторожность» [3, LXXIV. 8 (5)].

Но почва для нового заговора оставалась. Его нити продолжал плести державшийся в тени Лет. Не забудем, что помимо преторианского лагеря опасность таилась и в самом императорском дворце на Палатине, ибо дворцовая челядь и придворные ненавидели Пертинакса за резкое уменьшение своих доходов. У императора были, конечно, и преданные слуги, но он оставил их в распоряжении своего сына, пребывавшего вне дворца. Переворот случился 23 марта 193 года. Сам бунт произошёл, судя по всему, спонтанно. Лет, готовя свержение, вёл частую для заговорщиков двойную игру. С одной стороны он вербовал сторонников переворота, с другой клялся в верности Пертинаксу. Это смущало многих преторианцев. И вот, опасаясь, что Лет сдаст их императору и повторится судьба бесславного заговора Фалькона, около 200 (по другим сведениям, 300) воинов с обнажёнными мечами ворвались в Палатинский дворец. Пертинакс узнал об этом тогда, когда бунтовщики были уже на Палатине, о чём сообщили ему жена, а также немногие преданные слуги. Будучи не готов к отражению нападения, император решил попытаться начать переговоры с бунтовщиками и для этого направил к ним Лета. Надо сказать, Пертинакс сделал наихудший выбор! Префект претория вместо увещевания мятежников просто покинул дворец. Потому, когда те ворвались во внутренние покои, император был вынужден сам выйти к ним навстречу [7, с. 57]. Дион Кассий так сообщает об этом: «Пертинакс повёл себя то ли благородно, то ли безрассудно, то ли еще каким-то образом – пусть такое поведение каждый называет, как ему угодно. В самом деле, располагая силами, скорее всего достаточными, чтобы перебить нападавших (ведь у него для защиты были и ночная стража, и всадники, и много других людей находились тогда во дворце), и, во всяком случае, имея возможность скрыться и найти себе убежище в том или ином

месте, заперев ворота дворца и все прочие двери на пути внутрь, он не стал предпринимать ни того, ни другого. Вместо этого он, надеясь, что его вид устрашит, а речь убедит нападавших, вышел им навстречу, когда они уже проникли внутрь дворца.» [3, LXXIV. 9 (3–4)]. Следующие строки Диона Кассия показывают, почему у Пертинакса не было шансов спастись: «Дело в том, что никто из их сослуживцев-воинов не преградил им путь, а привратники и прочие императорские вольноотпущенники не только не заперли, но и открыли настежь все входы.» [3, LXXIV. 9 (3–4)]. Близкие сведения сообщает и Геродиан, говоря, что немногочисленная безоружная дворцовая прислуга разбежалась [2, II. 5 (3)]. Пертинакс предстал перед мятежными воинами в сопровождении лишь одного человека – своего спальника Эклекта. Поначалу появление императора привело часть бунтовщиков в смущение, иные даже опустили мечи. Однако, их предводитель – некто Таузий, по происхождению германец-тунгр, выбежал вперёд и нанёс Пертинаксу удар мечом. Его примеру немедленно последовали другие… Эклект отважно защищал своего государя, убив двоих воинов, ранил нескольких и героически погиб в неравной схватке. Дион Кассий, знавший его, так написал о гибели Эклекта: «После этого я, и раньше считавший его прекрасным человеком, преисполнился настоящим восхищением перед ним» [3, LXXIV. 10 (2)].

Убийцы отрубили голову Пертинаксу и, насадив её на копьё, долго носили по городу, гордые своим преступным деянием. Таков был печальный конец этого императора, чьё правление длилось лишь 87 дней, а прожил он полных 66 лет. История, как общеизвестно, не терпит сослагательного наклонения. Мы не можем знать, каким бы было дальнейшее правление Пертинакса, не стань он жертвой убийц. Но даже столь недолгое его царствование говорит о том, что он заслуживает немалого уважения. Ведь Пертинакс прекратил все процессы по обвинению в «оскорблении величества», сосланных по нему приказал освободить, погибших посмертно реабилитировал. Было восстановлено традиционное римское правосудие, где в процессах равно участвовали представители и обвинения, и защиты. Пертинакс решительно отказался от практики произвольных расправ лишь по воле императора. Вернулась гармония в отношениях августа и сената. «Отцы, внесённые в списки» регулярно видели правителя на своих заседаниях. Пертинакс твёрдо гарантировал отказ от наследия «плохих императоров» – казни неугодных им сенаторов. Была усовершенствована денежная система. Повышение массы денария и доли серебра укрепило прочность финансов Империи. Пертинакс подавал римлянам очевидные

надежды на возвращение к благословенным временам, когда правили Траян, Антонин Пий, Марк Аврелий… Увы, «бунт, бессмысленный и беспощадный», ибо не было у его участников никаких разумных целей, одна лишь лютая злоба, умело раздутая, не дал утвердиться на Палатине ещё одному «хорошему императору». В Империи наступали смутные времена, грозившие кровавой гражданской войной за высшую власть, каковой она не знала с далёкого 70-го года.

Литература

1. *Аврелий Виктор.* Извлечения о жизни и нравах римских императоров. – Римские историки IV в. М., 1997.
2. *Геродиан.* История императорской власти после Марка. СПб., 1995.
3. *Дион Кассий*. Римская история. СПб., 2015.
4. *Крист Карл*. История времён римских императоров. Т. 1. Ростов-н/Д., 1997; *Potter D*. The Roman Empire at Bay, AD 180–395. L., 2004.
5. *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство Римской империи. Т. 1. СПб., 2000.
6. *Светоний*. Гальба // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. СПб., 2014.
7. *Соломатин М.Д.* Социальный состав оппозиции императорскому режиму в Римской империи в правление Пертинакса // Античность Европы: межвузовский сборник научных статей. Пермь, 1992.
8. *Штаерман Е.М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.
9. *Ювенал.* Сатиры. Римская сатира. М., 1989.
10. *Юлий Капитолин*. Гельвий Пертинакс // Властелины Рима. М., 1992.

Солопов Н.В.

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Роль Сената в нарративе о царском времени в «Римской истории» Диона Кассия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности изображения историком III в. н.э. Дионом Кассием сенаторов в нарративе о царском периоде. В результате были выделены три функции (роли), которыми античный писатель наделяет Сенат. Первая – это совещательная функция. Вторая связана с выделением знатнейших людей из Сената как наиболее способных навести порядок в государстве. Третья функция заключается в том, что отношение царей к сенаторам становится для Диона Кассия основой его характеристики правителей.

***Ключевые слова*:** Дион Кассий, «Римская история», царский период, Сенат

Solopov N.V.

HSE University

The role of the Senate in the regal period narrative in Cassius Dio's Roman History

Abstract. The article examines the peculiarities of the historian Cassius Dio's portrayal of senators in the narrative of the regal period. As a result, three functions (roles), which the ancient writer gives to the Senate, were singled out. The first is a consultative function. The second is related to the marking out of the noblest people from the Senate as the most capable of bringing order in the state. The third function consists in the fact that the attitude of kings to senators becomes for Cassius Dio the basis of his characterization of rulers.

***Keywords*:** Cassius Dio, the Roman History, the Regal period, the Roman Senate.

Царский период освещается в первых двух книгах «Римской истории» Диона Кассия, которые не дошли до нас в отдельных манускриптах, однако сохранились в эпитомах и выдержках в сочинениях византийских историков. Для рассматриваемого нами периода важно выделить хронику Иоанна Антиохийского VII в. Несмотря на то, что этому автору характерно приводить практически дословные цитаты ранних историков, вопрос о том, являются ли приписываемые им Диону Кассию характеристики Ромула аутентичными, остается нерешенным [5, p. 17–18; 10, p. 80]. Поэтому мы будем приводить их с необходимой оговоркой. Более надежны выдержки из сочинения De Sententiis (M), сохранившегося как палимпсест в рукописи Vaticanus Graecus 73 X или XI в. Эти выдержки, в целом, сохраняют грамматику, лишь слегка дополняя сентенцию, приводимую в первом предложении [11, p. 1–2].

Наиболее важными являются эпитомы византийского монаха начала XII в. Иоанна Зонары. Именно к сведениям Диона Кассия прибегает эпитоматор при рассказе о событиях с прибытия Энея в Италию и до 146 г. до н. э., поэтому сочинение Зонары представляет для нас особую важность. По сравнению с другим эпитоматором, Иоанном Ксифилином, Зонара более последователен при работе с текстом Диона, его неизбежные сокращения оригинала все же чаще сохраняют смысл и оригинальную структуру первых книг «Римской истории» [11, p. 2–3]. Несмотря на фрагментированность этой части сочинения Диона, новейшие исследования этого источника показали, что Зонара, следуя своему подходу к написанию эпитом, сохранил определенное количество речей и описаний событий оригинального текста Диона [8, p. 49].

Стоит отметить, что сам Дион Кассий был сенатором бóльшую часть жизни, входил в близкий круг советников императора (consilium principis) и в его сочинении уделено особое внимание сенаторам. Как показала В. Шульц, Дион создавал свой труд в эпоху политической нестабильности во время династии Северов, когда усилилось напряжение в отношениях императора и сенаторов, и царский период, таким образом, вполне встраивается в общую концепцию повествования историка как очередной способ морализаторства: показать, как нужно и как не нужно обращаться с сенаторами и к каким последствиям это все приводило, чтобы продемонстрировать, как императорам начала III в. н.э. следует действовать [12, p. 311–315].

Итак, через призму отношений сенаторов и царя Ромул у Диона показан в негативном свете. В довольно показательном отрывке из сочинения De Sententiis можно увидеть, что Ромул был очень груб и деспотичен с отцами, по мнению Диона, что подчеркивается соответствующей репликой: «Ромул в отношении Сената был настроен очень грубо и обращался с ним невероятно деспотично. Он вернул заложников в Вейи самовольно, а не по общему согласию, как обычно. Поняв, что сенаторы недовольны этим, он сказал много неприятного и, наконец, заявил: “я вас, отцы, избрал не для того, чтобы вы надо мной властвовали, а чтобы я вами командовал”»[1] [6, fr. I, 11, M]. По схожей модели Дион характеризует и римских императоров, употребляя определенные прилагательные или наречия для оценки отношения правителя к сенаторам. В данном же отрывке упоминание общего согласия позволяет утверждать, что историк наделяет Сенат совещательной функцией в самые ранние годы римской государственности, что выглядит несколько архаизирующе [7, p. 109], но согласуется с данными Тита Ливия. Несмотря на это, античные историки расходятся в том, кто первым посягнул на это право. Тит Ливий утверждает, что это был Тарквиний Гордый [4, I, 49.7], а Дион Кассий указывает на Ромула. В любом случае, посягательство первого царя на это право сенаторов для Диона становится одной из причин его смерти: «вследствие этого, воспылав ненавистью к Ромулу и окружив его, когда тот выступал в здании Сената, сенаторы разорвали его на части и так убили» [6, frag. I, Ioann. Antioch., frag. 32 M]. В отличие от Плутарха, который не знает, кто убил Ромула [3, 27.2], и Тита Ливия, который называет версию об убийстве отцами «очень глупой молвой» (perobscura fama) [4, I, 16.4], Дион более близок к изложению этой истории Дионисием Галикарнасским, который также рассказывает о самовольном принятии решения по заложникам и называет версию об убийстве Ромула «более убедительной» (τὰ πιθανώτερα) [1, II, 56.3]. Вполне возможно, что Дион взял сведения о смерти первого царя из Дионисия и подогнал их под свою концепцию, чтобы с одной стороны, сделать виновными сенаторов, а, с другой стороны, как будто бы оправдать их жестоким отношением самого Ромула и отказом от совещания с ними при принятии решений. Это схоже с поведением императора III в. Дидия Юлиана, который в описании Диона своим пренебрежением к Сенату напоминает Ромула, однако тот все же изредка, но прибегал к помощи сенаторов. Тем не менее, поскольку процитированный выше фрагмент известен в изложении Иоанна Антиохийского, мы не можем

[1] Здесь и далее перевод цитируемых фрагментов «Римской истории» выполнен нами. – *Н.С.*

однозначно утверждать такую трансляцию версии о смерти Ромула, хотя подобный прием (вычленение необходимых Диону сведений из имевшихся у него в распоряжении авторов и подведение их под свою концепцию) является одной из характеристик работы историка III в. [9, S. 137].

Другим общим местом в нарративе о царском периоде является выделение наиболее знатных и достойных лиц из Сената. Впервые это описывается в процедуре выбора интеррекса после смерти Ромула: «поэтому в течение целого года Сенат обладал властью над общественными делами, предоставив власть на пять дней поочередно самым знатным из сенаторов, которые назывались интеррексы (μεσοβασιλεῖς)» [6, frag. I, Ioann. Antioch., fr. 32 M]. У Тита Ливия подчеркивается сам механизм выбора отцов между собой, но ничего не говорится о том, что это были самые знатные сенаторы [4, I, 17.5-6]. Дионисий Галикарнасский называет этих людей «первыми» (πρώτοις) [1, II, 57.1]. Уточнение Диона подчеркивает важность для историка эпохи Северов происхождения и благородства правящих людей из Сената. А так как в «Римской истории» подобные утверждения употребляются относительно часто [6, XLIII. 27.1; LII, 15.1-4; LVIII, 23.4; LXIII, 17.1, Xiph.; fr. LXVIII, 2.3, Xiph.], то мы, несмотря на то что вышеприведенный фрагмент известен из сочинения Иоанна Антиохийского, можем предположить, что он с большей вероятностью является аутентичным или близким к нему.

Царь Сервий Туллий в нарративе Диона прямо передает ведение важных государственных дел «более выдающимся гражданам (τοῖς δυνατωτέροις), и при этом они достигли гармонии между собой и вели общественные дела наилучшим образом» [6, fr. II, 9, Zon.]. По-видимому, здесь мы имеем дело с общим мотивом всего сочинения историка о необходимости передачи важных государственных дел некой обособленной группе сенаторов. Дион постоянно подчеркивает, что только в таком случае достигался порядок, гармония и спокойствие в государстве, и при Сервии Туллие, и при Цезаре, и при Августе, и активно намекает на необходимость такого препоручения дел в описании событий собственного времени. Конечно, применительно к царскому времени создание некоего подобия consilium principis смотрится анахронистически, тем не менее это важно выделить как еще одну особенность нарратива Диона о царском периоде.

Тем более, что это подтверждается уничтожением тех самых «лучших» людей при Тарквинии Гордом: «ведь он погубил не только приверженцев Туллия, но вдобавок и тех, кто содействовал ему в правлении. И так он уничтожил лучшую часть сенаторов и всадников» [6, fr. II, 10, Zon.]. Об этом упоминает и Тит Ливий («он перебил знатнейших среди отцов в уверенности,

что те одобряли дело Сервия» [4, I, 49.2]), и Дионисий Галикарнасский («потом же он уничтожил бóльшую часть сената, предав сенаторов смерти или осудив на вечное изгнание, и создал новый сенат, приведя на почетные места, ранее занятые теми, кто исчез, собственных сподвижников» [1, IV, 42.4]). Однако их сообщения помещены в контекст репрессий Тарквиния, а убитые сенаторы не связываются с теми «лучшими», которые были избраны при Туллии. Положение сенаторов при Тарквинии было даже хуже, чем при Ромуле. Дион пишет об отсутствии пополнения Сената (в чем он, кстати, расходится с Дионисием) и упоминает об унизительном положении сенаторов из-за их малочисленности: «поэтому Тарквиний не назначил совершенно никого взамен погубленных, но даже, вознамерившись целиком уничтожить Сенат, не ввел туда никого и не доверял ничего важного оставшимся в живых. Он все-таки созывал их, но не для того, чтобы совместно с ними заниматься необходимыми делами, а для того, чтобы всякому стала очевидной их малочисленность и в результате их презирали» [6, fr. II, 10, Zon.]. У Ливия тоже есть этот эпизод: «особенно поредел от этого сенат, и Тарквиний постановил никого не записывать в отцы, чтобы самою малочисленностью своей стало ничтожнее их сословие и они поменьше бы возмущались тем, что все делается помимо них» [4, I, 49.6]. Однако историки по-разному описывают цели. Титу Ливию важно отметить, что это была попытка прекратить претензии сенаторов и заставить их замолчать, в то время как в изображении Диона Кассия целью подобного сокращения численности Сената были унижение и всплеск презрения к сенаторам. Такая акцентировка вполне вписывается в общую структуру повествования историка о Сенате. Дион вновь подчеркивает нарушение царем совещательной функции Сената, что мы уже видели в рассказе про Ромула. Получается, историку важно отмечать совместность принятия решений вместе с сенаторами, поэтому своеволие (как в случае с Ромулом), а тем более унижение членов Сената (как в случае с Тарквинием) описаны Дионом весьма негативно. В. Шульц отмечала, что подобные действия явно маркируют «плохого» правителя и Тарквиний Гордый, тем самым, напоминает как Ромула, так и императоров эпохи Северов, например Коммода или Гелиогабала [12, p. 327–328]. Более того, последний римский царь, согласно отрывку из сочинения De virtutibus et vitiis, «даже попытался полностью распустить Сенат, полагая, что всякая совокупность людей, в особенности избранных и с давних пор обладавших видимостью некой власти (πρόσχημα προστατείας τινὸς), считалась злейшим врагом для правителя» [6, fr. II, 11. 4-5, V.]. Здесь может вызвать вопрос фраза

«видимость власти» (πρόσχημα προστατείας). Для ее объяснения представляется полезным обратиться к гипотезе В. Шульц, которая считает это одним из риторических приемов Диона при изображении недостойных правителей и называет его «фокализацией» (focalisation), подразумевая под этим совпадение риторики автора с мнением человека, о котором он повествует [12, p. 326]. Пользуясь этой концепцией, мы можем считать, что в данном фрагменте Дион выражает мнение Тарквиния о сенаторах, а не свое собственное. Это выглядит логичным, если учесть, что историк часто прибегает к красочным описаниям, драматическим эффектам, диалогам, анекдотам, не свойственным обычному жанру анналов [2, с. 416–417]. Фокализация в данном случае придает эмоциональности повествованию Диона и в очередной раз подчеркивает, каким несправедливым и «плохим» по отношению к сенаторам был Тарквиний, в чем ясно видится собственная позиция историка.

Таким образом, мы можем выделить три наиболее важных роли, которые играет Сенат в нарративе о царском периоде у Диона Кассия. Первая связана с совещательной функцией. В изложении историка сенаторы уже при Ромуле обладают ей. Несмотря на то, что это является архаизацией республиканских традиций, для Диона именно совещательная функция становится самой главной, и ее несоблюдение могло стать для царя фатальным, как в случае с Ромулом. Вторая роль заключается в выделении самых знатных и влиятельных сенаторов как политиков, которые как никто другой способны привести государство к порядку и согласию. Более полно эта мысль раскрывается у Диона в последующем нарративе (особенно в знаменитой речи Мецената в LII книге), однако в первых книгах закладывается базис для дальнейших рассуждений историка. Наконец, третья роль, которую исполняет Сенат в нарративе о царской эпохе, – это роль своеобразного индикатора «хорошего» или «плохого» правителя. Цари, которые уважали сенаторов и передавали лучшим из них власть, удостаивались похвалы от историка (например, Сервий Туллий), а те, которые грубили, унижали, а тем более убивали членов Сената, приводили самих себя к гибели и заслуживали негативной оценки Диона (например, Ромул и Тарквиний Гордый). Подобное морализаторство было направлено на поучение императоров эпохи Северов, чьи действия поразительным образом находят параллели с действиями римских царей.

Литература

1. *Дионисий Галикарнасский.* Римские древности. Т. I / отв. ред. И.Л. Маяк; пер. Н.Г. Майоровой и др. М.: ИД «Рубежи XXI», 2005.
2. *Махлаюк А.В.* Историк «века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история» // Кассий Дион Коккейан. Римская история. Кн. LXIV–LXXX / пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-история, 2011. С. 372–437.
3. *Плутарх.* Ромул // Сравнительные жизнеописания: в 3 тт. Т. 1 / пер. С. П. Маркиша и др. М.: АН СССР, 1961.
4. *Тит Ливий.* История Рима от основания Города / отв. ред. Е.С. Голубцова; ред. пер. М.Л. Гаспаров, Г.С. Кнабе, В.М. Смирин. М.: Наука, 1989. Т. 1.
5. *Cary E.* Introduction // Dio Cassius. Dio‘s Roman History / Text, and English transl. by E. Cary on the Basic of the Version of H. B. Foster. In 9 Volumes. L.: W. Heinemann, 1914–1927. Vol. 1. P. vii–xxviii.
6. *Dio Cassius.* Dio‘s Roman History / Text, and English transl. by E. Cary on the Basic of the Version of H.B. Foster. In 9 Volumes. L.: W. Heinemann, 1914–1927. Vol. 1, 4, 6, 7, 8.
7. *Forsythe G.* A Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War. Berkeley: University of California Press, 2005.
8. *Fromentin V.* La fiabilité de Zonaras dans les deux premières décades de l’Histoire romaine de Cassius Dion: le cas des discours // Cassius Dio’s Forgotten History of Early Rome. The Roman History, Books 1–21 / ed. by Ch. Burden-Strevens, O.M. Lindholmer. Leiden, Boston: Brill, 2019. P. 27–52.
9. *Kuhn-Chen B.* Geschichtskonzeptionen griechischer Historiker im 2 und 3. Jahrhundert n. Chr.: Untersuchungen zu den Werken von Appian, Cassius Dio und Herodian. Frankfurt am Main: Lang, 2002.
10. *Mallan C.T.* The Regal Period in the Excerpta Constantiniana and in Some Early Byzantine Extracts from Dio’s Roman History // Cassius Dio’s Forgotten History of Early Rome. The Roman History, Books 1–21 / ed. by Ch. Burden-Strevens, O.M. Lindholmer. Leiden, Boston: Brill, 2019. P. 76–96.
11. *Millar F.*A Study of Cassius Dio. Oxford: Oxford Univ. Press, 1964.
12. *Schulz V.* Defining the Good Ruler: Early Kings as Proto-Imperial Figures in Cassius Dio // Cassius Dio’s Forgotten History of Early Rome. The Roman History, Books 1–21 / ed. By Ch. Burden-Strevens, O.M. Lindholmer. Christopher Leiden, Boston: Brill, 2019. P. 311–332.

Куликова Ю.В.

Московский педагогический

государственный университет

Дискуссионные аспекты политики первого галльского императора Постума

Аннотация. События середины третьего столетия едва не оказались фатальными для Римской империи. Военачальники и наместники, поставленные императором Валерианом, провозглашались императорами, подрывая и без того нестабильную политическую обстановку, усугубляемую нарастающей инфляцией и вторжениями германцев. Поэтому приход к власти Постума стал знаковым явлением этого периода, этот император сумел объединить значительные территории под своей властью, создав «Галльскую империю», которая, благодаря своим ресурсам и военным силам, способна была противостоять римскому императору Галлиену. Новые археологические, эпиграфические и нумизматические данные позволяют расширить представление о внутренней политике Постума, прояснить некоторые детали его правления, уточнить объем властных полномочий, границы контролируемых территорий. И то, что раньше возможно было вывести только в разряд гипотез, нашло свое более основательное подтверждение, меняя представление о направлениях политики и новых методах противостояния «Галльской империи» и Римского государства, таких как идеологическая борьба.

Ключевые слова: Галльская империя, Римская империя, внутренняя политика, идеологическая борьба, пропаганда, военные подразделения, римские провинции, военные кампании, противостояние.

Kulikova Yu.V.

MPSU

Controversial aspects of the policy of the first Gallic Emperor Postumus

Abstract. The events of the middle of the third century almost proved fatal for the Roman Empire. One by one, military commanders and governors installed by

Emperor Valerian were proclaimed emperors, undermining an already unstable political situation exacerbated by rising inflation and German invasions. Therefore, the coming to power of Postumus became a landmark phenomenon of this period, this emperor managed to unite significant territories under his rule, creating the Gallic Empire, which, thanks to its resources and military forces, was able to resist the Roman Emperor Gallienus. New archaeological, epigraphic, and numismatic data make it possible to expand the understanding of Postumus' domestic policy, clarify some details of his reign, clarify the scope of power, and the boundaries of the territories under his control. And what previously could only be reduced to the category of hypotheses found its more thorough confirmation, changing the idea of policy directions and new methods of confrontation between the "Gallic Empire" and the Roman state, such as ideological struggle.

Key word. Gallic Empire, Roman Empire, domestic politics, ideological struggle, propaganda, military units, Roman provinces, military campaigns, confrontation.

Середина третьего столетия традиционно считается пиком кризиса в истории Римской империи. Сложная ситуация складывалась на всех рубежах государства, активизировались вторжения варварских племен, которые стали объединяться в союзы и использовать для своих грабительских набегов корабли, получая таким образом возможность грабить поселения по берегам рек, в том числе затрагивая и побережья Черного моря, и холодное время года, когда рр. Рейн и Дунай замерзали, что облегчало для германцев вторжения по льду вглубь римской территории и переправу вместе с добычей. На восточных границах армия новой персидской династии Сасанидов стремилась вернуть территории и былое величие Персидской державы, начали активно вторгаться кочевые племена бедуинов.

Пришедший к власти, как и все императоры этого периода в результате провозглашения легионами, Лициний Валериан, судя по его мероприятиям, прекрасно осознавал всю катастрофичность сложившейся ситуации, поэтому стремился сделать все, чтобы западные и восточные территории были надежно защищены легионами и вспомогательными подразделениями. Более того, он умело расставил самых выдающихся военачальников, обеспечив тем самым управление и защиту провинций.

Отправившись на Восток противостоять Сасанидам и не допустить захват столь важных со стратегической и экономической точек зрения территорий Малой Азии, Сирии и Месопотамии, император Валериан был

пленен шахиншахом Шапуром, и судьба его оказалась незавидной, но весьма показательной для общей ситуации в Римской империи [18]. У власти остался сын и соправитель Валериана Галлиен, которому во время своего правления пришлось столкнуться с многочисленными соперниками по власти, провозглашаемыми легионами. И если на Востоке для противостояния персам и восставшим военачальникам Галлиен вынужден был признать власть Одената из рода Гайранидов, возвысившегося как раз в третьем веке, то на западе сложившееся положение стало угрожать целостности всей Империи. Восстания наместников охватили, казалось, бы все провинции. Легионы, так необходимые для защиты государства, оказались вовлеченными в политическую борьбу и внутреннее противостояние, провозглашая все новых и новых императоров.

Современный исследователь В. Эк справедливо отмечает, что участившиеся нападения и вторжение в 258 г. франков на рейнском лимесе сделало возможным провозглашение одного из таких наместников Марка Кассиана Латиния Постума императором [13, s. 37]. Утверждение, что Постум контролировал только одну из Германий или занимался защитой лимеса, звучали уже давно [12, p. 22–24]. Стоит согласиться с мнением И. Кёнига в том, что по письменным источниками возможно проследить постепенное расширение полномочий Постума, например, после назначения под его опеку цезаря Салонина [19, s. 57]. Однако данные о каких-либо других наместниках Галлии и Германии отсутствуют, у исследователей нет даже малейшего предположения или гипотез, поэтому стоит обратить внимание на данные письменных источников о статусе и функциях Постума: «barbaris per Galliam praesidebat» (Aur. Vict. De Caes., XXXIII, 8); «transrhenani limitis ducem et Galliae praesidem» (SHA, XXIV, III, 7); «ἀρχήν ἐν Κελτοῖς στρατιωτῶν ἐμπεπιστευμένος...» (Zosim., I, 38, 2); «εἰς φυλακήν τοῦ Ῥήνου ποταμοῦ ἐαθαίς» (Zonar., XII, 24); «ἀπολλυμένας τάς ἐπαρχίας ταὐτάς ὑπό σοῦ {Gallienus} ταχθείς διασώζειν» (Petr. Patr., 164), из чего возможно сделать вывод о том, что должность Постума не была ограничена только Нижней Германией, территорию которой даже в конце III века населяли не только и не столько галлы, а в большей степени германцы. Кроме того, как справедливо заметила Е. М. Штаерман, провозглашение Постума невозможно объяснить только мятежом на Рейне, тем более что как рейнские легионы не сразу присягнули первому гальскому императору [4, с. 463].

Сосредоточенность Постума на лимесе после своего провозглашения императором вполне объяснима необходимостью восстановления оборонительной системы региона и проведением мероприятий,

направленных на предотвращение вторжений германцев. Так, известно, что Постум еще в должности наместника совершал военные походы за Рейн, а уже в качестве императора заключил союзы с некоторыми из них и даже создал из них пограничные отряды, видимо, продолжив политику других императоров по расселению германцев. Был установлен контроль над Декуматскими полями, по крайней мере, вплоть до конца правления наследника Постума - Викторина. Также, несмотря на однозначный выбор императора Валериана в отношении Колонии Агриппины[1] (совр. Кёльн) в качестве нового центра и монетного двора в регионе, археологические данные указывают на достаточно серьезные проблемы на участке лимеса и самой крепости, возникшие в результате вторжения франков [13, s. 38]. Разрушения и перемещения ряда производств, в частности, гончарного, в другие локации указывает на потерю Колонией Агриппиной своего значения, на что также указывает тот факт, что изначально первый галльский император планировал сделать своей столицей именно Колонию Агриппину, но затем выбрал Августу Треверов (совр. Трир), расположенную в той же провинции, но дальше от лимеса. Тем более, Августа Треверов являлась резиденцией для высших представителей галльской аристократии, в ней располагались, согласно археологических данным, богатые дома, а в округе виллы знати [15, p. 409–410; 4, с. 464].

Уже в следующем 259 г. Постум сумел получить поддержку дислоцированных в регионе военных сил и местного населения, но что более важно, местной аристократии, финансы которой были так необходимы, особенно на первом этапе. Более того, Постум сосредоточил в своих руках контроль над некоторыми, но значительными в территориальном отношениями территориями западных провинций. Таким образом, галльский император вполне мог претендовать на власть в Риме, – такое мнение было выражено некоторыми исследователями на основании самых разных легенд, встречающихся на монетах первого галльского императора [4, с. 455]. Этот аспект является дискуссионным и решение может быть весьма неоднозначным. Дело в том, что в тех сложных военных условиях середины III века Постум считался римским императором, потому что иного варианта (исключение – восточные титулы фактического правителя Пальмиры Одената) просто не существовало: провозглашенный римскими войсками

[1] При Валериане этот город получил название Civ. Col. Agripp. Aug. Valerian. Gallien (CIL. XIII, 8261).

император являлся римским императором и его легитимность поддерживалась военными силами.

Пойдя на соглашение с Оденатом, Галлиен мог сосредоточить свои силы на уничтожении Постума, становившегося все более могущественным соперником, вполне реально опасаясь заключения союзов между Постумом и другими восставшими военачальниками, потому что такой союз угрожал власти римского императора и, возможно, существованию самой Римской империи.

Большая часть сведений о политике первого галльского императора до сих пор находилась в области предположений. Отдельную информацию предоставляли нумизматические данные, а сделанные за последние годы находки лишь подтвердили выдвинутые ранее гипотезы и более того, предоставили новые сведения. Поэтому структуру управления «Галльской империи» считают если не копией, то схожей с системой управления Римской империей, в частности, в существовании сената, в который входили магистраты либо из числа военных и/или представителей галльской знати [2, с. 67, 141]. Неизвестно, в какой степени были задействованы в системе управления представители Британии и Испании.

Придя к власти, Постум постепенно получил контроль над несколькими монетными дворами – в Лугдуна (совр. Лион), Нарбона, Августы Треверов (совр. Трир), Колонии-Агриппины (совр. Кельн), а с середины 60-х гг. Медиолана (совр. Милан), которые стали чеканить его собственную монету [20, p. 855–860; 1, с. 136]. Исходя из того факта, что на огромных территориях оставалось значительное количество рудников, то можно говорить о том, что они продолжали свою работу на нового императора. С другой стороны, именно это обстоятельно опровергает факт контроля Постумом только одной прирейнской провинции.

Военные подразделения, оказавшиеся на момент провозглашения и признания Постума императором, имели различное происхождение, что ранее вызывало у исследователей недоумение [5, s. 218–279; 4, с. 449; 19, s. 89–91; 12, p. 27], однако в этот сложный период постоянные передислокации отдельных когорт и вспомогательных подразделений были необходимы и стали фактически нормой, кроме того, это была еще и попытка снизить политическое вмешательство армии. В. Эк указывает, что все военные подразделения, признавшие власть первого галльского императора, могли быть переформированы в новые военные структуры [14]. Более того, во главе этих подразделений были поставлены (или оставлены в случае присяги) верные офицеры, выстраивалась структура военного и

административного управления в условиях территории «Галльской империи», не связанная с Римским государством. Остается нерешенным вопрос по поводу ретийских подразделений, которые должны оказаться под властью Постума после присяги наместника провинции, как и сам наместник Симплиций Гениалис, скорее всего, продолжал выполнять свои функции, но уже как наместник или легат в «Галльской империи» [2, с. 57].

Для оборонительной системы, воссоздаваемой первым галльским императором, требовалось укрепление и строительство фортов и лагерей, а также назначение трибунов и префектов. Стоит отметить, что это не было кардинально новым, система создавалась Римской империей и была сильно повреждена со временем и под ударами варваров, тогда как у императоров зачастую не было ни времени, ни возможностей для ее полноценного восстановления.

Интересные находки, в числе которых надпись, были сделаны на Рейне и Дунае, что позволило говорить о переброске отдельных подразделений из Британии на лимесы, а также о том, что оставшиеся в Паннонии, они могли полностью или частичности слиться с подразделениями галльского императора [14, s. 139–141]. Об организации вспомогательных лагерей на лимесе для укрепления обороноспособности свидетельствуют также новые эпиграфические данные [ibid., s. 140], и эти сведения можно было ранее только предположить на основании археологических данных, которые ясно указывали на обширную программу строительства и реконструкции всей оборонительной системы региона [2, с. 78–99].

Сняв с себя полномочия наместника провинций первый галльский император должен был обеспечить слаженное управление подчиненными территориями, поэтому возможно предположить, что им были проведены соответствующие назначения наместников и их аппарата. Нам, к сожалению, неизвестны имена этих военачальников за некоторым исключением. О том, что некоторые из должностных лиц присягнули галльскому императору и продолжили свою службу свидетельствует одна надпись, отмеченная еще известным ученым Г. Дессау [11, p. 165], в которой указывается на то, что Цензор и Лепид, которые ранее были замечены в военно-административной системе Римской империи, получали консульские полномочия вместе с Постумом во временном промежутке 263–266 гг. или 267–268 гг. в «Галльской империи» [20, p. 907]. Также, безусловно, стоит отметить тех военачальников и офицеров присягнувших первому галльскому императору подразделений, а также трибуна Викторина, перешедшего на его сторону вместе со своим подразделением и ставшим впоследствии преемником

Постума. Некоторые подразделения за свою службу продемонстрировали особые качества, видимо, верность и отвагу, на что указывает присвоение им титула Postumiana (RIB I, 1883, 1886).

Интересное отличие политики Постума от политики Галлиена заключается в том, что галльский император продолжал назначать сенаторов на должности наместников с сохранением ими военных функций, а римский император проводил целенаправленную последовательную политику отстранения сенаторов от военной сферы (Aur. Vict., XXXIII, 34) [10, p. 38; 9, p. 201]. Однако стоит отметить тот факт, что в сенате галльского императора, как и в римском, могли состоять назначаемые им магистраты, наместники, военачальники, обладающие военными функциями по долгу своей службы, как, впрочем, и сам Постум.

«Галльская империя» достаточно быстро расширила территорию за счет присяги Постуму не только Галлии, Нижней и Верхней Германий, Реции, но и Британии и Испании, что подтверждается, прежде всего, милевыми камнями, установленными в этих регионах, и эпиграфическими данными (RIB I, 191, 590, 897, 1049, 1279, 2232, 2255, 2260; CIL XIII, 6592; 6780; CIL III, 3228; RIB II/3, 2427), позволяющими утверждать что власть над этими регионами сохраняли по крайней мере первые из наследников его власти.

Монеты Постума с реверсами NEPT COMITI и NEPTVNO REDVCI (RIC, Postum., 30, 76, 214–217) может указывать на то, что он проводил «успешные операции в Северном море» [21, p. 5]. Но Дж. Дринкуотер предполагает, что Постум отправился в Британию только для того, чтобы заручиться лояльностью острова [12, p. 168].

Чрезвычайно важной для выявления причин провозглашения Постума императором стала находка победного алтаря в районе Бонн-Бюле (лат. Bonnae), раскрывающего события, происходившие на данном секторе лимеса в тот период [13, s. 38–39]. Исходя из надписи на алтаре, очевидно, что было масштабное вторжение германцев, в результате которого Постуму как наместнику пришлось предпринять ряд действий для его отражения.

Об этой крепости было известно и раньше, именно положение Бонны стало тем фактом, на основании которого исследователи выводили предположение об изначальной должности будущего галльского императора – наместника Нижней Германии [24, s. 831–832; 16, p. 25–32; 19, s. 43–44; 12, p. 24–25; 8, p. 161-162]. Но если это было действительно так, то возможно, восстание на Рейне началось раньше, и это могло позволить Постуму подчинить себе Верхнюю Германию и Галлию, потому что к моменту провозглашения его императором, как указывают письменные источники, он

контролировал эти территории. Можно ли разглядеть за словами античного автора, что бунт на Дунае и на Рейне – практически одновременное событие, ведь есть же предположение о том, что дунайские узурпаторы стремились к союзу с Постумом. Могло ли быть, что в результате вторжений германцев другой наместник был убит? Тогда была вполне обоснована необходимость прибытия цезаря Салонина и префекта претория Сильвана на Рейн. В то же время военная обстановка требовала согласованного, а зачастую, единоличного командования, обеспечить которое мог только Постум, а в условиях конфликта с Сильваном ситуация в регионе лишь усугублялась возможными брожениями среди войск.

Известно, что правый берег Рейна в этой части лимеса стал местом военных столкновений, и поражение германцев является лишь эпизодом, о чем свидетельствуют многочисленные монетные клады на территории Нижней Германии и постепенное разрушение секторов лимеса вместе с некоторыми крепостями и окрестными поселениями [13, s. 39].

Вообще информации по этому времени крайне мало, она весьма фрагментарна, к тому же многие события в последующий период были перепутаны, а вторжения германцев и расселение их на этой территории продолжалось. Поэтому неудивительно, что крупное военное столкновение в этом районе стало всего лишь одним из многочисленных военных сражений мелких и больших этого периода.

В 265 г., исходя из археологических и эпиграфических данных «Галльская империя» оказалась в одном шаге от своего крушения. В этот год Галлиен проводил военную кампанию против галльского императора под командованием Авреола, возглавившего объединенные кавалерийские силы, и, очевидно, при личном участии самого римского императора. Возможно предположить, что активные военные действия, начатые Галлиеном в 264 г. (SHA, XXIII, 7; Zosim., I, 38; Zonar., XII, 24–25), могут являться не отдельными столкновениями, а этапами одной военной кампании против «Галльской империи». Неудачи первого и, скорее всего, спонтанного столкновения в 259 г., а затем уже продуманной и подготовленной кампании 264 г., когда, по свидетельству Зонары, Авреол, преследуя Постума по приказу Галлиена, имел возможность захватить «мятежника», но не стал этого делать (Zosim., I, 38; Zonar., XII, 24–25).

Военную кампанию против Постума возглавил лично император Галлиен, прибывший для этой цели в регион (SHA, XXIII, 4; Zosim., I, 38; Zonar., XII, 24). Ему явно сопутствовала удача, вероятно, он объединил усилия нескольких талантливых военачальников этого периода, включая

Авреола. Как результат, Постум с незначительной частью своих военных сил был отсечен от основных частей и вынужден был укрыться за оборонительными стенами ближайшего города – Вьенны, расположенного в долине р. Роны (SHA, XXIII, 9; Zonar., XII, 24; Pol. Silv., fr. 44–45). Существуют достаточно основательные доказательства, что Вьенна являлась одним из монетных дворов галльских императоров [23, p. 382; 22, p. 134].

Осада проходила достаточно сложно, неясно, то ли военные подразделения Галлиена устремились в погоню за галльскими, то ли оба императора оказались в стороне от основных военных действий с незначительными военными силами. Из сведений письменных источников известно, что Галлиен во время осады успел пообщаться с Постумом и был ранен стрелой (SHA, XXIII, 4; Petr. Patr., fr. 163; Anonym, fr. 6). По какой причине была снята осада - осталось неизвестным, возможно, военные подразделения Постума оказались возле города быстрее, и реальная угроза уже нависла над жизнью римского императора, то ли здесь вновь вмешался Авреол, который вполне мог сообщить дезинформацию о продвижении военных сил Постума и спасать жизнь Галлиена.

Эта военная кампания на данный момент нашла свое подтверждение не только в письменных источниках, но и благодаря археологическим находкам, прежде всего, погребениями в Крефельд-Геллепе (Германия). Постум вынужден был отступить на север, а вот ранение Галлиена остается вопросом дискуссионным. В 266 г. первый гальский император чеканит монеты с пропагандой наступившего мира PAX AVG (RIC, 78–79), что свидетельствует об отступлении римских войск и императора Галлиена. Примечательно, что также в 266 г. были отчеканены монеты с легендами FORTVNA AVG, VIRTVS AVG, FELICITAS AVG, SALVS AVG (RIC, 178–179, 193, 304, 326), в то же время касательно последней легенды можно предположить, что столкновение императоров не обошло ранением и Постума. Также любопытна и легенда VICTORIAE AVGc изображением двух богинь Победы, расположенных лицом друг к другу (RIC, 230). Это могло быть также связано как к победой, одержанной над Галлиеном, так и с победой над внутренними врагами. Дело в том, что в это время начались брожения в рядах войск, современные исследователи выдвигают предположение о мятежах внутри владений первого галльского императора, более того, именно военная кампания 265 г. основательно подорвала авторитет Постума, что, по мнению некоторых современных исследователей, и стало одной из причин бунта Лелиана и убийства самого Постума [13, s. 40; 19, s. 109; 7, s. 248]. Местная знать испытывала разочарование и оправданные опасения, с учетом того, что

многие из них были близки римскому сенату. Возможно, эти очаги бунта целенаправленно подпитывались Галлиеном с целью расчленить «Галльскую империю», но эта поддержка, видимо, оказалась либо недостаточной, либо очаги недовольства были быстро изолированы и подавлены Постумом [13, s. 47].

Фактически нам ничего неизвестно о внутренней политике первого галльского императора, кроме тех, что можно выявить благодаря данным нумизматики и крайне скудных сведений из других источников.

В 1985 г. возле крепостных ворот города Гелдубы (Крефельд-Геллеп), возведенных при Диоклетиане или Константине была найдена плита из песчаника толщиной 8–9 см, поврежденная с двух сторон. Сохранившаяся деталь имеет размеры 55,6 см в высоту и 39,8 см в ширину, в то время как первоначальный размер плиты около одного метра, поэтому можно утверждать, что сохранность составляет едва ли чуть более 35% от изначального текста, но и это большая научная удача. Интересно, что заметны следы использования поверхности для другой более ранней надписи, а новая надпись наносилась в явной спешке, судя по заметной разнице в высоте строк (4,2–3,7–3,4 (до 3,2 и даже 3 см) [14, s. 143]. Кроме того, строки не совсем симметричны по количеству букв, а также не вполне определяемы цифры, обозначающие нумерацию консульских и трибутных полномочий, поэтому восстановление, произведенное археологами, и указывает на последний или предпоследний год правления императора Постума.

Imp. Caesar [M. Cassianius]
Latiniu[s Postumus]
*p.f. invictus Au[g. p.m., tr. pot. X?, cos. IIII?, p.p]*45
per prodit[ionem hostium]
publicorum ba[lineum vi incendi]
consumptum a [fundament(is) refecit]
d(edicat-)

Первые две строки были намеренно повреждены путем проделывания отверстий в отдельных буквах острым инструментом, более сильно во второй строке, чем в первой. Табличка изначально не была снята со здания, на котором она был размещена, несмотря на попытки повредить буквы. Потому что в противном случае повреждения были бы более существенными. Также это не было попыткой стереть имя предыдущего императора, скорее, необходимая зачистка пространства для того, чтобы более надежно закрепить табличку.

Датировка была проведена на основании сохранившегося имени императора Диоклетиана, нанесенного поверх другого имени, которое попытались уничтожить. Так же известно, что сама крепость действовала в первой четверти IV в., но затем была заброшена и уничтожена, возможно, по причине вторжения и расселения германских племен.

Отсутствие необходимой информации в надписи может быть дополнено сведениями из других подобных же сохранившихся надписей с учетом количества букв и намеченных строк, в частности, надпись, размещенная на термах в Британии [13, s. 25]. Текст британской надписи указывает, что первый галльский император Постум через своего наместника в Британии, чье имя не сохранилось по причине повреждения надписи, для ala Sebussiana обновил балиней и базилику. Поэтому эти надписи оказываются единственными доказательствами деятельности первого галльского императора в направлении инфраструктурных изменений на территориях, входивших в «Галльскую империю». В надписи из Гелдубы Постум приказал восстановить термы, которые, вероятно, были разрушены в результате пожара в более раннее время и их точное расположение пока невозможно установить. Основной период восстановительных работ, по мнению современных исследователей, приходится на период непосредственно после фазы острого противостояния с Галлиеном – с 266 по 269 гг. [14, s. 143–144]. Надпись должны были доделать и прикрепить сразу по завершению работ, но с именем Постума явно возникают вопросы – либо имя было уничтожено позднее, что встречается на примере других памятников, например надписи с победного алтаря из г. Аугсбурга, либо, что его не успели нанести, так как пришло известие об убийстве первого галльского императора.

Что касается происходивших событий, которые могли стать причиной разрушения так и не завершенной постройки, как, очевидно, и многих других, то они связаны с последними годами правления первого галльского императора Постума. Исходя из комплекса источников известно, что установление власти Постума проходило относительно мирно, практически все военные подразделения (за некоторым исключением) и гражданское население в Галлии, обеих Германиях, Реции, Британии и на Пиренейском полуострове принесли ему присягу верности [2, с. 57]. Если это и сопровождалось вспышками недовольства, попытками бунта, то скорее всего они были не очень значительными, во всяком случае сведений об этом не сохранилось, наоборот, письменные источники указывают на поддержку Постума (SHA, XXIV, III, 3; Zosim., I, 38).

Помимо организованных военных кампаний против «Галльской империи», началось и политическое противостояние галльского и римского императоров, которое заключалось в идеологической борьбе. Прежде всего, как провозглашенный император Постум отказался почитать культ Галлиена (а это включало многие аспекты, в том числе почитание Гения императора), но в то же время, постарался ввести свой собственный императорский культ, который продолжили почитать его наследники, чтобы легитимизировать свою власть. Так император Тетрик чеканит монеты с изображением своих предшественников Постума и Викторина (RIC, Tetr. I, 197–199), тем самым стараясь укрепить заложенный императорский культ «Галльской империи», но уже явно объединяя его с римским, потому что на его монетах встречается изображение Клавдия II Готского (Ibid., 200).

Постум достаточно внимательно следил за чеканкой монеты своего противника Галлиена, и, видимо, наоборот [17, p. 337–338]. Это объясняет повторяющиеся монетные типы и легенды, в частности атрибуты Геракла. Тем более, что Постум считал Геракла своим божественным покровителем [6]. Геракл выступает как умиротворитель (Pacifer) и покровитель древнего благочестия – вместе с императором приносит он жертву на алтарь (Elmer, 299; RIC, Postum., 135–136, 203–204). Впервые на монетах Постума Геракл назван Immortalis и изображен влекущим за собой побежденного Цербера – символа смерти (Elmer, 502–507; Bastien, 52–55; RIC, Postum., 347). На одной монете Геракл изображен очищающим авгиевы конюшни [6; 4, с. 454], не являлось ли это намеком на ситуацию в Римском государстве в целом и пониманием цели Постума, в частности?

Сходство иконографии на монетах двух императоров можно проследить на примере легенд, посвященных юбилею правления – Постум праздновал quinquennales, а Галлиен – decennales, и хотя происходило это примерно с разницей в два года, тип отчеканенных монет имеет определенно сходство [17]. Особое внимание уделяется образу императора, сакрализации не только его власти, но и личности. Более того, монетные легенды, посвященные взаимоотношению императора и гражданского населения, военных подразделений, требовали особо пристального внимания. Поэтому, как уже указывалось выше, подразделения получали особые титулы, в том числе связанные с именем императора. На монетах позиционируется верность войск, их удачные походы, военные победы (RIC, Gallien., 11, 34, 39, 174 (medal.), 286, 348, 360, 362-363; Postum., 116, 123, 335). В отношении гражданского населения император изображается уделяющим пристальное

внимание жалобщикам и просителям, законодателем, готовым решать внутренние проблемы (RIC, Postum., 276).

Идеологическая борьбы между двумя императорами была гораздо более глубокой, чем ее видно на первый взгляд. Постум создавал собственную идеологическую основу, активно используя доступную ему пропаганду. Так в этот сложный период Галлиен ввел культ Sol в официальный римский пантеон [3], но Sol появляется и на монетах галльского императора Постума (Elmer, 568). Изображение Sol с копьем имеет отсылку к культу Марса, являвшегося покровителем военного дела и встречается на монетах тех императоров, которые вели достаточно продолжительные войны, в частности, Гордиана III, Аврелиана [1, с. 276], при этом на монетах последнего он имеет эпитет Invictus. Интересно, что, например, на монете первого галльского императора Постума, в образе Аполлона-Sol выступает сын и наследник императора (RIC, Postum., 18d). Как отмечает М.Г. Абрамзон, Sol входит в число божеств, регулярно встречающихся на штаммах и клеймах, а их иконографическая близость свидетельствует об усилении «идеологического прессинга» в наиболее сложный период для Римской империи [1, с. 36].

Таким образом, новые археологические и эпиграфические данные значительно расширяют наше представление о политике первого галльского императора Постума, позволяют рассмотреть его конкретные мероприятия по становлению военной и гражданской инфраструктуры, системы управления, и уже на основании конкретных примеров выстроить достаточно основательный фундамент структуры «Галльской империи» в целом, а, кроме того, увидеть причины ее столь долгого существования в этот сложный период третьего века и крушения. Новые методы и взгляд под иным углом на уже казалось бы изученную проблему ярко продемонстрировали всю глубину политического противостояния императоров-соперников, которые в действительности использовали не только военные методы укрепления своей власти и авторитета, но и идеологические – и при более пристальном рассмотрении может оказаться, что в период духовного кризиса и поисков в Римском государстве наибольшее значения имели именно они, на это указывает оформление структуры Церкви в этот период и проведение позднее религиозной реформы императором Аврелианом.

Литература

1. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995.
2. *Куликова Ю.В.* «Галльская империя» от Постума до Тетриков. СПб., 2012.
3. *Куликова Ю.В.* Культ SOL и религиозная реформа императора Аврелиана // Локус: люди, общество, культуры, смыслы 2020. Т.11 № 3. С. 11–27.
4. *Штаерман Е.М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.
5. *Alföldi A.* The Numbering of the victories of the emperor Gallienus and the loyalty of his legions // NC. 1929. Ser. 5. Vol. 9. S. 218–279.
6. *Bastien P.* Les travaux d'Heracle dans le monnay age de Postum // Revue numismatique francaise. 1958. Vol.6. №1. P. 60–78.
7. *Bleckmann B.* Die Reichskrise des III. Jahrhunderts in der spätantiken und byzantinischen Geschichtsschreibung. München, 1992.
8. *Bouvier-Ajam M.* Les Empereurs gaulois. Paris, 1984.
9. *Chastagnol A.* Le Sénat romain à l'époque impériale: recherches sur la composition de l'Assemblée et le statut de ses membres. Paris, 1992.
10. *Christol M., Christol A.* Essai sur l'évolution des carrières sénatoriales dans la seconde moitié du IIIe siècle ap. J.-C. Paris, 1986.
11. *Dessau H.* Le consulat sous les empereurs des Gaules. Mélanges Boissier. Paris, 1903.
12. *Drinkwater J.F.* The Gallic empire: Separatism and continuity in the North – Western provinces of the Roman empire A.D. 260–274. Stuttgart, 1987.
13. *Eck W.* Krise oder Nichtkrise – das ist hier die Frage. Köln und sein Territorium in der 2. Hälfte des 3. Jahrhunderts // Crises and the Roman Empire: Proceedings of the 7th Workshop of the International Network Impact of Empire (Nijmegen, June ed 20–24, 2006). Vol. 7 / ed. O. Hekster, G. de Kleijn, D. Slootjes. Leiden; Boston, 2007. P. 23–44.
14. *Eck W.* Postumus und das Grenzkastell Gelduba // Epigrafia di confine. Confine dell'epigrafia, Atti del Colloquio AIEGL-Borghesi 2003 / éd. M.G. Bertinelli, A. Donati. Faenza, 2004, p. 139–153.
15. *Gansbeke van P.* La mise en état de la défense de la Gaule au milieu du III-e siècle ap. J.C. // Latomus. 1955. T. XIV. P. 405–425.
16. *Gansbeke van P.* Postume et Lélien gouverneurs de la Germanie inférieure ? // RBN. 1959. Vol.105. P. 25–32.
17. *Grandvallet C.* L'affrontement idéologique entre Gallien et Postume : l'exemple des bustes casques et des bustes à attributes Herculéens // Crises and the Roman Empire : Proceedings of the 7th Workshop of the International Network Impact

of Empire (Nijmegen, June ed.20–24, 2006). Vol. 7 / ed. O. Hekster G. de Kleijn, D. Slootjes. Leiden ; Boston, 2007. P. 337–354.

18. *Kulikova Yu.V.* To the question of the fate of the emperor Valerian I // К вопросу о судьбе императора Валериана I // Znanstvena Misel. 2019. №9–1(34). С. 34–42.

19. *König I.* Die gallischen Usurpatoren von Postumus bis Tetricus. München, 1981. (Vestigia, Bd. XXXI).

20. *Lafaurie J.* L'Empire Gaulois apport de la numismatique // ANRW. 1975. II / 2. P. 855–1012.

21. *Mann J.C.* The historical development of the Saxon Shore // The Saxon shore: a handbook / V. Max et alt. (ed.); Department of History and Archaeology; Exeter Studies in History 25. University of Exeter, 1989. P. 1–11.

22. *Mowat R.* Les ateliers monétaires impériaux en Gaule : principalement de Postume à Tetricus (258-273) // RN. 3 ser. 1895. Vol.13. P. 134–186.

23. The Roman Imperial Coinage: in 6 tt. // H.M.A. Mattingly, E.A. Sydenham, P. Webb. L., 1968. T.V/2.

24. *Schiller H.* Geschichte der Römischen Kaiserzeit: I–II Bd. Bd. II. Gotha, 1883.

Сокращения

Anonym. – Anonymus. Fragmentae // FHG. 1885. T. IV. P. 191–192.

Aur. Vict. – Sextus Aurelius Victor. De Caesaribus. Origo gentis Romanae. Liber de viris illustribus urbis Romae. Epitome de Caesaribus / ed. Fr. Pichlmayr, corr. by R. Gruendel, Leipzig 1966.

CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin, 1893–1936.

Bastien – Bastien P. Le monnayage de bronze de Postum. Wetteren, 1967.

Elmer G. Die Münzprägung der Gallischen Kaiser in Köln, Trier und Mailand. Bonn, 1941.

Eutr. - Eutropius. Breviarium ab Urbe condita / ed. F. Ruehl. Lipsia: B.G. Teubner, 1901.

JRS – Journal of Roman Studies.

Petr. Patr. - Petrus Patricius. Fragmentae 9–11 // FGH. 1951. T. IV. P. 181–191.

RIB – Collingwood R. G., Wright R. P. The Roman Inscriptions of Britain: Vol. 1–3. Oxford, 1965. URL: https://romaninscriptionsofbritain.org/ (дата обращения: 01.03.2024).

RIC – The Roman Imperial Coins.

SHA – Scriptores Historiae Augustae / ed. P. Magie. (Loeb). London, 1954.

Zonar. - Zonaras. Epitome Historiarum / ed. Dindorf. Leipzig, 1870.

Zosim. - Zosimus. Historia Nova / ed. F. Paschoud. Paris, 1971.

Малышев А.А.

Институт археологии РАН

Клемешов А.С.

Государственный университет просвещения

Полуостров Абрау в античное время и в XIX в.: исторические параллели

Аннотация. В статье предпринят сравнительный анализ особенностей колонизационных процессов на полуострове Абрау (Краснодарский край, Россия) в античное время и в XIX в. Рассматривается влияние на освоение полуострова природно-климатических особенностей этого региона, его рельефа, обеспеченности природными ресурсами. Отмечается отличие в освоении северной и южной части полуострова в период боспорской колонизации (северная часть – Анапско-Натухаевская долина – подверглась хозяйственному освоению, защищенная горными хребтами южная часть служила убежищем). Вдоль ключевых маршутов, соединяющих побережье, Анапско-Натухаевскую долину и долину реки Гостагайка, была возведена система башенных сооружений, позволявших контролировать эти пути. В период русской колонизации переселенцы сталкивались с такими трудностями, как нехватка качественных строительных материалов, специфика водоснабжения региона и особенностями климата, влиявшими как на хозяйственную деятельность, так и на режим мореходства. При этом природные богатства и стратегическое положение полуострова способствовали успеху его освоения как в античное время, так и в XIX в.

Ключевые слова: колонизация, азиатский Боспор, Анапско-Натухаевская долина, фронтир, Синдика

Malyshev A.A.
Institute of Archaeology RAS
Klemeshov A.S.
State University of Education

Abrau Peninsula in Antiquity and in the 19th century: historical parallels

Abstract. The article is a comparative analysis of the peculiarities of colonization processes on the Abrau Peninsula (Krasnodar Krai, Russia) in the ancient times and in the XIX century. The influence of the natural and climatic features of the region, its relief, and natural resource endowment on the development of the peninsula is considered. The difference in the development of the northern and southern parts of the peninsula during the period of Bosporan colonization is noted (the northern part - Anapsko-Natukhaevskaya valley - was subjected to economic development, the southern part protected by mountain ranges served as a refuge). Along key routes connecting the coast, the Anapa-Natukhaevskaya Valley and the Gostagayka River Valley, a system of towers was erected to control these routes. During the period of Russian colonization, settlers faced such difficulties as lack of quality building materials, the specifics of the region's water supply and the peculiarities of the climate, which affected both economic activity and the mode of navigation. At the same time, the natural riches and strategic position of the peninsula contributed to the success of its development both in ancient times and in the XIX century.

Keywords: colonization, Asian Bosporus, Anapsko-Natukhaevskaya valley, frontier, Sindika

Особенности ландшафта и природные ресурсы

Находка в 1898 г. бюста царицы Динамии в античных развалинах в урочище Широкая Балка вызвала пристальный интерес к местности между Анапой и Новороссийском. Она свидетельствовала о значимости этого региона в истории Боспорского государства в бурное раннеримское время, которое, как известно, заложило основу боспорской экономической и политической системы римского времени, повлияло на развитие экономики [1, с. 2–23; 2, с. 266–268]. Дальнейшие археологические исследования

подтвердили, что эта территория, наряду с регионом в устье Дона, является одним из периферийных районов Азиатского Боспора [3, с. 92–93]. В специальной литературе этот регион получил название п-ова Абрау: его образуют западные отроги главного Кавказского хребта, а также Цемесская и превратившаяся в настоящее время в обширные плавни Анапская бухты.

Климатические особенности региона формируют образующие полуостров западные отроги главного Кавказского хребта и близость к черноморскому бассейну. Ландшафт северной части полуострова (Анапско-Натухаевская долина), несмотря на вариацию высот в пределах 10–200 м, во многом сходен с остальными регионами Азиатского Боспора (Таманского п-ова и северных районов Синдики). Судя по материалам палеоботанических исследований, на протяжении тысячелетий господствовал лесостепной ландшафт, что позволяло использовать эти пространства для зимовки или как убежище в случае военной опасности.

Издавна формирование антропогенного ландшафта долины происходило за счет многочисленных курганных насыпей, которые связаны в большей мере с погребальной традицией степного кочевого населения. Судя по изученным захоронениям под курганными насыпями, проникновение в регион носителей степных культур началось еще в эпоху энеолита.

Помимо кочевников-мигрантов в регионе постоянно присутствовало аборигенное население предгорий, для погребальных традиций которого характерно широкое использование камня (ямы с каменными обкладками, каменные ящики, дольменные сооружения). Данная традиция прослеживается с эпохи энеолита – ранней бронзы (курганы майкопской археологической культуры) вплоть до начала раннего железного века. Взаимоотношения между кочевниками и населением предгорий веками определяли этнополитическую ситуацию в регионе.

В южной части п-ова Абрау (площадь ок. 112 км^2) более сложный ландшафт формирует особую систему расселения: она связана с долинами рек (Сукко, Дюрсо, Абрау, Озерейка, Цемес), которые веером разрезают пространство региона. Соответственно пространства и возможности для хозяйственной деятельности существенно ограничены.

Колонизация юго-восточной периферии азиатского Боспора

Именно здесь, в южной части дельты реки Анапки, в эпоху Великой греческой колонизации (втор. пол. VII в. до н.э.) на перекрестке сухопутных и морских путей греческими переселенцами была основана Синдская гавань.

В основе этого топонима лежит название одного из племен предгорий Северо-Западного Кавказа эпохи раннего железа, синдов, известных своими кроткими (невоинственными) нравами (Псевдо-Арриан., 65). Хозяйство их обитателей было ориентировано на разнообразные ресурсы этого региона, в нем присутствовало не только кочевое скотоводство, но и примитивное земледелие (просо). Особенности аборигенной домостроительной техники, в основе которой постройки из обмазанного глиной плетня (турлук), затрудняют обнаружение и исследование бытовых памятников.

Исходя из названия – Синдская гавань, в основе экономики этого фронтирного центра лежали навигация (обслуживание каботажного мореплавания) и торгово-обменные операции. Несмотря на отсутствие защищенной от ветров бухты и трудности с питьевой водой, открытые раскопками строительные горизонты конца VI–V вв. до н.э., а также остатки фортификационных сооружений V в. до н.э. (глубокий ров и каменная стена) [4, с. 15, 16] свидетельствуют, что за более чем вековую историю здесь постепенно формируется крупный городской центр.

Данные письменных источников свидетельствуют о заметном возрастании значимости и политического влияния этого региона с момента его включения в состав Боспора в перв. пол. IV в. до н.э. [5, с. 95–106]. Стремительное освоение прилегающих к Горгиппии пространств во многом объясняется значительными природными ресурсами южной Синдики (плодородные почвы[1], древесина и т. п.), которые стимулировали формирование в окрестностях Горгиппии обширной[2] хозяйственной периферии (хоры) и развитие здесь зернового хозяйства. На восточном пограничье боспоряне устанавливают контроль над перекрестками издавна существовавших водных и сухопутных путей.

Один из пограничных, фронтирных центров горгиппийской хоры на рубеже IV–III вв. до н.э. Ногай-Кале (Ногайская крепость, ныне: Раевское городище) удобно расположен относительно речной и сухопутной коммуникаций в масштабах не только Анапской долины, но и всего п-ова Абрау, буквально «царит» над местностью [7, с. 112]. Связанные с городищем некрополи, на которых зафиксированы боспорские и меотские погребальные традиции, свидетельствуют о пограничном, фронтирном положении указанного центра.

[1] Синдика у Страбона (Strabo. VII, IV, 6) названа одним из наиболее хлебородных районов Северного Причерноморья.

[2] Она охватывала в восточном и северном направлениях 25-км зону [6, с. 151].

Очередной этап боспорской колонизации юго-восточной периферии азиатского Боспора связан с возведением сырцово-каменных башенных сооружений в важных в стратегическом отношении местах п-ва Абрау. Они позволяли осуществлять сигнально-сторожевые функции на большие расстояния (соседние башни находились в прямой видимости друг друга), а также при необходимости служили узлами системы обороны [8, с. 113; 9]. Такие башенные сооружения появляются и на востребованном маршруте вдоль горного хребта через перевал Муземель из Анапско-Натухаевской долины в долину р. Гостагайка. В настоящее время выявлены остатки башенного сооружения на пос. Куматырь и в урочище Даниленкова поляна.

Для римского времени археологические материалы позволяют выделить два локальных варианта (региона): обширный континентальный и прибрежный, который протянулся узкой полосой на 50 км от Цемесской бухты до хребта Семисам. Целый ряд зафиксированных на побережье археологических памятников эпохи бронзы, РЖВ и античности в настоящее время интенсивно разрушается морским прибоем: поселения в устье рек Шингарь, в урочище Райский уголок и Мысхако, могильники в устье рек Дюрсо, Чухабль (Широкая Балка), Мысхако и в Лобановой Щели. Это обстоятельство, а также находки монетных кладов эллинистической эпохи в окрестностях Большого Утриша и урочища Райский уголок, свидетельствуют о том, что расположенные в прибрежной полосе аборигенные поселения, а также связанная с интенсивным каботажным сообщением и развитием морских промыслов инфраструктура в значительной мере уничтожены интенсивной морской абразией.

Колонизация Черноморья в XIX в.

Присоединение Черноморского побережья Кавказа к России позволило начать новый этап освоения и развития этого региона, при этом современники отмечают ряд особенностей полуострова Абрау, таких как различия между населением предгорий и долины и «недоступность края, сохранявшая его от всякого внешнего вторжения; даже во время внутренних потрясений никогда он не был театром действия» [10, с. 132]. Совершившая поездку по Кавказу П.С. Уварова была убеждена в перспективности освоения природных ресурсов края: «Из всего видно, что край нуждается в разумных поселенцах и, в особенности, в разумной администрации, деятельность которой была бы направлена к сохранению, а не уничтожению богатств края...» [11, с. 24].

Большое значение придавалось и плодородию земель между Анапой и Кубанью. Вице-адмирал Л.М. Серебряков, участвовавший в боевых

действиях против горцев, писал в 1842 г. А.С. Меншикову о высоком качестве почв равнины между Анапой и Кубанью, имевшей у местного населения название Хакой: «от Анапы до Гостогая и Кубани против Темрюка до 50 тысяч десятин чистой и плодородой степи, где горцы, хотя и не живут, но пользуются ею как в ближайших лесах живущие, так и дальние натухайцы. Более тысячи плугов ежегодно беспрепятственно обрабатывали эту степь…» [12, с. 124]. В мемуарах генерал-майора Г.И. Филипсона при описании обстоятельств возведения укрепления на р. Гостогай в 1842 г., говорится: «…Вообще пространство отсюда до Анапы было житницею горцев. При самой первобытной обработке земля давала огромные урожаи всякого хлеба. При рытье рва укрепления я видел пласт чернозема в два аршина толщины. Народонаселение по долине было довольно густо и зажиточно» [13, с. 339].

Материалы позволяют оценить экономическое значение Анапы, которая в течение трех месяцев, с конца июля до ноября, «отправляет за границу излишек хлебных продуктов незначительного местного района около 40 верст» [14, с. 296].

Направления и характер колонизации в XIX в. также в значительной степени были обусловлены рельефом, с учетом которого строилась цепочка фортов: «Образование края и направление левых притоков Кубани указали на возможность постепенно передвигать нашу кордонную линию с Кубани на Лабу, Белую, Пшишь и так далее на запад. Новые кордонные линии занимаются войсками, а за ними водворяется воинственное казачье народонаселение из задних станиц, где порожние места занимают новые переселенцы …с первого взгляда представляется возможность учредить кордонную линию от укр. Варениковского, через укр. Гостагаевское, на верховья Сукко» [15, с. 700–701]».

При этом Анапа, Новороссийск и Варениковское укрепление рассматривались как базовые опорные пункты, для контроля над магистральным маршрутом Анапа-Новороссийск предлагалось поставить промежуточное укрепление и возобновить укрепление в верховьях р. Гостагайка, где оно прикрывало бы путь от Варениковского к Анапе [15, с. 701]. Контроль над этими же сложившимися с древности маршрутами осуществляли возведенное в ходе боспорской колонизации Раевское городище и Верхнегостагаевское городище эпохи Великого переселения народов.

Столкнулась русская колонизация и с проблемами, актуальными также для предшествующих этапов освоения края, – нехваткой строительного

материала, трудностями с водоснабжением и высокой заболеваемостью, связанной с особенностями климата. Отмечалось отсутствие в местах сооружения промежуточных укреплений строевого леса, который пришлось доставлять морем из Ростова, и хорошего строительного камня [15, с. 701].

Одной из ключевых проблем в освоении полуострова стало нерегулярное и неравномерное водоснабжение. Сезонные различия в уровне осадков и неравномерное распределение источников воды создали трудности как для фортификационных сооружений, так и для поселенческой сети: «Все поименованные родники находятся на далеком расстоянии от Анапы, почему представляют массу неудобств… и создают необходимость употреблять воду из колодцев… вредную для здоровья» [16, с. 12–13]». «Анапская равнина бедна водой, а в Анапе пресной воды совсем нет» [17, с. 10]. Уже в 1844 г. в Анапе был построен двухэтажный каменный госпиталь. По словам Н. Дьячкова–Тарасова, на береговой линии, «кроме крепости Анапы», свирепствовала малярия; «в пять лет менялся состав нижних чинов в батальонах, вызванный маляриею… если бы отправлять в лазареты всех лихорадочных, то посты и батарейки опустели бы» [18, с. 258].

Образование в 1866 г. Черноморского округа зафиксировало сложившуюся систему опорных пунктов колонизации, превратив Новороссийск и Анапу, славившуюся своим здоровым климатом [14, с. 292], в ключевые порты, позволяющие обеспечить население необходимыми товарами и вывозить хлеб на продажу.

Морское сообщение имело ключевое значение для региона, являясь единственным способом коммуникации между расположенными близ побережья укреплениями, при этом вследствие слабой защищенности портов Анапы и Новороссийска от ветров осенью и зимой такое сообщение могло надолго прерываться, и «гарнизоны иногда по целым месяцам не получали почти даже необходимых съестных припасов…» [18, с. 259–260]. Традиционное мореплавание было лучше адаптировано к особенностям климата и рельефа: «Главное достоинство турецкой кочермы состоит в том, что она, при первой опасности от ветра с моря, идет прямо в берег, и с помощью простого кабестана, который всегда возит с собою, вытаскивается на сушу», что было возможно лишь при условии лояльности местного населения, поэтому такое мореплавание было «доступно только для турок, но никак не для русских» [19, с. 30].

Оценка перспектив сельского хозяйства в регионе и его природных ресурсов выявила трудности, критичные для ведения традиционного зерноводческого хозяйства и связанные с наклонным характером рельефа:

«только по долинам… представляется ограниченное количество земли с незаметным наклонением, а затем всё остальное пространство представляет покатости и склоны, начиная от отлогих до самых крутых и отвесных обрывов» [20, с. 17]. Выход видели в устройстве на крутых склонах виноградников, фундучных садов, посадок деревьев орехоносных пород, а также распространении террасного земледелия.

Если для эпохи боспорской колонизации отмечается широкое распространение импорта на погребальных и бытовых памятниках коренного населения, для середины XIX в. характерна неразвитость торговли с местными народами в силу слабого учета потребностей местного населения и конкуренции с привозными товарами европейского производства, которыми горцев обеспечивала Турция. Перспективы развития торговли иностранными товарами через русские порты также оценивались крайне пессимистично [19, с. 31].

Сложные ландшафтные и природно-климатические условия обусловили особенности хозяйствования и развития этнополитической ситуации в северной и южной частях полуострова Абрау. В удобной для хозяйствования северной части (Анапско-Натухаевской долине), благоприятной для зернового полеводства, складывалась сеть сельскохозяйственных поселений.

Южная часть полуострова, защищенная горными хребтами и доступная по разведанным еще в древности маршрутам, в т. ч. через перевал Муземель, в долину реки Гостагайки, которые контролировала система укреплений, выступала в качестве надежного убежища. Выявленные здесь фортификационные объекты датируются в широком диапазоне от античности до средневековья. Близостью плодородных земель, по-видимому, объясняется факт того, что в южной части полуострова не сложилось террасное земледелие.

Переселенцы сталкивались с рядом сходных трудностей, в первую очередь, нехваткой качественных строительных материалов, спецификой водоснабжения региона и особенностями климата, влиявшими как на хозяйственную деятельность, так и на режим мореходства. Вместе с тем богатство природных ресурсов и стратегическое значение полуострова способствовали успехам колонизационных процессов, дальнейшее сравнительное исследование которых представляется достаточно перспективным.

Литература

1. *Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. 1916. № 25. С. 1–26.

2. *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002. 269 с.

3. *Онайко Н.А.* Раевское городище, Торик // Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 92–93. (Археология СССР. Т.9).

4. *Алексеева Е.М.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.: Наука, 1991. 143 с.

5. *Завойкин А.А.* К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов // Древности Боспора. 2002. Т. 5. С. 95–106.

6. *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал-УРСС, 1997. 558 с.

7. *Сизов В.И.* Восточное побережье Черного моря: археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. М., 1889. Вып. II. 183 с.

8. *Онайко Н.А., Дмитриев А.В.* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н. э. // ВДИ. 1982. № 2. С. 106–122.

9. *Вязкова О.Е., Гольева А.А., Малышев А.А*. Боспорская сигнально-сторожевая система на полуострове Абрау: результаты комплексных исследований // Abrau antiqua. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. Гриф и К, 2009. С. 212–240.

10. *Люлье Л.* Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1862. Кн. 5. С. 121–138.

11. *Уварова П.С.* Кавказ. Абхазия. Аджария. Шавшетия. Посховский участок. Путевые заметки гр. Уваровой. М., 1892. 316 с.

12. *Хотко С.Х.* Открытие Черкесии. Картографические источники XIV–XIX вв. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2015. 292 с.

13. *Филипсон Г.И.* Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, Вып. 2. 1884. С. 331–362.

14. *Руммель Ю.В.* Керчь, Геническ, Ейск, Темрюк, Анапа: результаты изысканий, произведенных в 1893–94 гг. Анапа / сост. В.Ю. Руммель // Материалы для описания русских коммерческих портов и истории их сооружения. Вып. XX. СПб., 1896. 326 с.

15. *Филипсон Г.И.* Записка наказного атамана Войска Черноморского генерал-майора Филипсона о земле натухайцев // Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адьютанта генерал-фельдмаршала кн. А. И. Барятинского 1856–1862 /

Акты, собранные Кавказской археограф. комиссией. Архив канцелярии главноначальств. Т.XII. Тифлис, 1904.

16. *Перкаро Р.* Портовый город Анапа. Екатеринодар, 1890. 72 с.

17. *Рогачевский А.Н.* Анапа и ее целебные силы. Пг., 1917. 59 с.

18. *Дьячков-Тарасов Н.Я.* Черноморская кордонная, Черноморская береговая линии и правый фланг Кавказа перед Восточною войною в 1853 г. // Кубанский сборник. 1904. Т. 10. С. 243–330.

19. *Шавров Н.А.* Восточный берег Черного моря и его значение для развития русского мореплавания // Морской сборник. Т. LXII. № 9. СПб., 1862. 62 с.

20. *Дукмасов И.А.* О заселении Черноморского побережья Кавказа казачьим войском. М.: Унив. тип., 1887. 43 с.

Иллюстрации

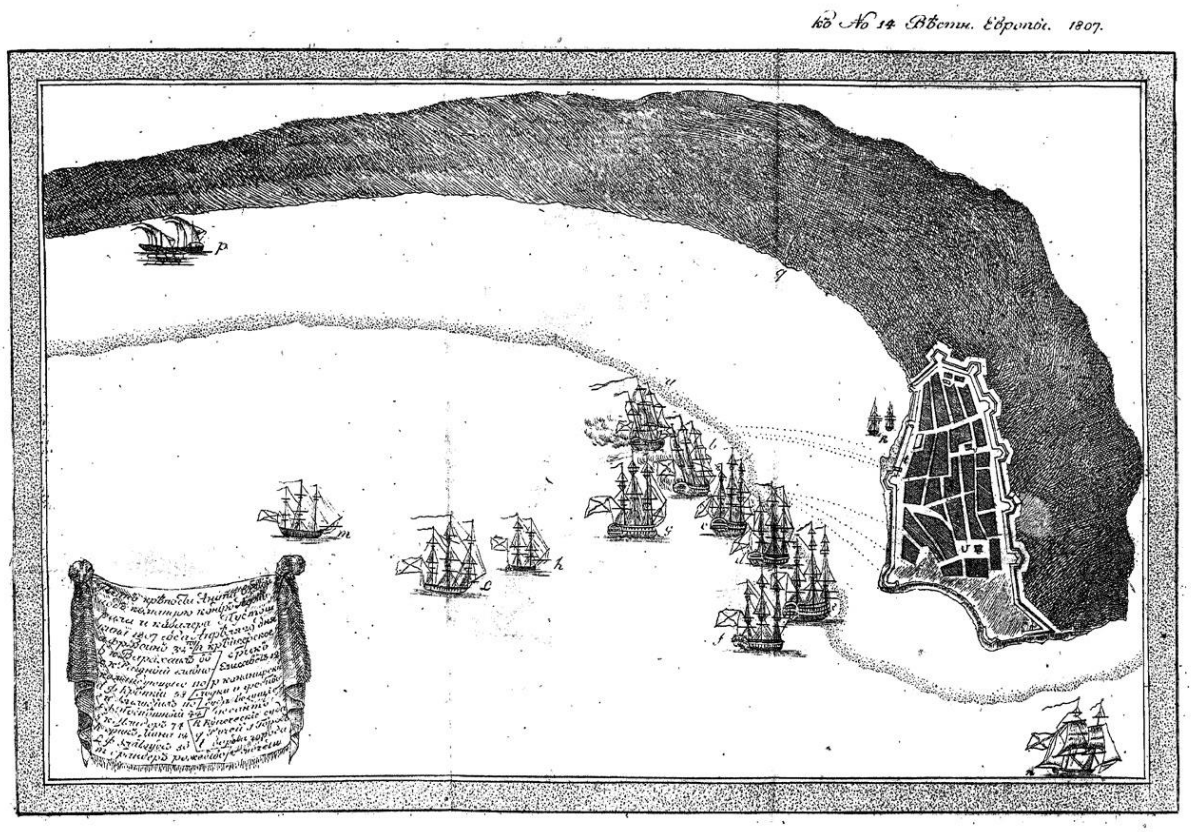


Рис. 1. План Анапы нач. XIX в.

Рис. 2. Основные пути коммуникации п-ова Абрау в сер. XIX в.

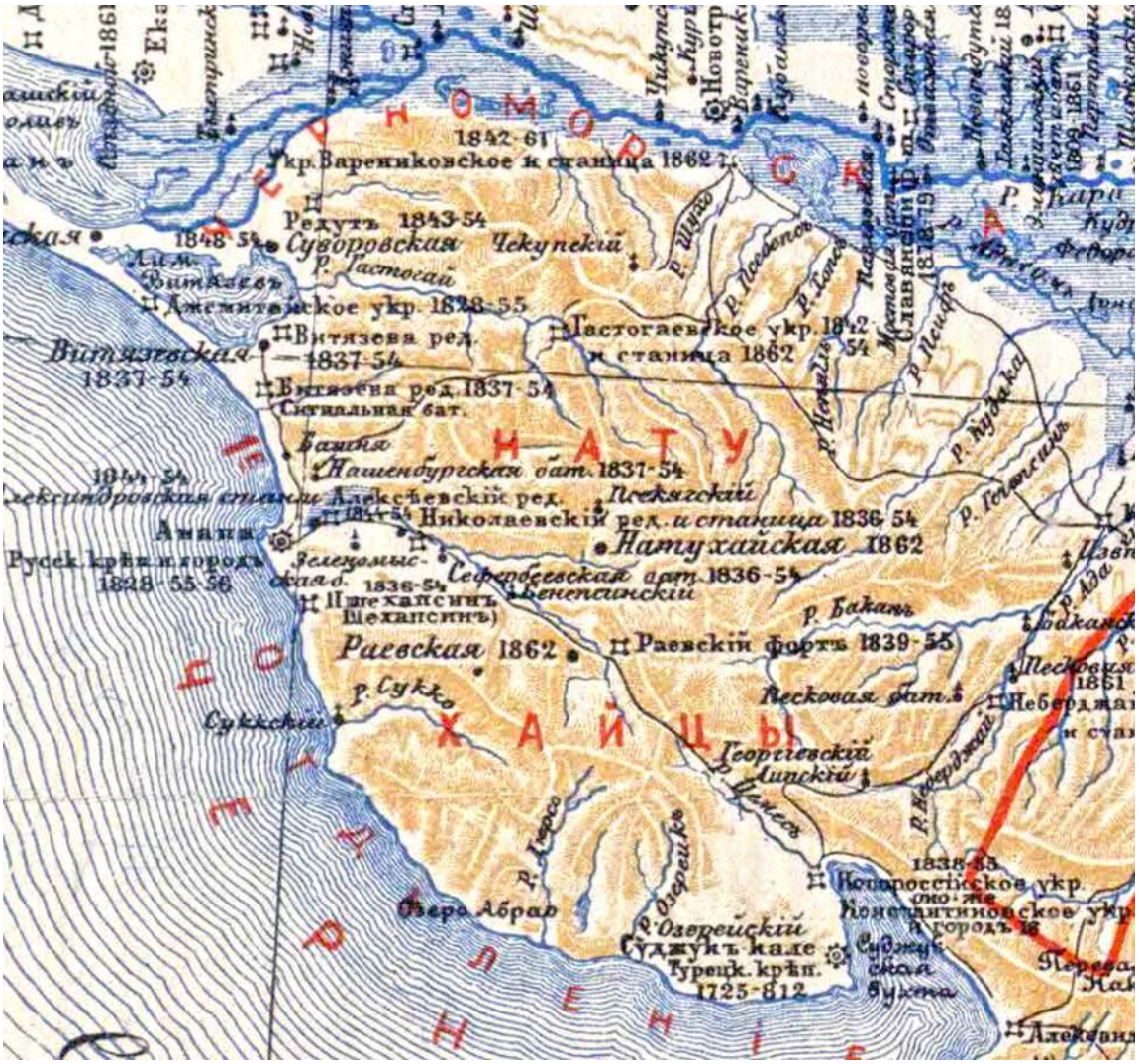


Рис. 3. Полуостров Абрау во второй пол. XIX в.

Болгов Н.Н.

Белгородский государственный университет;
Севастопольский государственный университет

Болгова А.М.

Белгородский государственный университет

Города ранневизантийского Крита

Аннотация. Работа посвящена специфике топографии и регионального развития городов ранневизантийского Крита на основании полученных в ходе археологических раскопок материалов. На острове в данный период насчитывалось значительное количество городов различного размера и значения, часть из которых были столицами микрорегионов. В зависимости от состояния археологической изученности памятников для более подробного обзора выбраны Кносс, Гортина, Иерапетра, Херсонис, Кисамос. Описание такого рода предпринимается впервые в отечественной историографии.

Ключевые слова. Крит, город, остров, Ранняя Византия, топография, улица, общественные здания, порт, фортификация, провинция.

Bolgov N.N.

National Research University «BelSU», SevSU

Bolgova A.M.

National Research University «BelSU»

Cities of early Byzantine Crete

Abstract. The work is devoted to the specifics of the topography and regional development of the cities of early Byzantine Crete based on the materials obtained

during archaeological excavations. During this period, there were a significant number of cities of various sizes and significance on the island, some of which were the capitals of microregions. Depending on the state of archaeological study of the monuments, Knossos, Gortyna, Ierapetra, Chersonesos, and Kissamos were selected for a more detailed review. A description of this kind is undertaken for the first time in Russian historiography.

Keywords: Crete, city, island, Early Byzantium, topography, public buildings.

Крит – остров длиной около 250 км и шириной до 57 км, расположен в центре Восточного Средиземноморья [2, с. 32]. Топография Крита очерчивает его микрорегионы, разделенные горами: Диктейский хребет отделяет восточную часть острова от центральной, Белые горы отделяют запад от центра, а Идейский хребет в середине создает водораздел между западом и востоком центральной части. Таким образом, на острове выделяется 4 микрорегиона.

«Синекдем» Иерокла считается самым важным произведением для установления списка городов Крита ранневизантийского времени. Его важность проистекает внимаиз того факта, что это официальный документ, представляющий собой руководство для государственных чиновников по службе в провинциях. Он датируется первыми годами правления Юстиниана I, но почти наверняка источники его были более ранними, восходящими к эпохе Феодосия II и обновлявшимися впоследствии, хотя и не очень точно и не систематически. Ценность сведений Иерокла заключается именно в том, что, хотя его список может быть неполным, мы можем быть достаточно уверены, что все упомянутые в нем города существовали и действовали примерно в конце V и начале VI в.

Всего в «Синекдеме» упоминается 22 (фактически 23) критских города (сам остров Крит упомянут отдельно под 649.3). Вместе с тем, у Иерокла не указано еще 19 городов и 2 порта, существовавших в изучаемый период. Таким образом, реальное число городов ранневизантийского Крита превысит 40.

Состояние археологического изучения того или иного города Крита различное. Но в целом, в отличие от Кипра, здесь мало где проводились систематические раскопки. В некоторых случаях городище скрыто под современным городом. Во многих случаях из памятников города известна лишь базилика. Некоторые местоположения городов на местности еще не найдены.

Наиболее важные в историческом плане города Крита имеют разную степень археологической изученности. Поэтому представляется целесообразным дать очерк основных городов именно по этому критерию.

Кносс расположен на холме, окруженном рядом других холмов, к юго-востоку от Кносского дворца минойской эпохи. Неподалеку протекает ручей Кератос. Современный город Ираклион еще не дошел до городища, хотя уже значительно приблизился к нему.

Кносс стал римской колонией *Julia nobilis Cnosus* около 27 г. до н.э. Кносская долина чрезвычайно плодородна, и благодаря расположенному поблизости порту Ираклион город поддерживал в римский период стабильную, если не процветающую, экономику. Традиционно римская колония имела сравнительно высокую долю чиновников и население, сформированное из отставных солдат и переселенных италийцев [28, p. 339–379; 29, p. 61–82].

Скудность литературных данных о позднеантичном Кноссе означает, что для понимания города мы полагаемся в первую очередь на археологические свидетельства. Материальные останки позднеантичного времени были впервые систематизированы в 1981 г. [18]. Интенсивные раскопки римских и ранневизантийских слоев были проведены в Неисследованном особняке, пристройке стратиграфического музея, на Вилле Диониса, базилике Санатория, базилике KMF [30, p. 49–67] и др. Базилика Санатория – наиболее полно исследованная и задокументированная базилика на Крите [16, p. 186–238].

Отсутствие внешних вторжений и разрушений имело неоценимое значение для сохранения городища и его памятников. Кроме того, количество спасательных раскопок, проведенных по всей долине, дает возможность восстановить очертания городской топографии, особенно жилых и хозяйственных помещений, а также участков дорожной сети и элементы инфраструктуры, такие как акведук и цистерны.

До начала XXI в. большая часть анализа римского и позднеантичного Кносса основывалась на материальной культуре, полученной в ходе исследовательских раскопок ключевых объектов, таких как Вилла Диониса и Неисследованный особняк. Такие раскопки обращают внимание на избранные аспекты сообщества и города и необходимы для понимания хронологии материальной культуры. Однако эти раскопки не могут дать полную картину характера и диахронического диапазона всего города.

Чтобы сделать это, необходимо обратиться к материалам спасательных раскопок, проведенных в различных местах долины. Они варьируются от

многочисленных погребений, расположенных на склонах окружающих холмов, до монументальных архитектурных остатков в районе к востоку от Виллы Диониса, и до цистерн и дорог.

Хотя пока не найдено убедительных следов оборонительной стены, определяющей внешний контур города, косвенные данные свидетельствуют о том, что он занимал площадь, расположенную между Дворцом бронзового века и первоначальным руслом ручья в овраге к югу от Венизелео. Город римско-византийского времени простирался по более плоским областям дна долины и нижним склонам Акрополя на западе и был ограничен на востоке крутосклонными холмами и ручьем Кератос.

Краткий анализ распределения известных находок показывает относительную плотность поселений, сгруппированных в этой центральной области, в то время как известные погребения занимают окружающие районы за пределами города, сосредоточенные в трех основных кладбищах на севере, юге и юго-западе.

Святилище Деметры [9] на южной окраине города расположено на оптимальном расстоянии от центра. Материальные остатки и факты наличия других культов, таких как культ Исиды в святилище Деметры и Кастора и Поллукса в святилище Главка, были идентифицированы посредством эпиграфических свидетельств. Небольшой храм на восточной окраине города может быть храмом Асклепия.

Общественная зона римского и позднеантичного города малоизвестна и идентифицируется, в первую очередь, по остаткам стен общественных зданий (например, гражданской базилики) [15, p. 489–492].

Раскопки Неисследованного особняка выявили важные свидетельства интенсивной хозяйственной деятельности. Они распространились как на север, так и на юг от городища с открытием печей в районе Венизелио, а также гончарных мастерских в деревнях округи Кносса. Другие виды деятельности включают переработку сельскохозяйственной продукции, а также, возможно, красильные работы на окраине городского пространства.

Некрополи на окружающих холмах обозначают границу города в римский период. Северная окраина города отмечена римским кладбищем, расположенным в районе базилики KMF [27, p. 331–386; 30, p. 49–67]. Южная часть расположена к югу от современной деревни Кносс.

Ранневизантийские слои Кносса включают две базилики, V и VI в., возможно, еще одну базилику в соседней деревне Макритих, и значительное количество погребений. Все эти объекты лежат за пределами римского городища, и мы видим убедительные доказательства того, что центральный

фокус города сместился на север. Это особенно заметно по расположению двух христианских базилик, а также по растущему количеству свидетельств существования позднеантичных домов, обнаруженных во время спасательных раскопок. Сдвиг на север дополнительно определяется расположением христианских погребений в южной части жилого района римского времени в районе деревни Кносс.

Уровень архитектуры, эпиграфические и нумизматические свидетельства, скульптура, керамика, стекло, мрамор и другие материалы той части города, которая была раскопана, являются доказательством наличия процветающего и важного города в римский и позднеантичный периоды [29, p. 61–81].

Из четырех значительных концентраций мозаики в Кноссе самая северная указывает на местоположение позднеантичного центра города, поскольку две христианские церкви там содержат мозаику.

Раскопанная часть здания, известного как Вилла Диониса (1935–1971) [22, p. 311–351; 17, p. 97–169], состоит из перистильного двора с комнатами по трем сторонам. В комнатах есть прекрасные мозаичные полы, замечательной сохранности. Перистиль и связанные с ним комнаты были зоной общественного приема искусно украшенного римского дома II в. Большая цистерна, соединенная с акведуком, обеспечивала обильное водоснабжение. Дионисийские образы мозаик, вместе с необычайным ассортиментом импортных винных амфор, найденных на территории, предполагают, что владелец, возможно, преуспевал за счет торговли вином. Городские элитные резиденции римского времени хорошо известны, особенно на Кипре (Пафос, Курион). В ранневизантийский период они несколько меняют свое назначение, приобретая квази-общественные функции (дом Евстолия в Курионе на Кипре).

Важная концентрация мозаик находится также вокруг так называемой гражданской базилики. Расположение этих мозаик в районе театра, гражданской базилики и больших терм помогает определить этот район как общественный центр, ограниченный городскими резиденциями предположительно местной элиты или правительственных чиновников.

Промышленная зона расположена к востоку от этой концентрации и также отличается отсутствием мозаики, несмотря на раскопки. Это подтверждается находками фрагментов статуй, монет и надписей, а также римских руин, которые еще предстоит исследовать на всей территории долины.

Гортина. Октавиан в 27 г. до н.э. основал Гортину на месте древнего города в качестве новой столицы Крита, резиденции проконсула объединенной провинции и койнона (союза городов), в плодородной долине в 22–30 км от южного побережья (аванпорты Лебена и Матала) в центральной части острова (46 км к югу от Ираклиона).

Как и Кносс, римский и позднеантичный город Гортина практически не подвергался внешним вторжениям и хорошо сохранился. Также весьма важно, что городище не перекрыто современной застройкой, располагаясь между рядом деревень.

Долгосрочная программа исследовательских раскопок основное внимание уделяла общественной, а не частно-бытовой сфере города, то есть, области одеона, Гимнасию (Преторию) и акрополю.

Как и в других частях Крита и империи, вершина богатства Гортины пришлась на II век, и к существующему одеону и греческому театру были добавлены два новых театра [19, p. 434–443], амфитеатр и цирк [7, p. 219–226]. В последующие годы римский Форум располагался в юго-восточном секторе города, рядом с большой баней.

Южная, западная и восточная окраины города отмечены кольцом римских некрополей, расположенных к западу от речки Митрополиан, к югу от деревни Митрополис и к западу от поселения Агии Дека.

В северо-западной части, на холме св. Иоанна, находится акрополь [24] и общественный центр римского времени. На этой территории расположены многочисленные нимфейоны, три бани, участки акведука (римского и позднеантичного), а также римская и позднеантичная дорожная система.

Среди прочих культовых построек центра римского города – храмы Аполлона Пифия [8, p. 54–73], Исиды и Сераписа, Деметры и Коры, а также храм Божественного Августа [10].

В юго-восточной части города расположен так наз. Преторий (Гимнасий). Раскопки, проведенные А.М. Колини в 1972 г. в этом районе, выявили храмовый комплекс, состоящий из здания на высоком подиуме, перед которым располагалась обширная площадь, отделенная от окружающей дорожной сети, предположительно, с портиком; в последнем были обнаружены некоторые покрывающие мраморные плиты, содержащие фрагменты того, что, по-видимому, было посвятительными надписями. Одна из них могла касаться восстановления портика, проведенного, возможно, после разрушений, вызванных землетрясением 365 г. [12, p. 45–50]. В начале 420-х гг. шло строительство нового претория. Из района Претория происходят прославляющие аккламации в адрес автократоров и группа

постаментов для статуй с посвящениями императорам Грациану, Валентиниану и Феодосию, воздвигнутых Экумением Досифеем Асклепиодотом. Все они даны строго на греческом языке, датируются 2-й пол. IV в. Намного позже на колоннах размещены четыре греческих аккламации императору Ираклию I и его детям Константину и Епифанию Евдокии (IG IV, 512 A-D). Другая надпись, вероятно, датируемая VI в., адресована цирковой партии прасинов. Раскопки на территории Гимнасия также обнаружили позднеантичную мастерскую, производившую стеклянную мозаику.

Недавние раскопки выявили различные позднеантичные постройки в районе к югу от Гимнасия, в районе Южного театра римского времени, в том числе апсидальное здание, большое двухэтажное здание (VII в.) и части византийского акведука, построенного на руинах апсидального здания. Также открыты меньшие по размерам постройки позднеантичного периода, что предполагает большее внимание сельскому образу жизни и сезонным работам. Есть указания на то, что этот район был заброшен в VII в. [23, p. 509–529].

Новые раскопки выявили значительную часть позднеантичного города, лежащего в южной части городища. Значительное общественное здание было расположено в восточной части жилого района Пифиона [32, p. 133–140; 33, p. 74–97]. Здесь также были раскопаны дома VI и VII вв.

Гортина процветала на протяжении всего позднеантичного периода, о чем свидетельствует строительство ряда (до 10) христианских базилик и мартирия в Митрополис.

Руины *епископской базилики* Гортины (св. Тита) были найдены в 1978–1979 гг. Антонино Ди Вита во время раскопок для прокладки сети водоснабжения к северу от деревни Митрополис [11, p. 71–79], в центре городища. С 1991 г. начались совместные раскопки 13-го Эфората византийских древностей и Итальянской археологической школы Афин под руководством М. Борбудакиса. Руководителем исследований со стороны SAIA был Р. Фариоли-Кампанати из Болонского университета. Далее итальянскую миссию возглавила И. Бальдини из Болонского университета (до 2011 г.) [13].

Эпиграфические указания свидетельствуют о том, что к середине VI в. базилика в секторе M (109) вполне могла быть *епископской резиденцией* [3, p. 239–308]. Это крупнейшая христианская базилика, известная на Крите, величественный пятинефный храм размером 67x33м28, с нартексом и

атриумом, и помимо напольной мозаики здесь видны следы настенной [14, p. 283–326].

Первая епископская базилика была возведена в конце V в. и подверглась радикальной реконструкции при епископе Феодоре в период правления Юстиниана (527–565 гг.), о чем свидетельствует надпись на мозаике на полу [5, p. 173–189]. Церковь была разрушена землетрясением между 610 и 615 гг. Согласно другой мозаичной надписи, храм был снова отремонтирован при епископе Ветрании. Епископский комплекс в целом, вероятно, занимал большую площадь, включая епископский дворец и вспомогательные постройки, которые еще не обнаружены [4, p. 43–81].

Раскопки в базилике возобновились в 2023 г. в рамках новой пятилетней программы сотрудничества между Эфоратом древностей Ираклиона и SAIA под руководством В. Ситиакаки и И. Бальдини.

Недавние раскопки и топографические исследования подчеркивают, как изменилась общая планировка города в период Юстиниана. Раскопки на агоре показали, что позднеантичная жилая и хозяйственная застройка вторглась на прежнее общественное пространство в районе между храмом Пифийского Аполлона и Гимнасием.

Также большое значение имеет большая группа христианских надписей [6][1], происходящих из окружающих сел Агии Дека, Митрополис и Мавропапас, возникших, как недавно стало известно, в византийском квартале города. Среди христианских текстов, датируемых IV–VII веками и в основном погребальных, некоторые епископские и архиепископские датировки выделяют VI век, есть и 14 фрагментов мраморных крестов с текстом Трисагиона и библейской цитатой.

Гортину примерно в 365 г. и впоследствии преследовала серия разрушительных землетрясений: среди самых сильных – землетрясения 468, 618 и 670 гг. [12, p. 45–50]. Эти разрушительные события объясняют большую мощность слоев, датируемых второй половиной IV–VII вв. Нарушение стратиграфии, обусловленное непрерывными разрушениями и реконструкциями общественных и частных зданий, с закладкой более поздних фундаментов в ряде случаев на более низком уровне, чем более поздние, часто затрудняет определение хронологических связей между находками из раскопок.

Прибрежный город **Иерапетра** на юго-востоке острова на протяжении всего периода упоминается как центр епархии, причем все видимые остатки

[1] Надписи Гортины – № 1–46.

относятся к римскому времени или средневековью. Место древней Иерапетры, разрушенной (вероятно, землетрясением 796 г.), находилось на расстоянии 1 км от нынешнего города, на месте Вильи.

Иерапетра была в значительной степени перекрыта современным городом, построенным на ее месте. Поэтому исследователи лишены возможности изучения этого города в таком же масштабе, как в Гортине и Кноссе.

Римская Иерапетра превратилась в военно-морскую базу с портом, обслуживающим обширный регион. Следствием этого было развитие населения, экономики и культуры, расширение и превращение в один из самых богатых критских городов. Город украсили множество храмов [26, p. 38–44], статуй, бань и произведений искусства [20; 35]. Находки римских скульптур, монет и саркофагов также многочисленны. По сообщениям путешественников нового времени, в городе было два театра: «малый» (предположительно расположенный недалеко от пересечения нынешних улиц Кондилакиса и Ауксентиу) и «большой», в Вилье, открытый раскопками 2012–2013 г. [21, p. 1960–1973].

Эпиграфические данные показывают фундаментальную роль, которую играл город, и ранний интерес Рима к нему.

Важные материалы были получены в ходе спасательных раскопок в пригородах Иерапетры (Аликес и Вилья), которые расширили наши знания о городе за счет находок материалов римского и позднеантичного периода. Это жилые дома IV–VII вв. и остатки хозяйственных построек. После полной публикации результатов этих раскопок можно будет получить более полное представление о топографии города [34].

Херсонис расположен как близ северного побережья, так и непосредственно на нем, к востоку от Ираклиона. Подавляющее большинство находок были сделаны в 1990-е гг., во время пика городского развития и, как следствие, спасательных раскопок. Основная часть городища размером примерно в 1,2 га находится внутри современного городка Херсонис.

Бани, жилые дома и мозаики были найдены по всему городу, они датируются III–IV вв. Дом IV в. с мозаикой открыт на участке Киприотакис, а постройки IV в. – на участке Якумис в районе римских молов (у восточного пляжа). Там же на участке Мудацакис раскопан римский жилой дом. В 200 м к юго-западу от северного пляжа было обнаружено апсидальное здание с мозаикой. Свидетельства других спасательных раскопок на севере, таких как

участки Перакис, Пападакис, Папагеоргиу, а также раскопки бани на улице Демократияс указывают на то, что это была густонаселенная часть города.

Единственное известное на сегодняшний день римское общественное здание – это крупный театр (83х30 м), расположенный на юго-западе современного города. Он сильно пострадал в конце XIX в., когда жители использовали камни для строительства своих домов. Опорная стена театра все еще находится в хорошем состоянии. Еще еще одно римское здание на участке Апостолаки может быть храмом, с которым была связана мраморная статуя Траяна. Предполагается, что территория агоры находится недалеко от театра, хотя здесь были обнаружены улицы и жилые дома. Цистерны были найдены по всему городу, а остатки акведука можно увидеть на дороге Херсонис – Кастелли Педиадос. Мозаика нимфейона была найдена на восточной окраине порта.

В ранневизантийское время Херсонис превратился в важный город с базиликами, и был епископским центром Педиады до VI в. Две базилики V–VI вв. с обширным мозаичным декором, особенно базилика В на западе города – важнейшие памятники острова. Обе базилики находятся по обе стороны от новой застройки города.

Хотя это место, по-видимому, было довольно активным, письменные источники не сообщают никаких подробностей, кроме утверждения, что когда-то это была резиденция епископа.

В римский и ранневизантийский периоды прибрежный город **Кисамос** на западе острова, судя по всему, был оживленной гаванью. Раскопки там выявили различные материалы, включая мозаики, раннехристианские гробницы, надписи и два строительных комплекса. Последний, датированный серией находок монет, свидетельствует о заселении его начиная с III в.; серия прекратилась в VII в., когда, по мнению археологов, дома были разрушены либо землетрясением, либо при набеге. Базилики пока не обнаружено, но это должно быть случайно, поскольку несколько архитектурных фрагментов, найденных в окрестностях, позволяют предположить, что такая церковь действительно существовала.

Характер спасательных раскопок в Кисамосе привел к тому, что ключевыми открытиями стали части жилых территорий и кладбищ города.

Можно выделить части гражданской территории Кисамоса вокруг амфитеатра. Предполагается, что агора была расположена на северо-западе города, недалеко от порта, а на востоке города обнаружены стоя и театр. В том же районе были обнаружены остатки храма, возможно, Диониса, что сделало его одним из немногих известных храмов в Кисамосе. На участке

Милонаки существенные остатки большого здания с мощеным двором могут указывать на гражданскую застройку конца III–IV вв. [25, p. 65–80].

Дорожная сеть, включая decumanus maximus, обнаруженную во время раскопок 1991 г., была обнаружена на различных участках. Часть cardo maximus была открыта в 1970 г. на центральной площади города. Протяженность уличной системы отражена в материалах, найденных во время раскопок 1993 г. на участке Райсакис, здесь была обнаружена мозаика Орфея. Остатки акведука были обнаружены на окраине предположительно жилого района города.

Остатки бань были найдены на участке Фарангитакис, отмеченном гипокаустом, на участке Стимадоракис, а также в юго-восточных и западных банях к югу от церкви св. Николая. Еще один возможный пример был обнаружен на участке Апостолаки по остаткам резервуаров для воды и складских помещений.

Небольшие хозяйственные участки обнаружены на участке Патеракис в восточной части города (печи и железный шлак). Еще одно металлургическое предприятие было обнаружено на юге города. На участках в Стратаке и Скулаке были обнаружены остатки стекольной мастерской: круглое строение, разделенное на помещения, с огромным количеством стекла и фаянса и другими признаками, указывающими на мастерскую. «Позднеримская» водяная мельница, возраст которой не мог быть точно датирован, была найдена на участке Мораитакис.

Было установлено более 30 домов, а мозаика была восстановлена с более чем 15 участков, разбросанных по всему современному городу, из северной части, отмеченной участком Николакиса с его двумя мозаиками на юге с мозаикой тритона начала II в. В центре жилого района раскопки выявили мозаику времен года II в. на участке Патеракис, а рядом находилась мозаика со сценой сбора винограда. Солидные дома III в., в одном из которых было два этажа, найденные при новостроечных раскопках для возведения оздоровительного центра, содержали шесть мозаик in situ.

Остатки одной христианской базилики, с геометрическими мозаичными полами из гальки, были обнаружены недалеко от Музея Платеи во время спасательных раскопок 1986 г.

После землетрясения IV в. характер города изменился, и позднеантичное поселение несколько сместило свое местоположение, о чем свидетельствуют погребения на пространстве, когда-то занятом римскими зданиями с мозаичными полами.

***

Города Крита подтверждают общие закономерности процесса византинизации [1, с. 10–15]. Программа христианизации городской среды началась в V веке и отмечена не только строительством церквей, но и топографической перепланировкой некоторых городов. Расположение позднеантичных погребений в Кноссе, Гортине показывает, что городское пространство несколько сжимается и перепрофилируется в сторону сокращения общественного пространства. Непреходящее значение крупных городских центров, таких как Гортина, Кносс и Херсонис, было отмечено строительством множества церквей [31].

Литература

1. *Болгов Н.Н.* Пути византинизации позднеантичного города в Восточном Средиземноморье // Византия и византийское наследие в Причерноморье, Средиземноморье и Восточной Европе. СПб.: Алетейя, 2023. С. 10–15.

2. *Пендлбери Дж.* Археология Крита. М.: Иностр. лит., 1950.

3. *Baldini I., Cosentino S., Lippolis E., Marsili G., Sgarzi E.* Gortina, Mitropolis e il suo episcopato nel VII e nell'VIII secolo. Ricerche preliminari // Annuario della Scuola archeologica italiana di Atene, XC. 2012. P. 239–308.

4. *Baldini Lippolis I.* La basilica di S. Tito a Gortina // Seminario internazionale di studi sul topic: Le grandi isole del Mediterraneo orientale tra tarda antichità e medioevo; Ravenna, Sept. 19–21, 1998; in memory of Luciano Laurenzi. Ravenna, 2001. P. 43–81.

5. *Baldini Lippolis I.* Mosaici di eta tardoantica a Gortina (Creta) // La mosaique Greco-romaine. Rome, 2005. IX. T. 1. P. 173–189.

6. *Bandy A.C.* The Greek Christian Inscriptions of Crete // Christian Archaeological Society – Athens, vol. X, part 1: IV–IX A.D.). Athens, 1970.

7. *Beschi L.* Adriano a Creta // Studi in onore di Doro Levi, II. Roma, 1974. P. 219–226.

8. *Bonetto J., Bertelli A., Bridi E., Brombin E., de Scarpis di Vianino V., Metelli M.* Il santuario di Apollo Pythios a Gortina di Creta: nuovi dati e nuove considerazioni dalle ricerche del 2016 e del 2019 // Annuario della Scuola Archeologica di Atene. 2021. T. 99/2. P. 54–73.

9. *Coldstream J.* Knossos: The Sanctuary of Demeter // BSA. Suppl. Vol. 8. London, 1973.

10. *Costa S.* An archaeology of domestic life in Early Byzantine Gortyna. Stratigraphy, pots and contexts // Dixneuf D. (ed.). LRCW 5 - 2. Late Roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. Alexandrie: Centre d'Études Alexandrines, 2017. P. 711–721.

11. *Di Vita A.* Due nuove basiliche bizantine a Gortina // Actes du X Congres International d'archéologie Chrétienne. Thessalonique 1980. Città del Vaticano, 1984. P. 71–79.

12. *Di Vita A.* Earthquakes and civil life at Gortyn (Crete) in the Period between Justinian and Costant II (6-7th century AD) // Archaeoseismology (Fitch Laboratory Occasional Paper 7). Athens: Institute of Geology & Mineral Exploration; The British School at Athens, 1996. P. 45–50.

13. *Di Vita A.* Gortina di Creta. Quindici secoli di vita urbana. Roma: L'Erma di Bretschneider, 2010.

14. *Di Vita A.* La cattedrale del primate di Creta: la basilica di Giustiniano, e di Eraclio a Gortina // Domum tuam dilexi. Miscellanea in onore di Aldo Nestori. Citta del Vaticano, 1998. P. 283–326.

15. *Forster G.* Shadow of a City? A Review of Late Roman Knossos // *Cadogan G., Hatzaki E., Vasilakis A.* Knossos: Palace, City, State: Proceedings of the conference organised by the British School at Athens and the 23rd Ephoreia of Prehistoric and Classical Antiquities of Heraklion in November 2000, for the Centenary of Sir Arthur Evans's Excavations at Knossos / British School at Athens Studies Series, 12. Athens, 2004. P. 489–492.

16. *Frend W.H.C., Johnston D.E.* The Byzantine Basilica Church at Knossos // The Annual of the British School at Athens. 1962. 57. P. 186–238.

17. *Hayes J.* The Villa Dionysos Excavations, Knossos: the Pottery // The Annual of the British School at Athens. 1983. 78. P. 97–169.

18. *Hood M.S.F., Smyth D.* Archaeological Survey of the Knossos Area / BSA Suppl. №.14. London, 1981.

19. *Manzetti M. C.* The performances at the theatre of the Pythion in Gortyna, Crete: virtual acoustics analysis as a support for interpretation // Open Archaeology 5.1. 2019. P. 434–443.

20. *Papadakis N. P.* Ierapetra: Bride of the Libyan Sea, A Historical, Archaeological and Cultural Guide. Ierapetra, 1986.

21. *Papadopoulos N., Sarris A., Salvi M., Déderix S., Soupios P., Dikmen U.* Rediscovering the small theatre and amphitheatre of ancient Ierapytna (SE Crete) by integrated geophysical methods // Journal of Archaeological Science. 2012. Vol. 39. №.7. P. 1960–1973.

22. *Paton S.* The so-called Villa Dionysos at Knossos // The Annual of the British School at Athens. 2022. T. 117. P. 311–351.

23. *Perna R.* Gortina between IV and VIII century A.D.: results of archaeological research conducted by the University of Macerata // 4rd Meeting for the Archaeological Work in Crete. 2016. Retimno, 2020. P. 509–529.

24. *Perna R.* L'Acropoli di Gortina. Macerata: Edizioni Simple, 2012.

25. *Pologiorgi M.* Κίσαμος. Η τοπογραφία μιας αρχαίας πόλης της δυτικής Κρήτης // Αρχαιολογικά Ανάλεκτα εξ Αθηνών. 1985. №18. С. 65–80.

26. *Spyridakis S.* Ierapytna // Amaltheia. 1990. №21. P. 38–44.

27. *Sweetman R., Becker M.* Knossos Medical Faculty site: Late Antique graves and other remains // The Annual of the British School at Athens. 2005. T. 100. P. 331–386.

28. *Sweetman R.* Roman Knossos: Discovering the City through the Evidence of Rescue Excavations // The Annual of the British School at Athens. 2010. № 105. P. 339–379.

29. *Sweetman R.* Roman Knossos: The Nature of a Globalized City // American Journal of Archaeology. 2007. Vol. 111. № 1. P. 61–81.

30. *Sweetman R.* The Knossos Medical Faculty Basilica in its Cretan context // Proceedings of the 10th International Cretelogical Congress. Athens, 2010. P. 49–67.

31. *Tsougarakis D.* Byzantine Crete from the 5th Century to the Venetian Conquest. Athens, 1988.

32. *Zanini E.* Indagini archeologiche nell'area del quartiere Bizantino del Pythion di Gortina: sesta relazione preliminare (campagne 2011–2015) // Annuario della Scuola Archeologica di Atene 94. 2016. P. 133–140.

33. *Zanini E., Giorgi E., Lapacciana N., Luppino L., Scoz J.* Indagini archeologiche nell'area del quartiere Bizantino del Pythion di Gortina: settima relazione preliminare (campagne 2016–2021) // Annuario della Scuola Archeologica di Atene 2021. T. 99/2. P. 74–97.

34. *Zois A.* Roman Ierapetra: an unknown imperial city, the hub of the eastern Mediterranean / Archaeological Studies, Theory and Praxis, 25. Athens: Apodeixis, 2002.

35. *Παπαδάκης Ν.* Ιεράπετρα Η Νύμφη του Λιβυκού. Ιεράπετρας, 2000.

Лихошерстов В.А.

Белгородский государственный университет

Миссия патриарха Кира в Египте и её влияние на религиозную политику императора Ираклия

Аннотация. В статье рассматривается деятельность патриарха Кира (ок. 631–639 гг.) в Египте, которая была направлена на переговоры и приведение к унии групп местных монофиситов на догматической основе концепции моноэнергизма, разработанной константинопольским патриархом Сергием. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью дальнейшего изучения монофиситов и их роли в функционировании позднеантичного общества, особенно накануне завершения ранневизантийского периода. Целью исследования является анализ исторического контекста и обстоятельств деятельности патриарха Кира в Египте. Противоречивость имеющихся источников рисует перед нами весьма неоднозначный ход и результаты данной миссии в общем контексте религиозной политики императора Ираклия.

***Ключевые слова*:** Ранняя Византия, монофиситы, император Ираклий, патриарх Кир.

Likhosherstov V.A.

Belgorod National Research University

The mission of Patriarch Cyrus in Egypt and its influence on the religious policy of Emperor Heraclius

Abstract. The article reviews the activities of Patriarch Cyrus (c. 631–639) in Egypt, which was aimed at negotiating and bringing local Monophysite groups to the union on the dogmatic basis of the concept of monoenergism developed by Patriarch Sergius of Constantinople. The relevance of this topic is due to the need for further study of Monophysites and their role in the functioning of Late Antique society, especially on the eve of the end of the Early Byzantine period. The purpose of the study is to analyze the historical context and circumstances of Patriarch

Cyrus' activities in Egypt. The inconsistency of the available sources presents us with a very ambiguous course and results of this mission in the general context of the religious policy of Emperor Heraclius.

***Keywords*:** Early Byzantium, Monophysites, Emperor Heraclius, Patriarch Cyrus.

Одним из важнейших направлений деятельности императора Ираклия была попытка примирения с монофиситами. К моменту его восхождения на императорский престол он почти сразу же начинает действовать в этом русле.

Весьма интересно с точки зрения исследования данная проблема обозначилась в Египте. Мы можем выделить две фазы религиозной политики Ираклия в данном регионе ранневизантийского мира.

Первым этапом, безусловно, стоит назвать заключение примирительной унии между сирийскими и египетскими яковитами. Конфликт между ними имеет долгую предысторию, которая является отдельной темой [8, p. 311–317]. Разногласия между патриархами Анастасием и Афанасием Гаммолой были преодолены благодаря двоюродному брате императора Никите [6, p. 942] в Александрии (Michel le Syrien. Chron. 10:25). Дальнейшее развитие такого союза было прервано персидским нашествием в результате, которого Ромейское государство потеряло контроль над рядом ключевых провинций на территории Восточного Средиземноморья [3, p. 153–154].

Второй этап связан с миссией полумифического [11, с. 1–5] Кира Фазиского в Египте, который был поставлен на пост халкидонского патриарха (Theoph. Chron. A.M. 6121) уже после отвоевания региона. Ираклий лично смог убедиться в компетентности Кира во время личного собеседования с ним (CPG 7610).

Именно он начнёт продвижение проекта объединения, разработанного Константинопольским патриархом Сергием (CPG 7604) на основе богословской системы моноэнергизма [15, с. 247–248].

Прибытие Кира в Александрию (631 г.) происходит на фоне развития Иерапольской унии и переговоров Ираклия с Афанасием Гаммолой [4, p. 167]. Также параллельно подготавливается Каринская уния с армянскими епископами [16, с. 165–167]. Таким образом, направление Кира в Египет происходит в контексте активной и единой религиозной политики императора Ираклия.

Однако для понимания действий Кира необходимо учитывать конфессиональную ситуацию в Египте, с которой ему, безусловно, пришлось столкнуться. К 30-м годам VII в. на территории Египта существовало несколько группировок антихалкидонитов [11, с. 357–358], каждая из которых была весьма обособленной друг от друга.

Самыми влиятельными и многочисленными, по всей видимости, были яковиты, которые возникли здесь во второй половине VI в., сформировав собственную автаркическую церковь [13, с. 308–309], что и делало их основной целью для действий Кира.

Важно понимать, что христианская община объединяла в себе города с прилегающими к ним территориями, образуя тем самым однородное социальное общество [14, с. 359–360]. Также епископат был тесно встроен в систему муниципального управления. Яковиты же для основы своей новой иерархии избрали монастыри [2, p. 179–180] и быть может, провели некую реформу иерархии [10, p. 269]. В качестве новой патриаршей резиденции Петром IV был избран Энатон (Hist. part. Alex. 2. 14. «Peter IV»).

Учитывая данное обстоятельство, концептуально политика Ираклия была направлена не на примирение противоборствующих группировок в рамках одной церковной иерархической структуры, а на унию со сформировавшейся альтернативной антихалкидонской церковью.

На данный момент их руководителем являлся патриарх Вениамин, который бежал из Александрии по прибытию Кира.

Данное сообщение из «Истории патриархов» выглядит достаточно странным. Согласно данному источнику, предшественник Вениамина Андронник смог вернуться в столицу региона с позволения персов (Hist. Patr. Alex. 2.14 «Andronicus»), но учитывая особенности яковитской церкви, для нормального функционирования столица провинции им была совершенно не нужна. Однако Вениамин удаляется в монастыри Верхнего Египта, где скрывается со своими верными сторонниками в регионе Фиваиды (Hist. Patr. Alex. 2.14 «Benjamin»), который становится своеобразным анклавом яковитов до прихода арабов.

По всей видимости, Кир сразу же начинает проводить мероприятия по продвижению унии. Среди способов насаждения унии в некоторых источниках фигурируют достаточно жёсткие действия репрессивного характера (Hist. Patr. Alex. 2.14 «Benjamin»).

Возможно, именно на сведениях из «Истории патриархов», с нашей точки зрения, строится историографический концепт о неких чрезвычайных полномочиях Кира и совмещении в себе должностей патриарха и префекта

[8, p. 320, 329–330]. Однако, по всей видимости, у Кира, действительно были светские прерогативы. Судить об этом можно, основываясь на данных, которые Кир сообщает Сергию в одном из своих писем, говоря о результатах унии в Александрии. Патриарх акцентирует внимание на том, что чиновники, военные и население, которое платит налоги, приняли унию (CPG 7611). Также некоторые источники сообщают осведомлённость патриарха в вопросе сбора налогов.

Основываясь на таком интересе Кира к данной категории местного населения, можно сделать вывод, что он получил от Ираклия право на осуществление мероприятий, связанных с денежными поступлениями. Скорее всего, для восстановления церковной структуры Александрийского патриархата, который был достаточно мощной экономической структурой. Именно финансовый вопрос станет основной причиной попадания Кира в опалу во время арабских завоеваний [5, p. 107].

Однако не следует считать это чем-то уникальным. Подобная практика предоставления священнослужителям светских прерогатив имела место быть в более ранний период.

Поскольку монашеские обители являлись своеобразной основой яковитской церкви, то для Кира они были приоритетными целями для его деятельности.

В нашем распоряжении имеются сообщения из источников о деятельности Кира в монастырях. Он разделяет с местными монахами яковитами причастие (Vita Samueli Kalamunis 7–9). Тенденция проведения совместных литургий после заключения догматического союза является общей для политики Ираклия. Можно предположить, что подобное проведение евхаристии с принявшим унию яковитскими монахами-епископами было нацелено на дополнительную легитимизацию моноэнергизма, однако данный вопрос требует дальнейшего изучения.

Помимо этого, весьма высокопоставленные яковиты Кир Никиусский и Виктор Файумский, которые были соратниками Вениамина, присоединились к унии (Hist. Patr. Alex. 2.14 «Benjamin»). Дополнительным подтверждением успешной деятельности патриарха является факт использования им феодосианской (яковитской) церкви в Александрии [1, p. 543–544]. В результате подобных мероприятий были назначены верные Киру епископы для многих епархий Египта (Hist. Patr. Alex. 2.14«Benjamin»).

Известно, что в регионе функционировали и другие антихалкидонские иерархии. По всей видимости, самой многочисленной из них были

юлианисты-гайаниты, которые возникли здесь ещё в эпоху Севира Антиохийского [9, p. 100–101].

В условиях принятия большинством яковитских епископов унии, вполне возможным является сценарий радикальной зачистки гайанитов. При такой трактовке именно это можно назвать причиной провальной попытки убийства Кира (Ioan. Nic. Chron. 116.10). Для проведения такой операции у Кира были ресурсы. Нам известно, что военной сферой в Египте руководил дукс Феодор [6, p. 1280], с которым Кир, по всей видимости, очень тесно взаимодействовал.

Финалом религиозной политики Ираклия в Египет станет Александрийский собор 633 г., организованный патриархом Киром и принятая там Πληροφορία. Полный текст соглашения сохранился в актах III Константинопольского собора (CPG 7613). Документ состоял из 9 глав, богословские особенности которых великолепно рассмотрены В.В. Болотовым [12 с. 459–460], однако основой для соглашения выступила формула моноэнергизма . О своём огромном успехе Кир сразу же сообщил патриарху Сергию в Константинополь.

Таким образом, миссия патриарха Кира в Египте оказалась весьма успешной в общем контексте религиозной политики, проводимой императором Ираклием и патриархом Константинополя Сергием. Кир, по всей видимости в значительной степень подавил мелкие группы антихалкидонитов и фактически смог привлечь к унии значительную часть яковитской церкви со значительным упором на монашество как основу её функционирования при помощи богословской формулы моноэнергизма.

Литература

1. *Booth P*. The Last Years of Cyros, Patriarch of Alexandria († 642). Travaux et mémoires. 2016. T. 20/1. P. 509–558.
2. *Booth P.* Towards the Coptic Church: The Making of the Severan Episcopate // Millennium. 2018. Vol. 14. P. 151–190.
3. *Foss C*. The Persians in the Roman Near East // Journal of the Royal Asiatic Society. 2003. №13(2): P. 149–170.
4. *Hage W*. Athanasios Gammala und sien Treffen mit Kaiser Herakleios in Maddug // Syriaca II. Studien zur orientalischen Kirchengeschichte 2004. Vol. 2. P. 380.
5. *Kaegi W.E*. Byzantium and the early Islamic conquest. Cambridge: Cambridge University press, 1992. 313 p.

6. *Martindale J.R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. T. III. Cambridge, 1992. 1575 P.

7. *Maspero J.* Histoire des patriarches d'Alexandrie: depuis la mort de l'empereur Anatase jusqu'à la réconciliation des églises jacobites (518–616). P.: Librairie Ancienne Eduard Champion, 1923. 393 p.

8. *Müller C.D.G.* Geschichte der orientalischen Nationalkirchen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1981. 284 p.

9. *Stephen D.* The Early Coptic Papacy. Cairo; N.Y.: The American University in Cairo Press, 2005. 251 p.

10. *Wipszycka E.* Les elections episcopales en Egypte aux VI–VII siecles // Leemans J. et alt. Episcopal Elections in Late Antiquity. Berlin-Boston.: Walter de Gruyter, 2011. P. 606.

11. *Болотов В.В.* К истории императора Ираклия // Византийский временник. 1907. № 14. С. 68–124.

12. *Болотов В.В.* Лекции по истории Древней Церкви. Т. 4. СПб.: Третья гос. тип.-я, 1918. 599 с.

13. *Войтенко А.А.* Патриаршество Петра IV и Дамиана как время генезиса Коптской Церкви: проблемы и предлагаемые решения // Вестник ВолГУ. Сер 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 6. С. 304–317.

14. *Джонс А.Х.М.* Гибель античного мира. Ростов-н/Д.: Феникс, 1997.

15. *Мейендорф И.* История Церкви и восточно-христианская мистика. М.: Ин.-т ДИ-ДИК, 2000. С. 247–248

16. *Сидоров А.И.* «Монофелитская» уния по свидетельству «повествования о делах армянских» // Святоотеческое наследие и церковные древности. Т. 5. М.: Сибирская Благозвонница, 2017. 768 с.

Источники

1. Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche (1166–1199) / ed., tr. M. Moosa T. 1–2. Trenton: Beth Antioch Press, 2014. 465 p.

2. Theophanis. Chronographia // PG T. 108 / ed. J.P. Migne. P.: Imprimerie catholique de Migne, 1863. P. 63–1010.

3. The life of Samuil of Kalamun / ed. and tr. A. Alcock. Warminster: Aris & Phillips, 1983. 149 p.

4. Sawerus ibn al-Muqaffa. History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria / ed. et tr. B. Evvets // PO T. 1 / ed. F. Graffin. P., 1907. P. 232–482.

5. The Chronicle of John, Bishop of Nikiu / ed. and tr. R.H. Charles. L.: Williams and Norgate, 1916. 204 p.

6. Clavis Patrum Graecorum / ed. M. Geerard, J. Noret. Turnhout: Brepols, 1998. 517 p.

Сокращения

Michel le Syrien. Chron. – Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche

Ioan. Nic. Chron. – The Chronicle of John, Bishop of Nikiu

Hist. Patr. Alex. – Sawerus ibn al-Muqaffa. History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria

Theoph. Chron. – Theophanis. Chronographia

CPG – Clavis Patrum Graecorum

Каталкин И.И.

Московский педагогический государственный университет

Списки группы K Салического закона: системное и особенное сквозь призму количественных методов анализа

Аннотация. Группа рукописей K Салического закона является наиболее полно дошедшим до современных исследователей и доступным для изучения комплектом списков данного источника, что, в совокупности с современными возможностями в сфере применения количественных и иных междисциплинарных методов анализа, актуализирует её углублённое изучение. В статье автор ставит перед собой цель – осуществить компаративный анализ списков группы K Салического закона для выявления скрытых системных и особенных элементов данной группы, которые могут пролить свет на ряд актуальных вопросов, связанных с проблемой системности Салического закона как источника права, а также с вопросом об уровне развития правотворческой деятельности франкского общества меровингского и каролингского периодов.

Ключевые слова: Раннее Средневековье, варварское право, Салический закон, количественные методы анализа.

Katalkin I.I.

MPSU

Salic Law group K lists: systemic and particular through the prism of quantitative methods of analysis

Abstract. The group of manuscripts K of the Salic Law is the most complete set of folios of this source extant to modern researchers and available for study, which, together with modern opportunities in the field of application of quantitative and other interdisciplinary methods of analysis, actualises its in-depth study. In this article, the author aims to carry out a comparative analysis of the lists of the Salic Law group K in order to identify the hidden systemic and special elements of this group, which can shed light on a number of topical issues related

to the problem of the systematic nature of the Salic Law as a source of law, as well as the question of the level of development of law-making activity of the Frankish society of the Merovingian and Carolingian periods.

Keywords: Early Middle Ages; barbaric law; Salic law; quantitative methods of analysis.

Салический закон – один из важнейших источников раннесредневекового права, содержащий в себе большое информации о социально-экономических и правовых институтах раннесредневекового германского общества. Вместе с тем, перспективным видится не только изучение содержательной части данного источника, но и обращение к исследованию особенностей его структуры, системности. Ввиду того, что Салической закон сохранился до настоящего времени в более чем 80-и различных списках и редакциях, возможным является проведение компаративных исследований структуры, системных сходств и различный данных списков, которые могут пролить свет на скрытые закономерности внутри данного источника, а также углубить наше понимание в таких вопросах как наличие или отсутствие структурности в Салическом законе, степень и масштабы её изменений с течением времени, а также понимание общего уровня развития правотворческой деятельности франкского общества меровингского и каролингского периодов.

В основе данного исследования лежит авторская гипотеза о наличии в Салическом законе скрытой структуры, базирующийся «системных» суммах штрафов: 3, 6, 9, 15, 30, 35, 45, 62½ солидов и дифференцированная «вира». Данные суммы по мнению автора являются структурной основой Салического закона за счёт их наиболее частого повторения во всех списках данного источника, а также их упоминания в особом контексте, указывающим на их системный статус [2][1].

Вместе с этим, наиболее перспективной основой для компаративного анализа видится группа списков K Салического закона, ввиду наибольшего количества сохранившегося до нашего времени списков. Группа K (буквенное название группы образовано от названия «Karolina», использующееся в генеалогии рукописей Салического закона Гессельса-Бруннера [3; 5]) включает в свой состав более 60 списков (K17-K81), которые объединены К.А. Экхардтом исходя из схожести структуры (70 глав),

[1] Более полное изложение данной гипотезы, а также раскрытие методов работы и доказательств в её пользу можно найти в другой статье автора [2].

содержания (подавляющее большинство списков почти идентичны друг другу), а также на основании того, что само появление списков группы K хронологически определяется периодом правления Карла Великого (отсюда и название «Karolina»). В настоящее время именно классификация и издания К.А. Экхардта [6; 7] считаются наиболее полными и активно используются как зарубежными [4, p. 52–55], так и отечественными [1, с. 34] медиевистами. В то время как из других групп исследователям современности доступны лишь единичные сохранившиеся списки, такое количество материала в группе K позволяет провести внутригрупповой компаративный анализ, выявив «эталонную» или «обобщённую» модель Салического закона периода группы K, а также, вместе с этим, различия и уникальные особенности конкретных списков с рассмотрением возможных причин их возникновения.

В результате проведения анализа списков группы K Салического закона с помощью авторской версии статистического метода была построена «обобщающая» гистограмма частоты использования сумм штрафов всей группы K, включающая в свой состав наиболее часто встречающиеся версии сумм штрафов в параграфах среди всех проанализированных списков «Закона», а также 26 «конкретных» гистограмм, отражающих исключительно те версии сумм штрафов, которые расходятся с «обобщающей» версией [Гистограммы 1-3][1]. Первым же промежуточным выводом становится тот факт, что какие-либо изменения сумм штрафов в списках группы K являются редкостью, подавляющее же большинство сумм идентичны друг другу от списка к списку. Те же случаи (особенности), когда расхождение присутствует, исходя из метода исследования, были разделены на две группы:

1. «Деструктивные», т. е. те, которые нарушают общее для всех списков Салического закона соотношение 1 солида к 40 денариям, сохраняя при этом данное соотношение в рамках подавляющего большинства сумм штрафов в остальных параграфах списка, а также те особенные случаи с суммами, когда интерпретация текста штрафа может включать более двух версий. То есть «деструктивными» являются те особенности сумм штрафов, которые в рамках анализируемого списка понижают его точность данных (в «обобщающей таблице идентификаторов» и гистограмме он находился в

[1] В рамках данной статьи приложены только 3 из указанных гистограмм: 1. Гистограмма «обобщающей» версии; 2 и 3. Гистограммы отличающихся от «обобщающей» версии сумм штрафов списков K17 и K19 в качестве примеров списков с наибольшим количеством особенностей и отличий.

зоне с высокой точностью данных, а из-за особенностей текста списка попадает либо в зону со средней точностью данных, либо в зону с низкой точностью).

2. «Конструктивные» – те особенности, которые влекут за собой изменение суммы штрафа, сохраняя при этом соотношение 1 солида к 40 денариям и не вносят каких-либо иных затруднений для учета этих данных в статистическом подсчете.

«Деструктивные» различия сумм являются превалирующим над «конструктивными» различиями явлением в рамках статистического подсчета. Так, в тех списках, которые имеют наибольшие различия в суммах штрафов по отношению к «обобщающей» версии, а именно списки K17, K19, K46, K49 и K65 «конструктивных различий» всего лишь 2, 5, 5, 2 и 1 соответственно, на фоне десятков версий, которые генерируются «деструктивными» различиями. Вместе с этим особый интерес представляет анализ возможных причин появления такого рода различий, причем не только как единичные случаи, но и как полноценные тенденции в некоторых из списков.

Одной из наиболее распространенных причин являются ситуации, когда к сумме штрафа оказывается приписан лишний символ, меняющий ее значение и тем самым нарушающий соотношение солида к денариям. Ярким примером такого рода ситуации является версия 3,8_K_K49_Sol._1/2, которая, по сути, дублирует «обобщенную» версию в 45 солидов, однако, в списке K49 при указании суммы штрафа в денариях к числу «MDCCC» (1800) приписан еще один символ «C», из-за чего появляется необходимость рассматривать возможность версии 3,8_K_K49_Den._2/2 с суммой 1900 денариев как правильной и с 47½ при конвертации соответственно. Встречаются и случаи с подобным приписыванием символа «I» (1), что, например, создало версию 4,3.4_K_K33_Sol._2/2 с суммой в 36 солидов с нарушением соотношения с денариями.

Еще одним возможным способом возникновения «деструктивных» различий является внесение прямого исправления в текст путем зачеркивания и подписывания сверху иной суммы штрафа как, например, это сделано в версиях 10,6_K_K46_62Sol._1/2 и 10,6_K_K46_72Sol._2/2 с их производными в зависимости от интерпретации в пользу денариев или солидов как основы, в связи с тем, что ни 62, ни 72 солида не соотносятся с указанной в тексте параграфа суммой в 2800 денариев (которая в свою очередь соответствует тексту «обобщающей версии»). Таким образом,

некоторые исправления могут лишь усложнять восприятие текста, генерируя большее количество «деструктивных» версий.

Также причиной возникновения таких различий является намеренное или случайное неполное указание тысяч (символов «M») при обозначении суммы. Так, из-за этого версия 38,4_K_K17_Sol._2/2, соотносящаяся с «обобщающей» получает альтернативу 38,4_K_K17_Den._1/2 из-за предположительно недописанных составителем списка двух символов «M». Особенно ярко здесь выделяется список K49. В нем, как указывает К. А. Экхардт, составитель по какой-то причине вместо символа «M» перед указанием сотен («C») крайне часто пишет буквенное сочетание «in». Из-за того, что в этих случаях для верного соотношения денариев и солидов необходимо заменять «in» на «M» можно предположить, что буквосочетание «in» на самом деле и является буквой-числом «M», которая просто имеет особую авторскую манеру написания (в пользу этой гипотезы также говорит частичная визуальная схожесть буквосочетания «in» и «m»). Однако, в связи с отсутствием возможности прямого подтверждения данной гипотезы, все версии с наличием буквосочетания «in» в списке K49 получают разветвление интерпретации суммы штрафа, которая зависит от учета или неучета «in» в качестве символа «M».

Примечательной также является возможная причина, связанная с неверной расстановкой римских цифр в рамках числа, чаще всего это происходит с символами «X» (10) и «L» (50). Так, вероятнее всего, именно по этой причине сходная с «обобщающей» версия 13,4_K_K49_Den._2/2 с суммой в 2500 денариев получила альтернативу 13,4_K_K49_Sol._1/2 с опорой на обозначенные в тексте 43 солида штрафа. В данном случае, вероятна описанная ранее перестановка, из-за которой сумма в LXIII (63) солида, соотносящаяся в ряде списков с суммой в 2500 денариев несмотря на не абсолютное соотношение между денариями или солидами, была переделана в сумму в XLIII солида. Данный вид возможной ошибки имеет особое значение в рамках подсчета сумм штрафов в списке K17 – составитель списка в промежуток параграфов от 2,20 до 38,5 почти всегда совершает данную ошибку, из-за чего количество повторений суммы в 43 солида в тексте данного списка достигает показателя в 18 раз (из которых 17 имеют среднюю степень точности данных и 1 низкую, то есть, ни один из случаев не имеет прецедента соотношения денариев с солидами). Примечательна ситуация в версии 13,6_K_K17_63Sol._2/2 и ее производных – в ней находится исправление суммы XLIII на LXIII, которое приписывается сверху. Однако, в связи с тем, что даже после этого исправления этот вид

ошибки повторяется из раза в раз, можно предположить, что это исправление носит более поздний характер и внесено не тем человеком, который записывал текст списка. Специфика данной ошибки, которая превратилась в рамках списка K17 во временную (в ряде параграфов она не допускается) тенденцию, позволяет сделать ряд предположений о природе ее возникновения:

1. В процессе создания данной рукописи участвовал переписчик, который не до конца понимал то, как работает римский счет и, в частности, правила порядкового расположения римских цифр.

2. По крайней мере часть данной рукописи создавалась на основе переписи источника, в котором отсутствовало указание суммы штрафа в солидах в цифрах, из-за чего переписчику было необходимо самостоятельно осуществлять конвертацию и фиксировать полученные значения в тексте списка.

3. Данная рукопись вряд ли использовалась в правотворческой деятельности, так как исправление в ранее приведенном случае в версии 13,6_K_K17 является единичным. Корректировки не были внесены как в места до этого параграфа, так и в места после него, что указывает на малую степень заинтересованности автора данного исправления в проверке всей рукописи на наличие ошибок.

Одной же из самых распространенных причин появления «деструктивных» различий является проблема восприятия авторами некоторых списков сумм, которые имеют дробное значение при переводе в солиды. Данная проблема характерна для немалой части списков Салического закона – зачастую в более ранних списках сумма в 2500 денариев соотносится либо с суммой в 62, либо в 63 солида. Однако на основании анализа большей части списков группы K можно с уверенностью говорить о преодолении данной проблемы – «обобщающая» версия содержит в себе сумму в 62½ солида (как самый распространенный вариант среди списков группы K), которая является точным эквивалентом суммы в 2500 денариев, без расхождения в 20 денариев. Наиболее часто подобная особенность проявляется в списках K17 (63 сол.), K19 (62 сол.), K49 (63 сол.), K56 (63 сол.) и K65 (62 сол.), что может свидетельствовать об опоре составителей данных списков на более древние рукописи Салического закона без осуществления самостоятельного перевода из одной денежной единицы в другую.

Отдельно стоит отметить ряд случаев, в которых из-за того, что составитель списка не дописывает какую-то часть текста параграфа, теряется

его смысловое наполнение и даже сумма штрафа, из-за чего ее учет в статистике затруднен (такие случаи приведены со знаком «?»). Такая ситуация встречается 7 раз: 53,3_K_K17; 51,1_K_K17_Den._2/2; 44,3_K_K17_Den._2/2; 53,5_K_K18; (K.I.)_27,17:1_K_K19; 53,5_K_K19; 2,12_K_K49_Sol._2/2.

Таким образом, проанализировав «деструктивные различия» представленного комплекса списков Салического закона с обобщающей версией, можно сделать вывод о том, что данные различия появляются в первую очередь из-за ошибок, помарок и других форм неаккуратной работы составителей списков, а также, вероятно, из-за отсутствия оптимального количества необходимых источников для качественной работы (наиболее актуальных версий Салического закона). В связи с этим, можно говорить лишь о незначительных различиях списков Салического закона, которые не являются плодом ошибок составителей и переписчиков рукописей, что в свою очередь, указывает на высокую степень унифицированности Салического закона как документа в каролингский период.

Вместе с этим, в редких случаях различия в суммах штрафов можно назвать «конструктивными» ввиду того, что составитель меняет значение не только в солидах или только денариях, создавая при этом проблему соотношения денежных единиц, а сразу в обоих вариантах расчёта суммы штрафа. Особая примечательность и важность таких случаев создает необходимость рассмотрения каждого такого случая в отдельном порядке.

В списке K17 таких случаев всего два. Первый из них находится в версии (K.I.)_27,2'+27,3''_K_K17, то есть в ситуации, когда составитель рукописи, исходя из анализа К.А. Экхардта, объединил тексты двух параграфов в единый текст. Первая часть текста, содержащая в себе описание причины назначения штрафа, является частью смыслового блока 27,2, а расчет суммы штрафа (как в денариях, так и в солидах) полностью взят из блока 27,3, что и обеспечивает отсутствие ошибок в соотношении денежных единиц. Тяжело однозначно говорить о причинах подобной ситуации, однако, наиболее вероятными выглядят две следующие гипотезы:

1. Составитель рукописи по какой-то причине случайно переписал сумму штрафа из соседнего параграфа из-за невнимательности или какой-либо иной причине, из-за чего данный случай можно считать случайностью и ошибкой.

2. Составитель рукописи зафиксировал локальное отличие суммы штрафа в тексте параграфа, относящегося к смысловому блоку 27,2, которое

отразилось исключительно в списке K17. Таким образом, сумма штрафа была изменена с 120 ден., то есть 3 сол. на 600 ден., то есть 15 сол.

Отсутствие каких-либо комментариев на полях или информации из других источников не позволяет занять однозначную позицию касательно того, какая гипотеза является верной, однако, стоит отметить, что в том случае, если здесь и правда наблюдается ситуация с изменением суммы штрафа, то, исходя из авторской гипотезы о системности Салического закона, выражающейся группой системных сумм штрафов (3, 6, 9, 15, 30, 35, 45, 62½ и понятие «вира», из которых суммы в 6 и 9 солидов являются «техническими»)), выделяется тот факт, что данное изменение суммы штрафа – это переход от одной системной суммы соседней, следующей за ней по величине (в обход «технических» сумм).

Второй такой случай в списке K17 находится в версии (K.I.)_3,4'+3,5''_K_K17 и в крайней степени схож с первым – также, исходя из анализа К.А. Экхардта, произошло объединение содержательной части одного параграфа с частью обозначения суммы штрафа другого, следующего за первым параграфа. В связи с этим, гипотезы о природе этого случая идентичны. Вместе с этим, вновь стоит подробнее отметить то, каким образом различаются суммы штрафа – в «обобщенной» версии это 1400 ден., то есть 35 сол., в то время как в списке K17 это 1200 ден., то есть 30 сол. – вновь изменение можно интерпретировать как переход от одной системной суммы к соседней, однако, уже предшествующей по величине.

Список K18 также содержит 2 таких случая – (K.I.)_24,8:2_K_K18 и (K.I.)_24,5:2_K_K18. Данные смысловые блоки по сути являются альтернативной версии блокам 24,8:1_K и 24,5:1_K из обобщающей версии – они сходятся даже по суммам штрафов, однако, их немалые отличия в содержательной составляющей побудили К.А. Экхардта привести их отдельно от более распространенной версии. В связи с тем, что данные блоки, несмотря на различия, признаются К.А. Экхардтом просто особыми альтернативными версиями, но одного и того же параграфа – их рассмотрение в контексте анализа сумм не имеет смысла.

В списке K19 встречается 5 «конструктивных» различий, однако, два из них связаны со сферой телесных наказаний, которые не являются суммой штрафов и, в связи с этим, не рассматриваются в рамках данного исследования. Таким образом, различий именно в суммах штрафа в данном списке всего 3, первый из который встречается в версии 38,12_K_K19_Fine_2/2. Вместо «обобщенной» версии в 13⅓ ден. штрафа в данном списке представлена сумма на один денарий меньше – 12⅓. В связи

с тем, что в тексте параграфа не приводится сумма данного штрафа в солидах становится еще сложнее понимать то, было ли данное изменение намеренным или же составитель случайно не дописал еще один символ «I» к числу «XII», однако, в связи с формальным отсутствием противоречий внутри самого текста параграфа, формально он относится к «конструктивным» различиям.

Следующий случай приводится в версии 22,2_K_K19, где в обобщающей версии штраф составляет 1200 ден., то есть 30 сол., а в версии K19 – 1400 ден., то есть 35 сол. В отличие от различий из списка K17, в данном варианте отсутствует факт объединения тексте нескольких смысловых блоков, что говорит о большей вероятности осознанного локального изменения суммы штрафа. Вновь отдельно стоит отметить, что изменение можно интерпретировать как переход от одной системной суммы к соседней следующей по величине.

И третий случай – 64,2_K_K19, изменение суммы в 72000 ден. то есть 1800 сол. На 8000 ден., то есть 200 сол. Возможно, как случайное переписывание суммы штрафа из последующего параграфа в рамках списка, так и намеренное изменение суммы штрафа на опорную для все «вир» сумму в 200 солидов, которая является суммой виры за обычного салического франка.

В списке K20 всего один случай «конструктивных» различий – 3,5_K_K20, сумма в 1200 ден., то есть 30 сол. Изменена в этом списке на 1400 ден., то есть 35 сол., то есть на следующую по величине соседнюю сумму.

В списке K28 суммарно 3 таких случая – в (K.I.)_5,3_K28 представлен уникальный локальный параграф, присутствующий только в составе списков K28 и K46, что является явным «конструктивным» различием. В 24,2_K_K28 происходит изменение суммы с «обобщенной» 1800 ден., то есть 45 сол. на соседнюю по величине системную сумму в 1400 ден., то есть 35 сол. В третьем случае – (K.I.)_E:77,1:2_K28 также присутствует уникальный локальный штраф, встречающийся исключительно в списке K28.

В K29 есть 1 случай «конструктивного» различия – 24,2_K_K29 в котором сумму 1800 ден., то есть 45 сол. изменена на следующую по величине соседнюю сумму 2500 ден., то есть 62½ сол.

В списке K33 встречается 3 подобных случая – первый в версии 30,4_K_K33, в рамках которой не дописана часть текста, содержащая сумму в солидах, а также присутствует нестандартная сумма в денариях 210 («CCX») вместо «обобщенной» 120 («CXX»), что указывает на вероятность описки составителя рукописи в центральном символе числа. Однако, ввиду

формального отсутствия внутренних противоречий, данная версия занесена в «конструктивные» различия. Второй случай – (K.I.)_34,5:2_K_K33, где представлен уникальный параграф, встречающийся исключительно в этом списке. Третий же случай – в версии E:77,2_K_K33, где сумма из «обобщенного» варианта 12000 ден., то есть 300 сол. изменена на 16000 ден., то есть 400 сол.

Далее стоит отдельно выделить три смысловых блока, которые присутствуют исключительно в небольших группах рукописей и, по сути, являются единственными, которые отличают обозначенные списки от «обобщенной» версии. Это блоки (K.I.)_32,9:1 и (K.I.)_32,9:2_K57, встречающиеся только в списках K39, K57, K61, K62 и K81, а также блок 65c, встречающийся в списках K39, K61, K62, K65, K66, K67 и K81. Суммы штрафов из этих уникальных блоков соотносятся с системными суммами – 120 ден., то есть 3 сол.; 1400 ден., то есть 35 сол. и 2500 ден., то есть 62½ с соблюдением вышеуказанной последовательности соответственно.

В списке K46 встречается 5 случаев «конструктивных» различий – первый и второй в версиях 30,4_K_K46_Fine_2/2 и 30,4_K_K46_Fine 1/2 с суммами 120 ден., то есть 3 сол. и 240 ден., то есть 6 сол. соответственно. В «обобщенной» версии данный параграф имеет всего один вариант штрафа – 3 сол., то есть, вариант в 6 сол. как альтернативный представляется уникальным различием и добавлением. Третий случай в версии (K.I.)_5,3_K46 – ранее упомянутый уникальный штраф в 15 сол. Четвертый в версии 38,9_K_K46, где сумма в 120 ден., то есть 3 сол. из обобщающей версии заменена на 600 ден., то есть 15 сол., то есть соседнюю системную сумму. Пятый – (K.I.)_24,5:1_K_K46 с изменением обобщающей суммы в 28000 ден., то есть 700 сол. на 24000, то есть 600 сол.

В K65 встречается 1 случай – 10,6_K_K65 с заменой «обобщенной» версии 2800 ден., то есть 70 сол. на 1800 ден., то есть 45 сол. Важно отметить, что в ряде других списков также присутствуют замены суммы штрафа в данном блоке, однако, уже деструктивные (далее указываются только суммы в сол.): в K18 это версии 62½, 65 и 70, в K19 – 35, в K33 – 45, в K46 – 62, 70 и 72. Все это косвенно указывает на определенную связь суммы 70 сол. с системной суммой в 62½ сол. и тождественной версии 62 сол. Можно предположить, что составитель K65 также воспринимал сумму 70 сол. из «обобщенной» версии или даже работал с текстом, в котором она уже была изменена на 62½, 62 или 63, что и обусловило изменение суммы на соседнюю системную, а именно – 45.

В списке K79 также 1 случай – (K.I.)_38,6:2_K_K79 где приводится уникальный фрагмент текста параграфа, добавляющий в него штраф в 1000 ден., то есть 25 сол.

Таким образом, разобрав встречающиеся в списках группы K Салического закона «конструктивные» различия с обобщающей версией, можно сделать о том, что несмотря на общую высокую степень унифицированности Салического закона в рамках группы K, в текстах ряда списков обнаруживаются изменения и добавления, которые указывают на наличие элемента уникальности и не абсолютной идентичности этого документа. Вместе с этим, важно отметить важную тенденцию в рамках этих изменений и добавлений сумм штрафов, а именно вопрос их системности – то, как они изменялись.

Исходя из ранее обозначенных особенностей соотношения между суммами из «обобщенной» версии и особенных версий сумм, обнаруживается закономерность – отличающиеся суммы в подавляющем большинстве случаев расходятся с «обобщенной» версией на один системный порядок (в рамках гипотезы о системности сумм Салического закона в виде группы сумм штрафов в 3, 6, 9, 15, 30, 35, 45 и 62½ и понятии «вира»). Данный факт является еще одним косвенным аргументом в пользу данной гипотезы, а сама гипотеза, в свою очередь, объясняет природу таких изменений – вероятно, что судьи или иные люди, причастные к написанию текста списков Салического закона каролингского периода, исходя из конкретной ситуации, меняли свой взгляд на степень тяжести того или иного преступления из «Закона» и вносили изменения в текст, однако, они вносили изменения с учетом существующей системы «Закона» и могли поменять степень тяжести всего на «один шаг» в сторону уменьшения суммы штрафа или ее увеличения. Данное правило, вероятно, касалось только тех случаев, когда сумма штрафа за преступление находилась в промежутке от 3 до 62½, не являлось «вирой», а также не зависела от каких-либо иных особых факторов (как, например, количество украденных голов в версии (K.I.)_38,6:2_K_K79). Наличие такого рода локальных уникальных «конструктивных» различий указывает на понимание и опознавание франками, причастными к созданию списков Салического закона сути ее системности, однако, с другой стороны, небольшое количества таких изменений также указывает и на непопулярность использования механизма корректировок в «обобщенную» версию Салического закона группы K.

В рамках данной научной работы было проведено комплексное исследование важной группы списков Салического закона – группы K (по

классификации К.А. Экхардта) на предмет наличия в них системных элементов, а также локальных различий и особенностей.

В ходе работы, на основании результатов применения количественных методов анализа, составления таблиц идентификаторов к каждому из приведенных в последнем крупном издании Салического закона К. А. Экхардтом списку, а также гистограмм распределения частоты использования сумм штрафов, был сделан ряд выводов:

Списки группы K Салического закона представляют собой достаточно унифицированный комплекс текстов, который содержит малое количество различий сумм штрафов от списка к списку, что говорит о наличии в каролингский период франкского государства некоего эталонного варианта Салического закона, который лег в основу подавляющего большинства дошедших до наших дней списков Салического закона группы K.

Несмотря на вышеописанный факт, некоторые списки группы K содержат отличия в ряде сумм штрафов, которые, несмотря на их небольшое количество, оказывают влияние на ее содержание и на восприятие статистических моделей данных списков. Подавляющее большинство различий сумм штрафов с «обобщенной», эталонной версией носит «деструктивный» характер, то есть нарушающий актуальное для каролингского периода соотношение 1 солида к 40 денариям, которое также сохраняется и в других параграфах данных списков, которые содержат указанные отличия. Исходя из проведенного анализа, можно предположить, что причиной появления такого рода различий, в первую очередь, служат ошибки, описки и иные формы технических недочетов переписчиков и составителей конкретных списков. В редких случаях, как, например, в ситуации со списком K17, можно предположить, что один из причастных к созданию списка либо недостаточно хорошо владел римским счетом, либо же работал с уже искаженной или неполной версией Салического закона, который он переписывал без исправления математических ошибок в расчете сумм штрафов при переводе из денариев в солиды или наоборот.

Важно отметить, что в текстах списков группы K можно обнаружить не более двух десятков случаев «конструктивных» различий – то есть тех, которые, при изменении суммы штрафа, не нарушают соотношение между денариями и солидами, а также не содержат иные формы ошибок и неточностей, затрудняющие их восприятие. Исходя из анализа соотношения особых локальных сумм с суммами, указанными в «обобщенной» версии группы K, была выявлена закономерность, соотносящаяся с авторской гипотезой о наличии в Салическом законе системности, базирующейся на

группе сумм в 3, 6, 9, 15, 30, 35, 45, 62½ солидов и понятии «вира», которые составляют ее системный фундамент и являются основными суммами штрафов, которые отражают «пороги» в оценке тяжести тех или иных проступков и преступлений (за исключением сумм в 6 и 9 солидов, которые являются «техническими»). Было замечено, что все «конструктивные» различия, сумма штрафа которых находится в рамках диапазона от 3 до 62½ солидов, а также не зависит от каких-либо иных особых факторов (как, например, количество украденных голов в версии (K.I.)_38,6:2_K_K79) имеют разницу с суммой из обобщающей версии группы K всегда на один системный «шаг» в сторону уменьшения или увеличения. То есть, если в обобщающей версии сумма штрафа равна 35 солидам, то в локальных «конструктивных» версиях она будет либо 30, либо 45 солидов; подобное правило работает и на все остальные системные суммы.

Обозначенные ранее наблюдения и результаты анализа являются важным аргументом в пользу гипотезы о системности Салического закона в виде наличия группы «системных сумм» штрафов, так как, с одной стороны, результаты исследования говорят о наличии эталонной версии, которая отражает важность сохранения системности документа и, как содержательно, так и статистически содержит в себе все структурные элементы, на которых базируется данная гипотеза, а с другой стороны, демонстрируют то, что даже те редкие различия, которые появляются в ряде списков были осуществлены с соблюдением принципов данной гипотетической системы.

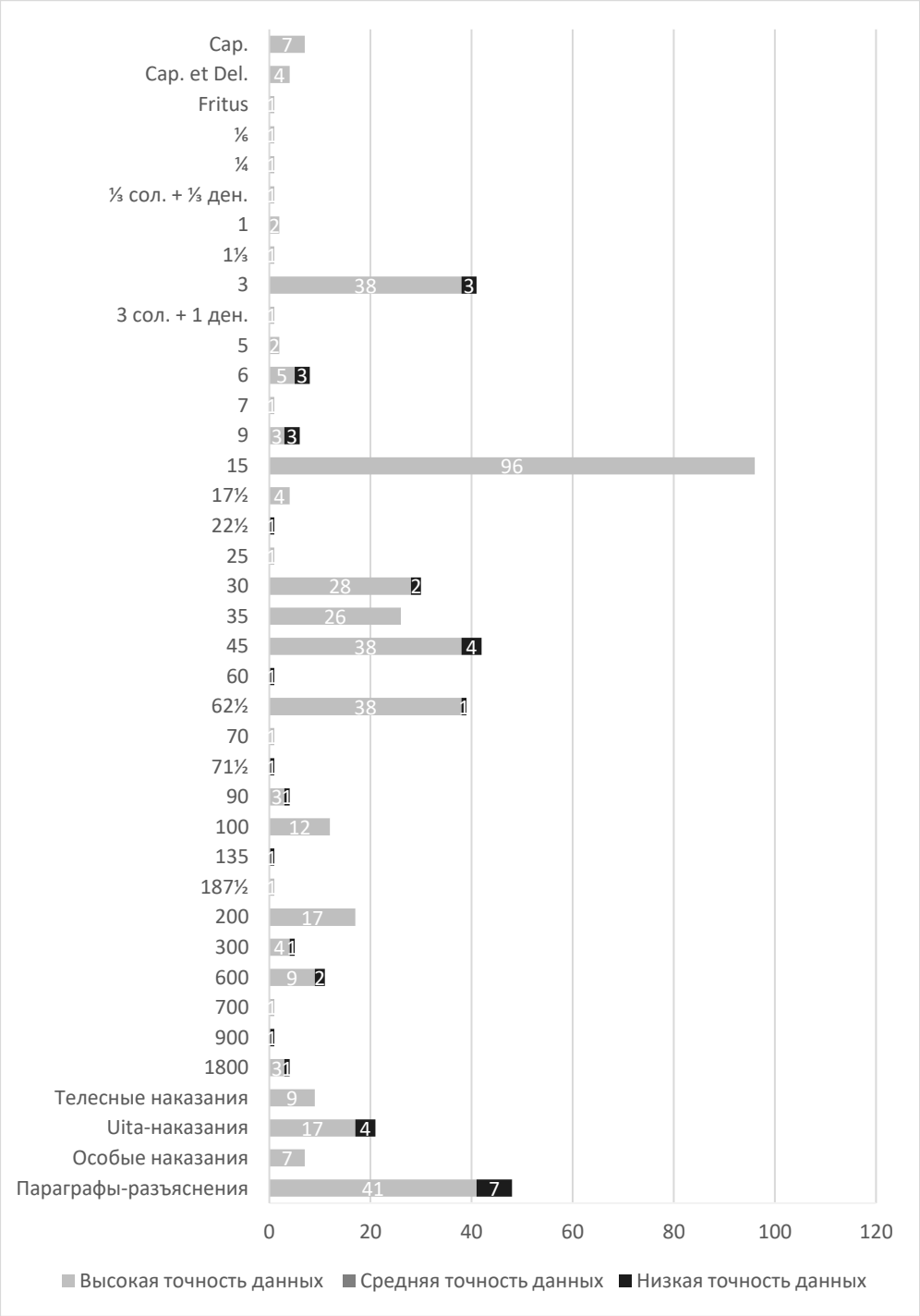
Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что большая часть составителей списков Салического закона каролингского периода обладала эталонным вариантом, который ложился в основу новых списков «Закона». Вместе с этим, немалая часть авторов списков также понимала и суть системности Салического закона, а также механизм внесения изменений и корректировок в эталонный вариант, исходя их тех или иных побуждений – данный факт говорит о высоком уровне правовой культуры не только в обществе составителей текстов закона, но и судей, а также рядовых представителей общества франков (так как каждый из участников процесса с использованием измененного эталонного текста Салического закона должен был понимать то, как и по какому принципу он был изменен).

Таким образом, можно говорить о том, что использование количественных методов анализа, разработанных конкретно под исследование Салического закона с учетом специфики и особенностей документа, позволяют эффективно и по-новому, с учетом

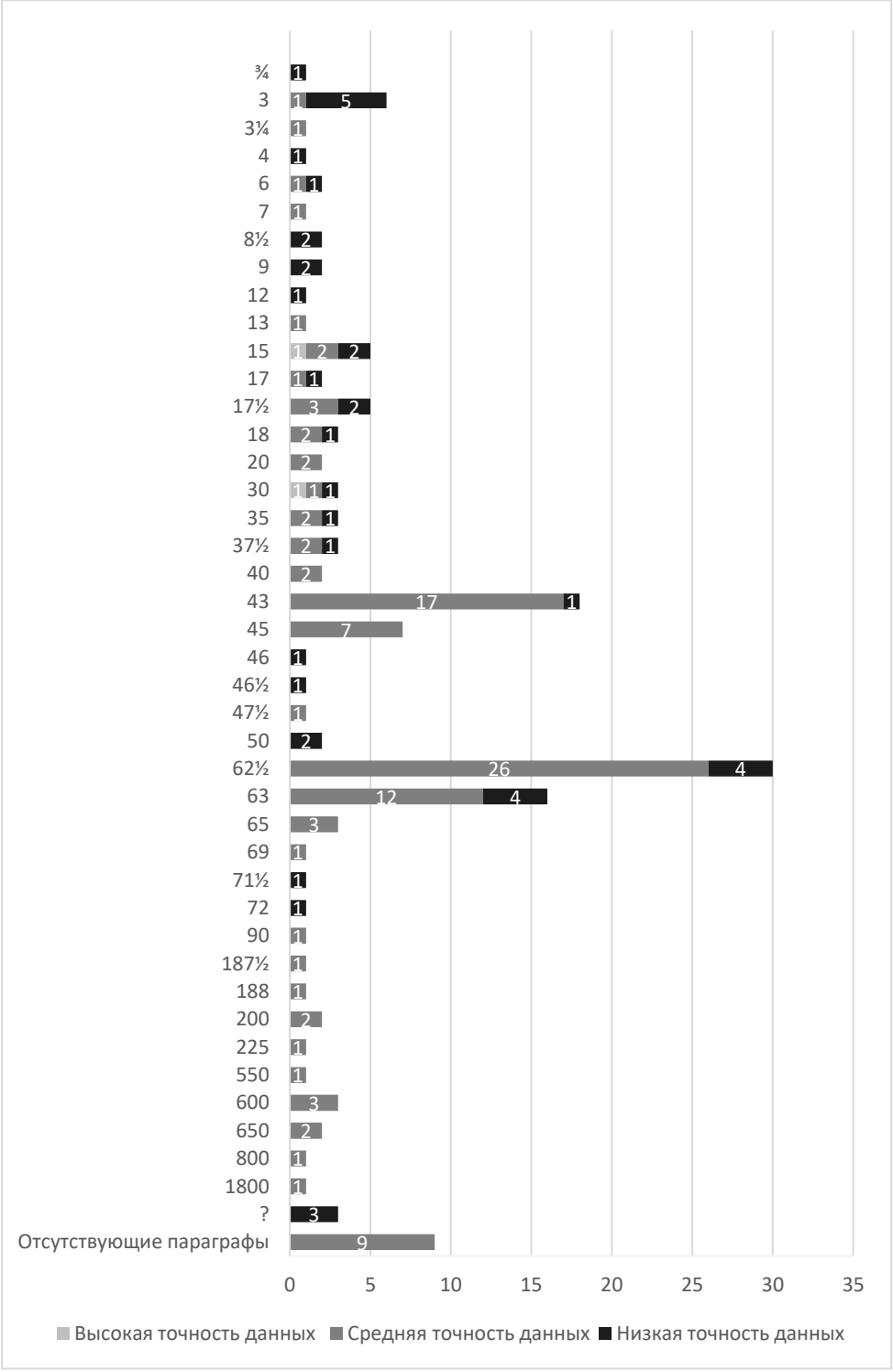
междисциплинарного опыта, обнаруживать важные, ранее скрытые особенности «Закона», который представляет собой не примитивный бессистемный источник права, а документ, в основе содержания которого лежит сложная система из конкретных сумм штрафов, служившая обществу франков на протяжении столетий.

Литература

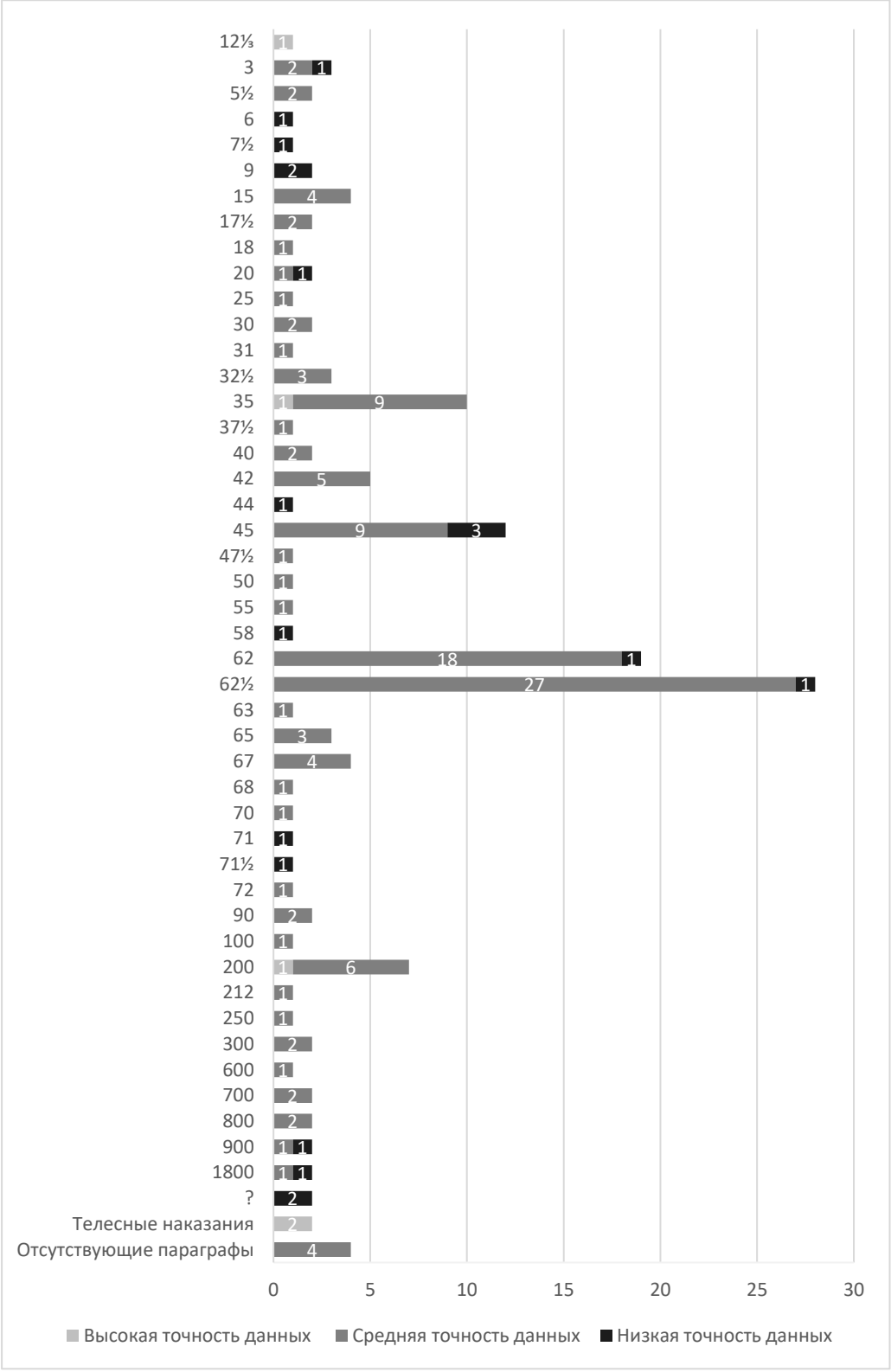
1. *Земляков М.В.* Эволюция рабства в германском мире в поздней Античности и раннем Средневековье (сравнительный анализ франкского законодательства VI – начала IX в. и англо-саксонских законов VII – начала XI в.): дис. … канд. истор. наук. М.: МГУ, 2015. 577 с.
2. *Каталкин И.И.* Опыт применения количественных методов анализа в источниковедении на примере Салического закона // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: сб. научных трудов. Вып. XV / под общ. ред. С. Ю. Рафалюк. М.: МПГУ, 2024. С. 225–242.
3. *Brunner H.* Systematisches Handbuch der Deutchen Rechtswissenschaft. Leipzig: Verlag von Duncker Sz Hiimblot, 1906. 630 p.
4. *Drew K.F.* The Laws of the Salian Franks. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991. 256 p.
5. *Hessels J.H.* Lex Salica: The ten texts with the glosses, and the Lex Emendata. London: John Muray, Albenarle Street. Trübner & Co., Ludgate Hill, 1880. 265 p.
6. Leges nationum Germanicarum. T. IV. P. I. Pactus Legis Salicae. / hrsg. von Karl August Eckhardt. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1962. 327 p.
7. Leges nationum Germanicarum. T. IV. P. II. Lex Salica / hrsg. von Karl August Eckhardt. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1969. 264 p.



Гистограмма 1. Распределение частоты использования сумм штрафов к обобщающей таблице группы списков K



Гистограмма 2. Распределение частоты использования отличающихся сумм штрафов к таблице списка K17



Гистограмма 3. Распределение частоты использования отличающихся сумм штрафов к таблице списка K19

Зотов Д.В.

Государственный университет просвещения

Итальянские республики и работорговля в Северном Причерноморье в XIII–XV вв.

Аннотация. Начиная с XIII в. в Северном Причерноморье складываются оптимальные условия для активизации работорговли: народы Кавказа и кочевники степей выступают в качестве поставщиков рабов, а итальянские купцы – посредников и покупателей. Роль торговых республик, прежде всего Генуи, заключалась в формировании сети работорговли и ее механизмов в регионе и по всему Средиземному морю. Спрос на рабов существовал как в самих республиках, так и в других городах Италии и Иберии, в то время как их основным импортером являлся Мамлюкский султанат.

Ключевые слова: Италия, Генуя, торговые республики, Азово-Черноморский регион, Каффа, Тана, мамлюки, рабы

Zotov D.V.

State University of Education

Italian Republics and the Slave Trade in the Northern Black Sea Coast in XIII-XV Centuries

Abstract. From the 13th century, optimal conditions for the activation of the slave trade were formed in the Northern Black Sea coast: the peoples of the Caucasus and nomads of the steppes acted as suppliers of slaves, and Italian merchants - as intermediaries and buyers. The role of the merchant republics, first of all Genoa, was to establish the slave trade network and its mechanisms in the region and across the entire Mediterranean Sea. The republics themselves as well as other Italian and Iberian cities had a demand for slaves, while their main importer was the Mamluk Sultanate.

Keywords: Italy, Genoa, merchant republics, Azov-Black Sea region, Caffa, Tana, Mamluks, slaves

Работорговля как явление существовала на протяжении столетий, но в зависимости от эпохи менялись ее масштабы и значение. Свою специфику имела работорговля и рабовладение в XIII–XV вв., на которые приходится расцвет торговли рабами в Средиземноморье. При этом основным центром вывоза «живого товара» становится Азово-Черноморский регион, в частности города Каффа и Тана, находящиеся в этот период под властью Генуэзской торговой республики [5, с. 139].

В этот период народы Северного Причерноморья выступали в качестве «естественных» поставщиков невольников. В XIII в. импульсом для роста числа рабов стали монгольские завоевания, обеспечивающие постоянный приток пленников. Распространено было и кабальное рабство, а также торговля представителями народов Кавказа своими же соплеменниками [9, с. 79]. Также имели место и случаи продажи в рабство собственных детей [6, с. 241].

Кроме того, XIII век ознаменован началом морской гегемонией Генуи в Черном и Азовском морях. Генуэзцы имели большой опыт торговли рабами еще до закрепления в этой области: их основные пункты покупки и продажи невольников находились в Северной Африке, Иберии, Святой земле [10, p. 338]. Крестовые походы и Реконкиста способствовали формированию в Генуе крупного рынка невольников, в роли которых выступали преимущественно пленные «сарацины» [10, p. 338–340]. К началу XIII в. европейцы практически полностью утратили позиции в Палестине; существенно сократилось и влияние генуэзцев на Ближнем Востоке. Тем не менее, последним вскоре удалось проникнуть на новый рынок: в 1261 г. между Генуей и Никейской империей был заключен Нимфейский договор, согласно которому Республика получила право эксклюзивной торговли в Черном море. В результате итальянские фактории на его побережье быстро превратились в важные коммерческие центры.

Генуэзцы не занимались поимкой рабов, но наладили стабильные механизмы их покупки и вывоза. Закрепившись в Черном море в XIII в., Генуя фактически установила в нем монополию на торговлю рабами. В XIV–XV вв. каффинская Оффиция Святого Антония контролировала работорговлю уже по всему побережью Черного моря, ее филиалы были открыты во всех значимых торговых пунктах региона [5, с. 140].

Определенный спрос на рабов имел место непосредственно в Азово-Черноморском регионе. Главными покупателями рабов являлись жители генуэзских колоний, в основном сами итальянцы. Как и торговля, владение рабами не вступало в противоречие с представлениями европейской христианской морали этого исторического периода, поэтому наличие слуг-невольников в черноморских поселениях Генуи было довольно частым явлением [1, с. 79]. С.Х. Хотко, исследовавший тему рабов черкесского происхождения, подсчитал численность рабов в Каффе в конце XIV в.: по его оценке, она достигала 530 человек, или 3% населения города [8, с. 62–63]. Их содержание могли себе позволить состоятельные горожане, которые приобретали рабов в качестве помощников и прислуги. Кроме того, в XIII–XV вв. в рабах были заинтересованы путешественники и торговцы, следовавшие через поселения и степи Северного Причерноморья по Великому шелковому пути. Ими высоко ценились люди, хорошо знакомые с местностью и владеющие куманским языком [9, с. 80].

Очевидно, в описанных выше ситуациях речь идет о мелких сделках, в то время как действительно крупные операции были связаны с вывозом рабов за пределы Черного моря. Среди важнейших направлений экспорта следует выделить два: Ближний Восток и Западное Средиземноморье.

Рабовладение на средневековом Востоке имело определенную «специализацию», поскольку из невольников там готовили профессиональных воинов. Речь идет о янычарах в Османской империи и мамлюках в Египте. Но если янычарами становились преимущественно дети христиан на завоеванных турками землях, то войско мамлюков формировали главным образом рабы, происходившие из региона Кавказа и кыпчакских степей.

Мамлюки и их предшественники, гулямы, появились на Ближнем Востоке еще в X в. в качестве гвардии халифа [7, с. 3]. Уже тогда они набирались в основном из тюрков-кыпчаков и кавказских народов. Мамлюки, благодаря своему высокому положению в обществе, с течением времени получали все больше и больше влияния, особенно усилившись при Айюбидах. В результате, в 1250 г. они свергли Айюбидов и захватили власть в Египте, а позже и Сирии, основав мамлюкскую династию Бахритов. Вслед за этим закономерно последовал рост численности войска мамлюков – оно по-прежнему было представлено привезенными из Северного Причерноморья и прошедшими специальную подготовку невольниками.

С 1260-х гг., в период правления султана Бейбарса, значительно увеличиваются масштабы вывоза рабов из Черного моря в мамлюкский

Египет. С тех пор и до конца XIII в. мамлюки заключили ряд договоров с Византией и Золотой Ордой, получив, в том числе, право вывоза невольников через Босфор и Дарданеллы [3, с. 252]. Однако вскоре доминирующие положение в вопросах работорговли заняли итальянские купцы, для которых ближневосточное направление экспорта живого товара оставалось приоритетным на протяжении как минимум века, вплоть до Черной смерти середины XIV столетия.

Сложно однозначно оценить количество рабов, проданных в Египет за весь период владычества мамлюков, но о нем может говорить численность египетской армии, а также сведения об освобожденных мамлюках. Изначально мамлюки являлись исключительно гвардией халифа или султана, но со временем их стали возглавлять и эмиры; образовывались целые партии мамлюков с собственными лидерами, борющимися за власть. В начале правления каждый султан приобретал новых невольников, при этом могли быть «унаследованы» и неосвобожденные ветераны-мамлюки предыдущего султана. Общая численность войска мамлюков росла от нескольких сотен до десятков тысяч человек. С. Х. Хотко дает оценки возможного количественного состава армии мамлюков. Так, в XV в. войско сирийских и египетских мамлюков суммарно могло насчитывать около 22–26 тысяч, а к моменту вхождения Египта в Османскую империю – 10–25 тысяч [7, с. 4; 7, с. 7]. Также С. Х. Хотко приводит некоторые данные, косвенно указывающие на численность воинов-мамлюков. Например, в египетском вторжении на Кипр в XV в. могло принимать участие 18-тысячное мамлюкское войско, а султан Кансав Гур за время своего правления лишь освободил, по разным оценкам, от 2 до 13 тысяч мамлюков [7, с. 4; 7, с. 7].

Султаны старались поддерживать численность и боеспособность мамлюкского войска, ведь в XIII–XVI вв. им противостояли многочисленным соперникам: моголам и Ильханату, крестоносцам, Киликийской Армении, Караманидам и Османам. Восполнять потери приходилось не только в периоды боевых действий, но и после внутренних столкновений между разными «партиями» мамлюков, стремящихся возвести на престол своего ставленника. В султанских школах непрерывно проходили обучения юноши-невольники, которые в будущем становились воинами-мамлюками. Таким образом, в мамлюкском Египте существовал стабильный спрос на рабов, лишь возрастающий в периоды военных конфликтов.

На Западе же основными покупателями рабов являлись Северная Италия и Восточная Иберия (Каталония, Арагон). Вероятно, в этих регионах

рабовладение получило большее распространение, нежели в остальной Европе, по причине более значимой роли городов и влияния античного римского наследия.

В Генуе еще с XI в. начинает формироваться крупный центр работорговли, где большое влияние имели также купцы из Каталонии и Прованса. К началу XIII в. там продавались рабы-«сарацины», сардинцы, корсиканцы, славяне греки и представители других восточных народов; а на генуэзский невольничий рынок стекались торговцы со всей Италии [10, p. 340–341]. В XIV–XV вв. этнический состав рабов значительно меняется, и теперь на рынке преобладают татары, кипчаки, славяне и в особенности черкесы [8, с. 63].

В генуэзскую работорговлю были вовлечены не только купцы, привозившие невольников морским путем, но и городские ремесленники, лавочники и прочие торговцы, то есть достаточно широкие слои населения. Как отмечает С. П. Карпов, Азовский регион играл важную роль в снабжении Генуи «в первую очередь зерном, рыбой и рабами», что само по себе свидетельствует о наличии высокого спроса на рабов в Республике [3, с. 246]. Цели покупки рабов в Генуе во многом совпадали с таковыми в Каффе: рабы становились прислугой, помощниками, нянями, кормилицами. Местные торговцы и ремесленники приобретали их в качестве альтернативы оплачиваемым работникам, хотя это не всегда было экономически целесообразно из-за высокой стоимости рабов. Чаще владельцами рабов являлись представители генуэзской элиты, что подчеркивало их высокий статус. Отмечается, что рабами владели не только крупнейшие аристократические дома – такие как Дория, Спинола, Гримальди, – но и менее знаменитые фамилии [10, p. 341].

Во второй половине XIV в., после пандемии чумы, производственные и торговые города Юго-Западной Европы столкнулись с дефицитом рабочих рук, что спровоцировало очередной пик черноморской работорговли. Согласно исследованию С.П. Карпова, до 70% всех сделок, совершенных в Тане во второй половине XIV в. приходилось на работорговлю [3, с. 267].

Из Генуи рабы попадали также в другие регионы Италии и Иберию, однако вряд ли можно говорить о действительно большой численности рабов за пределами Генуи, где их число могло достигать от 1500 до 5000 человек [10, p. 342]. Так, В. Филипс, автор труда о работорговли в различные исторические периоды, приводит данные, согласно которым во Флоренции в последней трети XIV века было продано всего 357 рабов [11, p. 105]. В Испании же, благодаря продолжительной Реконкисте, существовал свой

собственный рынок рабов, однако примечательно, что испанские торговцы все равно нередко предпочитали покупать рабов в Генуе – вероятно, ввиду их меньшей стоимости. Хотя спрос со стороны испанцев действительно падал в те моменты, когда им самим удавалось захватить большое число пленных, например, во время завоевания Арагоном Менорки в 1287 г. [8, с. 66].

Подводя итог, можно сказать, что активизация средиземноморской работорговли в XIII–XV вв. обусловлена специфическим характером спроса на рабов. Как видно, в Европе покупателями невольников выступали богатые производственные и торговые города. Число рабов было относительно невелико, да и самих рабов в данном контексте было бы правильнее называть, скорее, слугами. При этом даже немногочисленные и поверхностные данные о количестве рабов, приведенные в исследовании, позволяют сделать вывод, что их основным покупателем являлся Мамлюкский султанат. Именно необходимость пополнения армии мамлюков разумно считать важнейшей причиной стабильного спроса на невольников из Северного Причерноморья на протяжении всего рассматриваемого периода и, как следствие, значительных масштабов работорговли в Азово-Черноморском и Средиземноморском регионе.

Литература

1. *Возгрин В.Е.* Рабство в странах Черного моря (позднее Средневековье – Новое время) // Вестник СПбГУ. История. 2011. № 3. С. 90–100.

2. *Еманов А.Г.* Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень: РУТРА, 1995. 225 с.

3. *Карпов С.П.* История Таны (Азова) в XIII–XV вв.: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2021. Т.1. Тана в XIII–XIV вв. 378 с.

4. *Карпов С.П.* Путями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской Республики в XIII–XV вв. М.: Наука, 1994. 155 с.

5. *Карпов С.П.* Работорговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. (преимущественно по данным массарий Каффы) // Византийский временник 1986. Т. 46. № 71. С. 139–145. URL: http://www.vremennik.biz/opus/BB/46/52621 (дата обращения: 27.02.2024).

6. *Тизенгаузен, В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.: Изд. на ижд. гр. С.Г. Строганова, 1884. Т.1. URL: https: //rusneb.ru/catalog/000199_000009_003907365/ (дата обращения: 28.02.2024).

7. *Хотко С.Х. Черкесские* мамлюки. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд.-во, 1993. 37 с.

8. *Хотко С.Х.* Черкесские рабы в западном Средиземноморье (последняя треть XIII–XV вв.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2016. № 1 (174). С. 60–71.

9. *Ющенко Д.А.* К вопросу о работорговле в Азовском регионе в XIII–XV вв // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2020. № 3–4 (74–75). С. 77–84. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=48336212 (дата обращения: 28.02.2024).

10. *Panero F.* l'avvio della tratta degli schiavi a Genova e le sue ripercussioni sul servaggio medieval // Quaderni Storici. 2001. Vol. 36. № 107 (2). P. 337–48. URL: http://www.jstor.org/stable/43779290 (дата обращения: 02.03.2024).

11. *Phillips W.D.* Slavery from Roman Times to the Early Transatlantic Trade. University of Minnesota Press,1985. 286 p.

Абдулманова И.В.

Белгородский юридический институт МВД России
имени И. Д. Путилина

Таранова П.С.

Белгородский государственный университет

К вопросу об основателях Эдесско-Нисибийской академии

Аннотация. Статья посвящена анализу личного и профессионального пути основателей Эдесско-Нисибийской академии. В работе анализируются взгляды таких значимых авторитетов Восточной Церкви, как Ефрем Сирин, Нарсай Нисибийский, Киора, Авраам Бет Раббанский, Хнана Адиабенский и некоторых других. Актуальность исследования обусловлена тем, что прежде в российской исторической науке не было представлено обобщенного труда о данных интеллектуалах, их творческом наследии и административном ресурсе. Обобщая полученные данные, авторы приходят к выводу о значимости интеллектуального вклада руководителей Эдесско-Нисибийской школы в развитие догматики Восточной Церкви.

Ключевые слова: Эдесско-Нисибийская школа, Эдессия, Нисибин, Ефрем Сирин, Нарсай Нисибийский, Киора, Авраам Бет Раббанский, Хнана Адиабенский.

Abdulmanova I.V.

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after I.D. Putilin

Taranova P.S.

Belgorod State National Research University

On the question of the founders of the Edessa-Nisibia Academy

Abstract. The article is devoted to the analysis of the personal and professional path of the founders of the Edessa-Nisibia Academy. The work analyzes the views of such important authorities of the Eastern Church as Ephraim

the Syrian, Narsai of Nisibis, Kiora, Abraham Beth Rabban, Khnana of Adiabene and some others. The relevance of the research is due to the fact that previously in Russian historical science there was no generalized work on these intellectuals, their creative heritage and administrative resource. Summarizing the data obtained, the authors come to the conclusion about the importance of the intellectual contribution of the leaders of the Edessa-Nisibian school to the development of the dogmatics of the Eastern Church.

Keywords: Edessa-Nisibis School, Edessia, Nisibin, Ephraim the Syrian, Narsai of Nisibis, Kiora, Abraham Beth Rabban, Hnana of Adiabene.

Вопросы становления и развития современной истории интеллектуальной мысли в России невозможны без использования ретроспективного анализа. Это определяется целым рядом факторов, важнейшим из которых, как нам видится, является фактор преемственности и адаптивности интеллектуального наследия прошлого к реалиям настоящего.

На протяжении многих веков развитие интеллектуальной мысли напрямую было связано с научно-образовательными центрами древности, среди которых крупнейшими являлись Александрийская, Афинская, Антиохийская школы. Предметом исследования в данной статье выступают интеллектуалы гораздо менее изученной, но не менее значимой Эдесско-Нисибийской школы, возникшей в IV в. н.э. в Эдессе. После распада империи Эдесса довольно быстро превратилась в значимый для христиан и истории христианской церкви город. Здесь располагалось более 300 монастырей, часть из которых сыграла важную роль в становлении богословской традиции в период распространения арианских, монофизитских и несторианских ересей. Двойное название определяется тем, что в V–VI вв. школа в Эдессе перестала существовать, но ее последователи переехали в Нисибис, где и продолжилась ее интеллектуальная традиция.

Основание Эдесской школы связывают с апостолом Фаддеем, однако точные данные о времени и обстоятельствах ее появления отсутствуют. Можем предположить, что речь здесь идет практически о том же процессе, который затронул и Александрийскую школу богословия, чье образование приписывают апостолу Марку. И в том, и в другом случае мы наблюдаем вероятно передачу христианской традиции от апостолов к населению определенного города/региона, но не прямую связь апостолов как основателей школ. По другой версии Эдесская школа возникла благодаря старанию Нарсая Нисибийского, который, по преданию, в возрасте 7 лет

поступил в городскую школу Айн Дулба и за 9 месяцев выучил наизусть Псалтырь. Однако Нарсай родился около 399 года и был учеником Ефрема Сирина, что делает данную версию нежизнеспособной.

Традиционно основателем школы (или как минимум одним из первых широко известных её руководителей) принято считать Ефрема Сирина (около 306–9 июня 373). О ранних годах жизни Ефрема Сирина известно немного. В его житии упоминается, что родители были благочестивыми людьми, а сам он называет себя человеком «неученым». Здесь очевидно продемонстрировано христианское смирение автора и попытка бороться с собственной гордыней, поскольку анализ его трудов указывает на хорошую эрудицию и знакомство не только с работами христианских авторов, но и с произведениями эллинских писателей. Кроме того, тексты его трудов указывают на знание автором иврита, этнографии и географии Палестины. Работы Ефрема Сирина при его жизни были переведены на греческий язык и, как упоминает Иероним, читались в церквях после Священного Писания [5, с. 609–610]. В России переводы части его работ (265 наименований) были сделаны еще в дореволюционный период (1848 год) представителями Московской духовной академии.

Опираясь на краткую биографию из его жития, можно выстроить некоторую картину жизни Ефрема Сирина. С ранних лет он чувствовал привязанность к Богу и будучи юным человеком удалился в пустыню, где стал иноком и учеником святого Иакова Нисибийского, который по прошествии времени рукоположил его в сан дьякона.

С какого периода начинается включение Ефрема в социальную жизнь Эдессии неизвестно. Распространена версия, что его переезд в Эдессу случился около 363 года, когда Нисибин перешел под власть Персии. В Эдессе Ефрем Сирин начал активно развивать основы толкования Священного Писания. Видимо здесь и начало формироваться его строго конфессиональное богословское направление, которое поставило Сирина особняком по отношению к другим представителям восточно-христианской церкви. В отличие от многих других, он никогда не входил в обсуждение еретических доктрин, даже если речь шла о противоеретических сочинениях. Он ограничивался только краткими указаниями на несогласие с еретиками и упоминал о глубокой скорби относительно еретических заблуждений. Отношение к эллинскому наследию, даже с учетом того, что в его работах можно проследить черты платоновской философии и философии стоицизма, было резко отрицательным [3, с. 33; 2, с. 19–20].

Авторский стиль толкования Священного Писания, знакомство с греческой риторикой, вероятно повлекли за собой формирование близкого к Ефрему Сирину круга единомышленников-учеников «школы персов» (имеются в виду беженцы, которые на первых порах составляли основной костяк школы). Сама школа имела статус некоего братства и школы-общежития. Известно, что Ефрем Сирин преподавал еще и пение, что также повышало интерес к нему среди слушателей. Анализ содержания части трудов Ефрема Сирина указывает и на то, что авторитет в качестве преподавателя, он мог приобрести за счет своего позитивного изложения христианских идей, которым было чуждо уныние и крайний ригоризм. Ефрем Сирин преподавал в академии 38 лет и за это время опыт его толкования стал образцом, которому следовали даже поле его смерти. Среди известных учеников следует выделить Нарсая Нисибийского, Саума (епископа Нисибина), Мана (епископа Рев Ардашира) [4, с. 13].

Еще одним известным представителем Эдесской школы был Кир II Эдесский (Киора) (?-498). Киора был руководителем аскетического склада, имел широкий кругозор, поскольку известно, что он лично не только руководил школой, но и преподавал весь цикл дисциплин от элементарных до экзегетических [2, с. 21]. Он стал одним из главных переводчиков на сирийский язык работ Феодора Мопсуестийского, одного из руководителей Антиохийской школы. Этой деятельностью Киора занимался вместе со своими многочисленными учениками. Толкования стали основой преподавательской деятельности школы. Финансовую поддержку оказывали епископы Эдессы.

Особую роль играл епископ Ива Эдесский при котором школа стала центром несторианства. После осуждения Нестория на Третьем Вселенском соборе подозрение в ереси легло на всю восточно-сирийскую школу. Школу в Эдессе охватили религиозные споры, в результате чего в 489 году она была объявлена очагом несторианской ереси и закрыта по приказу императора Зенона. За несколько лет до официального закрытия один из ее лидеров Нарсай Нисибийский (около 399-около 502) и все, кто являлся последователями несториан, уехали в Нисибин, где сформировали Нисибийскую школу, ставшую одним из крупнейших духовных центров сирийской церкви [5, с. 528–529].

О жизни Нарсая известно несколько больше, нежели о судьбах его предшественников. Биографические данные содержатся в сочинениях VI и VII вв. «Причина основания школ» и «Церковная история» Бар-Хадбшаббы Халванского. О Нарсае также говорит Григорий Бар Эвройо и арабский труд

«Хроника Сеерта». Известно, что Нарсай родился около 399 года в селении Айн-Дулба, около Маалта в провинции Бет Нухадра Сасанидской империи. После смерти родителей, в возрасте 16 лет он прибыл в монастырь Кефар, в котором настоятелем был его дядя Эммануил. Здесь он занялся преподаванием, а после отправился в Эдессу. По распоряжению своего дяди Нарсай был вынужден временно вернуться в Кефар, однако через год вернулся в Эдессу (ряд авторов (Н.В. Пигулевская, К.А. Баумштарк) считают упоминание о втором возвращении Нарсая ошибкой в источнике). Избрание Нарсая руководителем Эдесской школы относят к 437 году, однако подробностей его руководства не сохранилось.

Нарсай стал одним из участников полемики, которая развернулась в школе между монофизитами и диофизитами, заняв диофизитскую сторону. Это обстоятельство, а также тот факт, что его считали сторонником персов, вынудило Нарсая переехать в Нисибин, где его тепло принял диофизитский епископ Бар Саума. Датировки переезда разнятся от 435 до 489 года [6, с. 525]. Школу в Нисибине он возглавлял недолго, поскольку у него случился конфликт с Бар Саумой и его женой. Нарсай переехал в Кефар, где пять лет был настоятелем монастыря. Наметившееся перемирие с Бар Саумой послужило поводом обратно вернуться в Нисибин. Следует заметить, что окончательного примирения так и не произошло. Последние годы жизни Нарсая приходятся на военный конфликт между Византией и Персией. Персы считали, что Нарсай шпионил в пользу Византии и даже рассматривался вопрос о наказании. Однако персидскому царю Каваду I были представлены проиранские сочинения Нарсая и вопрос с обвинением был снят.

О преемниках Нарсая на посту руководителя школы известно немного. Перечислим основных из них: Елисей бар Косбайе (руководил школой в течение семи лет в период отъезда Нарсая), Авраам Бет Раббанский (вступил в руководство школой около 503 г. после смерти Нарсая), Ишояб (569–571), Авраам Нисибийский бар Кардаха (руководил один год), Хнана Адиабенский.

Сохранились сведения об Аврааме Бет Раббанском и Хнане Адиабенском. Авраам обучался у Нарсая и предположительно был его родственником. Возглавлял школу в течение 60 лет. По своим взглядам был диофизитом. Хнана родился в Адиабене (государство в Северной Месопотамии) и обучался в Нисибине в период ректорства Авраама. По своим взглядам был противником несториан и сторонником халкидонян (или близкого течения) за что был изгнан из города епископом Павлом, однако по

распоряжению персидского царя вернулся в город и возглавил школу, которой управлял до своей смерти в 610 году. Сохранившиеся трактаты нелестным образом отзываются о Хнане, поскольку до нас дошли лишь труды его оппонентов. Однако в Synodicon Orientale говорится о его смирении, скромности и исключительных преподавательских способностях [1, p. 287].

В заключении следует сказать, что в VII веке начался упадок школы, который большая часть исследователей связывает с христологическими взглядами Хнаны. Дальнейшее догматическое развитие Восточной Церкви стало результатом борьбы со взглядами Хнаны и его сторонников. Руководители школы сформировали серьезный базис, который был положен в основу развития интеллектуальной традиции Восточной Церкви.

Литература

1. *Chabot J.B.* Synodicon orientale ou recueil de synodes nestoriens. P.: Imprimerie Nationale, 1902.

2. *Матулис Т.Н.* Философы и христианские школы в малой Азии в начале нашей эры // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2004. № 1. С. 15–26.

3. *Мячин С.В.* Структура и образовательный процесс Эдесско-Нисибинской школы // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2022. № 1 (22). С. 32–37.

4. *Пигулевская Н.В.* Культура сирийцев в средние века. М.: Наука, 1979.

5. *Саврей В.Я.* Александрийская школа в истории философско-богословской мысли: монография. 3-е изд. М.: КомКнига, 2011.

6. *Сидоров А.И.* Богословские школы Древней Церкви // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. V. М., 2002. С. 525–530.

Фроловский Д.А.

Московский педагогический
государственный университет

Теория мифологической школы в условиях пропаганды воинствующего атеизма

Аннотация. Целью статьи является изучение проблемы сращивания идеологической доктрины «воинствующего атеизма» продвигаемой советским государством и теории отрицающей историчность Иисуса Христа. Актуальность исследования заключается в междисциплинарном подходе, рассматривающим формирование ранней советской историографии через призму идейных влияний. Автор доказывает тезис о тенденциозности господствующего в 20-30-е гг. взгляда на ранее христианство, обусловленного идеологической повесткой и предвзятому подходу к изучению исторических источников

Ключевые слова*:* раннее христианство, мифологическая школа, воинствующий атеизм, советская историография, марксизм.

Frolovskiy D.A.

MPSU

The theory of the Mythological School in the context of the propaganda of militant atheism

Abstract. The purpose of the article is to study the problem of merging the ideological doctrine of "militant atheism" promoted by the Soviet state and the theory denying the historicity of Jesus Christ. The relevance of the research lies in an interdisciplinary approach that examines the formation of early Soviet historiography through the prism of ideological influences. The author proves the thesis about the tendentiousness of the view of Christianity that prevailed in the 20-30s, conditioned by an ideological agenda and a biased approach to the study of historical sources.

Keywords*:* early Christianity, mythological school, militant atheism, Soviet historiography, Marxism.

Установление советской власти ознаменовало собой начало создания «нового общества», что предполагало переустройство всех элементов общественной жизни. В соответствие с этим важнейшими пунктами реализации идеологической программы большевиков должны были стать реорганизация науки и борьба с «религиозными пережитками». Выход статьи В.И. Ленина «О значении воинствующего материализма» (1922) и распространение пропаганды «Союза воинствующих безбожников» стали теми условиями, в которых зарождалась советская историография.

Статья В.И. Ленина легла в основу формирования советского подхода к изучению раннего христианства, а точнее, дала те основополагающие тезисы, которые вследствие усиления идеологического контроля должны были быть учтены в исследованиях. Особое внимание в работе Ленин уделяет трудам Артура Дрейвса, одного из ведущих представителей «мифологической школы» автора книги «Миф о Христе», в которой отрицается реальность существования личности Иисуса Христа. Тезис о том, что Христа в принципе не существовало, показался Ленину удачным для дела усиления атеистической пропаганды. Поэтому в статье он прямо пишет, что «Союз с Древсами в той или иной форме в той или иной степени обязателен для нас в борьбе с господствующими религиозными мракобесами» [4, с. 28].

После выхода статьи на протяжении 20-х гг. были выпущены шесть трудов самого Артура Дрейвса, а исследования по раннему христианству начали пополняться уже советскими работами разной степени академичности. Стоит отметить работу Н.А. Куна «Происхождение христианства» и публикации В.С. Рожицына, Е.М. Ярославского, Н.В. Румянцева, И.М. Лобачева, В.Г. Богораз-Тана и др. Распространению работ популяризирующих «мифологическую школу» способствовала активная деятельности «Союза воинствующих безбожников» через такие пропагандистские журналы как «Атеист», «Безбожник», «Антирелигиозник» и ряд других [8, с. 23–24].

Для понимания общей направленности развития советской историографии приведем истоки заимствований и основные тезисы, отмеченные в работах. Идеи, представленные указанными деятелями, не являются оригинальными. Они тенденциозно повторяют уже звучавшие. Исследователь вопроса О.В. Метель справедливо отмечает, что «безусловным источником идейных влияний должна быть признана западная историографическая традиция, где с XVII в. началось развитие критического подхода к новозаветной истории» [7, с. 28–29].

Выделим два основных источника идей для формирующейся советской историографии по раннему христианству. Первым источником заимствования, особенно популярным в среде пропагандистов, стала французская историография эпохи Просвещения. Связана она с такими именами, как Вольтер, П.А. Гольбах и С. Марешаль, которые находили библейские тексты во многом лишенными здравого смысла и призывали дать им оценку с материалистической точки зрения [7, с. 29–30]. Вторым основным источником стали идеи западноевропейской, преимущественно немецкой, историографической традиции XIX в. Для зарождающейся советской историографии Б. Бауэр стал одним из основных авторитетов. Ученый писал о философских основах христианства в греко-римском мире, указывая на сходства с учением Филона и Сенеки. Вместе с тем немецкий ученый выявлял и материальные причины его происхождения: политическое разочарование, возникшее после подавления Римом всякой демократии и проведения им политики нивелирования положения в провинциях. А главное, развивал тезис о зависимости христианства от восточных языческих культов, в частности, что Иисус есть лишь умирающий и воскресающий Бог, «очеловеченный» первыми христианами [9, с. 293] Несмотря на критику Ф. Энгельса ряда положений Бауэра, его концепция практически целиком отражена в работах ранних советских исследователей [7, с. 31].

Резюмируем общую направленность развития советского подхода к изучению раннего христианства, выделив четыре основных тезиса. Первый: отрицание историчности Иисуса Христа и таких личностей, как Иоанн Креститель, Дева Мария, апостол Павел. Следующий – это утверждение, что Евангелие является собранием различных легенд и мифов, имеющих корни в восточных культах, главным образом в идее об умирающих и воскресающих богах-спасителях. Третьим выделим проблему датировки новозаветных текстов, которая активно использовалась в антирелигиозной концепции советских исследований. Вслед за Ф. Энгельсом советские историки признают первой книгой христианского канона Апокалипсис (ок. 69 г. н.э.), тем самым сдвигая время появления остального корпуса текстов. Послания Павла датируются рубежом I и II вв., Евангелие от Иоанна нач. II в. и затем, синоптические Евангелия сер. II в. [1, с. 78]. Таким образом, выстраивается система, подтверждающая выводы мифологической школы. Ее очень точно обобщил Г.М. Лившиц, на основе позиции Н.В. Румянцева «В Откровении Иоанна образ Иисуса Христа носит черты мифологического существа, а не реального человека. В павловых посланиях Иисус – это божество, сын божий, но он уже наделен человеческими чертами. <…> Как утверждает Н.В.

Румянцев, в первой половине II в. была проведена христианами окончательная историзация Иисуса Христа» [6, с. 259]. И четвертым тезисом стоит отметить так называемое «saeculi silentium» – «молчание века», то есть отсутствие аутентичных упоминаний об Иисусе Христе у ранних нехристианских авторов. Традиционные свидетельства античных писателей (Иосифа Флавия, Светония, Тацита, Плиния, полемические отрывки из Талмуда) обычно считались советскими учеными позднейшими христианскими интерполяциями [2, с. 19–20].

Параллельно с тем, как завоевывали в научной среде позиции мифологической школы, шла и усиленная атеистическая пропаганда в народных массах, что справедливо отмечается в работе М.М. Кубланова.

Такие деятели компартии, как «Н.К. Крупская, И.И. Скворцов-Степанов, А.В. Луначарский, П.А. Красиков, В.Д. Бонч-Бруевич публикуют работы, ведут публичные диспуты, выступают с лекциями, в которых пропагандируется марксистский взгляд на религию… знакомят широкие круги общества с марксистской проблематикой истории возникновения христианства» [3, с. 206]. Этот период даже в советской науке характеризуется временем упадка академических исследований и грубого идеологического давления на науку, как отмечает Я.А. Ленцман: «С середины 20-х годов в нашей науке безраздельно господствовала точка зрения мифологической школы, причем с течением времени признание мифичности евангельского героя стало считаться чуть ли не равнозначным марксистскому взгляду на происхождение христианства» [5, с. 181–182].

Из вышесказанного мы понимаем, что направленность исследований шла в унисон с политической пропагандой атеизма. Как в народных массах, так и в академическом сообществе завоевывали свои позиции восприятия Христа как мифического персонажа и Священного Писания как набора мифов и легенд. Таков были условия развития советской историографии.

Однако важно отметить, что 20-е гг. являются только подготовкой к формированию единой концепции возникновения раннего христианства, отвечающей идеологии партии. Дело в том, что в те годы еще могла проявлять себя традиционная школа, продолжавшая взгляды дореволюционных библеистов. Такие ученые как Н.М. Никольский и С.А. Жебелев придерживались традиционной датировки корпуса новозаветных книг, то есть относят их появление ко времени жизни апостолов. Также, историки были согласны во мнении, что в текстах Евангелий можно найти следы более ранней устной традиции, относящейся к самому Иисусу. По их мнению,

историчность личности Учителя вообще не несет в себе проблематики и признается самоочевидной [1, с. 77].

Для понимания формирования направленности советской историографии также стоит рассмотреть тот факт, что в самой среде ученых-марксистов в 20-х гг. не было единодушия в вопросах происхождения раннего христианства. Например, в это время была популярна теория К. Каутского. Основной тезис ее в том, что христианство зарождалось как «революционное» движение против социальной несправедливости, что вполне соотносится со взглядами Ф. Энгельса на раннехристианские общины как имеющие коммунистическое устройство [13, с. 7–13]. Однако на фоне роста популярности мифологической школы после высказанного Лениным пожелания «союза с Древсами» указанные тезисы были объявлены, как ни странно, «ревизией марксизма» [7, с. 33]. В этом плане 20-е гг. мы можем охарактеризовать как более свободные для развития различных трактовок и дискуссий касательно темы.

Слом относительной свободы начался в конце 20-х гг. и связан с ужесточением сталинского режима. Партийный аппарат уже принудительно стремился взять контроль над исторической наукой и выстроить единственно верную методологию исследований в соответствии с курсом партии. В особенности после выхода работы И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» (1931) где давалось понять, что постановка проблем в исторической науке – дело партии [12, с. 84–102].

Наиболее острая дискуссия разразилась в 1930-31гг., когда ученые-марксисты стремились выработать единую марксистскую концепцию по вопросам происхождения христианства. В этот период стоит выделить такие фамилии, как М. Енишерлов, Н.П. Токин, В. Соловьев. Ученые выступили с докладами, предлагающими свое видение марксистского понимания раннехристианской истории. Необходимо отметить, что дискуссии не затрагивали непосредственно исторические вопросы. Это была попытка выработки наиболее верного марксистского подхода к изучению конкретного исторического периода, что справедливо отмечает О.В. Метель в своей работе [8, с. 39]. Исследователи в своих докладах опирались именно на историографию вопроса, не касаясь проблем изучения первоисточников.

Призыв к изучению источников начался с доклада А.Б. Рановича, а его концепция определила «генеральную линию» марксистской исторической науки. С работ этого ученого начинается советская академическая школа в вопросе изучения Нового Завета [6, с. 259]. Отталкиваясь от тезисов Карла Маркса, что происхождение религии следует искать в социальных

отношениях, ученый сосредоточился на изучении папирусов и эпиграфики, с помощью которых стоило проверять литературные памятники. Затем переходить к новозаветной и апокрифической литературе, главным образом апокалиптической, сравнивая ее идеи с прежде существующими верованиями, которые могли бы стать базой для появления христианства.

Его идеи полностью отражали взгляды мифологической школы в вопросе историчности Христа: «Можно считать научно вполне установленным, Иисус Христос – существо мифическое. Он не основатель религии, который своими невежественными и легковерными поклонниками возведен в ранг бога и наделен сверхчеловеческими чертами, как это хотят изобразить либеральные богословы. Напротив, Иисус – божество, впоследствии наделенное человеческими чертами, земной биографией», – пишет А.Б. Ранович [10, с. 237].

Взаимодействие партийных пропагандистов и нового поколения историков привели к появлению советского академического осмысления раннего христианства, полностью совпадающего с мировоззрением партии. Впоследствии идеологическую основу идей А.Б. Рановича точно опишет И.С. Свенцицкая: «Позиция А.Б. Рановича в отношении ряда проблем истории раннего христианства отразила не только современный ему уровень развития науки, но и определенные политические тенденции середины 30-х годов. <…> В его работах можно встретить отзвуки примитивной антирелигиозной пропаганды 20–30-х годов. Сама борьба вокруг проблемы историчности Иисуса, Иоанна Крестителя, Павла, Петра носила в то время… не столько научный, сколько политический характер» [11, с. 12].

Подводя общий итог, мы приходим к выводу, что становление советской исторической науки, в частности в вопросах истории раннего христианства, было тесно связано с идеологической доктриной новой власти. Вследствие проведения советской властью пропаганды идей «воинствующего атеизма» в научной среде особенно распространились теории мифологической школы, отрицающая историчность новозаветных персоналий. Если в 20-е гг. наблюдается поиск точек соприкосновения и попыток найти наиболее актуальные в текущих условиях методы и подходы к изучению истории раннего христианства и его оценки, то к середине 30-х гг. складывается «единственно верная» методология, которая признается и поддерживается советским государством. Сращивание исторической науки и партийной идеологии, в частности, в вопросе оценок происхождения христианства также подтверждаются тем фактом, что отмеченные нами тезисы легли в

школьную и вузовскую программу по истории после возрождения в 1934 г. данного предмета в системе народного образования.

Справедливым будет заключить, что проблемы происхождения христианства к 1930-м гг. стали разрабатываться по определенному сценарию: пропагандисты занимались разработкой идеологической основы, откликаясь на новейшие идейные веяния, а историки старались представить подтверждающие данную основу факты.

Литература

1. *Андреев А.В.* Дискуссия об историчности Иисуса Христа в советском религиоведении // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2015. № 2 (58). С. 73–88.
2. *Кащаева М.В.* «Теория интерполяции» в новейшей отечественной историографии раннего христианства // Известия АлтГУ. 1999. № 4. С. 19–23.
3. *Кубланов М.М.* Возникновение христианства. Эпоха. Идеи. Искания. М., 1974.
4. *Ленин В.И.* О значении воинствующего материализма // Он же. Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1977.
5. *Ленцман Я.А.* Сравнивая евангелия. М., 1967
6. *Лившиц Г.М.* Очерки историографии Библии и раннего христианства. Минск, 1970.
7. *Метель О.В.* «Отвергнутая классика». Советская историография первоначального христианства сквозь призму идейных влияний. Исторический ежегодник. 2012: сб. науч. тр. Новосибирск, 2012. С. 20–33.
8. *Метель О.В.* Советская модель изучения раннего христианства (1920–1990). Омск, 2012.
9. *Петрова А.Г.* Б. Бауэр – историк раннего христианства // Вопросы научного атеизма. М., 1966. Вып. 2. С. 282–311.
10. *Ранович А.Б.* Очерк истории раннехристианской церкви // Он же. О раннем христианстве. М., 1959.
11. *Свенцицкая И.С.* Источники по истории раннего христианства в работах А.Б. Рановича // Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990.
12. *Сталин И.В.* О некоторых вопросах истории большевизма // Сталин В.И. Сочинения: в 16 т. Т. 13. М., 1951. С. 84–102
13. *Энгельс Ф.* Книга откровения // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 21. С. 7–13.

Информация об авторах

Абдулманова Ирина Валерьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. E-mail: zajcevil@mail.ru

Анисимов Константин Александрович, преподаватель кафедры истории и археологии ТГПУ им. Л. Н. Толстого; аспирант кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». E-mail: anisimov.cos@yandex.ru

Болгов Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; главный научный сотрудник НИИ истории Византии и Причерноморья, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь. E-mail: bolgov65@mail.ru

Болгова Анна Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. https://orcid.org/0000-0001-8510-093X

Гвоздева Инна Андреевна, доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: innagvozdeva@mail.ru.

Гвоздева Татьяна Борисовна, доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной литературы, Литературный институт им. А.М. Горького; доцент кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук, РУДН. E-mail: tbgvozdeva@rambler.ru.

Жестоканов Сергей Михайлович, доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ. E-mail : sergey-zhestokanov@yandex.ru

Зотов Дмитрий Викторович, аспирант кафедры всеобщей истории Государственного университета просвещения. E-mail: zotdmitvik@yandex.ru

Карлова Ксения Федоровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН. E-mail: kseniadom87@mail.ru

***Каталкин Иван Игоревич*,** ассистент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова, Исторический факультет, Институт истории и политики, МПГУ. E-mail: katalkin.iva13@mail.ru

Кислый Александр Евгеньевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (kisly.a@mail.ru)

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

***Клемешов Алексей Станиславович*,** кандидат исторических наук, доц., доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков МГОУ. E-mail: klemeshovas@mail.ru

Князький Игорь Олегович, доктор исторических наук, профессор, профессор Московского экономического института. E-mail: knyazkiy@bk.ru.

Коровчинский Иван Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения (Москва). E-mail: korin3@yandex.ru

Куликова Юлия Викторовна, доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семенова, Исторический факультет, Институт истории и политики МПГУ. E-mail: glanam_yul@mail.ru

Левин Никита Игоревич, ассистент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семенова, Исторический факультет, Институт истории и политики МПГУ, аспирант. E-mail: n.i.levin98@gmail.com

Левтеева Лариса Георгиевна, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного музея истории Узбекистана. Тел.: + 99891 1918133.

Лихошерстов Вячеслав Александрович, аспирант кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: likhosherstov999@yandex.ru

Лысенкова Анастасия Александровна, ст. преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков им. проф. В. Ф. Семенова, Исторический факультет, Институт истории и политики МПГУ, e-mail: zemskova_a@mail.ru

Малышев Алексей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом скифо-сарматской археологии ИА РАН, e-mail: maa64@mail.ru

Михайловский Федор Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семенова, Исторический факультет, Институт истории и политики МПГУ. E-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru

Никишин Владимир Олегович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: cicero74@mail.ru

***Николаева Надежда Алексеевна*,** кандидат исторических наук, доцент, Государственный университет просвещения, кафедра всеобщей истории факультета истории, политологии и права, профессор, e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Орехов Роман Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Центр египтологических исследований РАН. E-mail: radamant67@mail.ru

Солопов Никита Владимирович, магистрант Института классического востока и античности ФГН НИУ «ВШЭ», приглашенный преподаватель Школы исторических наук и Института классического востока и античности ФГН НИУ «ВШЭ». E-mail: nikitasolopov@yandex.ru

***Суриков Игорь Евгеньевич*,** доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций. E-mail: isurikov@mail.ru

Суровень Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: Yamato.ur@mail.ru

Таранова Полина Сергеевна, студент 4 курса Института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ». E-mail: polya.taranowa2516@yandex.ru

Фроловский Даниил Александрович, магистрант, Исторический факультет, Институт истории и политики МПГУ. E-mail: frolovskiy1612@gmail.com

Чикин Роман Алексеевич, стажер-исследователь Института археологии Крыма РАН. E-mail: roman.chikin.011@mail.ru

Information about the authors

Abdulmanova I.V., professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Doctor of Historical Science, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. E-mail: zajcevil@mail.ru

Anisimov K.A., lecturer at the Department of History and Archeology of the Tolstoy State Pedagogical University; postgraduate student at the Department of General History of the Belgorod State National Research University. E-mail: anisimov.cos@yandex.ru

Bolgov N.N., doctor of Sciences in History, Professor, Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia. Main Researcher, Research Institute of the History of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia. E-mail: bolgov65@mail.ru

Bolgova A.V., candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Chikin R.A., Intern researcher at the Institute of Archeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences. E-mail: roman.chikin.011@mail.ru

Frolovskiy D.A., master's student, Institute of History and politics, MPSU. E-mail: frolovskiy1612@gmail.com

Gvozdeva I.A., PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department History of the Ancient World Moscow State University named after M.V. Lomonosov (MSU), e-mail: innagvozdeva@mail.ru

Gvozdeva T.B., PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Literature, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing; PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: tbgvozdeva@rambler.ru

Karlova K.F., PhD in Historical Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kseniadom87@mail.ru

Katalkin I.I., assistant of the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages named after V.F. Semenov, MPSU. E-mail: katalkin.iva13@mail.ru

Kisly A.E., ScD in History, Head of Department of the Institute of Archeology of Crimea, Russian Academy of Sciences, e-mail: kisly.a@mail.ru

Kleymeonov A.A., doctor of historical sciences, senior researcher of History and Archeology department, Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University. E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

Klemeshov A.St., cand. Sci. (History), Department of World History, State University of Education. E-mail: klemeshovas@mail.ru

Kniazkiy I.O., doctor of Historical Sciences, Professor, Professor at the Moscow Institute of Economics. E-mail: knyazkiy@bk.ru

Korovchinskiy I.N., PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History of the Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education (Moscow). E-mail: korin3@yandex.ru

Kulikova J.V., PhD in History, Associate Professor of the Department of History of the Ancient World and Middle Ages named after V.F. Semenov, Institute of History and Politics, MPSU. E-mail: glanam_yul@mail.ru

Levin N.I., assistant of the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages named after V.F. Semenov, MPSU., postgraduate student. E-mail: n.i.levin98@gmail.com

Levteeva L.G., candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, State Museum the history of Uzbekistan + 99891 1918133.

Likhosherstov V.A., Postgraduate student of the Department of General History of the Faculty of History and Philology, Belgorod National Research University. E-mail: likhosherstov999@yandex.ru

Lysenkova A.A., Senior Lecturer, Department of History of the Ancient World and Middle Ages named after V.F. Semenov, Institute of History and Politics, MPSU. E-mail: zemskova_a@mail.ru

Malyshev A.A., cand. Sci. (History), Department of Scythian-Sarmatian Archaeology, Institute of Archaeology RAS. E-mail: maa64@mail.ru

Mikhailovsky F.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the department of History of the Ancient World and the Middle Ages named after V.F. Semenov, MPSU. E-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru

Nikishin V.O., Phd in History, Senior Lecturer of the Department of Ancient History, Moscow state University, faculty of history. E-mail: cicero74@mail.ru

Nikolaeva N.A., PhD (History), State University of Education, professor. E-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Orekhov R.A., Phd in History, Research Associate, CES RAS. E-mail: radamant67@mail.ru

Solopov N.Vl., master's student at the Institute of Classical Oriental and Antiquity of the Higher School of Economics, visiting lecturer at the School of Historical Sciences and the Institute of Classical Oriental and Antiquity of the Higher School of Economics. E-mail: nikitasolopov@yandex.ru)

Surowen D.A., PhD in History, Associate Professor, Department of History of state and law Ural State Law University. E-mail: igp@usla.ru Yamato.ur@mail.ru

Surikov I.E., doctor of Historical Sciences, Institute of World History, RAS, Chief Researcher of the Department of Comparative Studies of Ancient Civilizations. Email: isurikov@mail.ru

Taranova P.S., 4th year student of the Institute of Intercultural Communication and International Relations Belgorod State National Research. E-mail: University polya.taranowa2516@yandex.ru

Zhestokanov S.M., PhD in History, Associate Professor, Department of History of Ancient Greece and Rome, Institute of History, St. Petersburg State University (SPbSU), e-mail: sergey-zhestokanov@yandex.ru

Zotov Dm.V., postgraduate student of the Department of General History of the State University of Education. Email: zotdmitvik@yandex.ru

Научное издание

ДРЕВНИЙ МИР: ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Сборник научных статей

ANCIENT WORLD: HISTORIA AND ARCHAEOLOGY

Collection of scientific articles

Статьи публикуются в авторской редакции

Ответственный редактор Ю. В. Куликова
Фото на обложке Ю. В. Куликова
Дизайн обложки В. Г. Удовенко

Авторы несут ответственность за оригинальность и достоверность приведенных материалов, корректность цитирования и правильность указания источников

Московский педагогический государственный университет (МПГУ).
119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

Подписано в печать 19.05.2025. Формат 60x90/16.
Бум. офсетная. Печать цифровая. Объем 22,0 п. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 1721.

ISBN 978-5-4263-1541-9